

## Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

- |   |   |
|---|---|
| Автоматика и телемеханика*                                    | Микроэлектроника*   |
| Агрохимия   | Мировая экономика и международные отношения               |
| Азия и Африка сегодня   | Молекулярная биология*                                    |
| Акустический журнал*  | Наука в России  |
| Алгебра и анализ  | Научное приборостроение                                   |
| Астрономический вестник*                                      | Нейрохимия*   |
| Астрономический журнал*                                       | Неорганические материалы*                                 |
| Биологические мембраны*                                       | Нефтехимия*   |
| Биология внутренних вод*                                      | Новая и новейшая история                                  |
| Биология моря*  | Общественные науки и современность                        |
| Биоорганическая химия*  | Общество и экономика                                      |
| Биофизика*  | Океанология*  |
| Биохимия*   | Онтогенез*  |
| Ботанический журнал   | Оптика и спектроскопия*                                   |
| Вестник РАН*  | Палеонтологический журнал*                                |
| Вестник древней истории                                       | Паразитология   |
| Вестник ЮНЦ   | Петрология*   |
| Водные ресурсы*   | Письма в Астрономический журнал*                          |
| Вопросы истории естествознания и техники                      | Письма в Журнал технической физики*                       |
| Вопросы ихтиологии*   | Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики* |
| Вопросы философии   | Поверхность*  |
| Вопросы языкознания   | Почвоведение*   |
| Восток  | Приборы и техника эксперимента*                           |
| Вулканоология и сейсмология*                                  | Прикладная биохимия и микробиология*                      |
| Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*                 | Прикладная математика и механика                          |
| Генетика*   | Природа   |
| Геология рудных месторождений*                                | Проблемы Дальнего Востока                                 |
| Геомагнетизм и аэрономия*                                     | Проблемы машиностроения и надежности машин*               |
| Геоморфология   | Проблемы передачи информации*                             |
| Геотектоника*   | Программирование*   |
| Геохимия*   | Психологический журнал                                    |
| Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология | Радиационная биология. Радиоэкология                      |
| Государство и право   | Радиотехника и электроника*                               |
| Дефектоскопия*  | Радиохимия*   |
| Дискретная математика   | Расплавы  |
| Дифференциальные уравнения*                                   | Растительные ресурсы                                      |
| Доклады Академии наук*  | Российская археология                                     |
| Журнал аналитической химии*                                   | Российская история  |
| Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова         | Российский иммунологический журнал                        |
| Журнал вычислительной математики и математической физики*     | Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова     |
| Журнал неорганической химии*                                  | Русская литература  |
| Журнал общей биологии   | Русская речь  |
| Журнал общей химии*   | Сенсорные системы   |
| Журнал органической химии*                                    | Славяноведение  |
| Журнал прикладной химии*                                      | Социологические исследования                              |
| Журнал технической физики*                                    | Стратиграфия. Геологическая корреляция*                   |
| Журнал физической химии*                                      | США. Канада. Экономика - политика - культура              |
| Журнал эволюционной биохимии и физиологии*                    | Теоретическая и математическая физика                     |
| Журнал экспериментальной и теоретической физики*              | Теоретические основы химической технологии*               |
| Записки Российского минералогического общества                | Теория вероятностей и ее применение                       |
| Земля и Вселенная   | Теплофизика высоких температур*                           |
| Зоологический журнал  | Труды Математического института имени В.А. Стеклова*      |
| Известия РАН. Механика жидкости и газа*                       | Успехи математических наук                                |
| Известия РАН. Механика твердого тела*                         | Успехи современной биологии                               |
| Известия РАН. Серия биологическая*                            | Успехи физиологических наук                               |
| Известия РАН. Серия географическая                            | Физика Земли*   |
| Известия РАН. Серия литературы и языка                        | Физика и техника полупроводников*                         |
| Известия РАН. Серия математическая                            | Физика и химия стекла*                                    |
| Известия РАН. Серия физическая*                               | Физика металлов и металловедение*                         |
| Известия РАН. Теория и системы управления*                    | Физика плазмы*  |
| Известия РАН. Физика атмосферы и океана*                      | Физика твердого тела*                                     |
| Известия РАН. Энергетика                                      | Физикохимия поверхности и защита материалов*              |
| Известия русского географического общества                    | Физиология растений*                                      |
| Исследование Земли из космоса                                 | Физиология человека*                                      |
| Кинетика и катализ*   | Функциональный анализ и его применение                    |
| Коллоидный журнал*  | Химическая физика*  |
| Координационная химия*  | Химия высоких энергий*                                    |
| Космические исследования*                                     | Химия твердого топлива*                                   |
| Кристаллография*  | Цитология*  |
| Латинская Америка   | Человек   |
| Лесоведение   | Экология*   |
| Литология и полезные ископаемые*                              | Экономика и математические методы                         |
| Математические заметки*                                       | Электрохимия*   |
| Математический сборник  | Энергия, экономика, техника, экология                     |
| Математическое моделирование                                  | Этнографическое обозрение                                 |
| Микология и фитопатология                                     | Энтомологическое обозрение*                               |
| Микробиология*  | Ядерная физика*   |

\* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ  
АРХЕОЛОГИЯ<http://www.naukaran.ru>

"НАУКА"

Российская академия наук

# РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2011

Журнал основан в январе 1957 г.  
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством  
Отделения историко-филологических наук РАН*

*Главный редактор*

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),  
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,  
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,  
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,  
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,  
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,  
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),  
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,  
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

*Заведующая редакцией*

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва  
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2011 г.  
© Редколлегия журнала "Российская археология"  
(составитель), 2011 г.

**ПОДПИСКА-2012**  
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

**ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ**

1 Российские и зарубежные газеты и журналы  
2 Книги и учебники

**ПРЕС**  
1 РОС  
ИЗ  
ГАЗ  
ТОМ И Ж

**УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!**

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

# СОДЕРЖАНИЕ

---

---

## Номер 3, 2011

---

---

Опыт функционально-планиграфического анализа микродебитажа (по материалам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II) <i>Хамакава М., Александрова О.И.</i>	5
Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка <i>Кренке Н.А., Леонова Е.В., Мелекесцев И.В., Певзнер М.М.</i>	14
Об этнокультурных процессах на Средней Волге и в Прикамье в мезолите–неолите <i>Вискалин А.В.</i>	25
О критериях идентификации античных святилищ <i>Кузьмина Ю.Н.</i>	33
Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) <i>Куринских О.И.</i>	42
Особенности мужского и женского костюма майя классического периода (по материалам терракотовых статуэток) <i>Демичева И.Ю.</i>	55

---

## Археология Византийского периода: новые исследования

Проект “Византийский Иерихон”: работы 2010 г. и перспективы исследований <i>Беляев Л.А.</i>	71
Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы <i>Румянцева О.С.</i>	86
Ранневизантийский храм в Апамее Киботос (Динаре): предварительное сообщение о работах 2009–2010 гг. <i>Седов Вл.В.</i>	98
Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? <i>Афанасьев Г.Е.</i>	108
“Новая датировка” Софийского собора в Киеве: критика гипотезы <i>Архипова Е.И., Толочко А.П.</i>	120
Надписи и рисунки на стенах лестничной башни собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (Новгород) <i>Медынцева А.А.</i>	130
Новые данные об Успенском соборе в XIII–XVI вв. в Рубленом городе Ярославля <i>Энговатова А.В., Яганов А.В.</i>	141

---

## Публикации

Каменные челноки (неолит лесостепного Дона) <i>Смольянинов Р.В., Сурков А.В.</i>	151
Домостроительство летописного г. Снепород <i>Моргунов Ю.Ю.</i>	154

---

## Критика и библиография

- Пряхин А.Д. Доно-Донецкая степь–лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х годов XX в.). Воронеж, 2010  
*Горбунов В.С.* 164
- Новая книга по скифологии (Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровськ, 2009)  
*Медведев А.П.* 166
- Robert G. Ousterhout. A Byzantine settlement in Cappadocia (Dumbarton Oaks Studies, XLII). Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D.C., 2005  
*Беляев Л.А., Григорян С.Б.* 167
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи единого государства. Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008  
*Юшко А.А.* 172
- Tingley N.* Arts of ancient Viet Nam: from river plain to open sea. With essays by Andreas Reinecke, Pierre – yves Manguin, Kerry Nguyen-Long, Nguyen Dinh Chien. Houston, 2009  
*Захаров А.О.* 177
- 

## Хроника

- Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д., 2009  
*Гаврилюк Н.А.* 180
- Международная научная конференция “Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура” (Курск, 2009)  
*Шилёв А.Г.* 181
- К юбилею Бориса Андреевича Шрамко  
*Скорый С.А., Алексеев А.Ю., Яблонский Л.Т.* 185
- Путь к призванию (к юбилею Мусы Багаева)  
*Козенкова В.И.* 188
- К 70-летию со дня рождения Ю.Н. Воронова (1941–1993)  
*Бгажба О.Х.* 190
- Список сокращений 192
- 
- 

Сдано в набор 15.04.2011 г. Подписано в печать 22.06.2011 г. Формат бумаги 60 × 88<sup>1</sup>/<sub>8</sub>  
Цифровая печать Усл.печ.л. 24.0 Усл.кр.-отт. 14.4 тыс. Уч.-изд.л. 25.6 Бум.л. 12.0  
Тираж 586 экз. Зак. 1556

---

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

---

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

# CONTENTS

---

---

Number 3, 2011

---

---

A functional and planigraphic analysis of microdebitage (based on the materials from Kamennaya Balka II Upper Paleolithic site)	
<i>Hamakawa M., Aleksandrova O.I.</i>	5
New data on the stratigraphy of the Ushki sites in the valley of the river Kamchatka	
<i>Krenke N.A., Leonova E.V., Melekestsev I.V., Pevzner M.M.</i>	14
About ethnic and cultural processes in the mid-Volga and Kama regions in the Mesolithic and the Neolithic	
<i>Viskalin A.V.</i>	25
On the criteria for identifying classical sanctuaries	
<i>Kuzmina Yu.N.</i>	33
Arrowheads from the early nomads of the Ilek Left Bank, 6 <sup>th</sup> – 1 <sup>st</sup> cc. BC (based on the materials from the burial grounds near Prokhorovka)	
<i>Kurinskikh O.I.</i>	42
Specific features of Mayan men's and women's costume from the Classic period (based on the study of terracotta figurines)	
<i>Demicheva I.Yu.</i>	55

---

## Archaeology of the Byzantine Period: recent studies

Byzantine Jericho Project – 2010: recent excavations and new perspectives	
<i>Beliaev L.A.</i>	71
The glass-making industry in Roman times and in the Early Middle Ages: sources, facts and hypotheses	
<i>Rumiantseva O.S.</i>	86
Early Byzantine temple in Apameia Kibotos (Dinar): a preliminary report on the 2009–2010 investigations	
<i>Sedov V.V.</i>	98
Who built the fortress of Levoberezhnoye Tsimlyanskoye?	
<i>Afanasyev G.E.</i>	108
The “new date” for the St. Sophia cathedral in Kiev: a critique of the hypothesis	
<i>Arkipova E.I., Tolochko A.P.</i>	120
Inscriptions and drawings on the walls of the stair turret in the cathedral of the Nativity of the Blessed Virgin in the monastery of St. Anthony in Novgorod	
<i>Medyntseva A.A.</i>	130
New data in 13–17 cc. cathedral of the Dormition in Yaroslavl about	
<i>Engovatova A.V., Yaganov A.V.</i>	141

---

## Publications

Stone shuttles (the Neolithic of the Don forest-steppe)	
<i>Smolyaninov R.V., Surkov A.V.</i>	151
Housebuilding in the ancient town of Sneporod	
<i>Morgunov Yu.Yu.</i>	154

---

## Critics and bibliography

Pryakhin A.D. The Don-Donets steppe and forest-steppe in the Bronze Age. A history of study. In two volumes. Voronezh, 2008, 2010 <i>Gorbunov V.S.</i>	164
A new book on Scythology (Romashko V.A., Skory S.A. Bliznets-2: an aristocratic Scythian kurgan on the Dnieper right-bank Nadporozh'ye. Dnepropetrovsk, 2009) <i>Medvedev A.P.</i>	166
Robert G. Ousterhout. A Byzantine settlement in Cappadocia (Dumbarton Oaks Studies, XLII). Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D.C., 2005 <i>Beliaev L.A., Grigorian S.B.</i>	167
A.B. Mazurov, A.Yu. Nikandrov. The Russian udel during the period of the unified state. The Serpukhov principality in the middle of the 14 <sup>th</sup> – first half of the 15 <sup>th</sup> c. Moscow, 2008 <i>Yushko A.A.</i>	172
<i>Tingley N.</i> Arts of ancient Viet Nam: from river plain to open sea. With essays by Andreas Reinecke, Pierre – yves Manguin, Kerry Nguyen-Long, Nguyen Dinh Chien. Houston, 2009 <i>Zakharov A.O.</i>	177

---

## Chronicle

International relations in the Black Sea littoral in Scytho-Classical and Khazar times. Rostov-on-Don, 2009 <i>Gavrilyuk N.A.</i>	180
International scientific conference The Medieval Town of Southeastern Rus: Emergence, Development and Material Culture (Kursk, 2009) <i>Shpilev A.G.</i>	181
To the jubilee of Boris Andreevich Shramko <i>Skory S.A., Alekseev A.Yu., Yablonsky L.T.</i>	185
The path to the vocation (to the jubilee of Musa Bagaev) <i>Kozenkova V.I.</i>	188
To commemorate the 70 <sup>th</sup> anniversary of Yu.N. Voronov (1941–1993) <i>Bgazhba O.Kh.</i>	190
List of abbreviations	192

---

---

## ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МИКРОДЕБИТАЖА (по материалам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II)

© 2011 г. М. Хамакава\*, О.И. Александрова\*\*

\* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

\*\* Институт археологии РАН, Москва (adamena@mail.ru)

Ключевые слова: *трасология, планиграфия, эксперимент, микроизнос, микродебитаж, скребок, микроскол, заполировка, линейные следы, микрорельеф.*

The article presents a functional and planigraphic analysis of the microdebitage from the northeastern part of Kamennaya Balka II Upper Paleolithic site. Traceological study of the scrapers found at the location allowed identifying a block of microtraces which is identical to the one observed on the microdebitage. The specific features of the cutting edge of the scrapers and of the microspalls allowed identifying a group of objects which showed traces of work with hides. The spatial distribution of the scrapers and the microdebitage follows common regularities. Planigraphic analysis of the microdebitage revealed a circular structure, part of which is a concentration of microspalls showing traces of work with hides. That concentration is where most of the scrapers have been found. The identical signs of wear on the microdebitage objects and the scrapers, as well as the fact that they tend to be located near a patch of red ochre, allow assuming that hides were worked at that part of the site. The herein presented method of analyzing flint material allows identifying the locations of specific activities and undetected objects in the occupation layer.

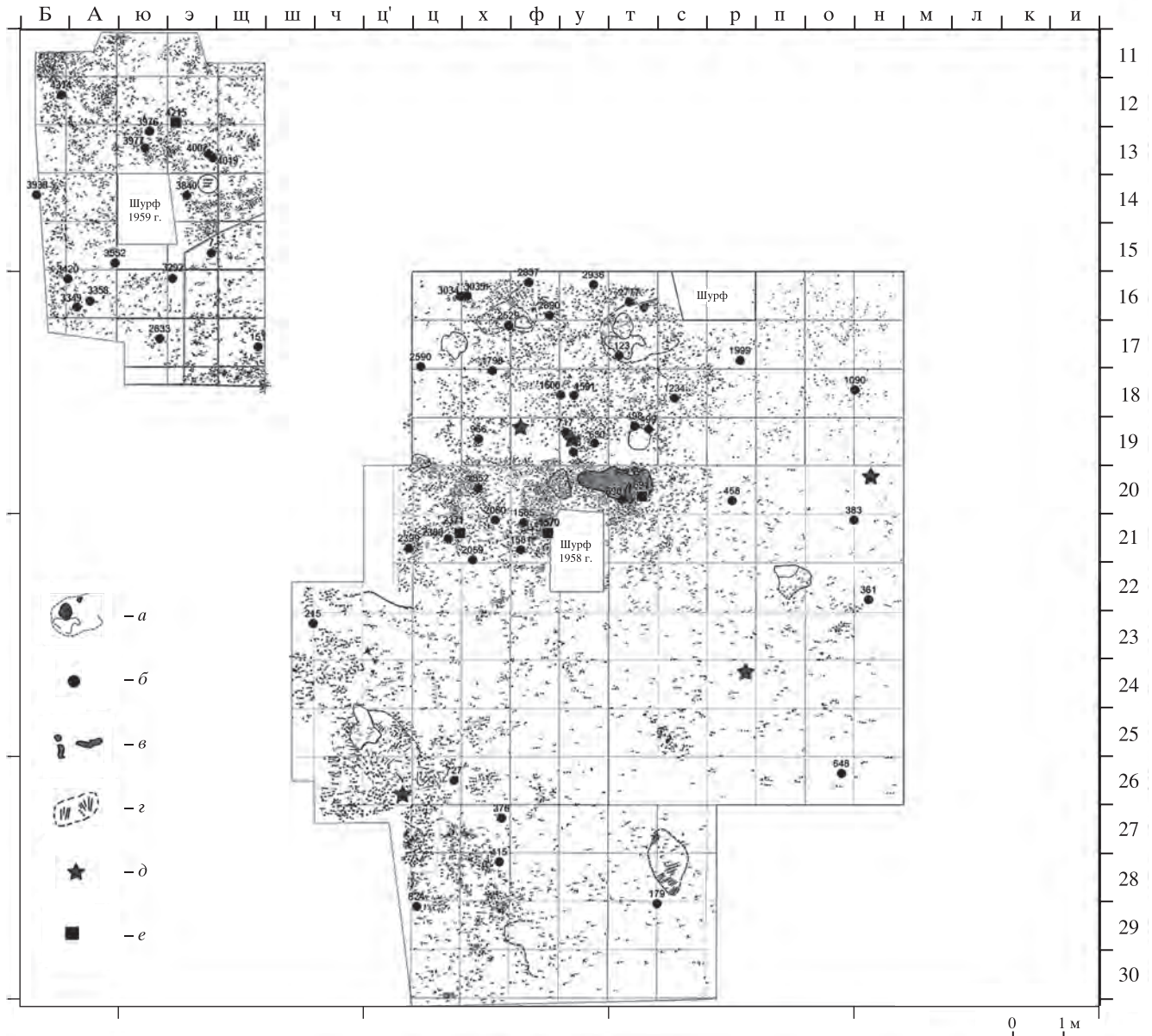
Комплексный анализ микродебитажа – важный аспект изучения археологических памятников, играющий большую роль при выявлении специфических зон хозяйственной деятельности или “скрытых структур” культурного слоя (Леонова, 1983. С. 104–110). Основной целью проделанной работы стал функционально-планиграфический анализ микродебитажа на участке верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II, включающий в себя три аспекта изучения: классификацию микродебитажа, его трасологическое изучение и планиграфическое распределение. Одновременно были привлечены данные трасологического изучения скребков, найденных на этом же участке, что позволило выделить блок микроследов, идентичный наблюдаемому на предметах микродебитажа.

Верхнепалеолитическая стоянка Каменная Балка II, археологический материал которой использован для этой работы, расположена на правом борту урочища Каменная Балка в 1.5 км к северо-западу от хут. Недвиговка, Мясниковского р-на Ростовской обл. и была открыта М.Д. Гвоздовер в 1957 г. (Леонова и др., 2006). На памятнике выделяется три слоя: верхний; основной, к которому относятся описываемые материалы; и нижний. Здесь рассматривается участок жилой площадки, расположенной в северо-восточной части памятника, характеризую-

щийся высокой концентрацией кремневого и костного материалов, плотностью вмещающей породы, наличием нескольких очагов и ямок с вкопанными костями (рис. 1). Исследованный участок, по-видимому, – центральная часть большой жилой площадки, для которой характерно наличие разнообразной хозяйственной деятельности (Виноградова, 2009. С. 202–210). В статье используются материалы, полученные в ходе работ 2006–2009 гг. и происходящие из основного слоя памятника. Нами была предпринята попытка выделить и изучить следы износа на микросколах и сопоставить полученные данные со следами износа на одной из категорий орудий – скребках.

Предмет нашего исследования – микроизнос, наблюдаемый при трасологическом изучении микродебитажа и скребков. Конкретная задача этой статьи – выявление, изучение и атрибуция микроизноса от обработки мягких органических материалов, таких как шкуры. Благодаря специфическим признакам, наблюдаемым на кромке лезвия скребков и на микросколах, представляется возможным выделить группу предметов со следами работы по шкурам. В ходе трасологического анализа микродебитажа были выявлены также группы предметов с иным микроизносом. Однако дать интерпретации этого износа пока не представляется возможным.





**Рис. 1.** Сводный план распределения кремневого и костного материалов из основного слоя северо-восточного участка стоянки Каменная Балка II. Условные обозначения: *а* – очаги и причажные пространства; *б* – выделенные типологически скребки, подвергшиеся трасологическому анализу; *в* – пятна охры; *г* – граница зольности; *д* – ретушеры; *е* – выделенные типологически скребки, не подвергшиеся трасологическому анализу.

По этой причине в данной статье рассматривается только группа скребков и микросколов со следами работы по шурам. Интересно то, что эти признаки отмечены как на предметах микродебитажа, так и на скребках. На основании сопоставления микроизноса на скребках и предметах микродебитажа производилась попытка анализа планиграфического распределения этих предметов и изучения взаимосвязей их расположения.

Термин “микродебитаж” определяется исследователями по-разному (Fladmark, 1982; Hull, 1987. P. 772–783; Vance, 1987; Dannel, Stein, 1989. P. 31–42; Stein, Teltser, 1989. P. 1–30; Healan, 1995. P. 689–699; Okazawa, 1999. P. 91–101; Susino, 2007). Согласно определению К. Фледмарка, впервые его давшего, микродебитаж – это каменные сколы, полученные в процессе расщепления камня и имеющие размер менее 1 мм (Fladmark, 1982. P. 205–220). Дальней-



шее исследование выявило, что микродебитаж, который возможно точно идентифицировать, – это материалы размера, полученные при промывке на ситах с ячейкой 0.25 мм (Hull, 1987. Р. 772–783; Vance, 1987. Р. 58, 59). Максимальный размер варьирует, по данным разных исследователей, от 1 до 30 мм. Тем не менее в нашей работе термин “микродебитаж” применяется к мельчайшим кремневым сколам размером до 10 мм, которые бывают получены в результате промывки вмещающей культурный слой породы.

С 1982 г. на стоянках каменнобалковской археологической культуры проводится полная промывка вмещающей культурные отложения породы, в результате которой выделяется микродебитаж. При зачистке слоя каждый квадратный метр делится на четыре сектора (50×50 см) – А, В, С, D, и грунт отбирается для промывки соответственно по секторам. Весь отобранный грунт (плотные лёссовидные суглинки) промывается на ситах с ячейкой размером 0.8 мм (Хамакава, 2009. С. 23–41).

На плане исследуемого участка (рис. 2) показано общее распределение микродебитажа, который был получен в результате промывки 2006–2009 гг. Суммарное количество микродебитажа для исследуемого участка (200 м<sup>2</sup>) составляет около 55 тыс. предметов. Самые насыщенные сектора содержат более 1 тыс. мельчайших кремневых сколов.

Микродебитаж концентрируется в основном там, где расположены скопления культурных остатков, в особенности расщепленного кремня (рис. 1; 2).

На площади кв. ц–с/16–21 наблюдается большое скопление микродебитажа, располагающегося в виде кольцевидной структуры. Внутри выявленной структуры отмечаются участки с повышенной концентрацией микродебитажа. На кв. х/20, ф/20–21, с–т/18–19 имеются сектора, содержащие более 600 предметов микродебитажа. На кв. т–у/19–20 выделяются более темные пятна золы и пятно охры, иногда очень яркие и прокрашивающие поверхность на глубину до 3 см. Особенно много таких охристых пятен на кв. с–у/20, частично 21, где также выделяется большая концентрация микродебитажа. К сожалению, именно здесь располагался шурф 1958 г., который разрушил целостность скопления (кв. у–ф/21–22).

В юго-восточной части исследуемого участка также прослеживается компактная, но довольно мощная концентрация микродебитажа. В северных секторах кв. х/28 выделено более 1 тыс. мельчайших сколов. Кроме того, в юго-западной части (кв. А/16, э/13) и северной части участка (кв. о/16, н/17) наблюдается ряд скоплений микродебитажа, коли-

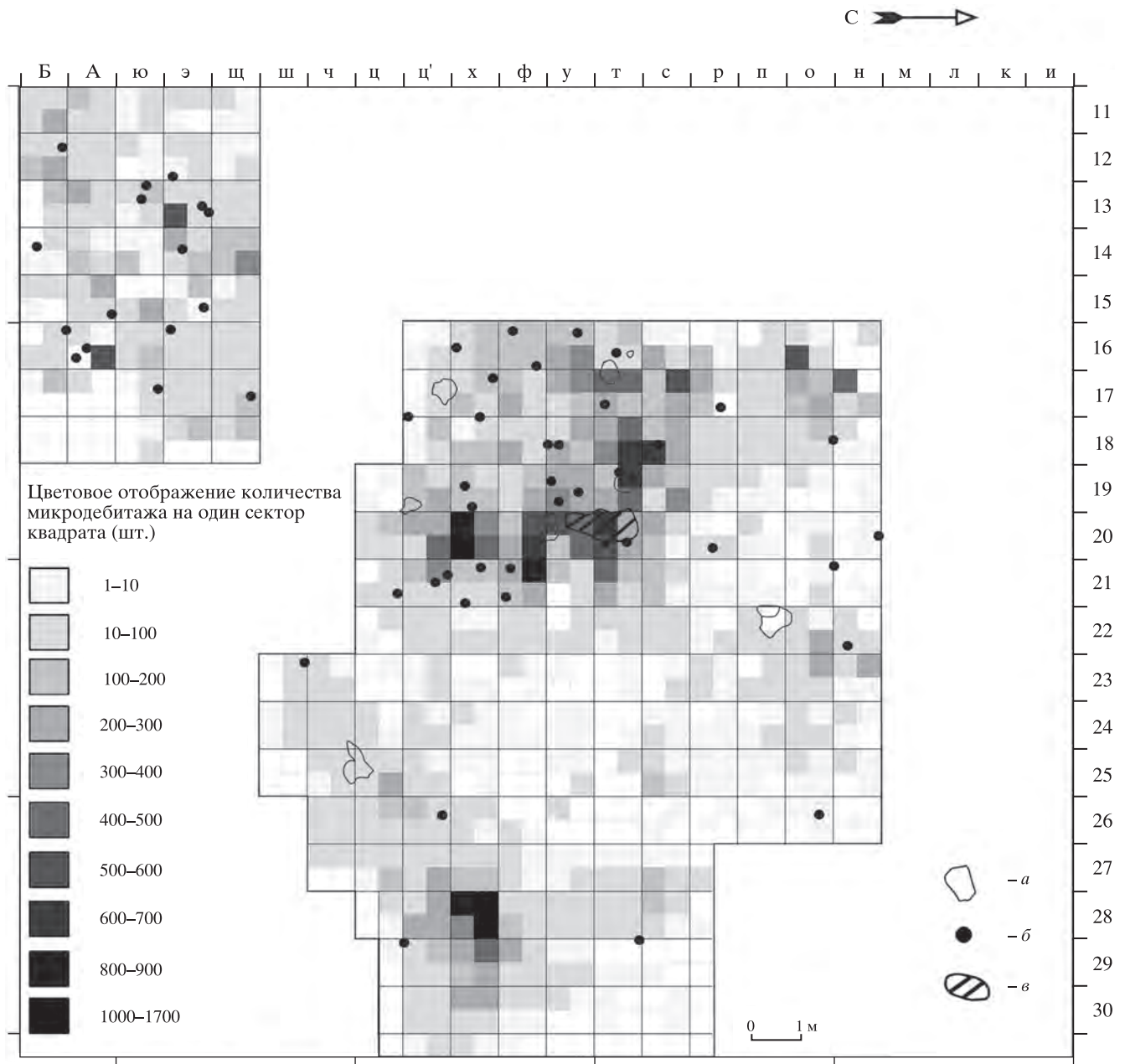
чество которого составляет 400–600 на сектор (рис. 2).

Среди полученного на исследуемом участке микродебитажа трасологическому анализу подверглось около 25 тыс. предметов. На этих предметах так же, как на отщепах и пластинах, выделяются проксимальная часть с ударной площадкой и ударным бугорком, медиальная и дистальная части. Так же, как и на предметах, которые выявляются без промывки, на микросколах прослеживается комплекс следов износа, включающий в себя микрозаполировку, линейные следы, а также выкрошенность рабочей кромки.

Выделение следов износа производилось с помощью металлографического микроскопа Wraymer microscope BM-3400T. Рабочее увеличение началось с ×50 и доходило до максимального увеличения в ×500. Изучаемые предметы обрабатывались сначала в горячей воде с моющим раствором (средство для очистки стекол на основе аммиака), затем в слабом растворе соляной кислоты, после чего тщательно сушились и помещались индивидуально в чистые пластиковые zip-пакеты. Также непосредственно перед наблюдением изучаемая поверхность обрабатывалась очищенным бензином, ацетоном или спиртом. Установка предметов микродебитажа производилась с помощью бамбукового пинцета на кусок моделита таким образом, чтобы ударная площадка и ее грань, примыкающая к дорсальной поверхности микросколов, оказывались непосредственно в зоне наблюдения. Наблюдение проводилось с трех сторон: со спинки, по периметру ударной площадки и с брющка.

В результате анализа было выявлено значительное число микросколов со следами износа. Несмотря на мелкий размер микродебитажа, фиксация микроследов на сколах вполне осуществима так же, как в случае изучения предметов, которые получены без применения промывки. В подавляющем большинстве случаев следы износа остаются на проксимальном конце микросколов (рис. 3, 1–6). При этом необходимо отметить, что в зависимости от ряда условий и степени сохранности проксимального конца, т.е. ударной площадки микросколов, следы износа могут быть утрачены полностью или частично.

В ходе трасологического анализа микродебитажа были выявлены различные виды заполировок, которые по-разному локализовались на рабочих лезвиях, имели отличающуюся направленность. Также был отмечен блок линейных следов в различных сочетаниях с микрозаполировкой.



**Рис. 2.** Распределение микродебитажа и скребков на северо-восточном участке стоянки Каменная Балка II. Условные обозначения: а – очаги и приочажные пространства; б – выделенные типологически скребки; в – пятно охры.

На исследуемом участке было выделено 12 скребков, на рабочих лезвиях которых, судя по проведенному трасологическому анализу, наблюдается микроизнос, характерный для работы по шкурам (рис. 3, 7–10) (Александрова, 2010). Также среди микросколов, изученных трасологически, было выделено 153 экз., микроследы на которых идентичны следам на скребках.

Зона износа на рабочих лезвиях скребков и на проксимальной части микросколов при небольшом

увеличении представляет собой ровную скругленную поверхность, практически без зазубрин, микрофасетки выкрошенности на краю отсутствуют. На лезвии отмечена заполировка, не имеющая четких границ, широко распространяющаяся по поверхности брюшка и заходящая на спинку, облегаящая и проникающая в микрорельеф лезвия. При увеличении до  $\times 200$  отчетливо наблюдается “жирная”, облегаящая заполировка, в некоторых случаях с участками сильного блеска на выступающих

бугорках микрорельефа. Кроме того, на скребках и микросколах с “жирной” заполировкой выявлены линейные следы. Характер линейных следов варьирует от неглубоких рисок до сильно углубленных царапин на поверхности лезвия. Линейные следы имеют перпендикулярное кромке лезвия направление либо располагаются под небольшим углом к поверхности. Как правило, эти признаки представлены более выразительно на предметах микродебитажа (рис. 3). Полученные данные позволяют говорить об обработке шкур скребками, а также о подправке орудий, которыми производилась обработка шкур, в результате чего появлялись микросколы со следами сработанности.

Рассмотрим пространственную картину распределения микросколов со следами работы по шкурам на исследуемом участке (рис. 4).

В первую очередь нужно отметить приуроченность этих микросколов к небольшому участку, ограниченному квадратами с-у/16–20. Значительное количество таких микросколов находится в приочажном пространстве, расположенном на кв. т/16–17 (около 40 предметов).

В юго-западной части исследуемого участка отмечаются микросколы со следами этого типа, но четких скоплений они не образуют. В восточной части встречаются только единичные микросколы с рассматриваемыми следами.

Причиной появления рассматриваемых микросколов, на наш взгляд, является намеренное их снятие с лезвий орудий. Эта гипотеза основана на следующих предположениях.

1. Практически на почти всех изучаемых материалах четко фиксируются ударные бугорки, ударные площадки, что свидетельствует об их намеренном снятии. Также на дорсальной части большинства изучаемых микросколов четко фиксируются грани и негативы предыдущих снятий.

2. Согласно ряду исследований (Семёнов, 1957; Keeley, 1980; Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007), работа по мягким органическим материалам не дает интенсивной выкрошенности, что подтверждается и экспериментально.

3. Подновление лезвий орудий обуславливалось необходимостью эффективной работы ими.

Таким образом, можно думать о том, что эти микросколы не появились в результате выкрашивания лезвия орудия в процессе работы им, транспортировки, естественных воздействий, а являются результатом подправки лезвий орудий.

В целях проверки этого предположения была произведена серия экспериментов. Основная зада-

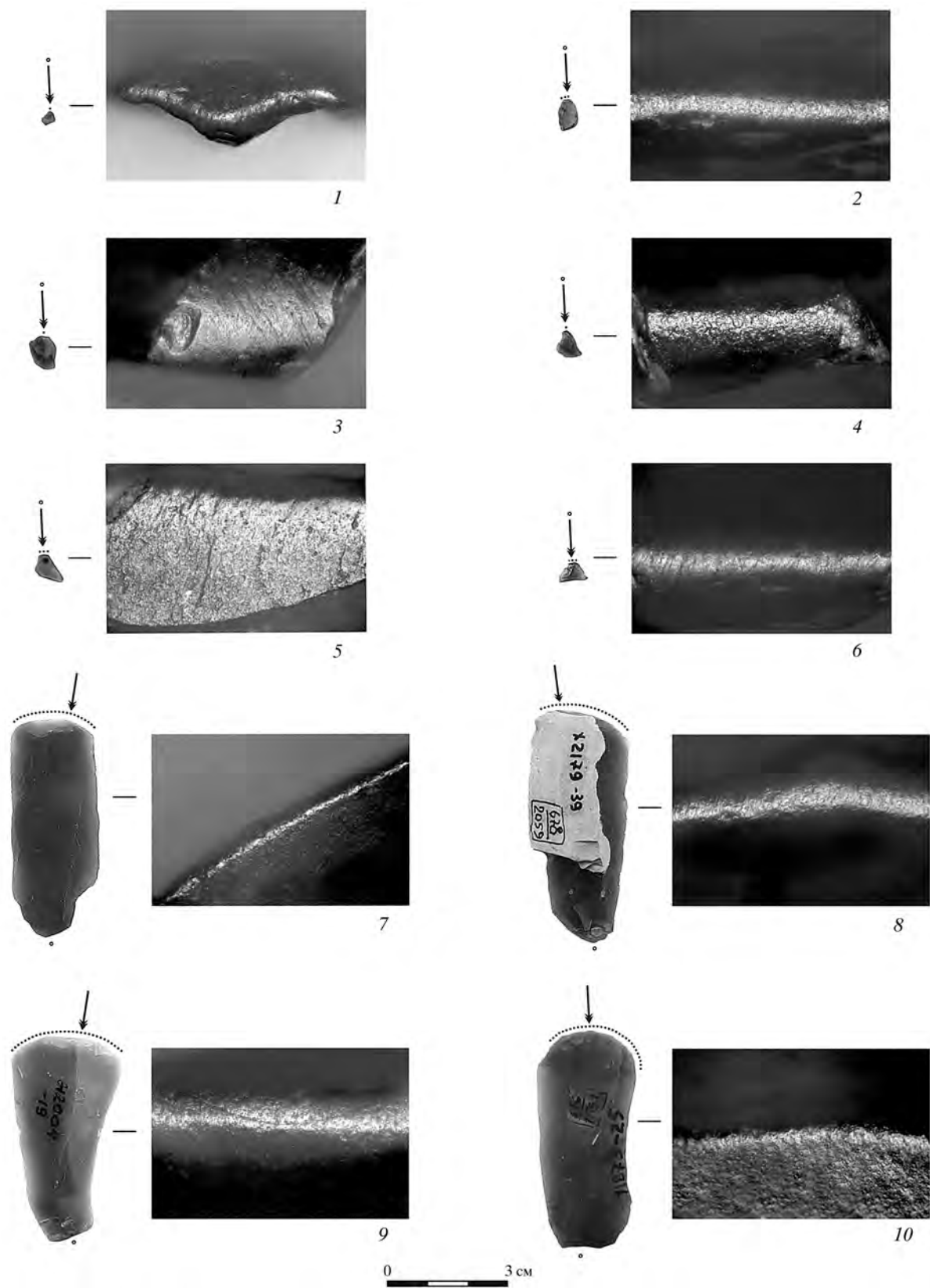
ча экспериментов по обработке шкур – получение эталонной коллекции скребков с интенсивным износом рабочего лезвия, а также эталонной коллекции микродебитажа, полученного в ходе подправки затупленных лезвий экспериментальных скребков. В результате подправки скребковых лезвий ставилась задача проанализировать формирование заполировки на скребковом лезвии после его обновления и выявить зоны износа на полученных предметах микродебитажа. Экспериментальные эталоны подверглись трасологическому анализу, на основе чего было составлено описание микроследов на эталонных скребках и микросколах подправки их лезвий. Проведенные эксперименты позволили увидеть зону распространения микроизноса не только на скребках, но и на микросколах, а также подтвердили интерпретацию микроизноса на археологических артефактах (рис. 5).

В связи с выявленной картиной возникают вопросы, проводилась ли обработка мягких органических материалов, таких как шкура, там, где имеются скопления микросколов со следами износа, и производилось ли обновление лезвий орудий прямо на месте работы или это делалось в другом месте.

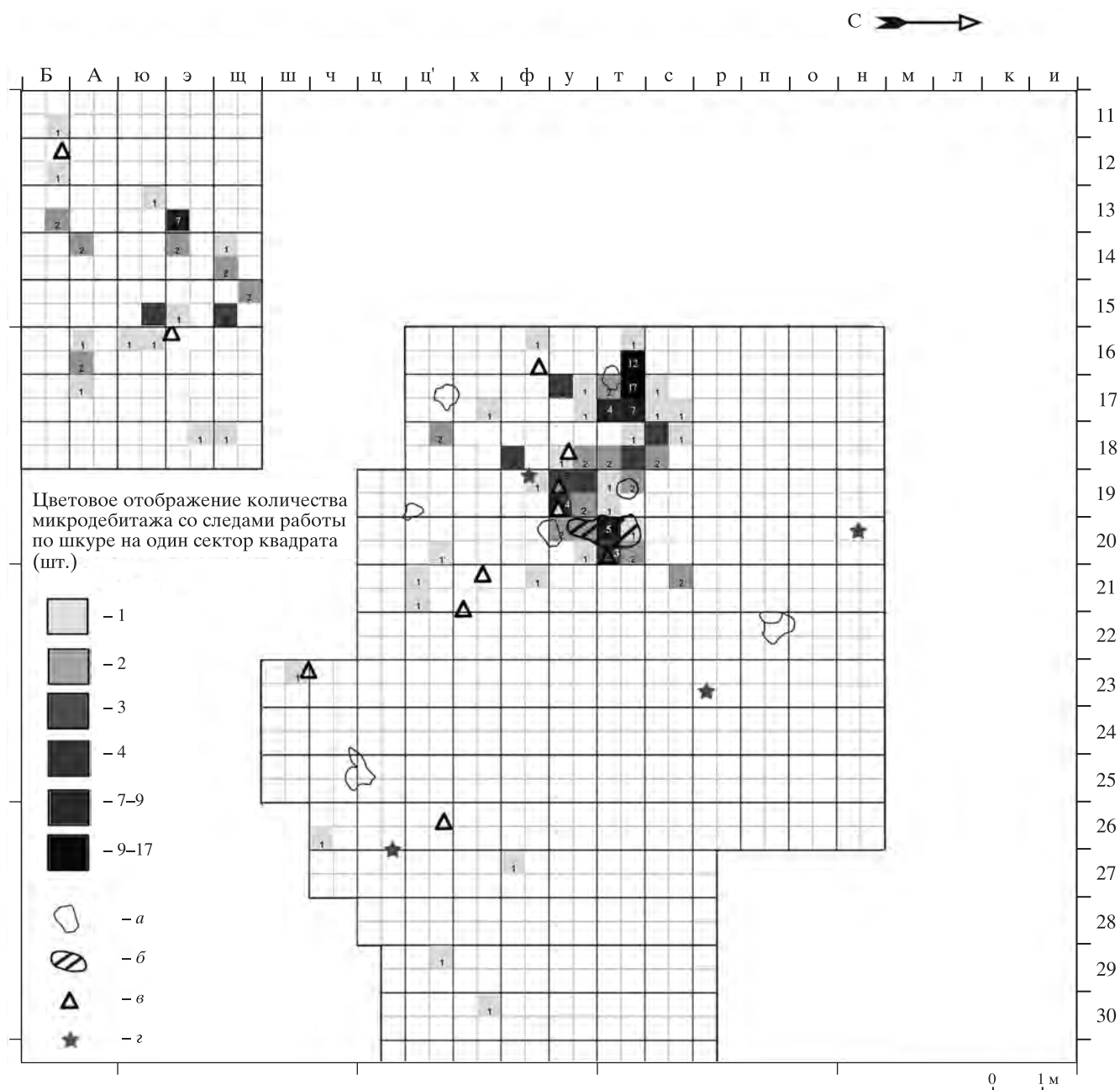
Для получения ответов на эти вопросы, мы остановились на сравнении микроизноса на изучаемом массиве микродебитажа с износом, наблюдаемом на скребках. Пространственное распределение скребков с описываемым видом износа подчиняется некоторым закономерностям. Основная масса скребков располагается на кв. х-с/16–21, которые соответствуют концентрации микродебитажа с идентичным видом износа (рис. 4). Подобные совпадения наводят на мысль о неслучайном нахождении здесь скребков по обработке шкур.

Кроме того, интересно то, что скопление микродебитажа с этим видом износа и подобных скребков располагается в непосредственной близости от большого пятна красной охры на кв. т-у/19–20 (рис. 4). Как отмечают археологические и этнографические исследования, между обработкой шкур и красной охрой имеется очень тесная связь (Bonwick, 1898. P. 24; Keeley, 1980. P. 170–172; Vaughan, 1985. P. 99, 100; Dubreuil, Grosman, 2009. P. 935–954; Sollas, 1924. P. 277). Красная охра может служить в качестве натурального консерванта для шкур животных (Audoin, Plisson, 1982).

Обновление лезвий орудий непосредственно на месте, где проводилась обработка шкур, может служить причиной нахождения здесь микросколов со следами работы по шкуре и большого количества микродебитажа в целом, покрытого красной охрой, на кв. т-у/19–20. Можно также предположить, что высокая концентрация микросколов с микроизно-



**Рис. 3.** Микрофотографии следов износа от работы по шкуре на микроскопках (1–6) и рабочих лезвиях скребков (7–10) основного слоя северо-восточного участка стоянки Каменная Балка II. 1 – кв. с18D; 2 – кв. т16В; 3 – кв. у19С; 4 – кв. ц`21С; 5 – кв. т19А; 6 – кв. ц`18А; 7 – № 717/676; 8 – № 2059/678; 9 – № 345/678; 10 – № 1591/676. 1, 2, 4–6, 9 – 10х/0.25 объектив; 3, 8, 10 – 20х/0.40 объектив; 7 – 5х/0.12 объектив.

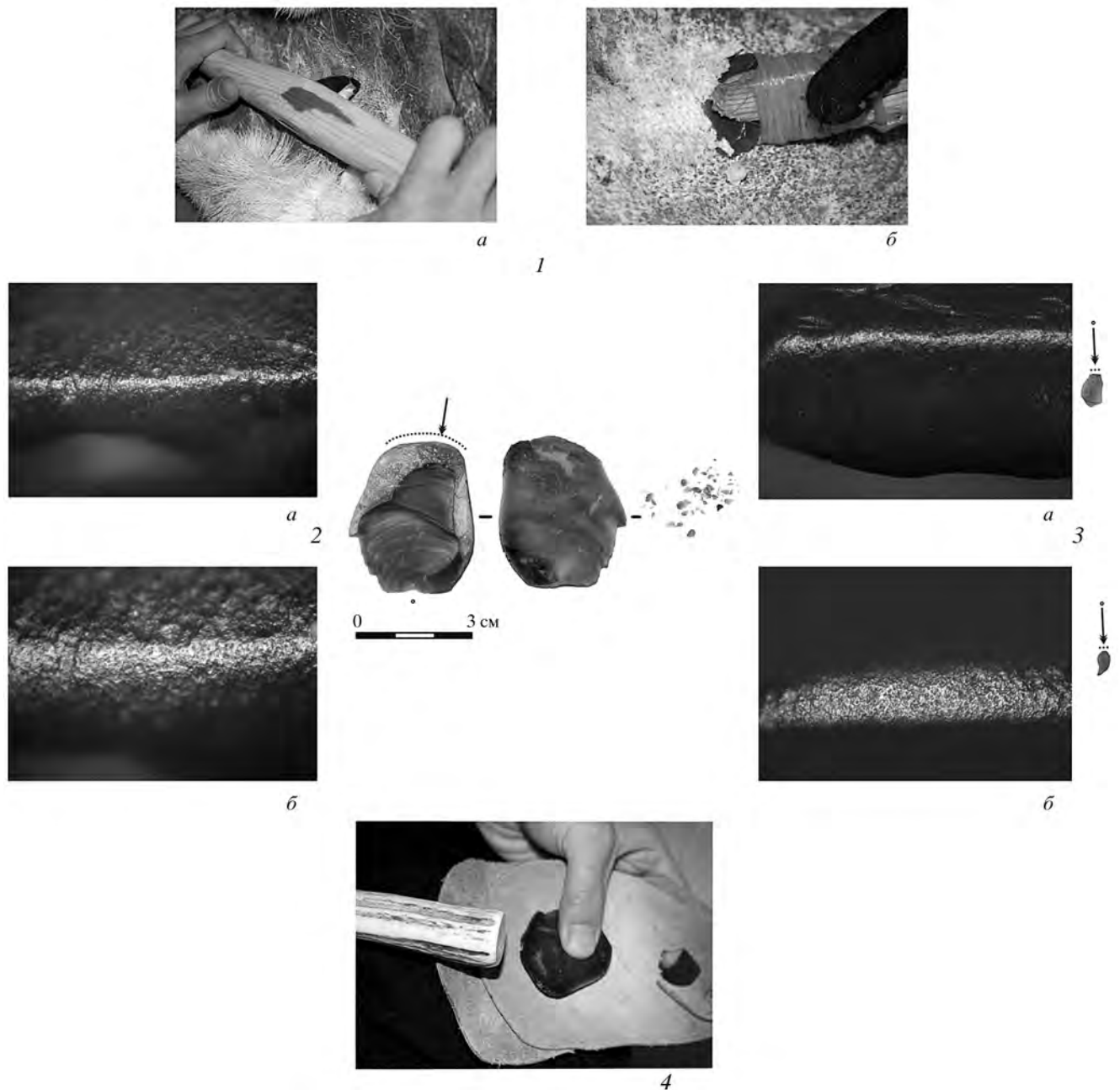


**Рис. 4.** Распределение микросколов и скребков со следами работы по шкуре на северо-восточном участке стоянки Каменная Балка II. Условные обозначения: а – очаги и причажные пространства; б – пятно охры; в – выделенные трасологически скребки для обработки шкур; з – каменные ретушеры.

сом, наблюдаемая на кв. т/16–17, объясняется тем, что здесь проводилась подправка лезвий скребков. В то время как на кв. т-у/19–20, в месте распространения охры, непосредственно обрабатывались шкуры (рис. 4).

На основании полученного пространственного распределения изучаемых микросколов и скребков можно предположить присутствие особого вида деятельности на этом участке – обра-

ботки шкур. Однако делать окончательные выводы пока не представляется возможным. Скребки могли храниться на жилой площадке в силу своей ценности или приноситься туда для обновления их сработанных лезвий, тогда как процессы обработки шкур проводились на периферийных зонах стоянки (Леонова, Виноградова, 1998. С. 50–66). В связи с этим фактом можно выдвинуть следующие предположения.



**Рис. 5.** Эксперименты: процесс обработки шкур экспериментальными скребками (1); микрофотографии зон износа на лезвии экспериментального скребка (2) и снятом с него микродебитаже (3); подправка лезвия скребка (4). 2а, 3а – 10х/0.25 объектив; 2б, 3б – 20х/0.40 объектив. Время работы скребком – 42 мин.

1. На изучаемом участке проводилась обработка шкур, в непосредственной близости также проводилась подправка лезвий скребков. Микроскопы со следами рассматриваемого износа дают возможность говорить о наличии подправки лезвия сработанных орудий. Картина их пространственного распределения указывает на места, где она проводилась, так как в отличие от орудий микродебитаж

чаще всего остается *in situ* в тех местах, где происходила соответствующая деятельность.

2. Изучаемый участок – место “заточки” орудий, и обработки шкур на нем не было.

3. Наблюдаемая концентрация могла быть местом эвакуации предметов микродебитажа.

В результате проведенного комплексного исследования, которое включает в себя трасологическое

и планиграфическое изучение микродебитажа и скребков, можно сделать следующие выводы.

В первую очередь была доказана возможность выделения следов износа на предметах микродебитажа. Кроме того, весьма перспективен сравнительный анализ данных, полученных в ходе трасологического изучения микродебитажа и других категорий предметов, в первую очередь орудий и заготовок.

Представленный в статье метод анализа кремневого материала позволяет выявить специфические места деятельности и скрытые объекты культурного слоя. Идентичный вид износа на предметах микродебитажа и скребках, а также их тяготение к пятну красной охры с большой долей вероятности позволяют предполагать специфическую деятельность, связанную с обработкой шкур.

Дальнейшая задача подобных исследований – определение других выявленных с помощью трасологии следов на предметах микродебитажа и сопоставление их с изучением следов износа на разных категориях орудий, что послужит более глубокому пониманию и воссозданию картины хозяйственной деятельности на памятнике.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 2010-10-06-00479-а.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова О.И.* Функционально-планиграфический анализ скребков северо-восточного участка верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II: Дипломная работа. М., 2010.
- Виноградова Е.А.* Жилые площадки Каменной Балки II (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000–2007 гг.) // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб., 2009.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб., 1996.
- Леонова Н.Б.* О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок // Вестн. антропологии. 1983. Вып. 71.
- Леонова Н.Б., Виноградова Е.А.* Организация производственной деятельности на периферийной области стоянки Каменная Балка 2 (верхний палеолит) // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А. и др.* Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М., 2006.
- Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.
- Семёнов С.А.* Первобытная техника. М.; Л., 1957 (МИА; № 54).
- Хамакава М.* Анализ микродебитажа как основа интерпретации хозяйственной деятельности на верхнепалеолитических стоянках (северо-западный участок верхнепалеолитического памятника Каменная Балка II) // Археолог. зап. Вып. 6. Ростов н/Д., 2009.
- Audouin F.Y., Plisson H.* Les ocres et leurs témoins au Paleolithique en France: enquête et expériences sur leur validité archéologique. Cahiers de Centre de Recherches Préhistoriques (Université de Paris I). 1982. 8.
- Bonwick J.* Daily life and origin of the Tasmanians. Second ed. L., 1898.
- Dubreuil L., Grosman L.* Ochre and hide-working at a Natufian burial place // Antiquity. 2009. V. 83.
- Dunnell S.F., Stein J.K.* Theoretical issues in the interpretation of microartifacts // Geoarchaeology. 1989. 4.
- Fladmark K.R.* Microdebitage analysis: initial considerations // Jr. Archaeolog. Science. 1982. V. 9.
- Healan D.M.* Identifying lithic reduction Loci with size-graded macrodebitage: A multivariate approach // American Antiquity. 1995. V. 60. № 4.
- Hull K.L.* Identification of cultural site formation processes through microdebitage analysis // American Antiquity. 1987. V. 52.
- Keeley L.H.* Experimental determination of stone tool uses. L.; Chicago, 1980.
- Okazawa S.* Micro- and macrodebitage analysis in an upper paleolithic site of Japan // Urgeschichtliche Materialhefte. 1999. 14.
- Sollas W.J.* Ancient Hunters. L., 1924.
- Stein J.K., Teltser P.A.* Size distribution of artifact classes: combining macro- and microfractions // Geoarchaeology. 1989. 4 (1).
- Susino G.J.* Analysis of lithic artefact microdebitage for chronological determination of archaeological sites. Oxford, 2007 (BAR; Intern. Ser. S1607).
- Vance E.D.* Microdebitage and archaeological activity analysis // Archaeology. 1987. 40 (4).
- Vaughan P.C.* Use-wear analysis of flaked stone tools. Tucson, 1985.



## НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРАТИГРАФИИ УШКОВСКИХ СТОЯНОК В ДОЛИНЕ р. КАМЧАТКА

© 2011 г. Н.А. Кренке\*, Е.В. Леонова\*, И.В. Мелекесцев\*\*, М.М. Певзнер\*\*\*

\*Институт археологии РАН, Москва (nkrenke@mail.ru)

\*\*Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, Петропавловск-Камчатский

\*\*\*Геологический институт РАН, Москва

Ключевые слова: Камчатка, каменный век, геоморфология, стратиграфия, тефрохронология, радиоуглеродная хронология, палеогеография, поздний плейстоцен, голоцен.

In 2007 an integrated archaeological and geological study of the Ushki occupation sites was carried out. The sites are located on the rim of a fluvio-glacial erosional plain. We have identified layers of ash in the Holocene part of the cross-section and found the Holocene/Pleistocene boundary. The borders of the occupation sites are provisional, and artifacts which correlate with the oldest Upper Paleolithic layer can be encountered both on the shore between the “occupation sites” and in the lake area. Radiocarbon dating for the lens of charcoal from the cross-section between Ushki 1 and 4, where the deepest-lying artifacts have been found, showed  $11800 \pm 35$ . The article gives an outline of the work required for answering some of the debatable questions and identifies the areas within the Kamchatka river valley that could yield other Paleolithic sites.

Ушковские стоянки расположены компактной группой на южном берегу старичного оз. Большое Ушковское в долине р. Камчатка недалеко от пос. Козыревск в центральной части п-ова Камчатка (рис. 1). С 1961 г. стоянки находятся в центре внимания исследователей, занимающихся изучением древних этапов заселения Северо-Восточной Азии и Северной Америки. На них раскопана огромная для памятников каменного века площадь (более 3000 м<sup>2</sup> только на памятнике Ушки I), полученные материалы легли в основу периодизации верхнего палеолита Камчатки и Чукотки (Диков, 1969; 1977; 1979). Хронология, стратиграфия и планиграфия, геоморфологическая приуроченность археологического комплекса до сих пор остаются дискуссионными (Кашин, 2003. С. 134, 135).

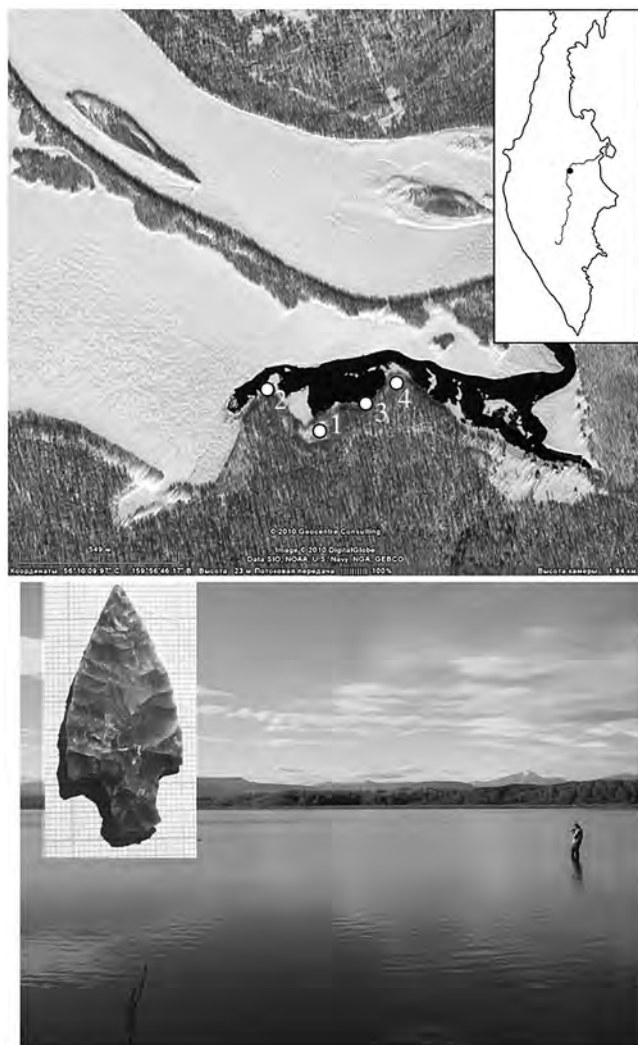
В связи с этим с 2000 г. начался новый этап изучения памятника под руководством М.А. Кирьяк (Диковой), а затем И.Ю. Понкратовой, в котором приняли участие и американские коллеги (Goebel et al., 2003). Задача заключалась в тестовых исследованиях с применением современных возможностей радиоуглеродного датирования. Однако и после проведенных тогда исследований многие вопросы не были решены.

В 2007 г. академическим отрядом было принято комплексное исследование района Ушковских стоянок с участием вулканолога-геоморфолога (И.В. Мелекесцев), геохронолога (М.М. Певзнер) и археологов (Н.А. Кренке, Е.В. Леонова).

Главным же идейным вдохновителем этой работы был Л.Д. Сулержицкий. Основной задачей являлось “проецирование” достижений в изучении тефрохронологии и геоморфологии Центральной Камчатки на район Ушковских стоянок, описание их стратиграфии, отбор проб для датирования. Исследования проводились в сотрудничестве с экспедицией Магаданского университета под руководством И.Ю. Понкратовой, которая вела раскопки на стоянке Ушки V. Рассмотрим основные проблемы.

*Геоморфологическая приуроченность памятника.* В литературе представлены три основные версии. Две из них можно назвать “террасовыми”. Согласно им, Ушковские стоянки приурочены к первой (Шило и др., 1967; Мочанов, 1975. С. 26) или второй (Цейтлин, 1979. С. 253; Goebel et al., 2003; Дикова (Кирьяк), 2005) надпойменным террасам р. Камчатка. По третьей версии, обоснованной Э.Э. Титовым (1980), древнейшие слои этих стоянок залегают в отложениях краевой части флювиогляциальной равнины второй фазы верхнеплейстоценового оледенения.

Рассматривая эти точки зрения, нужно отметить, что первой надпойменной цокольной террасы на р. Камчатка вообще нет: террасы повсеместно аккумулятивные (Мелекесцев, 1963). В основании разреза залегают не обломки вулканических бомб (Диков, 1977. С. 44), а лавы основания щитообразного вулкана Плоских сопок. Обломки лав лежат на поверхности лавового потока, а выше – пачка флю-



**Рис. 1.** Район исследований. Космический снимок: 1 – стоянка Ушки I; 2 – стоянка Ушки V; 3 – место зачистки между стоянками Ушки I и IV (точка 632); 4 – стоянка Ушки IV. На врезке показано положение Ушковских стоянок на карте Камчатки. Внизу – сбор подъемного материала на Ушковском озере.

виогляциальных и озерных песков, перекрытых полным голоценовым почвенно-пирокластическим чехлом (далее ППЧ) из чередующихся горизонтов вулканических пеплов и погребенных почв.

По второй – “террасовой” версии, Ушковские археологические стоянки ассоциируются со второй надпойменной террасой р. Камчатка. К сожалению, ее наличие никак не доказывается, а описание разреза террасовых отложений не приводится.

С точки зрения авторов настоящей статьи, обе названные версии вряд ли соответствуют действительности, поскольку не учитывают как геоморфологическую специфику и историю развития Центральной Камчатской депрессии, так и конкретно

самого района Ушковских археологических стоянок – одного из наиболее сложных участков этой тектонической структуры.

Мы считаем верной третью версию – магаданского геоморфолога Э.Э. Титова (1980), который проводил здесь полевые работы в 1974 и 1979 гг. и в полной мере использовал полученные ранее данные камчатских исследователей 1960–1970-х годов (Брайцева и др., 1968; Краевая, Мелекесцев, 1969; Мелекесцев и др., 1969; Мелекесцев, 1969; Мелекесцев и др., 1974). Э.Э. Титов пришел к выводу, что в начале голоцена современный южный берег Большого Ушковского озера “в генетическом отношении... представлял собой край флювиогляциальной равнины второй фазы верхнеплейстоценового оледенения”. Причем, “ни в это время, ни позже р. Камчатка не откладывала на этом участке своих осадков (аллювия), поэтому здесь нет ни древних (в том числе и погребенных) террас, она лишь периодически подмывала высокий берег пологонаклонной флювиогляциальной равнины” (Титов, 1980. С. 151).

*Стратиграфия и планиграфия памятника, археологическая документация.* Все исследователи, работавшие в Ушках, отмечали исключительную надежность стратиграфии благодаря тому, что отложения, вмещающие культурные слои, расчленены горизонтами вулканических пеплов. Однако сами слои вулканических пеплов до сих пор однозначно не идентифицированы.

Основная проблема археологической стратиграфии памятника, на наш взгляд, – насколько универсальны и адекватны реальной ситуации семь культурных слоев, выделенных Н.Н. Диковым, и где пролегает граница плейстоцена и голоцена.

Сквозная нумерация культурных слоев, принятая Н.Н. Диковым для целой группы стоянок (Ушки I, II, IV и V), создает впечатление о единой стратиграфической ситуации на огромной площади вдоль южного берега озера. Однако представленная в публикациях и отчетах документация не позволяет этого утверждать, а также судить о микростратиграфии. Из-за сложности со стратиграфической атрибуцией обнаруженных объектов исследователи, работавшие на памятнике после Н.Н. Дикова, ввели буквенные индексы субгоризонтов.

Введенные Н.Н. Диковым термины “слой 7” и “слой 6” изначально имели “стратиграфическую подоплеку”. Однако в дальнейшем на стратиграфическую атрибуцию комплексов, видимо, влиял характер индустрии и введенное ранее подразделение на две ушковские верхнепалеолитические археологические культуры (Диков, 1983. С. 22). Далеко не всегда слои 6 и 7 четко разделены друг от

друга. Так, Т. Гейбл и соавторы пишут о том, что на стоянке Ушки V объекты слоя 6 прорезают слой 7, причем толщина последнего не более 3 см (Goebel et al., 2003. P. 2).

При определении границ памятников Ушковского комплекса над исследователями довлела современная ситуация. Участки, где артефакты наиболее “доступны” сбору, а слои обнажены, стали “структурообразующими” центрами при номинации археологических памятников. В данном случае такими являлись выступающие мысы южного берега Ушковского озера, к которым приурочены так называемые стоянки Ушки I, IV, V. Однако ландшафтная ситуация позднего плейстоцена кардинально отличалась от современной – в позднем плейстоцене Большого Ушковского озера не было (Мелекесцев, 1963). Есть основания полагать, что к началу раскопок Н.Н. Диковым в 1961 г. значительная площадь стоянки Ушки I была уже размыта р. Камчатка.

Другая сторона проблемы заключается в недостаточной точности археологической документации – не были сняты инструментальные топографические планы стоянок. Материалы, полученные после издания обобщающей монографии (Диков, 1977), не отражены в более поздних публикациях Н.Н. Дикова.

*Радиоуглеродная хронология.* Отбор проб и публикация результатов радиоуглеродного датирования образцов из Ушковских стоянок проводились с многочисленными погрешностями. При публикации археологами датировок, полученных в Геологическом институте РАН, допускались искажения. Исходя из первоисточника – лабораторного журнала, можно утверждать, что для нижних слоев Ушковских стоянок получены следующие датировки:  $13610 \pm 250$  (ГИН-167+168) и  $13400 \pm 330$  (ГИН-165). В лабораторном журнале имеется указание, что образцы углистого материала 167 и 168 были объединены по письму Н.Н. Дикова. Про место отбора отмечено лишь, что это стоянка Ушки I, верхнепалеолитический слой. Относительно образца 165 указано, что древесный уголь происходит с глубины 2.35 м из кв. 12-3 со стоянки Ушки IV. Кроме того, была получена датировка  $21000 \pm 900$  (ГИН-186) по образцу угля со стоянки Ушки I, кв. 2-НК из мезолитического очага (по журналу). В публикации указывается, что данный образец происходит из слоя 6 (Диков, 1977. С. 58).

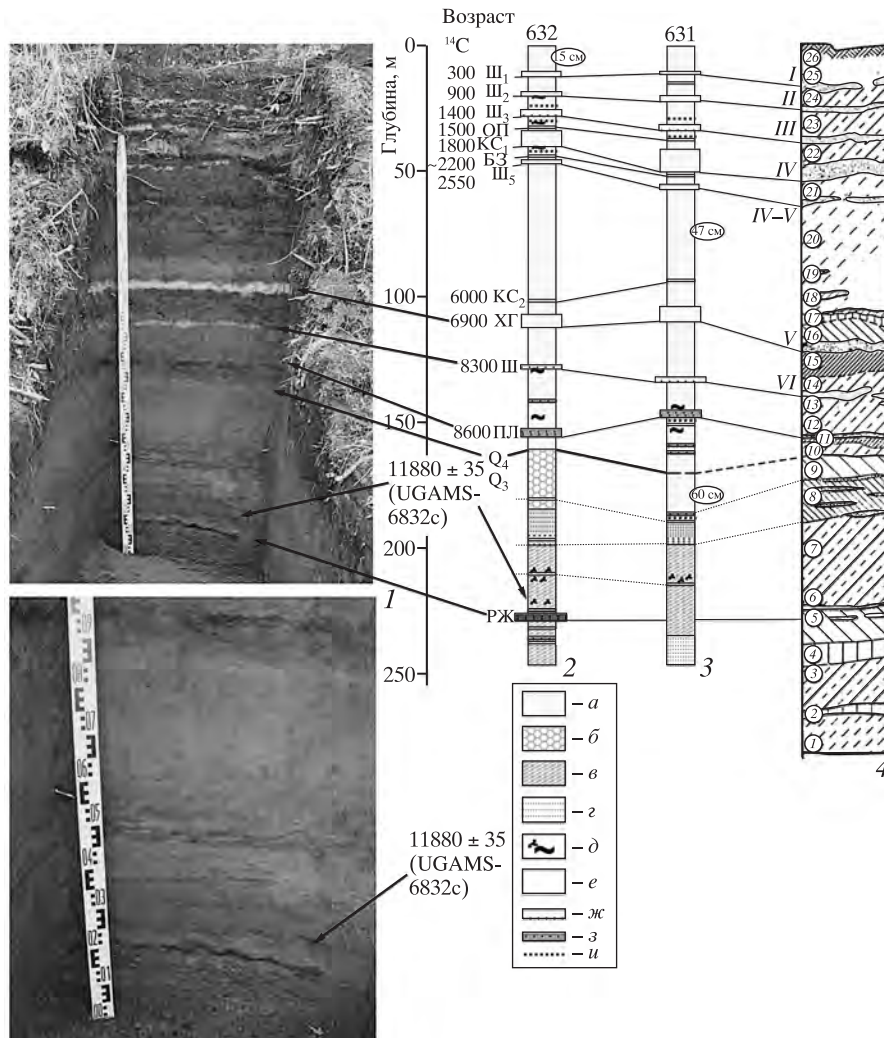
Помимо датировки для слоя 7 стоянки Ушки I, полученной в лаборатории ГИН, по образцам из раскопок Н.Н. Дикова было сделано еще девять определений радиоуглеродного возраста в трех лабораториях (Goebel et al., 2010. Tabl. 1, 2).

В 2000 г. американскими коллегами был проведен отбор образцов для датирования из двух геологических шурфов, располагавшихся рядом с раскопом Н.Н. Дикова (Goebel et al., 2010. Fig. 2). Эти шурфы были удалены от раскопов 1960-х годов на 30–60 м. По материалам из шурфов для седьмого слоя было получено четыре даты в интервале 10675–11050 лет радиоуглеродного возраста (Goebel et al., 2003. Tabl. 1). Однако отбор проб из небольших по площади геологических шурфов затрудняет корректное соотнесение отобранных образцов с археологическим контекстом.

Анализ распределения датировок (всего 16), имеющих для седьмого слоя стоянки Ушки I (Goebel et al., 2010. Fig. 5) показал, что основная группа (11 дат) находится в интервале 10.6–11.6 тыс. л.н.; две даты попали в интервал 9.7–10.0 тыс. л.н.; три даты – в интервал 13.6–14.3 тыс.  $^{14}\text{C}$  л.н. В “древнюю” группу кроме упомянутой выше даты  $13610 \pm 250$  (ГИН-167+168) входят даты  $13800 \pm 500$  (МАГ-522) и  $14300 \pm 800$  (МАГ-550).

На стоянке Ушки V образцы отбирались американскими коллегами в двух пунктах. Один из них – “тестовый” шурф, который был откопан на нетронутом участке мыса. Зачистка стенок этого шурфа в 2007 г. показала, что нет ясности в определении того, как разграничиваются слои 6 и 7. В основании разреза залегает тонкослоистая пачка буро-серого песка мощностью около 30 см, в которой на разных уровнях встречены единичные угольки и их стяжения (рис. 2). Будет натяжкой утверждать наличие в этой пачке двух четких культурных горизонтов.

Сбор подъемного материала по берегу и в прибрежной части акватории Ушковского озера показал, что находки встречаются не только в пределах границ выделенных стоянок, но и между ними. Так, между мысом Каменный, где находятся стоянка Ушки I, и соседним с востока мысом (стоянка Ушки IV) находки идут почти на всем протяжении. Примерно в 120 м к востоку от мыса Каменный была сделана врезка в береговой обрыв (координаты:  $N 56^{\circ}09.952' E 159^{\circ}56.916'$ ). Здесь была прослежена полная свита голоценовых отложений, которая на глубине 170–190 см от поверхности подстилалась отложениями позднеплейстоценового возраста. В литологических слоях 25 и 28 (в диапазоне глубин –210... –230) были зафиксированы обсидиановые артефакты (рис. 3 и цветная вклейка № 4). В слое 27 (светло-бурый суглинок с тонкими прослойками вулканического пепла) и на контакте слоев 28 и 29 (соответственно коричневатого с темными бурными пятнами в нижней части и светло-бурого суглинков) были обнаружены отдельные скопления угольков. По нижнему скоплению



**Рис. 2.** Стратиграфия голоценовых и позднелепистоценовых отложений в районе ушковских стоянок. 1 – фото разреза между стоянками Ушки I и IV (точка 632), внизу крупный план нижней части разреза; 2, 3 – корреляция разрезов на участке между стоянками Ушки I/IV и Ушки V с указанием датировок маркирующих вулканических пеплов; 4 – стратиграфия стоянки Ушки V по Н.Н. Дикову (1977). Условные обозначения: а – супеси; б – покровные супеси; в – озерно-пролювиальные отложения; г – пески; д – микрогли и углистые линзы; е – индексы вулканических пеплов; жс – пеплы кислого состава; з – пеплы основного состава; и – базальтовые пески.

углей, сопряженному с находкой изделия из обсидиана, получена радиоуглеродная дата  $11880 \pm 35$  (UGAMS-6832c)<sup>1</sup> (рис. 3).

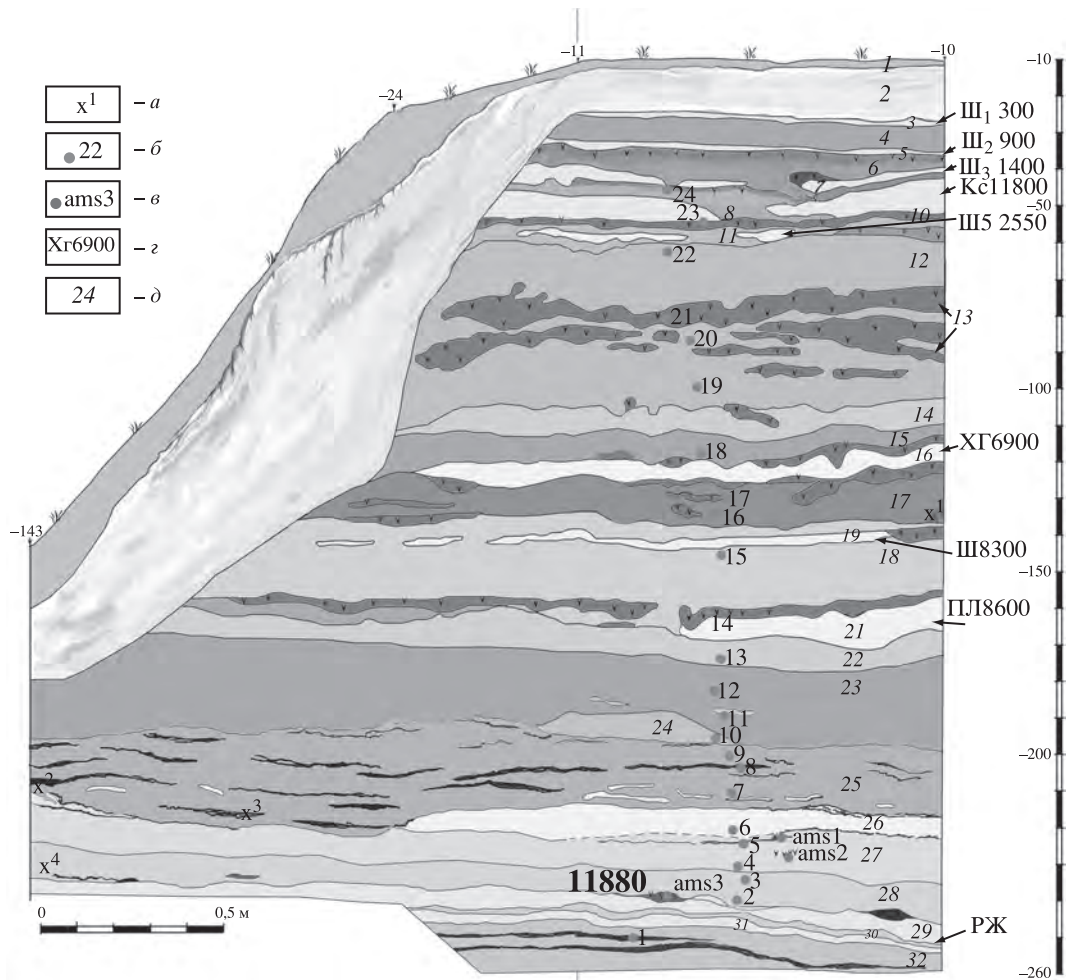
Таким образом, несмотря на многочисленность датировок, полученных для Ушковских стоянок за все годы работ, остается проблема определения возраста древнейшего слоя. Очевидно, что в районе стоянок Ушки I и V наиболее представлены следы обжигания участка в интервале 10.6–11.9 тыс. <sup>14</sup>C л.н.

Игнорировать наиболее ранние датировки с возрастом около 13.4–14.3 тыс. <sup>14</sup>C л.н. нет достаточных оснований. В “защиту” этих ранних дат можно

отметить, что они образуют компактную группу и были отобраны на участке, удаленном на несколько десятков метров от мест отбора образцов, давших более молодые датировки.

*Тефрохронология района Ушковских стоянок.* Тефрохронологические исследования по изучению истории формирования вулканов и реконструкции их активности начали проводиться на Камчатке с 1960-х годов О.А. Брайцевой с коллегами (Брайцева и др., 1978а; б; Брайцева, Мелекесцев, 1987). На сегодняшний день в ГИН РАН (Л.Д. Сулержицкий, М.М. Певзнер) получено более 2 тыс. радиоуглеродных дат, позволяющих определить возраст голоценовых извержений Камчатки с высокой точностью.

<sup>1</sup> Центр прикладных изотопных исследований Университета Джорджии, США.



**Рис. 3.** Зачистка участка берега между стоянками Ушки I и IV (точка 632). Условные обозначения: *a* – место находки каменного артефакта и его номер; *b* – место отбора образцов для палинологического анализа; *в* – место отбора образцов для радиоуглеродного анализа; *z* – индекс маркирующего пепла и округленный  $^{14}\text{C}$  возраст извержения; *d* – номера слоев. Описание слоев: 1 – дерн; 2 – темно-бурый песок – мешаный почвенный слой; 3 – желтый песок – вулканический пепел Шивелуч 1 (300  $^{14}\text{C}$ ); 4 – темно-бурый песок; 5 – желтый песок – вулканический пепел Шивелуч 2 (900  $^{14}\text{C}$ ); 6 – темно-бурый песок; 7 – желтый песок – вулканический пепел Шивелуч 3 (1400  $^{14}\text{C}$ ); 8 – красноватый провал; 9 – желтый песок – вулканический пепел Ксудач 1 (1800  $^{14}\text{C}$ ); 10 – коричневатый-черный песок с угольками; 11 – серый песок с линзами желтого песка (вулканического пепла Шивелуч 5, 2550  $^{14}\text{C}$ ); 12 – темно-бурый пятнистый (с более светлыми разводами) песок; 13 – темные буро-черный слабоуглистые прослойки; 14 – рыжевато-бурый песок; 15 – серовато-бурый песок; 16 – яркий желтовато-палевый песок – вулканический пепел Хангар, 6900  $^{14}\text{C}$ ; 17 – зеленовато-бурый песок с линзами темно-бурого слабоуглистого песка; 18 – рыжевато-бурый с сизыми пятнами песок; 19 – ярко желтый (лимонный) песок (вулканический пепел Шивелуч, 8300  $^{14}\text{C}$ ); 20 – линзы черного углистого песка; 21 – серый крупнозернистый песок с бурными пятнами (вулканический пепел Плоская сопка, 8600  $^{14}\text{C}$ ); 22 – рыжевато-бурая супесь; 23 – сизовато-бурая супесь с мелкими отдельными угольками с тонкими песчаными прослойками (пепел); 24 – легкий суглинок палевого оттенка; 25 – сероватый слоистый легкий суглинок с прослойками крупнозернистого темного песка и светло-желтыми прослойками вулканического пепла; 26 – светло-серый суглинок; 27 – светло-бурый суглинок с ржавыми пятнами и с тонкими прослойками вулканического пепла; 28 – коричневатый-сизоватый суглинок с темными бурными пятнами в нижней части; 29 – светло-бурый суглинок; 30 – ржавый слой – крупнозернистый плотный песок (вулканический пепел неизвестного источника); 31 – светло-бурый суглинок; 32 – сизый суглинок с темно-сизыми прослойками.

Частые извержения камчатских вулканов с высокой эксплозивностью поставляли тефру, которая разносилась воздушными течениями на сотни километров от источника извержения. Тефра

перекрывается горизонтами почв, супесей или торфов, причем, органогенные межпепловые горизонты отвечают временным этапам отсутствия или существенного ослабления вулканической



активности. Последовательное залегание вулканогенных (преимущественно тефра) и органогенных горизонтов формируют ППЧ.

Начало формирования подавляющего большинства ППЧ Камчатки относится к раннему голоцену (8–10 тыс.  $^{14}\text{C}$  лет назад, далее л.н.), хотя изредка встречаются непрерывные разрезы, подошва которых датируется 11–12 тыс.  $^{14}\text{C}$  л.н. (Певзнер и др., 2006). Более древние ППЧ (позднеплейстоценовые) встречаются крайне редко. Отсутствие или плохая сохранность позднеплейстоценовых ППЧ связаны с разрушительным воздействием оледенений, последнее из которых закончилось в горных районах Камчатки около 10–11 тыс.  $^{14}\text{C}$  л.н. Граница плейстоцен–голоцен фиксируется в разрезах началом субаэрального осадконакопления на ледниковых и водно-ледниковых отложениях. Практически полное отсутствие в позднеплейстоценовых отложениях органики и хорошо коррелирующихся выдержанных по простираанию прослоев вулканических пеплов позволяет установить эту границу достаточно уверенно.

Вулканические пеплы особо крупных извержений вулканов Камчатки фиксируются в разрезах на удалении в несколько сотен километров от их эруптивных центров. Для большинства таких тефр удалось детально изучить особенности их отложения и стратификации, химический и минералогический составы, проследить их ареал и определить возраст извержений. Подобные пепловые горизонты принято называть маркирующими. В отдельно взятом районе они обычно имеют весьма характерный облик (устойчивые и практически не меняющиеся параметры мощности, гранулометрического состава, стратификации и цвета), заметно отличающийся от облика “местных” пеплов, что активно используется при корреляции единичных разрезов района, а также при региональных сопоставлениях.

К настоящему времени с разной степенью детальности изучена история эруптивной деятельности подавляющего большинства действующих вулканов Камчатки, определен возраст всех крупнейших извержений, прослежены ареалы, химический и минералогический составы маркирующих тефр. На основании этих данных создана тефростратиграфическая шкала голоцена Камчатки (Брайцева и др., 2001; Пономарева и др., 2008), позволяющая проводить датирование любых отложений и объектов.

В окрестностях археологической стоянки Ушки нами были изучены несколько разрезов ППЧ: на 6-метровом обрыве правого берега р. Камчатка в 2 км к ЗЮЗ от Большого мыса (точка 630); между стоянками Ушки I и IV в 0.3 км от Большого мыса

или в 0.13 км к востоку от мыса Каменный (Ушки I) (точка 632); разрез около д. Старые Ушки. Были зачищены тестовые разрезы 2000 г. на Ушках I (“центральный”) и “американский” шурф на Ушках V (точка 631).

Как видно из описаний точек 630–632 (таблица; рис. 2), прослой пеплов с индексами Ш<sub>1</sub>, Ш<sub>2</sub>, Ш<sub>3</sub>, КС<sub>1</sub>, Ш<sub>5</sub>, ХГ, Ш<sub>8300</sub> и ПЛ (вулканы Шивелуч, Ксудач, Хангар, Плоские сопки) не только находятся в строгой стратиграфической последовательности, но и имеют довольно стабильные и ярко выраженные характеристики (мощность, цвет, размерность и стратификация материала), что позволяет уверенно использовать их в районе Ушковских стоянок в качестве геохронологических реперов. Важно подчеркнуть, что данное строение ППЧ характерно именно для района пос. Козыревск. Пепел РЖ (ржавый) залегает в позднеплейстоценовых отложениях, которые, как было сказано выше, встречаются на Камчатке фрагментарно и не содержат органогенных горизонтов, пригодных для радиоуглеродного датирования. Пока можно только предполагать, что он связан с близкорасположенным вулканическим центром в пределах современной Ключевской группы вулканов, либо в предгорьях Срединного хребта на левобережье р. Камчатка.

*Геоморфология и палеогеографическая обстановка* Ушковских стоянок в позднем плейстоцене–голоцене (последние 30 тыс.  $^{14}\text{C}$  лет). Вывод о приуроченности Ушковских стоянок к периферической части позднеплейстоценовой флювиогляциальной равнины основан на детальной геоморфологической карте Ключевской группы вулканов, выполненной по данным полевых геоморфолого-вулканологических исследований и дешифрования крупномасштабных аэрофотоснимков (Мелекесцев и др., 1970). Использовались крупномасштабные аэрофотоснимки, сделанные в 1947 г., еще до начала археологических раскопок, когда рельеф сохранял первичный облик. Это позволило объективно установить происхождение имеющихся форм рельефа, их возраст и последовательность возникновения, определить генезис и возраст слагающих их толщ.

Геоморфология и эволюция палеогеографической обстановки в районе Ушковских стоянок с учетом всех имеющихся данных могут быть представлены в следующем виде.

Самое начало рассматриваемого этапа приходится на конец позднеплейстоценового межстадиала ( $Q^3_3$ ), закончившегося в Центральной Камчатской депрессии несколько позже 30 тыс. лет  $^{14}\text{C}$  л.н.: радиоуглеродный возраст самой молодой погребенной почвы в покровных супесях яра Половинка на

Маркирующие прослои пеплов в районе стоянки Ушки (возраст по: Пономарева и др., 2008; Braitseva et al., 1997)

		Точка 630. Обрыв правого берега р. Камчатка		Точка 631. Ушки V. "Американский шурф"		Точка 632. Ушки I/IV. Расчистка на берегу озера между Ушками I и IV	
Индекс пепла*	<sup>14</sup> C-возраст извержения**	Мощность слоя (см)	Описание слоя	Мощность слоя (см)	Описание слоя	Мощность слоя (см)	Описание слоя
Ш <sub>1</sub>	300	—	—	1–1.5	Белый а/п типа пудры – вулканический пепел кислого состава	1.5–2	Белый а/п вулканический пепел кислого состава
Ш <sub>2</sub>	900	—	—	1–2	Светло-сливочный а/п, т/з – вулканический пепел кислого состава	1.5–2	Сливочно-белый а/п вулканический пепел кислого состава
Ш <sub>3</sub>	1400	—	—	2–3	"Двойной" вулканический пепел кислого состава; верх (¾ слоя) светло-светло-палевый а/п, т/з, низ почти белый м/з, т/з, единично с/з вулканический песок с обильными темноцветными минералами	2–3	"Двойной" вулканический пепел кислого состава; верх (¾ слоя) палево-белый а/п, т/з, низ светло-светло-палевый т/з, м/з вулканический песок с обильными темноцветными минералами
ОП	1500	—	—	До 0.4	Линзами, яркий а/п теплого сливочного цвета, с обильными минералами биотита – вулканический пепел кислого состава	До 0.5	Редкие линзы а/п вулканического пепла кислого состава, яркого сливочного цвета
КС <sub>1</sub>	1800	7	Палево-светло-серый а/п, т/з вулканический пепел кислого состава; верх более серый, низ более палевый	9	Палево-светло-серый а/п, т/з вулканический пепел кислого состава; верх серый, низ (2/3 – ¾ слоя) палевый	7	Палево-светло-серый а/п, т/з вулканический песок кислого состава; верх более серый, низ более палевый
БЗ	2100–2300	0.5	Светло-серый а/п, т/з вулканический пепел среднего состава; с нечеткими границами	До 0,7	Линзами, чаще как осветление, дымчато-светло-светло-серый, белесо-светло-серый а/п, т/з + + м/з вулканический песок.	До 0,5	Горизонт осветления – следы вулканического пепла
Ш <sub>5</sub>	2550	1.5	Грязно-белый а/п, т/з вулканический пепел кислого состава; не стратифицированный	2	Белесо-светло-палевый, светло-сливочный вулканический пепел кислого состава; а/п почти без темноцветных минералов	2	Белесо-светло-светло-палевый а/п вулканический пепел кислого состава



КС <sub>2</sub>	6000	–	–	До 1	Линзами, слоем, светло-палевый со слабым белесо-светло-серым оттенком т/з вулканический песок с обильными темноцветными минералами	0.1–0.2	Линзы светлого вулканического пепла а/п–т/з
ХГ	6900	4–6	Светло-светло-сливочный вулканический пепел кислого состава; а/п, к подошве с очень небольшой примесью т/з вулканического песка	4–6	Светло-светло-палевый а/п вулканический пепел кислого состава	4–5	Светло-светло-абрикосовый а/п вулканический пепел кислого состава
Ш <sub>8300</sub>	8300	2	Светло-светло-палевый со слабым лимонным оттенком “двойной” вулканический пепел: сверху а/п, т/з, внизу до м/з вулканического песка с обильными темноцветными минералами	2	Светло-палевый с ярким лимонным оттенком т/з вулканический песок с обильными темноцветными минералами; ближе к кровле с небольшой примесью а/п	1.5–2	Палево-светло-лимонный а/п, т/з до м/з вулканический песок кислого состава, с обильными темноцветными минералами. Слабый намек на нормальную гранулометрическую стратификацию: более тонкий верх и более грубый низ
ПЛ	8600	1–5	Линзами с растащенными границами охристо-рыжий полуразложившийся вулканический пепел: а/п “труха” с небольшой примесью очень тонкого колючего вулканического песка	До 3	“Карманами”, ярко-охристый р/з преимущественно с/з колючий вулканический песок основного состава	2–5	Неровно, нижняя граница “карманами”, охристо-коричневый м/з, с/з, единично к/з колючий вулканический песок основного состава, со светлыми минералами
РЖ	>10000	–	–	0.5	Уверенным слоем коричневатого-темно-темно-серый р/з до с/з колючий вулканический песок основного состава со светлыми минералами	1–3	Сцементированный черно-темно-ржавый прослой т/з, м/з, с/з вулканического песка основного состава с единичными зернами плагиоклаза до к/з

*Примечания:* Положение пеплов в разрезах см. на рис. 2. Размерность песка: а/п – алевропелит, т/з – тонко-, м/з – мелко-, с/з – средне-, к/з – крупно-, р/з – разнозернистый.

\* Вулканы-источники: Ш – Шивелуч; ОП – Бараний амфитеатр на вулкане Опала; КС – Ксудач; БЗ – Безымянный; ХГ – Хангар; ПЛ – Плоская; РЖ – пепел неизвестного источника. \*\* Возраст округленный. Отсутствие пеплов Ш<sub>1</sub> – ОП в точке 630 связано с эоловым передувом в этом разрезе отложений последних 1500 лет.

р. Камчатка –  $30300 \pm 800$  лет (ГИН-3403), календарный – около 35 тыс. лет (Брайцева и др., 2005). Климат Камчатки в то время был прохладнее современного, ледники в горах сокращались в размерах, но не исчезали (Мелекесцев и др., 1974). Из крупных животных в бассейне р. Камчатка тогда жили мамонты позднего типа и овцебыки; их костные останки имеют  $^{14}\text{C}$ -возраст: мамонт –  $30000 \pm 300$  лет (ГИН-3415), овцебык –  $31000 \pm 100$  лет (ГИН-3418).

В Ключевской группе вулканов происходило интенсивное формирование стратовулканов Острого и Плоского Толбачиков, Дальней и Ближней Плоских сопок, Камня, Большой и Малой Удиных сопок. Все они в это время достигали уже значительной высоты и, несмотря на межстадиальные условия, служили крупными центрами оледенения. Ближе всех (в 30 км к ВЮВ) от района Ушковских стоянок располагался действующий вулкан Плоская Дальняя сопка (Ушковский). От фронта ледников начинались обширные слабонаклонные флювиогляциальные равнины, формировавшиеся тальми ледниковыми водами.

Затем наступило сильное похолодание, приведшее к новому наступлению ледников и значительному увеличению общей площади оледенения на вулканах Ключевской группы и в Срединном хребте Камчатки. Вся средняя часть Центральной Камчатской депрессии была занята начинавшимися от ледников флювиогляциальными равнинами, которые практически смыкались своими нижними по течению краями. Максимального размера ледники достигли около 22–21 тыс.  $^{14}\text{C}$  л.н. Тогда район современного местонахождения оз. Большое Ушковское располагался на стыке периферических частей флювиогляциальных равнин, западная из которых начиналась от ледника в троговой долине р. Пра-Крерук в Срединном хребте, а восточная – от двухлопастного ледника с вулкана Ушковского. Фронт ледника Пра-Крерук располагался на абсолютных отметках 280–300 м, северная лопасть ледника Пра-Ушковский спускалась до 290–400 м, южная – до 380–390 м. Фронтальные части ледников обеих лопастей находились всего в 12 (южная) и 15 (северная) км от современного расположения Большого Ушковского озера.

Южнее располагался еще один огромный ледник, фронт которого опускался до высоты 120 м (Мелекесцев и др., 1970). В связанных с ним озерно-ледниковых отложениях был найден череп мамонта, по которому получена датировка  $21200 \pm 400$  (ГИН-2224) (Краевая, Кураленко, 1983).

Сток талых ледниковых вод осуществлялся вдоль осевой зоны Центральной Камчатской депрессии. Так было до возникновения в районе пос. Ключи

ледниковой плотины. Здесь позднеплейстоценовый ледник с вулкана Шивелуч перекрыл осевую зону Центральной Камчатской депрессии, поднявшись вверх по северному подножию щитообразного вулкана Плоских сопок до абсолютных отметок 80–90 м. В результате сток в океан талых вод из расположенной выше по течению от плотины части депрессии прекратился, возникло огромное озеро. Был затоплен и район расположения Большого Ушковского озера.

Климат Камчатки был в то время очень холодным. В горах общая площадь ледников разных типов превышала 50 тыс. км<sup>2</sup> (Мелекесцев и др., 1974), в приледниковой зоне господствовали тундростепи. Уровень Мирового океана в период максимума позднеплейстоценового оледенения был примерно на 120 м ниже современного.

Несмотря на суровость климата, перемещение людей с азиатского на американский материк заметно облегчилось благодаря осушенным участкам шельфа с преобладавшим равнинным рельефом и небольшими перепадами высот. Такой осушенный шельф существовал по периметру всей Камчатки. С западной стороны граница суши и моря проходила тогда по современной изобате 100 м, с восточной, в районе Южной Камчатки – по изобате 90 м (Мелекесцев и др., 1974). Вполне вероятно, что и в пределах осушенного шельфа, как и в большинстве приледниковых перигляциальных зон Камчатки, наиболее характерными были тундростепные ландшафты с соответствующим комплексом фауны, включая мамонтов, овцебыков и др., по аналогии с тундростепями Центральной Камчатской депрессии. Вся центральная горная часть Камчатки была занята ледниками, которые сделали ее невозможной для пересечения с запада на восток по кратчайшему расстоянию. Поэтому по пути из Сибири на Аляску древние люди могли попасть сюда, только обойдя Камчатку по осушенному шельфу. Дойдя до юго-западного берега п-ова Камчатский Мыс, где осушенный шельф был очень узким и, возможно, не всегда проходимым, они могли там задержаться и попытаться проникнуть по уже существовавшей тогда долине нижнего течения р. Пра-Камчатка в Центральную Камчатскую депрессию. Природные условия в депрессии были комфортнее, чем на тихоокеанском побережье Камчатки. Кроме того, в Центральной Камчатской депрессии обитали мамонты и овцебыки, сохранились участки (рефугиумы) лесной и древесно-кустарниковой растительности (Брайцева и др., 1968), в реках водилась рыба.

Не исключено, что впервые древние люди попали в район Ушковских стоянок тогда же, т.е. около 22–21 тыс.  $^{14}\text{C}$  л.н., поселившись в долине одного

из временных водотоков на формирующейся флювиогляциальной равнине Пра-Ушковского ледника.

Заселение камчатской депрессии людьми, скорее всего, произошло после прорыва плотины и спуска огромного подпрудного озера. На это указывает, в частности, положение дна долины, уже тогда врезанной во флювиогляциальные отложения более чем на 10 м, почти до кровли лав щитообразного вулкана Плоских сопок. При дальнейшем спуске воды подпрудного озера и выработке русла р. Пра-Камчатка, глубинная эрозия привела к препарировке лавового цоколя и появлению холодных источников, приуроченных к трещинным зонам в этих лавах. Судя по направленности и скоростям тектонических движений в голоцене (Мелекесцев и др., 1970), первичная относительная высота обрыва над урезом воды в р. Пра-Камчатка могла быть порядка 10 м.

Положение района Ушковских стоянок на высоком берегу крупной реки и наличие незамерзающих источников, вероятно, сделали его привлекательным и для последующих групп людей, оказавшихся в Центральной Камчатке в конце позднего плейстоцена – рубежа голоцена. Причем, появление этих групп древних людей на Камчатке тоже вряд ли было случайным. Это время характеризуется ростом ледников, понижением уровня Мирового океана и эпизодами расширения осушения шельфа прикамчатских морских акваторий.

Вглубь Камчатки древние люди могли попасть, охотясь за мамонтами, которые тогда еще жили в Центральной Камчатской депрессии. Л.Д. Сулержицкий был, например, датирован бивень мамонта из флювиогляциальных отложений вблизи устья р. Урц, правого притока р. Камчатка. Его возраст –  $12630 \pm 50$   $^{14}\text{C}$  л.н. (ГИН-3420).

Особо следует остановиться на характеристике одного из главных геоморфологических объектов района Ушковских стоянок – оз. Большое Ушковское, его генезисе и времени возникновения. В настоящее время оно является типичным озером-старицей, приуроченным к современной, очень динамичной пойме р. Камчатка. Урез воды в озере около 24 м. Но это – средняя отметка его уреза: в половодье она – на 1–1.5 м выше, в межень – на 1–1.5 м ниже, в соответствии с изменением уровня воды в р. Камчатка, с которой оно соединяется глубокой протокой. Питание озера осуществляется за счет высокодебитных холодных ключей, бьющих из трещин в лавовом потоке на его южном берегу. Ключи не замерзают даже зимой.

В половодье по сравнению с меженью длина озера увеличивается примерно с 2 до 3.5 км, макси-

мальная ширина – с 0.7 до 1.1, площадь – с 0.9 до 2.6 км<sup>2</sup>, а нижние горизонты археологических стоянок оказываются затопленными.

Приуроченность озера к современной формирующейся пойме р. Камчатка указывает на его недавнее возникновение. От главного русла реки озеро отделено сейчас сложно построенным прирусловым валом с относительной высотой над меженим урезом воды в реке до 2.5–3 м. В половодье относительная высота вала уменьшается до 0.5–1 м. Когда был сформирован этот вал и когда возникло само озеро, точно неизвестно. Большое Ушковское озеро отсутствует на карте и в тексте работы С.П. Крашенинникова (1949), проводившего исследования в 1738–1740 гг. Впервые это озеро упомянуто К. Дитмаром в дневнике за 1852 г. (1901. С. 170). На карту озеро нанесено В.Н. Лебедевым (1911).

Следовательно, с большой долей вероятности можно утверждать, что возраст Большого Ушковского не превышает 250–300 лет, а до этого Ушковские стоянки находились непосредственно на интенсивно размываемом правом берегу р. Камчатка. Значительному размыву подвергалась территория и самих стоянок, на что указывает обилие артефактов на дне озера. С момента появления озера темп размыва правого берега реки, ставшего южным берегом озера, с расположенными там археологическими стоянками резко замедлился.

*О перспективах поисков древних археологических стоянок в Центральной Камчатской депрессии.* Поселения, подобные Ушковским стоянкам, могли появиться в пределах всего современного правобережья нижнего течения р. Камчатка, но особенно на его участке от устья р. Студеная до пос. Ключи. Геоморфологические и ландшафтные условия, сходные с ушковскими, существовали здесь, по крайней мере, в пяти местах: в районе пос. Козыревск, а также выше и ниже от него по течению р. Камчатка, в районе пос. Майское, на берегах оз. Эульченок и Ключевское, в районе пос. Ключи.

Вполне возможно, что в позднем плейстоцене древние поселения или временные стоянки существовали и в долинах левых притоков Пра-Камчатки. Они должны были располагаться на флювиогляциальных равнинах вблизи крупных прорезающих их водотоков. Особенного внимания заслуживает район долин рек Быстрая и Анавгай с действовавшими и тогда термальными источниками, а также расположенная почти напротив района Ушковских стоянок флювиогляциальная равнина современной р. Крерук. В последнем случае перспективными местами могут быть береговые уступы подрезанной рекой флювиогляциальной равнины вплоть до Срединного хребта.

Следует провести также детальные исследования на берегах р. Николка 1-я, правого притока р. Камчатка, впадающей в нее выше по течению от пос. Лазо. Она питается от незамерзающих даже зимой мощных родников и прорезает террасовидную поверхность, одновозрастную позднеплейстоценовым флювиогляциальным равнинам.

Авторы выражают глубокую признательность И.Ю. Понкратовой за содействие в проведении работ.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брайцева О.А., Егорова И.А., Несмачный И.А. и др.* Тефрохронологические исследования как метод изучения закономерностей циклического развития вулкана // Бюллетень вулканологических станций. 1978а. № 54.
- Брайцева О.А., Егорова И.А., Несмачный И.А. и др.* Тефрохронологическое датирование лавовых комплексов и реконструкция истории формирования современного вулкана // Бюллетень вулканологических станций. 1978б. № 55.
- Брайцева О.А., Мелекесцев И.В.* Тефрохронологический метод // Методическое руководство по изучению и геологической съемке четвертичных отложений. Л., 1987.
- Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Евтеева И.С., Лупкина Е.Г.* Стратиграфия четвертичных отложений и оледенения Камчатки. М., 1968.
- Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Пономарева В.В. и др.* Сильные и катастрофические эксплозивные извержения на Камчатке за последние 10 тыс. лет // Геодинамика и вулканизм Курило-Камчатской островодужной системы. Петропавловск-Камчатский, 2001.
- Брайцева О.А., Мелекесцев И.В., Сулержицкий Л.Д.* Новые данные о возрасте плейстоценовых отложений центральной камчатской депрессии // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2005. Т. 13. № 1.
- Диков Н.Н.* Верхний палеолит Камчатки // СА. 1969. № 3.
- Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Диков Н.Н.* Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднеплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.
- Дикова (Кирияк) М.А.* Позднеплейстоценовые комплексы стоянки Ушки V: история открытия и перспективы исследований // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан, 2005.
- Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. I. СПб., 1901.
- Кашин В.А.* Палеолит Северо-Восточной Азии: История и итоги исследований 1940–1980 гг. Новосибирск, 2003.
- Краевая Т.С., Кураленко Н.П.* Верхнеплейстоценовые ледниковые образования подножий активных вулканов Камчатки // Вулканология и сейсмология. 1983. № 2.
- Краевая Т.С., Мелекесцев И.В.* Рыхлые отложения подножий молодых стратовулканов Камчатки и вопросы их генезиса // Вулканические фации Камчатки. М., 1969.
- Крашенинников С.П.* Описание Земли Камчатки. М.; Л., 1949.
- Лебедев В.Н.* Предварительный отчет об исследовании вод Камчатки в 1908–1909 гг. // Изв. ИРГО. 1911. Т. 47. Вып. 1–5.
- Мелекесцев И.В.* К вопросу о строении долины р. Камчатка // Вопросы географии Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский, 1963.
- Мелекесцев И.В.* Принципы и методы возрастного расчленения и корреляции четвертичных образований (на примере Камчатки) // Методика картирования вулканических формаций. М., 1969.
- Мелекесцев И.В., Брайцева О.А., Геттнер А.Р.* Генезис покровных супесей Центральной Камчатской депрессии // Вулканические фации Камчатки. М., 1969.
- Мелекесцев И.В., Брайцева О.А., Эрлих Э.Н. и др.* Камчатка, Курильские и Командорские острова. М., 1974.
- Мелекесцев И.В., Краевая Т.С., Брайцева О.А.* Рельеф и отложения молодых вулканических районов Камчатки. М., 1970.
- Мочанов Ю.А.* Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975.
- Певзнер М.М., Пономарева В.В., Сулержицкий Л.Д.* Голоценовые почвенно-пирокластические чехлы в Центральной Камчатской депрессии: возраст, строение, особенности осадконакопления // Вулканология и сейсмология. 2006. № 1.
- Пономарева В.В., Чурикова Т.Г., Мелекесцев И.В. и др.* Позднеплейстоцен-голоценовый вулканизм Камчатки // Изменение окружающей среды и климата: природные и связанные с ними техногенные катастрофы. Т. II. М., 2008.
- Титов Э.Э.* Геоморфология и условия накопления осадков в районе Ушковских стоянок // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан, 1980.
- Цейтлин С.М.* Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.
- Шило Н.А., Диков Н.Н., Ложкин А.В.* Первые данные о стратиграфии палеолита Камчатки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. Вып. 17. Магадан, 1967.
- Braitseva O.A., Ponomareva V.V., Sulerzhitsky L.D., Bailey J.* Holocene key-marker tephra layers in Kamchatka, Russia // Quaternary Research. 1997. V. 47.
- Goebel T., Waters M., Dikova M.* The Archaeology of Ushki lake, Kamchatka and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science. 2003. V. 301.
- Goebel T., Slobodin S., Waters M.* New dates from Ushki-1, Kamchatka, confirm 13000 cal BP age for earliest Paleolithic occupation // Jr. Archaeolog. Science. 2010. V. 37.

## ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРИКАМЬЕ В МЕЗОЛИТЕ–НЕОЛИТЕ

© 2011 г. А.В. Вискалин

Ульяновский государственный университет  
(alvisk@mail.ru)

Ключевые слова: мезолит, неолит, Среднее Поволжье, Прикамье, скошенные остря, культурные процессы.

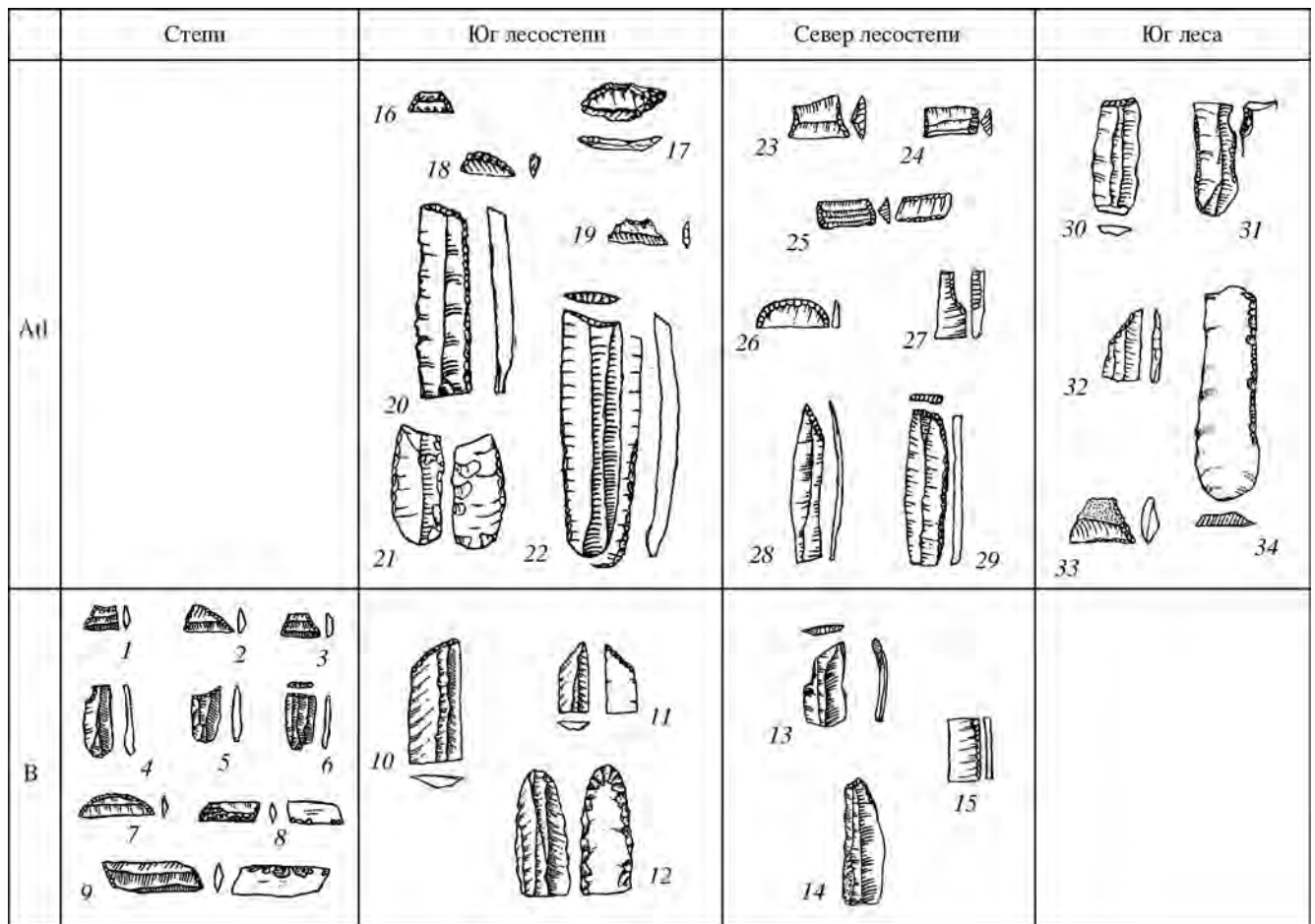
The article studies the spatial and temporal distribution of pieces with oblique retouched truncation in the mid-Volga and Kama regions. The pieces with oblique retouched truncation and associated items of “steppe” appearance were brought to the territory at the end of the Boreal period by population groups of the Zhekalgan and Eastaiskaya cultures from the North Caspian region, who had moved to the forest-steppes due to the ecological crisis. At the beginning of the Atlantic period, under the influence of Early Neolithic tribes, the forest-steppe population with pieces with oblique retouched truncation and trapezes moved deeper into the forest zone, where they mixed with the local tribes of the Kama and Russko-Lugovskaya cultures. The fact that in the Early Neolithic the complex of “steppe features” disappeared from the everyday life of tribes with stroke-ornamented ceramics in the mid-Volga and Urals regions could signify another migration. At the end of the Neolithic another population group with pieces with oblique retouched truncation but without trapezes arrived to the Lower Kama, presumably from the Trans-Urals. They left stroke-ornamented ceramics of the Tatarskiy Azibey type.

При реконструкции одного из ключевых моментов истории – перехода от мезолита к неолиту на территории Среднего Поволжья и Прикамья – исследователи вынуждены опираться на ограниченный круг источников, представленных преимущественно коллекциями каменных изделий. Бедность источниковедческой базы не зависит от количества выявленных объектов, а является прямым следствием песчаного характера культурных отложений, в условиях которых находки из органики практически не сохраняются, а культурные слои утрачивают большую часть содержащейся в них информации (Сорокин, 2008. С. 72). Значительные трудности возникают и в ходе изучения коллекций каменных изделий, содержащих подчас смешанные и разновременные материалы. Осложняет выполнение задачи и однообразный типологический состав находок, основой которых являются массовые изделия, не имеющие культурной специфики. В этих условиях первостепенное значение приобретают “экстраординарные” виды изделий, к числу которых относятся пластины со скошенным ретушью концом.

К данной категории изделий из камня исследователи относят колющие орудия на пластинах с острием, полученным крутой и полукрутой ретушью со стороны спинки. Образующийся острый конец имеет небольшой угол приострения, что позволяет использовать данные орудия либо для оснаще-

ния метательного вооружения (Сорокин, 2008. С. 163, 164), либо в качестве разделочных ножей (Крижевская, 1968. С. 63). Являясь типологически выразительным, но в то же время не очень распространенным видом находок в регионе, пластины со скошенным концом долгое время не привлекали специального внимания исследователей. Причиной тому служила общая недостаточность данных, не позволяющая проводить временные и пространственные сравнения. Расширение источниковедческой базы по мезолиту–неолиту, появление новых датировок и концепций развития Среднего Поволжья и окружающих территорий в корне изменили ситуацию, позволив проследить динамику распространения пластин со скошенным ретушью концом (рисунок).

По мнению исследователей, в конце мезолитической эпохи Среднее Поволжье и Прикамье заняли три группы родственного населения с микропластинчатым кремневым инвентарем (Ластовский, 2000. С. 96–101), о бореальном возрасте которого свидетельствуют имеющиеся палинологические и радиоуглеродные даты (Халиков, 1960. С. 19–23; Гусенцова, 1993. С. 64; Матюшин, 1976. С. 166–181). К косвенным доказательствам существования этого населения относится и типологическая близость каменного инвентаря. Территория к югу от Камы была освоена племенами



Пластины со скошенным ретушью концом и сопутствующие им изделия в позднем мезолите – раннем неолите Нижнего и Среднего Поволжья и Прикамья: 1, 19 – “рогатая” трапеция; 3, 16, 23, 33 – трапеция; 24 – прямоугольник; 2 – треугольник; 8, 9, 17, 25 – параллелограмм; 7, 18, 26 – сегмент; 5, 10, 11, 13, 14, 20, 22, 28, 32 – пластина со скошенным ретушью концом; 6, 29, 30 – пластина с усеченным ретушью концом; 4, 27, 31 – пластина с выемкой на конце; 12, 15, 21, 34 – пластина с плоской ретушью по брюшку. 1 – Истай IV 80; 2 – Истай IV 6; 3 – Истай Va; 4, 5 – Кадыр-Гали-Стау; 6, 8, 9 – Жол-Тюбе; 7 – Же-Калган II; 10–12 – Старо-Токская; 13–15 – Татарско-Азиевская IV; 16 – Ивановская; 17–19 – Виловатовская; 20–22 – Елшанка X (Усть-Ташёлка); 23–26 – Юльяская IV; 27, 28 – Нижняя Стрелка VI; 29 – Отарская VI; 30, 33 – Степанцы II; 31 – Щенники; 3, 34 – Нынек.

романковско-ильмурзинской культуры, оставившими такие опорные памятники, как Старо-Токская и Татарско-Азиевская IV стоянки. Полученный на них кремнь характеризуется высоким содержанием пластин и их сечений без специальной подработки, обедненным набором орудий, представленными пластинами и их сечениями, концевыми скребками, краевыми резцами на сломе заготовки, реже – двугранными, острями со сходящимися и скошенными ретушью концами (Моргунова, 1983. С. 30–39; Косменко, 1978. С. 13–21). Обращает на себя внимание примерно одинаковая доля пластин со скошенным ретушью концом на южных и северных памятниках. Так, если на расположенной на северных границах современной лесостепи Татарско-Азиевской IV стоянке вы-

делено три таких орудия, из которых типичными могут считаться в лучшем случае два (Косменко, 1972. Рис. 4, 13; 1978. Рис. 5, 44), что составляет 0.4–0.6% от общего числа орудий, то Старо-Токская стоянка, находящаяся в южной части лесостепи, содержит девять изделий подобного рода, дающих те же 0.5% (Моргунова, 1983. Рис. 5, 11; 6, 4–9). Ни на одной из опорных стоянок не обнаружены трапеции и другие геометрические микролиты, типологически выраженные наконечники стрел, шлифованные рубящие орудия, появляющиеся в романковско-ильмурзинской культуре лишь на завершающем этапе развития, что, судя по полученным датам, соответствует концу бореального – началу атлантического периодов (Матюшин, 1976. С. 155–159).

Севернее Камы в таежной зоне Среднего Приуралья и Прикамья начинается область расселения племен камской мезолитической культуры, принадлежащей вместе с романковско-ильмурзинской к кругу микrolитических индустрий. Кремневый инвентарь камских племен бореального периода характеризуется ярко выраженным микропластинчатым характером, обедненным набором готовых изделий, полным отсутствием шлифованных рубящих орудий, геометрических микролитов, наконечников стрел и пластин со скошенным ретушью концом (Гусенцова, 1993. С. 63–65).

Долину Волги и ее притоков (Суры, Илети, Свияги, Ветлуги, Цивилия – к западу от устья Камы) занимают племена русско-луговской культуры, оставившие более сотни стоянок с долговременными полуземляночными жилищами (Никитин, 2006а. С. 231). Кремневый инвентарь стоянок Кабы-Копрынская, Бишевская V, Мукшумская XIV и XVIII, Яндашевская, Русско-Луговская II, Алан-Бексерская, Дубовские XI, XIII, XXIII, Ясачная I, Мольбище I, Зеленый остров, Нижняя Стрелка I, Ховрино I и других содержит большое количество микропластинок и орудий из них. Набор орудий выглядит столь же обедненным, как в камской и романковско-ильмурзинской культурах. Обращает на себя внимание отсутствие геометрических микролитов и пластин со скошенным ретушью концом (Никитин, 1996. С. 13–41; Березина, 2006а. С. 45–48; 2006б. С. 238, 239; Галимова, 2004. С. 65–132; Вискалин, 2008а. С. 228–239). В качестве наконечников стрел население русско-луговской культуры использовало преимущественно пластинки с минимальной подработкой острия без выделенного черешка и лишь изредка – черешковые и иволистные наконечники стрел на пластинах. Однако отличительной чертой кремневой индустрии русско-луговской культуры является не эпизодическая встречаемость типологически выраженных наконечников стрел, что можно объяснить близостью к волго-окскому мезолиту, где данный вид изделий достаточно распространен на протяжении длительного времени (Кольцов, 1989; Жилин, 2004; Сорокин, 2004), а широкое использование шлифованных рубящих орудий. Видовой состав рубящих орудий включает разнообразные по форме и размерам топоры, тесла, долота, пещни. Большими сериями представлены крупные и удлиненные долота треугольного сечения, не встречающиеся в материалах камской и романковско-ильмурзинской культур. Благодаря “усиленной” форме такие орудия способны выдерживать серьезную нагрузку при изготовлении незаменимых для рыболовства на крупных реках лодок-однодеревков.

Таким образом, в бореальный период распространение пластин со скошенным ретушью концом ограничивается южными и юго-восточными районами волго-уральской лесостепи, занятыми племенами романковско-ильмурзинской культуры. В материалах камской и русско-луговской культур этого времени данный вид изделий практически отсутствует.

На рубеже бореального и атлантического периодов сложившаяся этнокультурная ситуация начинает изменяться под воздействием глобальных природных процессов. В самом конце бореального периода устанавливается прохладный и сухой климат (Климанов, 1989. С. 30), вызвавший распространение в южных районах современной волго-уральской лесостепи степных ландшафтов (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 25), постепенно сменяющих господствующие до этого сосново-березовые леса (Левковская, 1995. С. 174).

Климатические и ландшафтные изменения в свою очередь вызывают подвижки населения, приспособленного для жизни в определенных природных условиях. Появление в южных районах волго-уральской лесостепи новых групп населения, связанных своим происхождением со степными районами Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, диагностируется по распространению комплекса орудий “степного” облика: пластин со скошенным ретушью концом, геометрических микролитов, пластинок с выемкой на конце, широких пластин с плоской ретушью на брюшке и т.д.

Разрушенная стоянка с кремнем жекалгановского облика, включающего пластины, ретушированные вкладыши и сегменты с гелуанской ретушью дуги, выявлена самарскими археологами на правом берегу Волги вблизи г. Сызрань (Ластовский, 2000. С. 100, 101). Следы присутствия степного мезолитического населения могут являться и единичные находки так называемых рогатых трапеций, обнаруженных на ряде стоянок в южных районах волго-уральской лесостепи. Существующее мнение о раннеолитической атрибуции этих изделий (Выборнов, 2008. С. 207, 208), похоже, не подтверждается фактами. Во-первых, “рогатых” трапеций нет ни в одном из условно “чистых” комплексов раннего неолита волго-уральской лесостепи. Во-вторых, они хорошо представлены в мезолитических комплексах степных районов Северного Прикаспия (Выборнов, Козин, 1988. Рис. 3, 1; Ластовский, Комаров, 1988. Рис. 2, 30), Северо-Восточного Кавказа (Амиханов, 1987. Рис. 17, 1), Северо-Восточного Приазовья (Манько, 1996. Рис. 1, 5–7, 10, 14; Горелик и др., 2003. С. 28, 29; Цыбрий, 2003. С. 44. Рис. 3, 1, 2, 7, 36), Среднего и Верхнего Подонья



(Сурков, Федюнин, 2006. Рис. 1), Средней Азии (Коробкова, 1989. С. 149–167. Табл. 95, 28, 52). Источниковедческий анализ многослойных поселений волго-уральской лесостепи указывает на наличие компонента степного мезолита в кремневом инвентаре, по меньшей мере, еще трех таких стоянок: Виловатовской, Ивановской и Елшанской X.

Виловатовская стоянка содержит разновременные материалы, среди которых типологически выделяется коллекция микролитического кремневого инвентаря. Помимо массовых категорий каменных изделий, она содержит пластины со скошенным концом (Васильев и др., 1980. Рис. 17, 25, 26) и геометрические микролиты степного облика, включающие рогатые (3 экз.) (Васильев и др., 1980. Рис. 18, 10, 12, 13) и низкие симметричные (3 экз.) трапеции (Васильев и др., 1980. Рис. 18, 11, 14), параллелограмм (1 экз.) (Васильев и др., 1980. Рис. 18, 22), сегменты (2 экз.) (Васильев и др., 1980. Рис. 18, 15, 16).

Близкая ситуация наблюдается на Ивановской многослойной стоянке, с нижними слоями которой связан выразительный комплекс микропластинчатого кремня, включающего пластины со скошенным ретушью концом (Моргунова, 1988. Рис. 26, 8, 13, 21) и разнообразные трапеции: асимметричные (Моргунова, 1988. Рис. 26, 1, 5), симметричные (Моргунова, 1988. Рис. 26, 2), рогатые (Моргунова, 1988. Рис. 26, 6).

Подобная картина выявлена и на стоянке Елшанка X, занимающей наиболее северное положение среди остальных стоянок (Вискалин, 2003). В нижних слоях памятника, помимо неолитической керамики и кремня, обнаружен микропластинчатый кремень мезолитического облика: карандашевидные и конические нуклеусы, пластины и их сечения, пластины с боковыми выемками, концевые скребки, пластины со скошенным ретушью концом, пластины с выемкой на конце, трапеции, одна из которых имеет вогнутые боковые края, широкие пластины с плоской ретушью на брюшке.

Раннеолитическая атрибуция микролитических комплексов с пластинами, имеющими скошенный ретушью конец, и геометрическими микролитами степного облика, находящими тесные параллели в кремневом инвентаре позднеолитических культур Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья (Васильев и др., 1980), наталкивается на ряд логических противоречий. Во-первых, чистые раннеолитические комплексы волго-уральской лесостепи демонстрируют преобладание не микропластинчатого, а, скорее, отщепового инвентаря. Во-вторых, ни на одном из них не обнаружены пластины со скошенным ретушью концом и

сопутствующие им геометрические микролиты (Вискалин, 2008б. С. 74–88).

В атлантический период начинается продолжительное потепление и увлажнение климата, создавшее наиболее оптимальные условия для проживания человека в северных широтах. Под действием климатических факторов происходит смещение ландшафтных зон на несколько сот километров севернее (Хотинский, 1977. С. 162). Наибольшей подвижностью отличается граница лес–тундра. Но и граница лес–степь продвигается в это время на север дальше, чем сегодня (Серебрянная, 1982. С. 182). В южных районах волго-уральской лесостепи распространяются засушливые степи (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 25), в северных – широколиственный лес, чередующийся с открытыми пространствами, занятыми степной растительностью (Шаландина, 1989. С. 179–182).

В условиях масштабной ландшафтной перестройки начала атлантического периода в южных районах волго-уральской лесостепи появляются комплексы елшанской керамики, происхождение которых связывается исследователями с раннеолитическими центрами Средней Азии (Выборнов, 2005. С. 154, 155) и Анатолийско-Кавказского региона (Вискалин, 2006. С. 90–92). Елшанское раннеолитическое население вытесняет проживавшие здесь позднеолитические племена, способствуя их отходу на север. Основание для таких выводов дает сравнение каменного позднеолитического и раннеолитического инвентаря, свидетельствующее об отсутствии сколько-нибудь существенных контактов между местным и пришлым населением. Поэтому не удивительно, что именно в это время в лесных районах Среднего Поволжья и Прикамья появляется комплекс пластин со скошенным ретушью концом и сопровождающих их геометрических микролитов.

Пластины со скошенным ретушью концом обнаружены на многих раскопанных широкими площадями поселениях Марийского Поволжья, давших представительные коллекции кремневых изделий: Удельно Шумяцкое X (8000 экз.), Удельно Шумяцкое XII (2508 экз.), Нижняя Стрелка VI (4447 экз.), Паратская XI (2000 экз.), Юльяская IV (1162 экз.) (Никитин, 2006а. Табл. 1). Примечательно, что на всех этих памятниках пластины со скошенным ретушью концом идут совместно с геометрическими микролитами: трапециями, сегментами, параллелограммами, прямоугольниками, ранее не встречавшимися на этой территории. Подобная закономерность прослеживается не только на крупных, но и на небольших стоянках с количеством находок от нескольких десятков до нескольких сотен экземпляров.

ляров. В число таких стоянок входят Выселки VI, Кожлинское I, Владимирская, Сергулинские I–IX. В пользу существования тесной связи между пластинами со скошенным ретушью концом и геометрическими микролитами свидетельствует и тот факт, что на памятниках, где пластины со скошенным ретушью концом не были обнаружены, отсутствуют и геометрические микролиты. Причем отмеченная закономерность прослеживается не только на таких стоянках с ограниченными коллекциями кремня, как Нижняя Стрелка I, Дубовская XI и других, но и на раскопанных большими площадями поселениях, давших значительный по объему материал: Дубовское XXIII (1387 экз.), Дубовское XIII (2861 экз.), Ясачное I (3571 экз.), Мольбище I (3205 экз.), Зеленый остров (1500 экз.).

Однако перечень комплексов, содержащих пластины со скошенным ретушью концом и сопровождающими их геометрическими микролитами, не ограничивается названными выше стоянками. В действительности их гораздо больше, поскольку ряд мезолитических поселений был перекрыт поздними наслоениями и мезолитический кремь стал неотъемлемой частью неолитических и энеолитических объектов. Механическое смешение разновременных комплексов находок, затрудняя выделение мезолитического кремня в чистом виде, не является критическим для решаемой нами задачи. При проведении источниковедческого анализа многослойных стоянок мезолитическая примесь диагностируется достаточно легко. На ее присутствие указывает высокая доля микропластинчатого кремневого инвентаря во всех культурно-хронологических комплексах от неолита до эпохи бронзы включительно, несовпадение зон концентрации микропластинчатого инвентаря и керамики, а также наличие характерных типов орудий, к числу которых относятся, в частности, пластины со скошенным ретушью концом, пластинки с выемкой на конце и геометрические микролиты. К числу стоянок с вероятной мезолитической примесью могут быть отнесены Дубовская VIII, Отарская VI, Майданская и др. В отдельных случаях на стоянках со смешанными материалами удается выявить и сохранившиеся чистые мезолитические объекты. К их числу относится жилище 6 Дубовского VIII поселения. В ходе полевого исследования и последующего камерального изучения жилище 6 наряду с жилищами 1–5 было отнесено к культуре накольчатой керамики (Никитин, 1996. С. 96–100). Однако предложенная автором раскопок культурно-хронологическая атрибуция жилища 6 вступает в противоречие с имеющимся фактом и нуждается в корректировке. Основание для сомнений в неолитическом возрасте этого жилища – отсутствие в

его заполнении развалов неолитической керамики, многократно возросшее по сравнению с другими неолитическими жилищами этой стоянки количество кремня<sup>1</sup> и совершенно необычный для памятников накольчатой керамики состав кремневого инвентаря. Он не содержит таких типичных неолитических изделий из камня, как ножи на крупных пластинах и отщепях с ретушью по периметру, двусторонне обработанные наконечники стрел и т.д., зато дает большое количество микропластинчатого инвентаря, пластин со скошенным ретушью концом, пластин с выемкой на конце, острий с боковым жалом, ланцетов, черешковых и иволистных наконечников стрел, геометрических микролитов (Никитин, 2006а. Рис. 3, 46–59; 4, 29–32). Данный состав орудий находит самые тесные параллели в материалах мезолитических стоянок с пластинами со скошенным ретушью концом. Вполне сопоставимо и количество обнаруженных на этих поселениях пластин со скошенным ретушью концом<sup>2</sup>. Примечательно, что пластин со скошенным ретушью концом практически нет в жилищах 1–5 Дубовской VIII стоянки, связь которых с культурой накольчатой керамики подтверждают развалы неолитической посуды.

В этой связи следует заметить, что пластины со скошенным ретушью концом и геометрические микролиты не являются характерными для кремневой индустрии накольчатой керамики Среднего Поволжья, как считает В.В. Никитин (2006б. С. 256, 257). Они, например, отсутствуют на Дубовском III поселении, на сегодняшний день являющимся одним из наиболее исследованных и представительных поселенческих объектов неолитической эпохи Среднего Поволжья. Не были обнаружены пластины со скошенным ретушью концом на стоянках Щербетская II (Халиков, 1969. С. 51, 54–56), Лесное Никольское III (Вискалин, 1997. С. 28–38), Сутырская V (Никитин, 1986. С. 48), Утюжская I (Березина и др., 2007. С. 14, 15), давших количественно не столь значительный, зато относительно гомогенный кремневый материал неолитической поры.

Проникновение на территорию русско-луговской культуры новых групп позднемезолитического населения, кремневые комплексы которых содержали пластины со скошенным ретушью концом и геометрические микролиты, не привело к поголовному истреблению и вытеснению автохтонных обитателей. Южное население устанавливает кон-

<sup>1</sup>Находок из заполнения жилища 6 примерно столько же, сколько и в жилищах 1–5 накольчатой керамики этой стоянки, т.е. в 5 раз больше, чем в любом из этих жилищ.

<sup>2</sup>Дубовское VIII – 11, Удельно Шумяцкое X – 11, 12, Нижняя Стрелка VI – 5.

такты с местными русско-луговскими племенами, обогащая их культуру степными элементами. Имеющиеся источники не позволяют установить продолжительность и интенсивность этих контактов, но само их существование доказывается появлением в одних и тех же позднемезолитических жилищах, наряду с традиционными для лесной зоны формами рубящих орудий, чужеродных для данной территории пластин со скошенным ретушью концом и геометрических микролитов “степного” облика.

Несколько иной характер приобретают этнокультурные процессы на Каме и Вятке, где в начале атлантического периода, как и на Средней Волге, появляются пластины со скошенным ретушью концом в комплексе с геометрическими микролитами. Их присутствие обнаружено на поздне-мезолитических памятниках Баринка I, Тархан II, Кыйлуд IV, Мари-Кугалка II и III, Кипеневщинская, а также в виде мезолитической примеси на таких неолитических стоянках, как Моторки II, Чумойтло I, Тархан I, Ботыли IV (Гусенцова, 1993. Табл. 2, 11). В отличие от Среднего Поволжья количество пластин со скошенным ретушью концом и сопровождающих их геометрических микролитов в лесном Приуралье оказывается на порядок меньше и не превышает 1–3 экз. на памятник. В комплексе с пластинами со скошенным ретушью концом и геометрическими микролитами идут и другие нововведения: наконечники стрел, шлифованные рубящие орудия и скребки на отщепках. Ни одна из перечисленных категорий изделий не является характерной для степного мезолита и, следовательно, речь едва ли может идти об инфильтрации степного населения в лесные районы Приуралья и Прикамья. Более вероятный источник инноваций, скорее всего, – лесостепные племена романковско-ильмурзинской культуры, занимающей промежуточное положение между степным и лесным Приуральем. Вероятное посредническое влияние лесостепных мезолитических племен доказывается не только их территориальной близостью, но и характерностью для финальных памятников романковско-ильмурзинской культуры всех упомянутых элементов: наконечников стрел, рубящих орудий, пластин со скошенным ретушью концом и геометрических микролитов (Матюшин, 1976. С. 158, 159).

Использование пластин со скошенным ретушью концом и сопутствующих им геометрических микролитов на Средней Волге прекращается с приходом племен накольчатой керамики щербетьского типа в начале V тыс. до н.э. (Выборнов, 2008. С. 209). Ни один из гарантированно чистых от мезолитической примеси комплексов накольчатой керамики, как уже отмечалось выше, не содержит

пластин со скошенным ретушью концом и геометрических микролитов. Предварительное изучение состава их коллекций показывает, что вместе с исчезновением из обихода населения Среднего Поволжья степного комплекса кремневых орудий происходит существенная трансформация местных традиций камнеобработки. На смену характерным для мезолита карандашевидным и клиновидным нуклеусам параллельного расщепления со следами снятия микропластин приходят бессистемные многоплощадочные нуклеусы со следами снятия отщепов, происходит заметное уменьшение количества правильных микропластин и изготовленных из них вкладышей составных орудий, появляется бифациальная обработка и новые типы каменного инвентаря: треугольно-черешковые наконечники стрел с двусторонней ретушью, рубящие орудия укороченных пропорций и симметричного сечения, утюжки-шлифовальники. Все это говорит о притоке на Среднюю Волгу новых групп населения, принесшего с собой инородные традиции кремнеобработки (Никитин, 2006б. С. 256–258). Отмеченное различие мезолитической и неолитической кремневой индустрии Среднего Поволжья ставит исследователей перед проблемой преемственности населения на рубеже двух эпох. Однако окончательное решение обозначенной проблемы не может быть осуществлено на существующей источниковедческой базе, располагающей преимущественно коллекциями со смешанным разновременным инвентарем. Для успешного решения названной проблемы необходима опора на чистые комплексы неолитического кремня, выделение которых потребует значительных усилий и потому не входит в число задач данной работы.

Последний взлет пластин со скошенным ретушью концом наблюдается в самом конце неолитической эпохи на памятниках накольчатой керамики татарско-азибейского типа, занимающих восточные районы волго-уральской лесостепи. На стоянке Татарско-Азибейская II доля пластин со скошенным ретушью концом достигает 8.5% от общего числа каменных орудий, что почти в 20 раз превышает количество изделий данного вида в расположенной по соседству мезолитической Татарско-Азибейской IV стоянке (Габяшев, 2003. С. 70). Важно отметить и то, что пластины со скошенным ретушью концом поздненеолитических комплексов, в отличие от мезолитических, не сопровождаются геометрическими микролитами. Следовательно, речь должна идти не о примеси мезолитического кремня и не о возрождении забытой мезолитической традиции, как принято считать (Габяшев, 2003. С. 123), а о появлении новых групп населения, формирование которых происходило на территории, где, во-

первых, пластины со скошенным ретушью концом имели больший удельный вес в составе кремневой индустрии, а, во-вторых, применение геометрических микролитов было не характерно. Поскольку область степного Поволжья и Северного Прикаспия не отвечает поставленным условиям из-за использования геометрических микролитов на протяжении всей мезо-неолитической эпохи, то речь, скорее всего, должна идти о соседнем Зауралье, где “получили прописку” сходные по облику позднеолитические комплексы накольчатой керамики боборыкинско-типа, пластинчатый кремневый инвентарь которых включает пластины со скошенным ретушью концом без геометрических микролитов (Ковалева, 1989. С. 57). Как показывает историографический обзор, использование пластин со скошенным ретушью концом в Среднем Зауралье не ограничивается рамками позднего неолита и уходит корнями в местный мезолит (Сериков, 2000. С. 130, 131).

Таким образом, анализ пространственного и временного распределения пластин со скошенным ретушью концом на Средней Волге и Прикамье выявляет существование прямой зависимости между распространением данных изделий на территории региона в конце мезолита – неолите и притоком новых групп населения из области степного Поволжья, а в позднем неолите – из Зауралья.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Чохское поселение. М., 1987.
- Березина Н.С.* Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Поволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006а.
- Березина Н.С.* Раскопки мезолитической стоянки Мукшумская XIV в Чувашском Заволжье // ТАС. 2006б. Вып. 6. Т. I.
- Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А. и др.* Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С. и др.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Вискалин А.В.* Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Вып. 2. Самара, 1997.
- Вискалин А.В.* Раннеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка): итоги предварительного изучения // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.
- Вискалин А.В.* К вопросу о происхождении Елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.
- Вискалин А.В.* Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура. М., 2008а.
- Вискалин А.В.* Сравнительный анализ кремневого инвентаря позднемезолитических и раннеолитических памятников волго-уральской лесостепи // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. I. Пенза, 2008б.
- Выборнов А.А.* О раннем неолите Поволжья // Изв. Самарского научного центра РАН. Самара, 2005 (Новые гуманитарные исследования).
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
- Выборнов А.А., Козин Е.В.* Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. Казань, 2003.
- Галимова М.Ш.* Проблемы интерпретации результатов функционального анализа позднемезолитических – раннеолитических каменных индустрий Среднего Поволжья // Археология и естественные науки Татарстана. Казань, 2004.
- Горелик А.Ф., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н.* Группа мезолитических памятников в р-не пгт. Георгиевск (Луганская обл.) // Матер. и исследов. по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск, 2003.
- Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
- Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Климанов В.А.* Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледнековья и голоцена. М., 1989.
- Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
- Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989 (Археология СССР).
- Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М., 1989 (Археология СССР).
- Косменко М.Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3.
- Косменко М.Г.* Итоги раскопок Татарско-Азиевской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
- Крижевская Л.Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968 (МИА; № 141).
- Ластовский А.А.* Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
- Ластовский А.А., Комаров А.М.* Памятники с микролитическим инвентарем низовьев р. Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Левковская Г.М.* Заключение по результатам споро-пыльцевого анализа образцов из разрезов Ивановского

- микрорегиона на р. Ток // Моргунов Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Приложение 1. Оренбург, 1995.
- Матюшин Г.Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Манько В.А.* Проблемы зимовниковской культуры в Северо-Восточном Приазовье // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996.
- Моргунова Н.Л.* Старотокская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.
- Моргунова Н.Л.* Ивановская стоянка в Оренбургской обл. // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Никитин В.В.* Отчет неолитического отряда Марийской археологической экспедиции в 1986 г. // Архив МарНИИЯЛИ. 1986. Оп. 1. Д. 828.
- Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996.
- Никитин В.В.* На стыке двух эпох (к вопросу о раннем неолите лесной полосы Среднего Поволжья) // ТАС. 2006а. Вып. 6. Т. 1.
- Никитин В.В.* Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // ТАС. 2006б. Вып. 6. Т. 1.
- Серебрянная Т.А.* О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене // Развитие территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982.
- Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
- Сорокин А.Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- Спиридонова Е.А., Алешина А.С.* Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.
- Сурков А.В., Федюнин И.В.* Геометрические микролиты Среднего и Верхнего Дона // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.
- Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху камня и бронзы. Йошкар-Ола, 1960.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Цыбрий А.В.* Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Шаландина В.Т.* Палинологическая характеристика археологических памятников Марийского Заволжья // Археологические работы 1980–1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1989.

## О КРИТЕРИЯХ ИДЕНТИФИКАЦИИ АНТИЧНЫХ СВЯТИЛИЩ

© 2011 г. Ю.Н. Кузьмина

Институт археологии РАН, Москва ([julia\\_orient@mail.ru](mailto:julia_orient@mail.ru))

Ключевые слова: античность, Эллада, древнегреческая религия, эллинские святилища, Боспорское царство.

The article considers one of the most complex issues connected with the study of classical sanctuaries, namely, the criteria for their identification. The main purpose of the present study is to specify the criteria for identifying sacred sites, primarily Hellenic sanctuaries of the Bosporan kingdom. The author distinguishes between so-called primary criteria, which include information from the literary tradition and lapidary sources *in situ*, the role of a locality which has a sacred site, etc. Secondary criteria can be the analysis of votive offerings and temple inventory, as well as of osteologic material, i.e. of the sources which scholars often interpret (without taking into consideration the more important primary criteria) as axiomatic evidence that the site was a sanctuary.

Одним из дискуссионных вопросов в современной классической археологии является вопрос о критериях выделения храмов и святилищ, а также идентификации их с какими-то определенными божествами или героями. Данный вопрос уже частично затрагивался в современной российской и довольно обширно изучается в зарубежной историографии (Бутягин, Чистов, 2000; Буркерт, 2004. С. 153–166; Bergquist, 1967; Greco, 1990; Klöckner, 2006). Несомненно, что в настоящее время этот вопрос требует привлечения как можно большего внимания.

Основная задача настоящей работы – уточнение критериев идентификации античных святилищ с целью дальнейшего использования данных наработок при характеристике сакральных памятников, в первую очередь эллинских святилищ Боспорского царства. Учитывая фрагментарность имеющихся источников по сакральным комплексам Боспорского царства, большое внимание было уделено имеющимся аналогиям из святилищ Балканской Греции, Италии и Ионии. Принимая во внимание обширность данной темы, было решено хронологически ограничиться рамками VI–I вв. до н.э.

Исследователи выделяют три обязательных компонента античного святилища: сочетание взаимосвязанных места, символов и ритуалов (Hölscher, 2002. S. 332).

Несомненно, важнейший источник идентификации святилища – данные письменной традиции, которые можно сопоставить с обнаруженным археологическим объектом. В случае с Боспором данная категория источников, к сожалению, настолько

мала, что ее информативность практически равна нулю. В литературной традиции имеются сведения об Апатуре (Strabo. XI. 2, 9, 10; Plin. Hist. Nat. VI, 6, 18; Steph. Byz. Ethnica (epitome). 103.18–104.6), местонахождение которого до сих пор археологически не установлено (упоминание Апатура в литературной традиции см.: FHG., I, 165; Strabo. XI. 2, 9, 10; Plin. Hist. Nat. VI, 6, 18; дискуссии о местоположении Апатура см.: Ростовцев, 1918. С. 124; 1925. С. 280 и сл.; Харко, 1941. С. 81; Гайдукевич, 1949. С. 214; Розанова, 1951; Сокольский, 1976. С. 77–80; Мачинский, Мусбахова, 2009. С. 336–338). Единственная постройка на Боспоре, которую исследователь интерпретировал как храм, в том числе и на основании литературной традиции, – дворцовый храм Афродиты и Диониса на акрополе Пантикапея, в котором В.П. Толстиков видит храм, расположенный рядом с дворцом царя Боспора, упоминаемый в новелле Лукиана Самосатского “Токсарид или дружба” (Лус. Sam. Тох., 50; Tolstikov, 1989. S. 76, 77; Толстиков, Виноградов, 1999. С. 282–304).

Кроме того, первостепенным критерием при определении античного святилища является его местоположение. Конечно, отчасти правы будут те, кто скажет, что теоретически греческое святилище могло располагаться где угодно, но все же отправление культа у греков практически всегда закреплено за определенным местом, выбор которого очень часто был связан с определенными ландшафтными особенностями. По этому поводу у исследователей существуют различные точки зрения. Чаще всего предлагается версия о выборе территории для будущего культового места именно в соответствии с какими-то природными особенностями, например

наличием рядом ручья или ключа, возвышенности, расщелины, роши и т.д., так как они, с одной стороны, возбуждали интерес к сверхъестественному, с другой же стороны, были удобны для проведения ритуалов (Larson, 2007. P. 57; Peadley, 2005. P. 5; Cole, 1994. P. 204, 205; Sporn, 2007. S. 39–62; Krenn, 1996. S. 1–10). Вальтер Буркерт иначе расценивает роль ландшафта в выборе культового места. Он соглашается с тем, что древние тоже чувствовали связь со сверхъестественным, “поскольку говорили об уходящих ввысь вершинах, о кулисах из скал в Дельфах, и особенно часто – о прелести священных роц (ἄλος) с шумом листвы, птичьими голосами, шумящими источниками”. Но он несколько повернул угол зрения на роль природного ландшафта и отодвинул его на второй план, предположив, что то сверхъестественное чувство близости и единения с божеством испытывалось как раз благодаря установленному обществом в том месте культу (Буркерт, 2004. С. 153).

Не вдаваясь в крайности с излишним преувеличением роли природно-мистического фактора в выборе места для основания святилища, подчеркнем, что абсолютно верным кажется суждение о том, что топографически эллинские святилища можно разделить, как минимум, на две категории. Для первой категории характерно то, что они располагались в местах, связанных с верованиями в сверхъестественные силы природы, – на вершинах гор, в пещерах, у ручьев, в гротах и т.д. Часты упоминания ландшафтов по отношению к святилищам и алтарям Афродиты (Hymni Homericis. In Venerem. 59, 100–102), Деметры (Callim. In Cererem. 24–29), а также многих других божеств. Выделение второй топографической категории связано с местами, при выборе которых общество соглашалось с тем, что именно они становятся сакральными (Jameson, 2004. P. 147), что было характерно в большинстве случаев для городских святилищ.

Таким образом, все-таки нет основания сомневаться в том, что в выборе места для святилища определенной и немалую роль играли особенности ландшафта, и большинство современных классификаций эллинских святилищ основано именно на выделении особенностей расположения святилища и на его местоположении по отношению к полису и его территории (Marinatos, 1993. P. 180; Price, 1999. P. 49–52; Tomlinson, 1976. P. 16–18; Sporn, 2002. S. 356, 357; Peadley, 2005. P. 39–47; Polignac, 1995. P. 92, 93).

Вторым не менее важным критерием для определения и идентификации святилища являются сохранившиеся архитектурные остатки. Как верно отметил Р.А. Томлинсон, греческие святилища

не имели фиксированных форм или размеров, все это зависело лишь от возможностей и вкусов сообществ, учреждавших их (Tomlinson, 1976. P. 17).

К сожалению, в Северном Причерноморье в целом и на Боспоре в частности, сохранность строительных остатков крайне фрагментарна. При этом следует еще раз подчеркнуть, что исследователям в большинстве случаев приходится иметь дело с перемещенными деталями ордерных построек, которые, собственно, в классическое и эллинистическое время могли принадлежать не только к храмовой архитектуре, но и к общественным постройкам (Бутягин, Чистов, 2000. С. 63; Крыжицкий, Буйских, 1998. С. 76). Особенно эта проблема остра для Азиатского Боспора, где преобладало сырцовое строительство, камня было мало, и он практически всегда доходит до нас уже, как минимум, во вторичном использовании. Примером этому может служить мраморный угловой строительный блок с надписью о посвящении царем Аспургом статуи Эрота Афродите, найденный при исследованиях затопленной части городища Фанагория в 2004 г. (Кузнецов, 2007. С. 11). По мнению В.Д. Кузнецова, угловой блок был частью стены какого-то монументального здания, полностью выстроенного из мрамора. Автор предполагает, что теоретически данный блок мог относиться к храму Афродиты, но подчеркивает, что доказать это предположение на данный момент невозможно (Кузнецов, 2006. С. 157). Подобная ситуация повторяется практически со всеми найденными в перемещенном состоянии блоками и строительными надписями.

Часто важным вспомогательным фактором при интерпретации постройки как культовой является ее ориентация. В письменных источниках известны восточная (Plut. Numa. 14, 4; Cass. Dio. 54, 7; Aeschylus. Agamemnon. 519–520) и западная ориентации (Vitruv. IV, 5) храмов. В начале XX в. Х. Ниссен подсчитал процентное соотношение ориентаций известных храмов: получилось, что 73% храмов имеют восточную ориентацию, 8 – западную, а 19 – южную либо северную (Nissen, 1907. S. 230–236; Beyer, 1990. S. 1). Восточная ориентация – наиболее частая для культовых сооружений с VIII в. до н.э., а кроме нее и южная, хотя с 570 г. до н.э. храмы практически всегда имеют восточную ориентацию (Beyer, 1990. S. 2, 3; Stilwell, 1954. P. 4; Bergquist, 1967. S. 112, 113).

Основное назначение святилища – совершение жертвоприношения на его территории. Именно поэтому наиболее важный элемент любого святилища (даже более важный, чем храм) – алтарь. Алтари традиционно располагались снаружи храма недалеко от входа в него, что было обусловлено пред-



ставлением о том, что божество, отождествленное с его культовым изображением, могло при таком положении алтаря наблюдать за жертвоприношениями (Hajnoczki, 1977. S. 22). Но далеко не все алтари располагались только снаружи, как предполагают Л. Брюи Зайдман и П. Шмитт Пантель (Bruit Zaidman, Schmitt Pantel, 1994. S. 57). Например, несколько алтарей в афинском Эрехтейоне располагались внутри храма (Peadley, 2005. P. 61, 62). Первостепенное значение алтаря в эллинском святилище доказывает тот факт, что, например, в таких крупных святилищах, как в Олимпии, Дельфах, на Самосе алтари появились задолго до начала строительства храмов, а в некоторых святилищах имелись вообще одни алтари, например в святилище Зевса на горе Ликей в юго-западной Аркадии (Şahin, 1972. S. 1).

Важный критерий идентификации святилища – находки в нем, особенно если оно представляет собой так называемый закрытый комплекс. При этом следует отметить, что все находки в святилище принадлежат либо к культовому инвентарю, либо к вотивным приношениям. Материал, происходящий из святилищ, бывает настолько разнообразен и непредсказуем, что часто очень сложно понять значение того или иного предмета. Как показывают письменные свидетельства и археологические источники, вотивом могло служить что угодно (Baumbach, 2004. P. 1), не обязательно специально для этого изготовленный предмет, но также и предметы домашнего обихода, вооружение, орудия труда, монеты и пр. Для верной идентификации святилища по находкам в нем следует выяснить, какие же категории археологических источников наиболее объективны.

Одними из наиболее объективных свидетельств в данном случае могут служить посвятельные надписи божеству (или божествам), найденные *in situ*, но, к сожалению, находки такого рода немногочисленны. Чаще всего ученые имеют дело с находками посвятельных надписей либо в перемещенном состоянии, либо уже при их вторичном использовании. Такие свидетельства могут лишь указать на то, что в данной местности почиталось то или иное божество, но лишь с большой осторожностью могут служить для идентификации каких-то архитектурных остатков с упоминаемым божеством. В качестве примера можно привести предположения о почитании Артемиды Эфесской в Пантикапее. Существуют очевидные свидетельства о почитании ее культа в столице Боспорского царства еще с периода поздней архаики. В Пантикапее были обнаружены две посвятельные надписи Эфесии (КБН 6а, 11), согласно одной из которых в правление Левко-

на I ей был посвящен алтарь (КБН 6а; Блаватский, 1951. С. 224; 1962. С. 25; Розанова, 1960. С. 132; Виноградов, 1974. С. 59–61; Трейстер, 1990. С. 41, 42; Кузьмина, 2010. С. 148–154). Все это определенно свидетельствует о том, что, возможно, где-то на акрополе Пантикапея или в его окрестностях могло существовать святилище Эфесии, либо она могла почитаться там совместно с другими божествами. Исходя из имеющихся археологических источников и отсутствия письменной традиции любые более смелые выводы будут необоснованными.

В связи с немногочисленностью лапидарных надписей, дающих нам сведения об эллинских святилищах на Боспоре, важной категорией материала является керамическая эпиграфика, представленная многочисленными граффити. Специфика данного материала состоит в том, что до сих пор не до конца решен вопрос об определении жанра граффити, поэтому одни и те же граффити могут быть абсолютно по-разному интерпретированы, особенно в случае с сокращениями теофорных имен и монограммами (Мальшев, 2005. С. 547). В общем и целом, исследователи выделяют пять основных подгрупп посвятельных граффити (Русева, 1987. С. 140): посвятельные надписи различных типов, надписи с именем божества и маркировкой святилища, граффити магического содержания, письма культового характера, ритуальные надписи.

Терракоты – одна из наиболее многочисленных групп археологических материалов, происходящих из сакральных комплексов, и довольно субъективный источник для идентификации святилищ. Зачастую святилище трактуется как посвященное определенному божеству только лишь на основании иконографии найденной там мелкой пластики и существующих на настоящее время стереотипов, но более верно будет поступать наоборот и подтверждать прочими категориями источников трактовку терракотового изображения. В данном вопросе нельзя не согласиться с В. Хинц, которая отмечает, что, по наблюдениям, большинство типов терракот, особенно в архаический период, не имело отношения ни к какому отдельному культу (Hinz, 1998. S. 34; Baumbach, 2004. S. 71). В.И. Пругло (Денисова) верно отметила, что при раскопках античных культовых комплексов, посвященных разным божествам, нередко встречаются однотипные терракотовые статуэтки (Пругло, 1974. С. 7, 8).

При исследовании терракот вообще и находок из святилища важна точная фиксация места находки артефакта, хотя, к сожалению, очень часто при раскопках они обнаруживаются уже в перемещенном состоянии (Rumscheid, 2006. S. 25).

Наиболее многочисленны при исследовании святилищ находки фрагментов тарной, столовой, кухонной, парадной и прочей посуды, а также другого разнообразного массового материала (например, светильников, грузил, металлических изделий, орудий труда и мн. др.).

Как верно подчеркнул В. Стисси, очень часто керамика (да и не только) из греческих святилищ рассматривается в отрыве от археологического, исторического и культурологического контекстов и изучается только с точки зрения датировок и типологии сосудов. Но стоит помнить о том, что керамика в святилище может стать гораздо более информативным источником. Следует решить вопрос о назначении посуды в святилище. Существует два основных варианта: либо сосуды используются в культовых целях (для очистительных церемоний, возлияний, ритуальных трапез), либо они являются votivными приношениями. Кроме того, исследователи выделяют категорию сосудов, найденных на святилищах, которые, вероятно, могли и не иметь отношения к его функционированию, например, к ним относятся сосуды, принесенные паломниками и потом оставленные на территории святилища (Kristensen, 2001. P. 65, 66; Brommer, 1985). Соответственно посуды, относящейся к первой категории, количественно должно быть значительно меньше, чем второй, так как, во-первых, для ритуалов чаще использовали металлические сосуды, во-вторых, исключая ритуальные трапезы, для проведения эллинского ритуала не требовалось большого количества керамической посуды (Stissi, 2003. P. 77).

Особый интерес вызывают миниатюрные керамические изделия, повторяющие по форме стандартные сосуды, которые были более характерны для эпох архаики и классики и практически исчезают в эллинистический период (Hayes, 1992. P. 196). На некоторых святилищах насчитывается более тысячи находок миниатюрной керамической посуды и светильников, например, они занимают большую часть среди находок на Центральном Святилище в Моргантине (Сицилия) классического и раннеэллинистического времени, в святилище Деметры и Персефоны в Кирене, критских святилищах (Edlund-Berry, 2001. P. 71; The Extramural Sanctuary..., 1984. P. 21; Sporn, 2002. S. 355). Находки данного вида керамических изделий встречаются и на памятниках Боспора, например, на святилище элевсинских богинь Береговой IV (Завойкин, 2003. С. 117; Завойкин, Сударев, 2009. С. 178, 179). С одной стороны, ученые принимают их за детские игрушки, с другой стороны, подчеркивают их votivную роль (Horsnæs, 2001. P. 80–84; Carter, 1994.

P. 195; Doepner, 2000. S. 63–65; Anderson-Stojanović, 2002. P. 75–77). Г. Экрот считает, что маленькие сосуды были дешевле больших, поэтому их могли жертвовать в целях экономии (Ekroth, 2003. P. 36). Кроме того, в архаическую эпоху на эллинских сакральных памятниках встречаются приношения миниатюрных предметов вооружения из разных материалов (от бронзы до глины). В. Рончи отметила, что они встречаются только в святилищах, поэтому уверенно определила их votivное назначение (Ronchi, 1996. S. 97).

Несомненно, только в ритуальном контексте могут рассматриваться находки *керносов* (*κέρνος*), круговых подносов с дополнительными вместилищами, к которым крепились небольшие ритуальные сосуды (Scheibler, 1983. S. 54; Pollitt, 1979. P. 205–233; Bignasca, 2000). Ж. Поллитт на основании письменных и археологических источников утверждает, что керносы использовались в ритуалах хтонических божеств, преимущественно богинь, олицетворявших Великую мать богов (Рея, Кибела, Деметра) (Pollitt, 1979. P. 206). По мнению ряда ученых, в центральном вместилище керноса разводили огонь, а подвесные сосуды служили для размещения там приношений: масла, зерна и т.п. (Амирханов, 1984. С. 87). Н.А. Гаврилюк предположила, что часть керносов с памятников Нижнего Поднепровья использовалась в домашних святилищах, возможно, для приготовления лекарственных мазей, а часть – в Кернофориях Элевсинских мистерий (2010. С. 276). В данной ситуации, как и в случае с миниатюрной керамикой, важен вывод о том, что данный специфический вид археологического материала имел прямое отношение к сакральным комплексам.

Лампы и светильники играли важную роль не только при освещении святилищ, но и во многих ритуалах как олимпийских, так и хтонических божеств (Aristoph. Thesm. 280, 655). Как особый вид материала, характерный для святилищ, исследователи выделяют многорожковые светильники. Д.В. Журавлев отмечает их сакральный контекст, но также, обращаясь к письменным источникам, подчеркивает, что информации об их использовании как в ритуальных действиях, так и для освещения общественных и жилых помещений недостаточно (2002. С. 182, 183). В случае с данным видом материала опять же приходится подчеркивать, что это лишь вспомогательный “маркер” и на основании только его находки невозможно делать никаких выводов.

Еще один интересный археологический источник, встречающийся в святилищах, – орудия труда и ремесленного производства, такие как серпы, мо-

тыги, тесла, тьяпки, топоры, ткацкие грузики, иглы и пр., представленные как экземплярами натуральной величины, так и уменьшенными копиями. Их присутствие на сакральных памятниках нельзя оценивать однозначно, так как они могли использоваться не только в качестве votivных приношений (с просьбами об увеличении урожая, улова рыбы, привлечения покупателей к товару и пр.), но и в хозяйственных нуждах, а также при проведении ритуалов (например, серпы и ножи использовались для разделывания жертвенного животного и пр.) (Paus. 2, 35, 5; Ael. Hist. an. 11, 4; разные аспекты приношений орудий труда и ремесленного производства в святилища см.: Kron, 1998. P. 212; Vaumbach, 2004. P. 39, 40; Doerner, 2000. S. 66; Носова, 2005. С. 203, 204; Gleba, 2008. P. 178–187; Молева, 2006). При некоторых святилищах, особенно часто при городских, существовали ремесленные и текстильные мастерские, где работали мастера различных специализаций, например, вполне вероятно, что с деятельностью кепского святилища Афродиты связано производство посуды, терракотовых статуэток и клейменной черепицы (Сокольский, 1968. С. 265; Сорокина, 1998. С. 26–31).

Кроме того, среди находок в эллинских святилищах можно назвать печати, скарабеи, астрагалы, которые, вероятно, имели магические функции; ювелирные изделия, в том числе и терракотовые макеты ювелирных украшений, принесение которых в дар Е. Баумбах связывает со свадебными ритуалами (Vaumbach, 2004. P. 61); различные подвески-апотропои (Молев, 2009. С. 227–230); монеты; предметы вооружения (наконечники стрел, шлемы, миниатюрные макеты оружия и пр.).

Последний важный компонент сакрального объекта – проведение там религиозных обрядов и ритуалов, главнейшие из которых – жертвоприношения божеству. Их условно можно разделить на бескровные приношения (приношения зерна, первых фруктов, лепешек и пр.) и кровавые.

При исследовании античных святилищ важно принимать во внимание данные остеологии. В зарубежной историографии хорошо известны работы, посвященные анализу остеологических остатков из святилищ различных божеств (Boessneck, Driesch, 1983. S. 611–651; Boessneck, 1986. S. 251–301; 1973; Becker, 1997. S. 151–183; Brein, 1978. S. 116–138; Forstenpointer et al., 1999. S. 225–232; Grabtree, Monge, 1990; Hägg, 1998). В России, к сожалению, данный вид материала долгое время не публиковался и мало изучался, хотя в последнее время исследователи, проводящие раскопки святилищ, все же обратили внимание на его значимость (Завойкин, Добровольская, 2007. С. 117–125).

Так о чем же могут свидетельствовать фаунистические остатки из святилищ? Следует сразу отметить, что в святилищах часты находки обработанных костей и поделок из них, например, известны находки астрагалов (Vammer et al., 1978. S. 114, 115), миниатюрных костяных статуэток, накладок на шкатулки и пр. Но все же массовый остеологический материал относится обычно к остаткам жертвоприношений. Традиционно принесение в жертву разных животных связывают с отправлением культов определенных божеств и разными ритуалами.

Для очистительных жертвоприношений часто брали поросят, которые в ходе приношения сжигались полностью, что обуславливалось их дешевизной и небольшим размером (Bremmer, 2008. P. 134). Считается, что приношения быков часто совершались в наиболее крупных святилищах, например, кости крупного рогатого скота составляют большинство в святилище Аполлона в Дидимах.

Свиньи тоже были достаточно дорогим приношением. Их посвящали в жертву в святилищах Афродиты, Деметры, Диониса. Исследователи отмечают, что выбор свиней обычно был связан с ритуалами божеств плодородия или хтонических божеств (Lehmann, Spittle, 1982. P. 268). Следует отметить, что наибольшее количество костей свиней и поросят встречается в святилищах Деметры, что связано с ритуалами, проводимыми в ее честь, например с празднованием Фесмофорий (The Extramural Sanctuary..., 1984. P. 20, 21). Пример преобладания костей свиней в святилищах, посвященных Деметре, – остеологическая коллекция из святилища Деметры и Персефоны в Кирене, которая насчитывает 2494 кости и фрагмента костей животных, примерно 30% из которых могут быть идентифицированы. Из них 77.6% составляют кости свиней и поросят; на втором месте (17.1%) – кости коз и овец; 3.4% насчитывают кости быков; оставшиеся 1.9% приходятся на остальных животных и птиц (собаки, цыплята и пр.) (Grabtree, Monge, 1990. P. 113–115).

Преобладают же на большинстве памятников остальных божеств кости овец и коз. При этом при жертвоприношении животных предпочтение отдавалось молодым особям: например, на алтаре Афродиты Урании в Афинах 77.2% составляли кости ягнят и козлят в возрасте 3–6 месяцев и лишь 3% животных были старше 2.5–3 лет; свиней же обычно забивали в первые два года жизни (Bremmer, 2008. P. 134; Senff, 2003. S. 17; Grabtree, Monge, 1990. P. 116; Vouma, 1996. P. 433, 434; Vammer, 1998. P. 39. Tabl. 3).

Некоторые исследователи предполагают, что быки, овцы и козы никогда не забивались просто на продажу, а всегда для религиозных нужд как

часть ритуала, не важно, частного или публичного (Rosivach, 1994. P. 84, 85).

Другие животные значительно реже подносились в жертву, но все же следует отметить, что на алтарях встречаются кости ослов, лошадей, собак, кошек и различных птиц (Muss, 2001. P. 33; № 96).

Кроме того, на памятниках представлены и кости диких животных, например, в святилище Артемиды в Калаподи встречаются кости вепрей и оленей (Bremmer, 2008. P. 144), а в эфесском Артемисионе – кости медведей, ланей, благородный оленей, львов, которые, впрочем, составляют менее 1% из общей выборки костных остатков (Forstenpointer et al., 1999. S. 230, 231; Vammer et al., 1978. S. 108). Следует отметить, что не всегда дикие животные приносились в жертву божествам: например, известно, что медведи и львы не использовались в качестве жертвоприношений, а их кости (чаще всего клыки) использовались в качестве амулетов (Vammer, 1998. S. 39, 40).

Обычно при жертвоприношении животное не полностью предназначалось божеству, большая часть мяса после ритуала готовилась и съедалась верующими на пиру (Straten, 1995. P. 3). Это подтверждается, например, тем, что при раскопках алтарей и окружающих их территорий практически никогда не встречается целых скелетов животных. Хорошим примером этому служит остеологический материал из Эфесского Артемисиона, где на большинстве костей были видны следы рубки (Vammer, Muss, 1963. S. 63; Vammer, 1998. P. 35).

Какие же части жертвенного животного обычно посвящались божеству? Никогда божеству не отдавались лучшие части тела жертвенного животного, так как уже со времен Гомера считалось, что божеству достаточно лишь ощущать аромат сжигаемой жертвы (Himmelman, 1997. S. 65). Основываясь на данных письменной традиции, подкрепленных результатами палеозоологических исследований, ученые предполагают, что долю божества в ритуальной трапезе чаще всего составляли следующие части тела: бедренные кости (*μηροί*) (Hes. Theog. 540), которые перед сожжением обкладывали двойным слоем жира (*κιῶνά*) хвосты (*κέρκος*) и желчные пузыри (Straten, 1988. P. 57; Vammer, 1998. P. 40).

Однако не всегда стоит связывать приносимых в жертву божеству животных с какими-то определенными ритуалами, иногда определяющий фактор в жертвоприношении – лишь цена приношения. Хороший пример этому – фрагмент одного из мимов Герода “Жертвоприношения Асклепию”, где Кинна приносит в дар храму Асклепия на Косе петуха

лишь потому, что он дешевле, чем бык или свинья (Герод. Жертвоприношения Асклепию. 12–18).

Несмотря на важную роль фаунистического материала при интерпретации святилищ, следует учитывать, что не всегда в святилищах встречается большое количество остеологического материала. Например, в святилище Деметры и Керы в Коринфе костные остатки животных малочисленны, а в обеденных комнатах святилища преобладают находки фрагментов пищи растительного происхождения, состав которой можно реконструировать по изображениям на вотивных керамических корзинах с плодами (*λίκνον*) (Bookidis, 1987. P. 481).

Таким образом, видно, что идентификация сакрального объекта представляет собой сложный многоэтапный процесс, в котором важно не только верно соблюсти методику проведения раскопок и фиксации материала, но и впоследствии досконально и по возможности непредвзято проанализировать все возможные “маркеры”.

Основываясь на тезисе о том, что любое святилище – это сочетание взаимосвязанных места, символов и ритуалов, на примерах из святилищ как материковой Греции, так и эллинских колоний (прежде всего Боспорского царства) проанализированы критерии идентификации античного эллинского святилища. В качестве первостепенных критериев выделены свидетельства литературных и эпиграфических источников. При этом особо отмечено, что в случае с лапидарной эпиграфикой не следует столь легко принимать в качестве основных и решающих источников посвячительные надписи, найденные не *in situ*. Подчеркнута важная роль местоположения святилища и природно-географического фактора в целом. В качестве второстепенных критериев выделены те, которые часто используются исследователями как аксиомы для определения сакральности объекта, например, находки разного рода вотивных приношений и храмового инвентаря (особенно мелкой пластики), остеологического материала и т.п., которые могут служить только лишь как вспомогательный источник.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амірханов А.Ш. До питання про посудини типу керноса // Археологія. 1984. № 46.
- Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
- Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. Вып. 103.
- Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб., 2004.

- Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Факторы выделения античных святилищ VI–IV вв. до н.э. (по материалам боспорских городов) // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000.
- Виноградов Ю.Г. Прохус Минииды // ВДИ. 1974. № 4.
- Гаврилюк Н.А. Керносы из материалов городищ Нижнего Поднепровья (из фондов Института археологии НАН Украины и музеев Херсонщины) // *εγμβολα*. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Журавлев Д.В. К истории освещения на Боспоре в VI–V вв. до н.э. // Боспорский феномен. 2002. Вып. 1.
- Завойкин А.А.  $\theta\epsilon$ : двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь (“Береговой IV”) // Древности Боспора. 2003. Вып. 6.
- Завойкин А.А., Добровольская Е.В. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Матер. VIII Боспорских чтений. Керчь, 2007.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. Поселение и святилище “Береговой 4”. Итоги исследований в 1999–2004 гг. // Археологические открытия. Европейская Россия. 1991–2004 гг. М., 2009.
- Крыжицкий С.Д., Буйских А.В. Античные храмы Северного Причерноморья // Боговете на Понта. Варна, 1998.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Кузьмина Ю.Н. Культ Артемиды Эфесской на Боспоре // *Antiquitas Inventae*. 2010. Вып. V.
- Мальшиев А.А. Граффити на керамических сосудах как исторический источник (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по “Одиссее” и археологическим материалам) // Боспорский феномен. СПб., 2009.
- Молев Е.А. Финикийские подвески-апотропеи из Китейского святилища // Боспорский феномен. СПб., 2009.
- Молева Н.В. Орудия труда как votivные приношения в Китейском святилище // Боспорские исследования. Вып. XIII. Симферополь; Керчь, 2006.
- Носова Л.В. Греческие культы на западной окраине ольвийского полиса // Боспорский феномен. СПб., 2005.
- Пругло В.И. Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Розанова Н.П. К вопросу о местонахождении Апатура // ВДИ. 1951. № 2.
- Розанова Н.П. Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г. // ВДИ. 1960. № 3.
- Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Русяева А.С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Сокольский Н.И. Керамическая мастерская в Кехах // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Сорокина Н.П. Так называемые “кепские” клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сб. М., 1998 (Тр. ГИМ; Вып. 96).
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из Дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Трейстер М.Ю. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА. 1990. Вып. 197.
- Харко Л.П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из ст. Таманской // СА. 1941. Вып. 7.
- Anderson-Stojanović V. The Cult of Demeter and Kore at the Isthmus of Corinth // *Peloponnesian Sanctuaries and Cults*. Stockholm, 2002.
- Bammer A. Sanctuaries in the Artemision of Ephesus // *Ancient Greek Cult Practice from the Archaeological Evidence*. Stockholm, 1998.
- Bammer A., Brein F., Wolff P. Das Tieropfer am Artemisaltar von Ephesus // *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens*. Bd. I. Leiden, 1978.
- Bammer A., Muss U. Das Artemision von Ephesos. Das Weltwunder Ioniens in Archaischer und Klassischer Zeit. Mainz am Rhein, 1963.
- Baumbach J.D. The Significance of Votive Offerings in Selected Hera Sanctuaries in the Peloponnese, Ionia and Western Greece. Oxford, 2004.
- Becker C. Tierknochenfunde aus der Höhle Pilarou – Reste von Tieropfern oder Profane Schlacht – und Speiseabfälle? // *Das Dorische Thera V. Stadtgeschichte und Kultstätten am Nördlichen Stadtrand*. Berlin, 1997.
- Bergquist B. The Archaic Greek Temenos: a study of Structure and Funktion. Lund, 1967.
- Beyer A. Die Orientierung Griechischer Tempel – Zur Beziehung von Kultbild und Tür // *Licht und Architektur*. Tübingen, 1990.

- Bignasca A.* I kernoi circolari in Oriente e in Occidente. Strumenti di culto e immagini cosmiche. Freiburg; Göttingen, 2000.
- Boessneck J.* Tierknochenfunde aus dem Kabirenheiligtum bei Theben (Böotien). München, 1973.
- Boessneck J.* Tierknochenfunde aus Didyma II // Archäologischer Anzeiger. 1986. № 2.
- Boessneck J., Driesch A. von den.* Tierknochenfunde aus Didyma // Archäologischer Anzeiger. 1983. V. 4.
- Bookidis N.* The Sanctuary of Demeter and Kore: an Archaeological Approach to Ancient Religion // AJA. 1987. V. 91. № 3.
- Bouma J.W.* Religio Votiva: the Archaeology of Latial Votive Religion. The 5<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> c. B.C. Votive Deposit South West of the Main Temple at Satricum. Borgo Le Ferriere. The Votive Deposit in a Diachronic and Synchronic Perspective. Groningen, 1996.
- Brein F.* Die Kleinfunde im Altarbereich. Das Tieropfer am Artemisaltar von Ephesos II // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Leiden, 1978.
- Bremmer J.N.* Greek Normative Animal Sacrifice // A Companion to Greek Religion. Oxford, 2008.
- Brommer F.* Griechische Weihgaben und Opfer. Berlin, 1985.
- Bruit Zaidman L., Schmitt Pantel P.* Die Religion der Griechen. Kult und Mythos. München, 1994.
- Carter J.J.* Sanctuaries in the Chora of Metaponto // Placing the Gods. Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece. Oxford, 1994.
- Cole S.G.* Demeter in the City and Countryside // Placing the Gods. Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece. Oxford, 1994.
- Doepner D.* Steine und Pfeiler für die Götter. Weihgeschenk-gattungen in westgriechischen Stadtheiligtümern. Wiesbaden, 2000.
- Edlund-Berry I.E.M.* Miniature Vases as Votive Gifts Evidence from the Central Sanctuary at Morgantina (Sicily) // Ceramics in Context. Stockholm, 2001.
- Ekroth G.* Small Pots, Poor People? The Use and Funktion of Miniature Pottery as Votive Offerings in Archaic Sanctuaries in the Argolid and the Corinthia // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Paderborn, 2003.
- Forstenpointer G., Krachler R., Schildorfer B.* Archäozoologische Untersuchungen zu den Formen des Tieropfers im Artemision von Ephesos // 100 Jahre Österreichische Forschungen in Ephesos. Akten des Symposiums Wien 1995. Wien, 1999.
- Gleba M.* Textile Production in Pre-Roman Italy. Oxford, 2008.
- Grabtree P.J., Monge J.* Faunal and Human Skeletal Remains // The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports. V. IV. Philadelphia, 1990.
- Greco E.* I santuari // Magna Grecia. Arte e Artigianato. Milano, 1990.
- Hägg R.* Osteology and Greek Sacrificial Practice // Ancient Greek Cult Practice from the Archaeological Evidence. Stockholm, 1998.
- Hajóczki G.* Zweiseitigkeit der Funktion als Grundprinzip des griechischen Tempels. Von Prusias bis Pergamon // Griechische Tempel. Wesen und Wirkung. Beiträge der Winkelmann-Gesellschaft Stendal. Stendal, 1977.
- Hayes J.W.* Fine Wares in the Hellenistic World // Looking at Greek Vases. Cambridge, 1992.
- Himmelmann N.* Tieropfer in der griechischen Kunst. Op-laden, 1997.
- Hinz V.* Der Kult von Demeter und Kore auf Sizilien und in der Magna Graecia. Wiesbaden, 1998.
- Hölscher T.* Rituelle Räume und politische Denkmäler im Heiligtum von Olympia // Olympia 1875–2000. 125 Jahre Deutsche Ausgrabungen. Mainz am Rhein, 2002.
- Horsnaes H.W.* Miniature Pottery and the Questions of Domestic cult in Lucania // Ceramics in Context. Stockholm, 2001.
- Jameson M.H.* Mapping Greek Cults // Chora und Polis. München, 2004.
- (Schriften des Historischen Kollegs; Kolloquien 54).
- Klöckner A.* Votive als Gegenstände des Rituals – Votive als Bilder von Rituale // Archaeologie und Ritual. Wien, 2006.
- Krenn E.* Heilige Heine im Griechischen Altertum – Ursprung, Bedeutung und Funktion // Kult und Funktion Griechischer Heiligtümer in Archaischer und klassischer Zeit. Mainz, 1996.
- Kristensen R.* Protocorinthian Pottery in Greek Sanctuaries // Ceramics in Context. Stockholm, 2001.
- Kron U.* Sicles in Greek Sanctuaries: Votives and Cultic Instruments // Ancient Greek Cult Practice from the archaeological Evidence. Stockholm, 1998.
- Larson J.A.* Land Full of Gods: Nature Deities in Greek Religion // A Companion to Greek Religion. Oxford, 2007.
- Lehmann P.W., Spittle D.* The Temenos (Samothrace 5). Text. Princeton, 1982.
- Marinatos N.* What were Greek Sanctuaries? A synthesis // Greek Sanctuary. L.; N.Y., 1993.
- Muss U.* Der Altar als Kultplatz // Der Altar des Artemision von Ephesos. Wien, 2001 (Ephesos XII/2 Textband).
- Nissen H.* Orientation. Studien zur Geschichte der Religion. H. II. Berlin, 1907.
- Peadley J.* Sanctuaries and the Sacred in the Ancient World. Cambridge, 2005.
- Polignac F. de.* Cults, territory, and the Origin of the Greek City-State. L., 1995.
- Pollitt J.J.* Kernoi from the Athenian Agora // Hesperia. 1979. V. 48.

- Price S.* Religions of the Ancient Greeks. Cambridge, 1999.
- Ronchi V.* Miniaturwaffen-Votive von der Ägais zur Magna Graecia Kulthistorische Überlegungen // Kult und Funktion Griechischer Heiligtümer in Archaischer und klassischer Zeit. Mainz, 1996.
- Rosivach V.J.* The System of Public Sacrifice in Fourth-Century Athens. Atlanta, 1994.
- Rumscheid F.* Die Figürlichen Terrakotten von Priene. Fundkontexte, Ikonographie und Funktion in Wohnhäuser und Heiligtümer im Licht antiker Parallelbefunde. Wiesbaden, 2006.
- Scheibler I.* Griechische Töpferkunst. Herstellung, Handel und Gebrauch der antiken Tongefäße. München, 1983.
- Senff R.* Das Aphroditeheiligtum von Milet // Neue Forschungen zur Religionsgeschichte Kleinasiens. Bonn, 2003 (Asia Minor Studien 49).
- Sporn K.* Heiligtümer und Kulte Kretas in Klassischer und Hellenistischer Zeit. Heidelberg, 2002 (Studien zu Antiken Heiligtümern 3).
- Sporn K.* Höhlenheiligtümer in Griechenland // Kultur und Kommunikation. Medien in Heiligtümern der Antike. Wiesbaden, 2007 (ZAKMIRA-Schriften 4).
- Stilwell R.* The Siting of Classical Greek Temples // Jr. Society Architect. Historians. 1954. V. XIII. № 4.
- Stissi V.* From Catalogue to Cultural Context: Bringing Life to Greek Sanctuary Pottery // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Paderborn, 2003.
- Straten F.T. van.* The God's Portion in Greek Sacrificial Representations: Is the Tail Doing Nicely? // Early Greek Cult Practice. Stockholm, 1988.
- Straten F.T. van.* Hiera Kala. Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece. Leiden; N.Y.; Köln, 1995.
- Şahin M.Ç.* Die Entwicklung der Griechischen Monumentalaltäre. Köln, 1972.
- The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports. V. 1: Background and Introduction to the Excavations. Philadelphia, 1984.
- Tolstikov V.P.* Archäologische Forschungen im Zentrum von Pantikapaion und einige Probleme der Stadtplanung vom 6. bis zum 3. Jahrhundert v.Chr. // Demokratie und Architektur. Die hippodamische Städtebau und die Entstehung der Demokratie. München, 1989.
- Tomlinson R.A.* Greek Sanctuaries. L., 1976.



## НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ИЛЕКА VI–I вв. до н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У с. ПОКРОВКА)

© 2011 г. О.И. Куринских

*Институт археологии РАН, Москва (olgarha@yandex.ru)*

*Ключевые слова: ранние кочевники, погребальные комплексы, наконечники стрел, колчаные наборы, относительная хронология.*

The article tells of the arrowheads from burial complexes at the Pokrovka burial grounds (6<sup>th</sup> – 1<sup>st</sup> cc. BC) which are situated in the Ilek left bank region of the South Urals. The author suggests a typology for the items based on the traditional principles of classification. For all the types, their combinations in the assemblages have been studied. Five groups of quiver sets have been identified, and their relative chronological order. Thus, we can date the assemblages which contain the arrowheads.

При исследовании погребальных комплексов ранних кочевников у с. Покровка (левобережье Илека), Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл. среди прочего инвентаря были обнаружены наконечники стрел (более 1200 шт.).

Покровские погребальные комплексы, исследованные Илецкой экспедицией ИА РАН в период с 1991 по 2001 г. под руководством Л.Т. Яблонского (в 1999 и 2001 гг. – под руководством В.Ю. Малашева), относятся к различным культурно-хронологическим этапам: с эпохи бронзы до позднесарматского времени начала IV в. н.э. (Курганы..., 1993; 1994; 1995; 1996). Всего к периоду ранних кочевников, т.е. к VI–I вв. до н.э., из могильников у с. Покровка относится 205 погребальных комплексов. Наконечники стрел были обнаружены в 52 погребениях. При этом в 39 (76%) из них были захоронены мужчины (3 коллективных погребения содержали три или четыре мужских костяка); в 5 (10%) погребениях – женщины; 1 (2%) захоронение – парное (мужское и женское) и 1 (2%) содержало коллективное захоронение из четырех мужских, шести женских и двух детских костяков. В 5 (10%) погребениях из-за плохой сохранности или ограбления пол погребенного не устанавливается.

В результате в данной работе стало возможным ввести в научный оборот 846 наконечников стрел, представляющих собой достаточно информативную выборку по данной категории погребального инвентаря. Одной из задач исследования было составление типологической классификации наконечников стрел. Цель – проследить особенности распределения их по типам и провести анализ по-

лученных результатов в хронологическом и культурном аспектах.

С историографической точки зрения для территории Южного Приуралья непосредственный интерес представляет фундаментальный труд К.Ф. Смирнова “Вооружение савроматов” (1961), который не утратил своего практического значения и сегодня. Отмечая большой вклад других исследователей в изучение вооружения ранних кочевников (Ростовцев, 1918; Rau, 1929; Мелюкова, 1964<sup>1</sup>; Граков, 1947), К.Ф. Смирнов разрабатывает классификацию наконечников стрел VII–IV вв. до н.э. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья на основе накопленного к тому времени материала. Принципы классификации, предложенные исследователем, в дальнейшем использовали многие авторы при составлении типологий наконечников стрел (Мошкова, 1962; 1963. С. 31–33; 1974; Хазанов, 1971. С. 36, 37; Вишневская, 1973. С. 88–96; Скрипкин, 1990. С. 63–74, 139–141; Яблонский, 1996. С. 34–43; Итина, Яблонский, 1997. С. 46–54; Очир-Горяева, 1996. С. 41–53; Клепиков, 2000. С. 96–98; 2002. С. 39–41; Гуцалов, 2004. С. 18–31; Яблонский, 2006. С. 277–296; Шинкарь, 2007. С. 103–119).

Учитывая опыт предыдущих исследователей, в работе было использовано два основных подхода к анализу материала. Первый из них типологический, который предполагает составление классификации и выделение отдельных типов по совокупности

<sup>1</sup>К тому времени еще не опубликованная, но уже известная в научных кругах разработка А.И. Мелюковой скифских наконечников стрел в кандидатской диссертации (защищена в 1950 г.), публикация которой вышла в свет только в 1964 г.

составляющих их признаков, а также привлечение абсолютных датировок по аналогиям. Данный подход широко применяется в работе К.Ф. Смирнова (1961. С. 31–70).

Второй подход – комплексный, заключается в анализе всего массива наконечников уже не по отдельным типам, а по сочетанию разных типов стрел, найденных в одном погребении и представляющих собой так называемые колчаные наборы. Подобный подход использовала еще А.И. Мелюкова в своде “Вооружение скифов” (1964). Основным объектом ее исследования при таком подходе являлся колчаный набор – конкретное сочетание типов.

В дальнейшем исследователи стали использовать оба подхода. Так, например, М.А. Очир-Горяева в работе по изучению наконечников стрел кочевников Нижнего Поволжья (1996. С. 41–54) объединила эти подходы, отмечая, что “при датировании конкретного колчанного набора важно сочетание типов – как качественное, так и количественное. Поэтому для хронологического осмысления работа с колчанными наборами более эффективна, чем с типами стрел”. В результате при анализе образовавшихся двух групп колчаных наборов исследователю удалось выявить некоторые закономерности в развитии поволжских колчаных наборов, а также отдельных типов стрел (Очир-Горяева, 1996. С. 52–54).

Анализ материала из могильников у с. Покровка, учитывая поставленные в исследовании задачи, проводился в несколько этапов. Во-первых, составлена типологическая классификация всего массива наконечников стрел с учетом признаков, имеющих наибольшее хронологическое значение. Во-вторых, определен типовой состав каждого комплекса (колчанного набора), количественное и качественное соотношение в нем тех или иных типов. Далее были выделены группы колчаных наборов на основе взаимовстречаемости типов. В результате проведен анализ образовавшихся групп с целью выяснения характера состава колчаных наборов и относительной хронологии содержащих их погребальных комплексов.

Терминология, которая используется в данном исследовании, в целом соответствует общепринятой традиции описания наконечников стрел с небольшими, но не существенными изменениями (рис. 1).

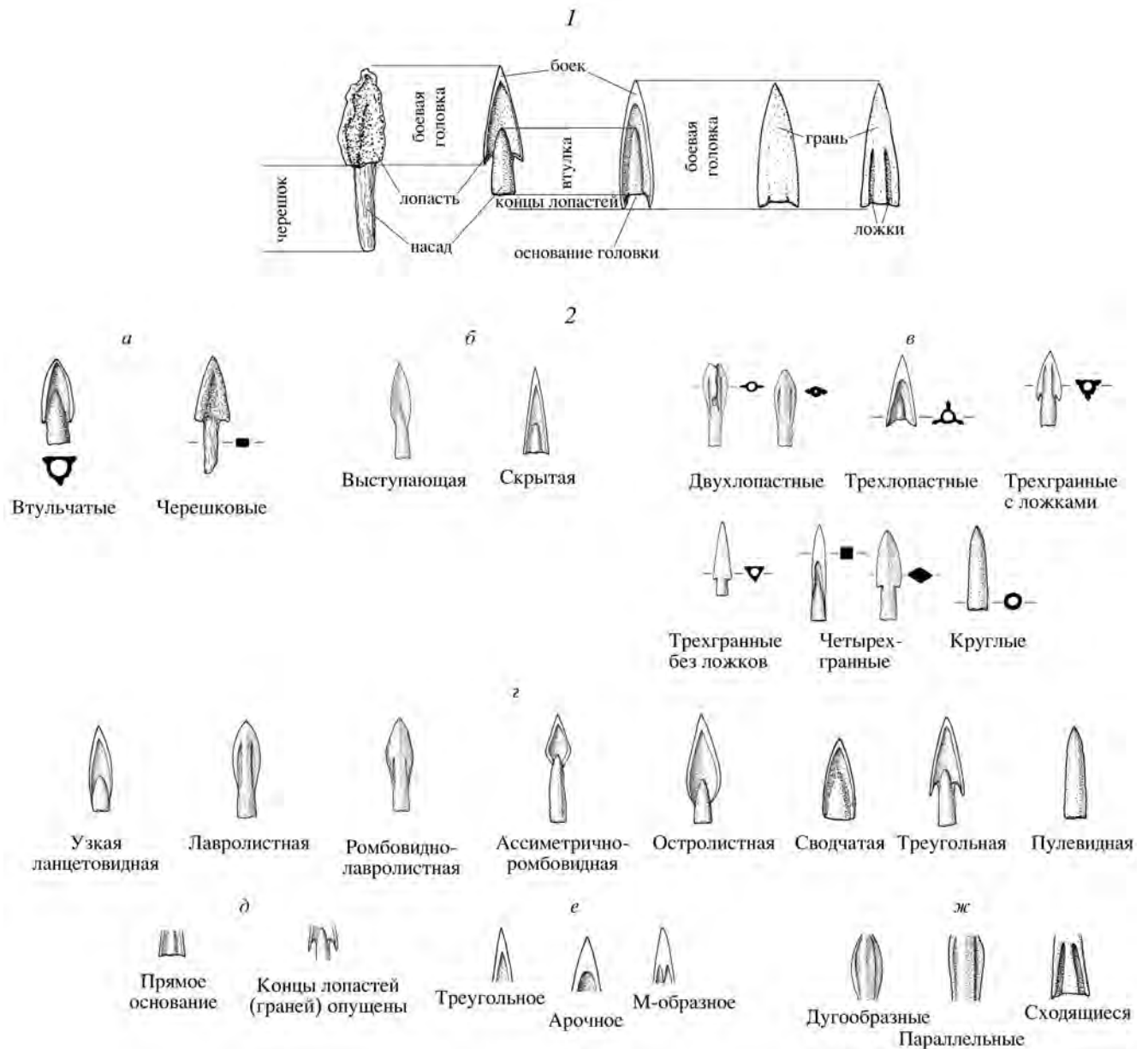
При составлении типологической классификации согласно принципам, предложенным в свое время К.Ф. Смирновым (1961), категории наконечников стрел выделяются по материалу, группы –

по способу насада, отделы – по форме поперечного сечения головки, а типы – по форме головки, образованной расходящимися от вершины гранями или лопастями, а также виду втулки (для втульчатых наконечников). В свою очередь типы подразделяются на варианты, учитывающие некоторые второстепенные признаки, если таковые имеются.

Так, по материалу все покровские наконечники подразделяются на три категории: бронзовые, костяные и железные, а категории в свою очередь на две группы: втульчатые и черешковые.

**Категория 1. Бронзовые.** По способу насада содержит только одну группу – втульчатые<sup>2</sup>, которые по форме поперечного сечения головки делятся на отделы: *двухлопастные, трехлопастные, трехгранные с ложками, трехгранные без ложек, четырехгранные и круглые*. Наконечники стрел, отнесенные к отделу трехгранных с ложками, т.е. со слабо выраженными лопастями и сечением ближе к трехгранному, в литературе описывают по-разному. В классификации А.И. Мелюковой такие стрелы рассматриваются в отделе трехлопастных. К.Ф. Смирнов объединял их в один отдел с трехгранными, отмечая при этом их переходный характер. В своей работе, посвященной памятникам Азиатской Сарматии, А.С. Скрипкин, называет их комбинированными (1990. С. 68). М.А. Очир-Горяева, рассматривая наконечники стрел Нижнего Поволжья, вводит термин “трехгранно-трехлопастные” наконечники стрел, объясняя это тем, что “верхняя часть головки у таких наконечников трехгранная, а нижняя – трехлопастная. При переходе от трехгранной головки к лопастям у них имеются ложки различных видов” (Очир-Горяева, 1996. С. 42). Вопрос, который возникает при описании таких наконечников стрел, заключается, прежде всего, в том, где проводить поперечное сечение головки. Если для одних наконечников будет проводиться сечение по центру, а для других в двух местах одновременно, то, естественно, получатся спорные варианты. Поэтому для унификации этого признака принято решение проводить поперечное

<sup>2</sup>Бронзовые черешковые наконечники стрел, в отличие от других территорий распространения культуры ранних кочевников, в колчаных наборах приуральских номадов встречаются очень редко, а в данной выборке и вовсе отсутствуют, за исключением одного экземпляра из раскопок 1911 г. кургана II у с. Покровка И.А. Кастанье (1913; Ростовцев, 1918. С. 22), в настоящее время хранящегося в Национальном музее г. Алматы (Республика Казахстан) вместе с другими находками из этой коллекции. Данный экземпляр не вошел в нашу выборку в силу неполноты информации об источнике. Тем не менее его наличие дает основание говорить о бытовании подобного типа наконечников у ранних кочевников, обитавших в левобережье Илека.



**Рис. 1.** Схема морфологического описания наконечников стрел. 1 – основные элементы наконечника стрел; 2 – признаки, использованные в классификации: а – способ насада; б – вид втулки (для втульчатых); в – формы поперечного сечения головок; г – формы головок; д – формы основания головок; е – формы основания бойков; ж – виды ложек.

сечение в широкой части наконечника (отличной от основания), дающей наиболее полное представление о форме этого сечения.

В случаях с трехгранными наконечниками стрел, у которых имеются специальные выемки, имитирующие лопасти, т.е. *ложки*, форма поперечного сечения отличается от экземпляров с гладкими гранями. Поэтому они рассматриваются в отделе *трехгранных наконечников стрел с ложками*.

Помимо описанных выше наконечников стрел с ложками, в данной выборке имеются подобные

экземпляры, только двухлопастные. В сечении они образуют отчетливую форму ромба, имеют узкие, невыраженные лопасти и вполне могут быть отнесены к четырехгранным наконечникам. В литературе, тем не менее, все исследователи относят их к двухлопастным (Смирнов, 1961; Вишневская, 1973; Кадырбаев, 1984; Исмагилов, 1988; 1992; Очир-Горяева, 1996; Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997), а в данной выборке, к тому же, они встречены лишь в одном комплексе, наряду с двухлопастными плоскими, поэтому и описаны в одном отделе, подразделяясь на типы как по форме

головки и виду втулки, так и в зависимости от формы поперечного сечения.

Таким образом, учитывая сказанное выше, по форме поперечного сечения наконечники стрел подразделяются на шесть отделов: I – двухлопастные; II – трехлопастные; III – трехгранные с ложками; IV – трехгранные без ложек; V – четырехгранные; VI – круглые.

Тип наконечника стрелы выделяется по двум критериям: по виду втулки, которая может быть *выступающей или скрытой (базисной)*; по форме головки. Последняя может быть *лавровиственной, ромбовидно-лавровиственной, узкой ланцетовидной, сводчатой, треугольной, пулевидной* (рис. 1). По наблюдениям исследователей, более архаичные экземпляры имеют головки лавровиственной и сводчатой форм, тогда как поздние наконечники стрел характеризуются более вытянутой головкой треугольной формы и небольшой втулкой (Мелюкова, 1964. С. 21, 23; Смирнов, 1961. С. 47; Мошкова, 1962. С. 80, 81; 1963. С. 31; Скрипкин, 1990. С. 133–135).

Варианты типов могут выделяться в разных случаях по сочетанию следующих признаков:

1 – форма основания головки (*с прямым основанием, с опущенными ниже основания концами лопастей или граней*);

2 – оформление основания бойка (*треугольное, арочное, М-образное, боек не выделен*);

3 – вид ложек (*параллельные, дуговидные, сходящиеся от основания к вершине, короткие треугольные*).

**Категория 2. Костяные.** Представленные единичными экземплярами в данной выборке, подобные наконечники редко встречаются и в других комплексах ранних кочевников по всему ареалу их обитания. Как правило, они пулевидные или трехгранные и четырехгранные, способы насада могут быть как втульчатые, так и черешковые (Очир-Горяева, 1996. С. 48).

**Категория 3. Железные.** В связи с плохой сохранностью этого вида наконечников стрел, определяющим для классификации является менее разнообразный набор признаков. По способу насада они делятся на две группы: *втульчатые* и *черешковые*. Внутри групп выделяются два отдела по поперечному сечению: *трехлопастные* и *трехгранные*. В тех случаях, когда атрибуция наконечника стрелы невозможна, учитывается его наличие в колчанном наборе как факт, а также тот размер, который сохранился.

Черешковые наконечники стрел подразделяются на типы: со *сводчатой, узкой ланцетовидной, лавровиственной и треугольной* формами головки, когда их возможно определить.

## КАТЕГОРИЯ 1. БРОНЗОВЫЕ ГРУППА 1. ВТУЛЬЧАТЫЕ

### Отдел I. Двухлопастные

**Тип 1.** С выступающей втулкой, с головкой узкой ланцетовидной формы в одном случае (рис. 2, 1), и ромбовидно-лавровиственной формой в другом (рис. 2, 2). Принципиальное отличие этого типа – в плоском поперечном сечении головки.

**Тип 2.** С выступающей втулкой, лавровиственной головкой и подромбическим сечением (21 шт.):

**вариант а** – с параллельными ложками (рис. 2, 3);

**вариант б** – с дуговидными ложками (рис. 2, 4).

**Тип 3.** С выступающей втулкой, ромбовидно-лавровиственной головкой и ромбическим сечением – 2 шт. (рис. 2, 5, 6).

**Тип 4.** С выступающей втулкой, узкой ланцетовидной головкой и ромбическим сечением (4 шт.):

**вариант а** – с параллельными ложками (рис. 2, 7);

**вариант б** – со сходящимися к вершине головки ложками (рис. 2, 8).

### Отдел II. Трехлопастные

**Тип 1 (8)<sup>3</sup>.** С выступающей втулкой и лавровиственной головкой – 6 шт. (рис. 2, 9, 10).

**Тип 2 (20).** С выступающей втулкой и узкой ланцетовидной головкой средних размеров – 5 шт. (рис. 2, 11, 12).

**Тип 3.** С выступающей втулкой и сводчатой головкой:

**вариант а (14)** – с прямым основанием головки и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки – 123 шт. (рис. 2, 13);

**вариант б (25)** – с прямым основанием головки и М-образным оформлением основания бойка – 5 шт. (рис. 2, 14);

**вариант в (13)** – с опущенными ниже основания головки концами лопастей и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки – 65 шт. (рис. 2, 15).

**Тип 4.** Со скрытой втулкой и сводчатой головкой:

**вариант а (15)** – с прямым основанием головки и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки – 36 шт. (рис. 2, 16);

<sup>3</sup> В скобках возле номера типа или варианта дан порядковый номер этого типа в таблице взаимовстречаемости.










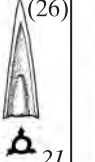


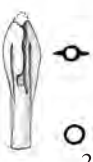



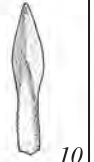





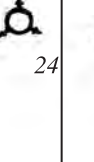
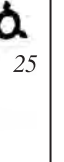
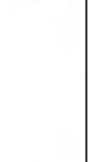
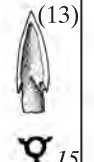
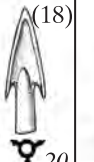







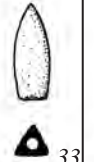

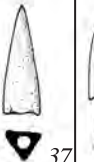
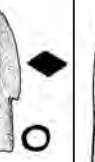





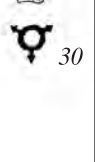
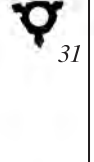
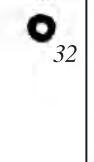



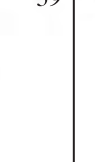


КАТЕГОРИЯ 1												
Вариант	Отдел I				Отдел II							
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 1	Тип 2(20)	Тип 3	Тип 4	Тип 5	Тип 6	Тип 7 (11)	Тип 8 (10)
а												
б												
в												
	Отдел III				Отдел IV				Отдел V		Отдел VI	
	Тип 1 (23)	Тип 2	Тип 3 (24)	Тип 4	Тип 5 (30)	Тип 1 (7)	Тип 2 (21)	Тип 3 (27)	Тип 4 (28)	Тип 1 (5)	Тип 2 (6)	Тип 1 (29)
а												
б												

Рис. 2. Категория 1. Бронзовые втульчатые наконечники стрел. В скобках даны порядковые номера типов (см. таблицу).

**вариант б** (16) – с опущенными ниже основания головки концами лопастей и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки; в одном случае – М-образным оформлением основания бойка, 99 шт. (рис. 2, 17).

**Тип 5.** С выступающей втулкой и треугольной головкой:

**вариант а** (17) – с прямым основанием головки и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки – 124 шт. (рис. 2, 18);

**вариант б** (31) – с прямым основанием головки или чуть опущенными концами и М-образным оформлением основания бойка – 21 шт. (рис. 2, 19);

**вариант в** (18) – с опущенными ниже основания головки концами лопастей и оформлением основа-

ния бойка в виде треугольника или арки – 45 шт. (рис. 2, 20).

**Тип 6.** Со скрытой втулкой и треугольной головкой:

**вариант а** (26) – с прямым основанием головки и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки – 37 шт. (рис. 2, 21);

**вариант б** (19) – с опущенными ниже основания головки концами лопастей и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки – 76 шт. (рис. 2, 22);

**вариант в** (32) – с опущенными ниже основания головки концами лопастей и М-образным оформлением основания бойка – 1 шт. (рис. 2, 23).

**Тип 7 (11).** С длинной втулкой и небольшой головкой ромбовидной формы – 1 шт. (рис. 2, 24).

**Тип 8 (10).** С укороченной втулкой и широкой головкой остролистной формы – 1 шт. (рис. 2, 25).

*Отдел III. Трехгранные с ложками*

**Тип 1 (23).** С узкой ланцетовидной головкой, параллельными ложками и выступающей втулкой. Встречен в одном экземпляре (рис. 2, 26).

**Тип 2.** С выступающей втулкой и сводчатой головкой:

вариант а (9) – с прямым основанием головки и с двумя видами ложек (сходящиеся к вершине и треугольные) – 2 шт. (рис. 2, 27);

вариант б (22) – с опущенными ниже основания концами лопастей и с параллельными ложками – 1 шт. (рис. 2, 28).

**Тип 3 (24).** Со скрытой втулкой и сводчатой головкой, концы лопастей, у которых опущены ниже основания. Все наконечники этого типа имеют дуговидные ложки – 4 шт. (рис. 2, 29).

**Тип 4.** С выступающей втулкой, прямым основанием треугольной головки и сходящимися к вершине ложками – 1 шт. (рис. 2, 30).

**Тип 5 (30).** Со скрытой втулкой, прямым основанием треугольной головки и сходящимися ложками – 2 шт. (рис. 2, 31).

*Отдел IV. Трехгранные без ложек*

**Тип 1 (7).** С выступающей втулкой и с лавролистной головкой, представленные в нашей выборке единственным экземпляром (рис. 2, 32).

**Тип 2 (21).** Со скрытой втулкой и сводчатой головкой:

вариант а – с прямым основанием головки (1 экз. имеет тамгу) – 7 шт. (рис. 2, 33);

вариант б – с опущенными ниже основания головки концами граней – 16 шт. (рис. 2, 34).

**Тип 3 (27).** С треугольной головкой, выступающей втулкой и прямым основанием головки – 4 шт. (рис. 2, 35, 36).

**Тип 4 (28).** С треугольной головкой и скрытой втулкой:

вариант а – с прямым основанием головки (1 экз. имеет тамгу) – 2 шт. (рис. 2, 37);

вариант б – с опущенными ниже основания головки концами граней – 1 шт. (рис. 2, 38).

*Отдел V. Четырехгранные*

**Тип 1 (5).** Со сводчатой головкой массивных размеров, с гладкими гранями и прямым основанием головки и ромбическим сечением – 1 шт. (рис. 2, 39).

**Тип 2 (6).** С узкой ланцетовидной головкой, грани которой ближе к основанию головки плавно переходят в лопасти, и выступающей втулкой – 1 шт. (рис. 2, 40).

*Отдел VI. Круглые*

**Тип 1 (29).** Наконечник стрелы пулевидной формы, средних размеров, встреченный в одном экземпляре (рис. 2, 41).

КАТЕГОРИЯ 2. КОСТЯНЫЕ  
ГРУППА 1. ВТУЛЬЧАТЫЕ

*Отдел I. Круглые*

**Тип 1 (33).** Наконечники стрел со скрытой втулкой и сводчатой формой головки – 3 шт. (рис. 3, 42–44).

ГРУППА 2. ЧЕРЕШКОВЫЕ

*Отдел I. Двухлопастные*

**Тип 1 (12).** С овально-подромбическим сечением головки, переходящей в плоский черешок и подпрямоугольной формой головки – 1 шт. (рис. 3, 45).

КАТЕГОРИЯ 3. ЖЕЛЕЗНЫЕ  
ГРУППА 1. ВТУЛЬЧАТЫЕ

*Отдел I. Трехлопастные*

**Тип 1 (35).** С выступающей втулкой и треугольной головкой – 14 шт. (рис. 4, 46, 47).

**Тип 2 (34).** С выступающей втулкой и узкой ланцетовидной головкой – 1 шт. (рис. 4, 48).

*Отдел II. Трехгранные*

**Тип 1 (36).** С треугольной или слегка сводчатой головкой и скрытой втулкой – 4 шт. (рис. 4, 49, 50).

ГРУППА 2. ЧЕРЕШКОВЫЕ

*Отдел I. Трехлопастные*

**Тип 1.** Со сводчатой головкой. По форме основания головки и длине черешка распадаются на варианты:

КАТЕГОРИЯ 2	
Группа 1	Группа 2
Отдел I	Отдел I
Тип 1 (33)	Тип 1 (12)

Рис. 3. Категория 2. Костяные наконечники стрел. В скобках даны порядковые номера типов (см. таблицу).

**вариант а** (42) – с прямым основанием и коротким или средней длины черешком – 17 шт. (рис. 4, 51);

**вариант б** (37) – с опущенными ниже основания лопастями и черешком, имеющим длину более 10 см, – 2 шт. (рис. 4, 52, 53).

**Тип 2.** С треугольной головкой и коротким или средней длины черешком:

**вариант а** (41) – с прямым основанием – 38 шт. (рис. 4, 54);

**вариант б** (38) – с опущенными ниже основания лопастями – 5 шт. (рис. 4, 55–58).

*Отдел II. Трехгранные*

**Тип 1 (40).** С треугольной головкой, имеющей прямое основание, и ложками – 4 шт. (рис. 4, 59).

**Тип 2 (44).** С лавролистной головкой, встреченный в одном экземпляре (рис. 4, 60).

**Тип 3 (39).** С треугольной головкой, имеющей прямое основание – 5 шт. (рис. 4, 61, 62).

Помимо собственно типологии, основная задача исследования – установление относительной хронологии комплексов, содержащих колчаные наборы.

В связи с этим интересным представляется выяснение характера взаимовстречаемости описанных типов наконечников стрел в комплексах. С этой целью была составлена таблица, в которой по вертикали расположены погребения, содержащие наконечники стрел, а по горизонтали – типы наконечников стрел. Сами типы, учитывая опыт предыдущих исследований, были расположены в относительной

КАТЕГОРИЯ 3								
Вариант	Группа 1			Группа 2				
	Отдел I		Отдел II	Отдел I		Отдел II		
	Тип 1 (35)	Тип 2 (34)	Тип 1 (36)	Тип 1	Тип 2	Тип 1 (40)	Тип 2 (44)	Тип 3 (39)
<i>а</i>								
<i>б</i>								

Рис. 4. Категория 3. Железные наконечники стрел. В скобках даны порядковые номера типов (см. таблицу).





хронологической последовательности, а затем уже все объекты были упорядочены в зависимости от наибольшего сходства между собой. В таблицу не вошли те комплексы, в составе которых был лишь один наконечник, или наконечники одного типа. В результате таблица включает в себя 44 комплекса (колчаных наборов). Для каждого типа показано количество наконечников стрел в том или ином комплексе, что необходимо для количественной оценки каждого комплекса и выяснения различия между ними в процентном соотношении.

Таким образом, весь массив (835 наконечников стрел, вошедших в данную выборку), состоящий из 44 комплексов, распределенных по 44 выделенным выше типам наконечников стрел, был разбит на пять хронологических групп.

*Группа I* представлена всего одним колчаным набором из погр. 1 кург. 17 могильника Покровка II. Она включает наконечники стрел 12 типов первой категории, общим количеством 39 шт., что составляет 4% от всего массива (таблица; рис. 5). В группу вошли все типы двухлопастных и четырехгранных наконечников стрел, которые больше не встречаются ни в одной из остальных последующих групп. Группа I также представлена наконечниками стрел с трехлопастным и трехгранным сечением, но все они отличаются наличием в основном лавролистной, узкой ланцетовидной, ромбовидно-лавролистной и сводчатой форм. Один из наиболее многочисленных типов данной группы (тип 2 – 21 шт.) можно соотнести с типом 1 отдела I втульчатых наконечников стрел по типологии К.Ф. Смирнова, который фиксирует их находки в небольшом количестве в погребениях конца VI и V вв. до н.э. как в Поволжье, так и в самаро-уральской области (1961. С. 39. Рис. 14, А1). В данном наборе также встречен наконечник стрелы с узкой ланцетовидной головкой и выступающей втулкой (тип 1 – 1/1.1а<sup>4</sup>), который соответствует типу 3 по классификации К.Ф. Смирнова. Аналогию нашему наконечнику можно встретить в комплексе начала V в. до н.э. из Соболевского кургана (Смирнов, 1961. С. 41. Рис. 19 Б, 53), а также в комплексах из курганных некрополей верховьев р. Илек, а точнее – в мужском захоронении кург. 4 могильника Бесоба, который датируется авторами не позднее V в. до н.э. (Кадырбаев, 1984. С. 87, 90. Рис. 1).

Вошедшие в группу I в единичных экземплярах типы наконечников стрел с трехлопастным и трехгранным сечениями, имеющие лавролистную головку (типы 7 – 1/IV.1; 8 – 1/II.1), находят ана-

логии в комплексах архаических стрел на обширной территории от Прикубанья до Поволжья и Южного Приуралья, которые датируются с конца VII, но не позднее V в. до н.э. Стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (тип 19 – 1/II.3а) бытуют намного дольше, практически в течение всего периода существования бронзовых втульчатых наконечников стрел, т.е. с конца VII по II в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 44–46). По составу колчанного набора наиболее близкая аналогия – комплекс наконечников стрел из погр. 1 кург. 59 у с. Целинный (левобережье р. Илек), исследованного экспедицией Актюбинского ГПИ (Исмагилов, 1992. С. 143–146, 255, 256). Авторы раскопок находят наибольшее число аналогий своему комплексу в колчаных наборах Южного Тагискена и Уйгарака в низовьях Сырдарьи, которые в свою очередь датируются VII–VI вв. до н.э. (Вишневецкая, 1973. Табл. XIII, XX; Итина, Яблонский, 1997. С. 50, 51). Еще одну аналогию данному колчанному набору можно найти в комплексе погр. 3 Большого Гумаровского кургана на р. Сакмара в Южном Приуралье (Исмагилов, 1988. Рис. 5–7). Авторы раскопок датируют данный комплекс серединой–второй половиной VII в. до н.э.

Таким образом, приведенные выше аналогии из хорошо датированных комплексов, на наш взгляд, указывают на то, что эта группа содержит наиболее ранние типы наконечников стрел, встреченные во всем рассматриваемом массиве, и может быть датирована в рамках VI в. до н.э. (скорее, его второй половины).

*Группа II* содержит 12 колчаных наборов из могильников Покровка I, II и X. Она включает наконечники стрел 14 типов, общим количеством 85 шт., что составляет 11% от всего массива (таблица; рис. 5). В группу вошли типы 8 и 9 (1/II.1; 1/III.2а), которые присутствуют в первой группе и характеризуются втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел лавролистной формы и трехгранными наконечниками стрел со слабовыраженными лопастями у основания головки сводчатой формы. В последующих группах эти типы уже не встречаются. Только здесь известны наконечники стрел типов 10–12. Это два бронзовых втульчатых наконечника стрел, имеющих остролистную и ромбовидную формы головок (1/II.8; 1/II.7), а также один костяной черешковый наконечник стрелы с овально-подромбическим сечением (2/(2)I.1). Появляются также новые типы бронзовых втульчатых наконечников стрел со скрытой втулкой, сводчатой головкой и опущенными ниже основания концами лопастей, а также с выступающей и со скрытой втулкой и треугольной формой головки (типы 16–19; рис. 5; таблица). Пока количество экземпляров

<sup>4</sup>Индекс типа следует читать так: Порядковый номер типа – Категория/(Группа – если она не одна) Отдел. Тип вариант.

Группы	Типы															Итого										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	13	14	15	17	18	19	20	21	шт.	%							
I Вторая половина VI в. до н.э.																		39	4							
II V в. до н.э.																							85	11		
III конец V – рубеж IV–III в. до н.э.																						503	60			
IV начало III – рубеж III–II вв. до н.э.																								153	18	
V II–I вв. до н.э.																									55	7

Рис. 5. Типовой состав групп колчанных наборов. Цифра в кружке – количество наконечников стрел данного типа.

этих типов невелико, а в комплексах наряду с ними еще встречаются типы наконечников с архаическими формами головок – типы 20, 21 (рис. 5).

Что касается известного в одном экземпляре костяного черешкового наконечника стрелы типа 12, то аналогию ему можно найти на территории лесных и лесостепных культур Южной и Западной Сибири среди костяных черешковых, ромбических в сечении наконечников стрел, начиная с конца бронзового века (Мошкова, Генинг, 1972. Рис. 5, 6). Как было отмечено А.С. Скрипкиным, находки этих наконечников в сарматских погребениях следует рассматривать, скорее всего, как наследие культур бронзового века (1990. С. 74). На территории Поволжья и Южного Приуралья костяные наконечники встречаются редко и датируются довольно широко.

Выделяя треугольную форму головок у трехлопастных бронзовых наконечников стрел, К.Ф. Смирнов в своем исследовании отмечает, что эта форма появляется на территории Евразии уже в VII в. до н.э. параллельно с массивными сводчатыми стрелами и развивается до конца бытования всех бронзовых втульчатых стрел. Исследователь указывает, что начиная с VI в. до н.э. их количество постоянно увеличивается, достигая наибольшего числа в IV – начале III в. до н.э. Постепенно уменьшаясь в общих пропорциях вплоть до II в. до н.э., они остаются основным типом наконечников стрел, встречаемых в колчанах ранних кочевников (Смирнов, 1961. С. 48, 49).

Тем не менее, присутствие в комплексах наряду с подобными типам других наконечников стрел с головками архаических форм, таких как лавролистные, узкие ланцетовидные, остролистные и ромбовидные, отличает эту группу от более поздних. Лавролистная форма не встречается позднее V в. до н.э., поэтому вторая группа датируется V в. до н.э.

*Группа III* содержит 12 колчанных наборов из могильников Покровка II, VII и X. Она включает наконечники стрел 21 типа, среди которых – типы двух категорий. Эта самая многочисленная группа содержит 503 экз., что составляет 60% от всего массива (рис. 5). В отличие от группы II в этой группе зафиксированы типы железных втульчатых наконечников стрел, имеющих трехлопастное и трехгранное сечение и треугольную форму головки (тип 34 – 3/(1)I.2; 35 – 3/(1)I.1), кроме того, она уже не содержит типы стрел с архаическими лавролистными и ромбовидными формами (типы 8–12).

Многие типы, которые были зафиксированы в группе II, продолжают бытовать в группе III, однако процентное содержание некоторых из них су-

щественно возрастает (типы 13–21). Многие из этих типов наконечников стрел продолжают существовать и в последующей хронологической группе IV. Но только здесь встречены два типа наконечников стрел с трехгранным сечением и параллельными ложками, с головками лавролистной и сводчатой форм. В одном экземпляре представлен не встреченный в других группах железный втульчатый наконечник стрелы с выступающей втулкой и узкой ланцетовидной головкой (тип 34).

Помимо основных типов (13–21) появляются новые типы бронзовых наконечников стрел с треугольными головками, количество экземпляров которых увеличивается (рис. 5). Из 21 типа этой группы 10 выявлены впервые. Это типы с 22 по 31, которые характеризуются в основном бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел с выступающей или скрытой втулкой, трехлопастным и трехгранным сечением и треугольной формой головки. Наиболее многочисленные по составу типы стрел – с выступающей втулкой и сводчатой и треугольной головками (типы 13, 14, 17). В двух экземплярах впервые встречен тип наконечника стрелы со скрытой втулкой, трехгранным сечением и параллельными ложками, треугольной головкой (тип 30 – 1/III.5), а также круглый в сечении наконечник стрелы пулевидной формы (тип 29 – 1/VI.1).

Как отмечает К.Ф. Смирнов в своей классификации, базисные наконечники стрел с различного вида ложками и длинными шипами появляются уже в VI в. до н.э., но в основном относятся к IV – началу III в. до н.э. (1961. С. 56, 57). Пулевидная форма довольно редка для всей территории распространения культур ранних кочевников. В Скифии наконечники этого типа, в основном костяные, бытовали до конца IV в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 61). Подобный наконечник встречен также в наборе из кург. 4 могильника Бесоба, который датируется не позднее V в. до н.э. (Кадырбаев, 1984. С. 87, 90. Рис. 1).

Для Южного Приуралья немногочисленные железные втульчатые наконечники – редкость. Они наиболее характерны для территории Северного Причерноморья, особенно для Прикубанья, где широко используются с V в. до н.э. вплоть до рубежа эр (Эрлих, 2007. С. 348). Датировки аналогичных наконечников на других территориях образуют довольно широкий хронологический диапазон в пределах конца VII – V в. до н.э. (Кореняко, Лукьяшко, 1982. С. 152, 153). На этой территории со II в. до н.э. широко распространяются железные черешковые наконечники, а втульчатые известны лишь в памятниках IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1962. С. 81, 82). Не местный характер производства и широкий

период распространения подобных экземпляров говорит о том, что в комплексы Южного Приуралья такие наконечники могли попасть в любое время, начиная с конца V и до I вв. до н.э., поэтому в определении хронологической позиции колчанного набора они не играют решающей роли.

Переходный характер типового состава колчанов этой группы дает основание датировать ее с конца V и до рубежа IV–III вв. до н.э.

*Группа IV* содержит 13 колчаных наборов из могильников Покровка I, II, VIII и X. Она включает наконечники стрел 23 типов, общим количеством 153 шт., что составляет 18% от всего массива (рис. 5). Начиная с этой группы колчаный состав комплексов меняется – впервые появляются железные черешковые наконечники стрел, не известные ранее и продолжающие существовать в следующей, последней, группе; при этом количественный состав типов бронзовых втульчатых наконечников стрел уменьшается, полностью исчезая в V группе.

Среди бронзовых втульчатых наконечников стрел – наиболее многочисленный тип 19, характеризующийся трехлопастным сечением, скрытой втулкой, треугольной формой головки и опущенными концами лопастей. Этот тип представлен 42 экз., что несколько больше, чем его реализация в предшествующей III группе (31 шт.) и намного превосходит группу II (всего 2 экз.). Можно утверждать, что в данный период этот тип в колчаных наборах ранних кочевников из Покровских могильников имеет максимальное распространение.

Типовой состав IV группы отличается от предыдущей группы уменьшением количества экземпляров наконечников стрел с трехгранным сечением в одних случаях (типы 21, 24) и уже полным отсутствием – в других (типы 28, 30). Все комплексы, входящие в группу, отличает наличие наряду с бронзовыми втульчатými наконечниками стрел железных черешковых, кроме погр. 3 и 4 кург. 8 могильника Покровка II (таблица). Несмотря на отсутствие железных черешковых наконечников в этих комплексах, данные колчаные наборы представляются, по крайней мере, синхронными, но никак не более ранними, чем остальные комплексы этой группы. На это указывает их стратиграфическое положение, так как из четырех погребений данного кургана (3, 4, 5, 8), относящихся по обряду и инвентарю к раннесарматскому периоду, погр. 8 является центральным, что уже не может быть позже трех других впускных погр. 3, 4 и 5. Поскольку и центральное погр. 8, и погр. 5 содержали наряду с бронзовыми втульчатými и железные черешковые наконечники стрел, то два других погребения

с бронзовым составом колчанного набора также вошли в эту группу.

В группу вошли и два комплекса с железными втульчатými наконечниками стрел (I-4-2; I-12-1), также из соображения стратиграфической синхронности.

Железные черешковые наконечники стрел IV группы представлены типами 37–43. Тип 43 – условный, поскольку в него вошли все наконечники, форму которых из-за плохой сохранности установить не удалось, но принадлежность их к железным черешковым не вызывает сомнения. Наиболее массовый – тип 41 (3/(2)I.2a – 24 шт., или 45% от всего количества железных черешковых наконечников стрел группы), который характеризуется наконечниками с трехлопастным сечением, треугольной головкой вытянутых пропорций с прямым основанием и круглым в сечении черешком (рис. 4, 54). Подобные типы, как отмечает К.Ф. Смирнов, начинают бытовать в Южном Приуралье не позднее рубежа IV–III и до II вв. до н.э. существуют в колчаных наборах наряду с бронзовыми втульчатými наконечниками стрел поздних типов (1961. С. 66).

В связи со сказанным выше, предполагается, что колчаные наборы этой группы могут датироваться в рамках периода с начала III до рубежа III–II вв. до н.э.

*Группа V* представлена шестью колчаными наборами из могильников Покровка I, II, VII и VIII. Она состоит исключительно из восьми типов третьей категории данной классификации, общим количеством 55 шт., что составляет 7% от всего массива (таблица; рис. 5). В ней бытуют типы, впервые появившиеся в IV группе колчаных наборов. Это типы с 38 по 43, которые характеризуются железными черешковыми наконечниками стрел. Но ее существенное отличие – полное исчезновение типов, характерных для групп I–IV (типы 1–34, 36, 37). В целом, группа отличается от всех предыдущих именно по материалу и способу насада. Как отмечает К.Ф. Смирнов, “в III–II вв. до н.э. резко меняется все вооружение сарматов: заметно сокращается количество стрел... Стрельба из лука уходит на второй план. В этих условиях для изготовления стрел стали применять только железо как металл, более доступный и дешевый, чем бронза. Во II в. до н.э. на юге Восточной Европе происходит вытеснение бронзовых наконечников стрел железными, а вместе с тем, втульчатой формы – черешковой. Со II в. до н.э. железная черешковая трехлопастная стрела стала в течение нескольких столетий почти единственной формой стрелы у сарматских воинов” (1961. С. 70).

В связи с этим предполагается, что данная группа содержит колчаные наборы наиболее позднего периода, бытовавшие у ранних кочевников в последних двух столетиях I тыс. до н.э.

Таким образом, все наконечники стрел из погребальных комплексов ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (левобережье Илека) были распределены по 44 типам на основе признаков, отражающих хронологическую тенденцию. Сравнив между собой колчаные наборы по наличию в них тех или иных типов, нам удалось выделить пять групп синхронных наборов наконечников стрел по схожему типовому составу. Учитывая стратиграфию комплексов и датировки по аналогиям, получена из относительных хронологических групп некоторая периодическая шкала, отражающая развитие производства и бытования стрелкового вооружения ранних кочевников левобережного Илека. Это периоды: I – вторая половина VI в. до н.э.; II – V в. до н.э.; III – конец V – рубеж IV–III вв. до н.э.; IV – начало III – рубеж III–II вв. до н.э.; V – II–I вв. до н.э.

Результат исследования – вывод о том, что единичные экземпляры наконечников стрел не могут самостоятельно считаться надежными хроноиндикаторами и только в сочетании с другими типами могут характеризовать комплекс. Необходимо отметить также, что полученные результаты для рассматриваемых комплексов – не окончательные, поскольку датировки могут быть подтверждены или скорректированы дальнейшим анализом сопутствующего инвентаря.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.
- Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004.
- Исмагилов Р.Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29.
- Исмагилов Р.Б.* Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения. Ч. I. М., 1992.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Кастанье И.А.* О раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. // Тр. ОУАК. Вып. XXIX. М., 1913.
- Клепиков В.М.* Вооружение кочевников Заволжья и Волго-Донского междуречья в IV–III вв. до н.э. Хронологический аспект // Стержень. Вып. 1. Волгоград, 2000.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Коренько В.А., Лукьяшко С.И.* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996.
- Мелокова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964 (САИ; Вып. Д1-4).
- Мошкова М.Г.* О ранних втульчатых наконечниках стрел // КСИА. 1962. Вып. 89.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (САИ; Вып. Д1-10).
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М.Г., Генинг В.Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.
- Очир-Горяева М.А.* Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37. Пг., 1918.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА; Вып. 101).
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Шинкарь О.А.* Типология и хронология раннесарматских наконечников стрел по материалам Нижнего Поволжья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1.
- Эрлих В.Р.* Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и хронологии // МИАР. 2007. Вып. 8.
- Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приуралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
- Яблонский Л.Т.* Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа (по находкам в Южном Приуралье) // МИАР. 2006. Вып. 7.
- Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

## ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО КОСТЮМА МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА (по материалам терракотовых статуэток)

© 2011 г. И.Ю. Демичева

Университет Российской академии образования, Нижегородский филиал (*iudem@mail.ru*)

Ключевые слова: *майя, терракотовые статуэтки, элементы костюма, социальный статус.*

The article analyses the main features of Mayan costumes as seen on terracotta figurines from the Classic period. The gender and social aspects of the costumes are considered. The author identifies the common and distinctive features of men's and women's costume and the features that are related to specific occupations. The article offers a typology of elements of the Mayan costume.

На протяжении всей истории человечества практически в любом обществе фактом, указывающим на социальный статус человека, служил костюм и элементы его декора. Это объясняет устойчивый интерес к изучению костюма как в отечественной, так и в зарубежной науке. Анализ утилитарного, социального и прочих функциональных особенностей костюма дает возможность раскрыть своеобразие тех или иных культур. В полной мере это относится и к культуре индейцев майя.

Географически цивилизация майя занимала территорию Мексики – штатов Юкатана, Чиапаса, Табаско, Кампече, Кинтана-Роо; Гватемалы, Белиза, части Гондураса и Сальвадора. Своего наивысшего расцвета она достигает в 300–900 гг. н.э. – Классический период. Данный период ознаменовался комплексным развитием всех основных сфер жизни индейцев майя, экономическим, политическим, культурным ростом. Учитывая особую важность этого периода в эволюции цивилизации майя, привлечение дополнительных источников, в том числе и терракотовой пластики, приобретает особую актуальность.

Терракотовые статуэтки – один из видов археологических источников – достаточно полно характеризуют отличительные особенности майяского костюма. В качестве дополнительного источника привлекается ряд рукописей майя (Мадридская, Дрезденская), а также “Сообщение о делах в Юкатане” Д. де Ланды. Кроме того, интересную информацию по майяскому костюму дает анализ изображений на стелах майя и расписной полихромной керамике.

В данной статье предлагается опыт по исследованию особенностей мужского и женского костюма

майя Классического периода по материалам терракотовых статуэток. Специфические особенности майяского костюма рассматриваются по двум основополагающим принципам: гендерному и социальному. Отдельно анализируются мужской и женский костюмы, которые в свою очередь имеют четкую градацию по социальному признаку, что позволяет выделить его особенности, характерные для высших слоев общества, среднего “класса” и бедняков. В рамках данного деления анализируются те особенности майяского костюма, которые были характерны для определенного вида деятельности или рода занятий (ткачество, охота, игра в мяч и пр.).

Большую часть терракотовых статуэток Классического периода составляют изображения мужчин, что открывает широкие перспективы по изучению мужского костюма. Прежде всего необходимо отметить, что многие элементы майяского костюма были обусловлены особенностями влажного жаркого климата. Самым распространенным одеянием мужчин были набедренные повязки. Их предпочитали носить представители всех социальных групп майяского общества. Ю.В. Кнорозов (1963. С. 241) и В. фон Хаген (2004. С. 159) определяют повязку как *еш*. Д. де Ланда так описывает способ ее одевания: “Они обвертывали несколько раз поясницу таким образом, что один конец спускался спереди, а другой сзади” (2000. С. 290). На терракотах набедренные повязки представлены в большом разнообразии. Тем не менее можно выделить четыре основных типа данной одежды. Различия их между собой состоит лишь в степени декорирования и способе ношения.

Первый тип представляет простой бандаж, обернутый вокруг талии. Конец изделия, который





**Рис. 1.** Типы набедренных повязок (I) и варианты мужских юбок (II). I: а – первый тип; б – второй тип; в – третий тип; г – четвертый тип. II: а – первый вариант; б – второй вариант.

свисает, как фартук, продевается не поверх намотанной на талию ленты, а под нее. Данный тип не декорирован, а представляет собой простой кусок хлопкового полотна (рис. 1, *Ia*). В отличие от него второй, третий и четвертый типы объединяет то, что остаток ленты протягивается поверх изделия. Во втором типе фалда завершается узлом и кистью (рис. 1, *Iб*), в третьем – широкой кистью (рис. 1, *Iв*), в четвертом – вышитым узором по всей площади изделия. Украшения представляют собой набор полос разной толщины. Первая, узкая, сделана в виде подтреугольных галочек, вторая – в виде прямоугольников, третья, самая широкая, наполнена мелкими ромбами. Затем следует дубль первой полосы, и завершается наряд мелкими или более широкими кистями (рис. 1, *Iг*). Вариативность узоров была различной, но, как правило, сохранялся порядок чередования линий. Достаточно часто декоративные узоры раскрашены (Piña, 1968. P. 101). Данный вид одежды – основополагающий для мужчин – был известен повсеместно. Это подтверждают находки терракотовых статуэток и их фрагментов на территории о. Хайна, Алтарь-де-Сакрифисьос, Небахе, Копане, Тикале, Агуатеке и т.д. (Гуляев, 1979; Willey et al., 1994; Triadan, 2007), а также многочисленные изображения мужчин майя на расписной полихромной керамике (The Maya Vase Book..., 1989–2000. P. 15, 29, 40), стелах, притолоках.

Набедренную повязку носили как низшие слои населения ввиду ее дешевизны и удобства, так и представители средних слоев и знати. Для богатых людей она нередко служила частью костюма, при этом многочисленные украшения и общая стилистика гармонично дополняли облик сановника или правителя майя. Интересно, что независимо от занимаемого положения в обществе тучные люди предпочитали носить набедренную повязку ниже пупка. Ряд терракотовых статуэток мужчин подобного типа был найден в Алтарь-де-Сакрифисьос (Willey, 1972. P. 40). В целом, набедренная повязка – универсальный элемент мужского костюма майя Классического периода.

На втором месте по частоте использования среди элементов мужской одежды встречается своего рода юбка, представляющая собой широкую ленту ткани или кожи. Длина ее, как правило, доходила до колен и ниже. Носили ее двумя разными способами. Широкий край с одной стороны пересекал другой и подворачивался сверху, образуя своеобразный фартук. Как правило, данный вид юбки мало декорирован (рис. 1, *IIa*).

Для второго способа характерно крепление юбки с помощью поддерживающего ремня или пояса, который оставался закрытым верхними деталями из-

делия. Внешняя сторона при этом образовывала подобие волн и зрительно увеличивала объем данного элемента костюма (рис. 1, *IIб*). Кроме того, она декорировалась геометрическими рисунками и улитками (Piña, 1968. P. 101).

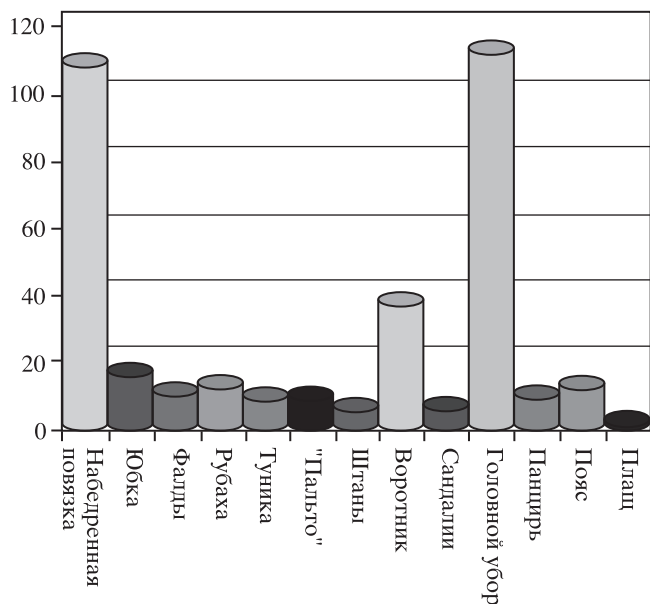
Длинные фалды в мужском костюме по сути выполняли ту же функцию, что и набедренная повязка с юбкой. Эти элементы одежды прикрывали нижнюю часть туловища. Фалды были более длинные и закрывали практически полностью, иногда доходя до икры. Они также богато декорировались кистями и вышивкой.

Немногочисленны изображения майяских мужчин, одетых в штаны. Тем не менее можно говорить, что эта одежда была свободного кроя и недлинная. Штаны, как правило, доходили до колен или чуть ниже (The Maya Vase Book..., 1989–2000. P. 122).

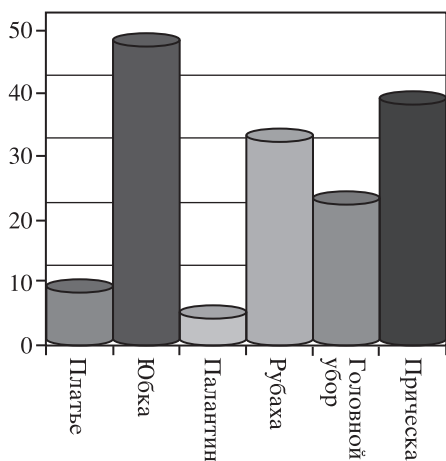
Более состоятельные представители майяского общества могли позволить себе рубахи, туники и “пальто”. Степень использования данных элементов мужского костюма была приблизительно одинаковой. Основываясь на статистическом анализе терракотовых статуэток, можно говорить, что их носили гораздо реже, чем набедренные повязки (рис. 2, *I*). Рубахи изготавливались из хлопковой ткани. Как правило, они были с длинными рукавами. Часто на изображениях рубаха покрыта накидкой или плащом, которые нередко декорировались геометрическими (ромбовидными, подтреугольными) узорами по всей площади изделия.

Туника представляла собой подобие накидки. В прямоугольном по форме куске ткани делалась прорезь для головы. Ворот мог быть как квадратным, так и круглым. Ткань по бокам не сшивалась. Рукава как таковые отсутствовали. Такая одежда практически полностью покрывала спину и грудь человека. По длине она могла варьироваться от относительно коротких изделий, чуть ниже пояса, до моделей, доходящих до щиколоток. По краям туника украшалась вышивкой, перьями, сборками ткани.

Немногочисленными по использованию были “пальто” (рис. 3, *a*). Его, как правило, носили воины и сановники майя. Оно разделялось спереди на две составные части. Могло быть как с короткими, так и с длинными рукавами. Длина доходила до щиколоток. Украшалось многочисленными узорами по всей площади изделия, перьями. Иногда использовался крученый ворот из ткани, завязывающийся спереди в узел на уровне пояса. Узел завершался кистями. Встречаются изображения, где “пальто” сверху покрыто накидкой (Rands R., Rands B., 1965. P. 548).



1



2

**Рис. 2.** Элементы мужского (1) и женского (2) костюма майя. Диаграммы.

Подобная накидка была достаточно функциональным элементом мужского костюма. По мнению В. фон Хагена, она служила не только одеждой, но и покрывалом для ночного отдыха (2004. С. 159). Накидки могли быть разной длины и формы. Некоторые закрывали только плечи, другие – и спину. Иногда накидка походила на современный широкий шарф, украшенный вышивкой и кистями (рис. 3, б). Более широкую и длинную накидку можно рассматривать как плащ. Ю.В. Кнорзов определяет его название как *суйен* (1963. С. 241). Плащи были перьевыми и тканевыми (рис. 3, в). Д. де Ланда упоминает, что майя носили длинные и квадратные плащи, завязанные на плечах (2000. С. 290). На терракоте плащи изображены

без завязок, лишь накинутыми на плечи. Длина могла достигать до середины икры. Встречаются и достаточно короткие экземпляры, закрывающие 4/5 спины.

Немногочисленны изображения мужчин с поясом (рис. 3, з). Однако это говорит не о малом распространении этой детали костюма, а о том, что пояс, как правило, носил функцию крепления других видов одежды, вследствие чего выявить его наличие на терракоте достаточно сложно. Тем не менее он иногда виден из-под набедренной повязки или “хомута”, который одевали игроки в мяч. Пояс изредка декорировался вышивкой, мог оборачиваться как один, так и несколько раз вокруг талии.

Особое место в ряду элементов мужского костюма, а точнее снаряжения, занимает панцирь. Его наличие вполне четко определяет занятие изображаемого субъекта. Панцирь входил в состав защитного вооружения воина майя. Как отмечал Д. де Ланда, “они делали панцири, стеганные из хлопка и крупной соли, набитой в два ряда или слоя, и они были крепчайшие” (2000. С. 311). Впрочем, на терракотах встречается не только стеганая броня. Достаточно распространены изображения воинов в перьевом панцире. Перьевая броня полностью покрывала тело человека. Она могла состоять отдельно из двух элементов – рубахи и штанов, или являть собой подобие “пальто”. В обоих случаях можно выделить два способа крепления перьев. Для первого использовались небольшие по размеру, но достаточно широкие перья, которые крепились параллельными сомкнутыми рядами встык (рис. 4, 1а). Для второго способа использовали более длинные перья. Крепились они в шахматном порядке, один под другим, не оставляя зазоров. Ряды могли быть нестрогими или, наоборот, иметь очень четкую последовательность (Corpus of Maya..., 1979. Stela 11). Поверх таких панцирей нередко одевались ворот, набедренная повязка (рис. 4, 1б).

Определить социальный статус и значимость человека в обществе помогает наличие на терракоте гофрированного воротника. Вероятней всего, эта часть костюма носила исключительно декоративную функцию. Тем не менее именно он занимает третье место по частоте использования (рис. 2, 1).

Можно выделить несколько основных типов таких воротников. По крою выявляются два типа. Для первого характерно использование более мягких материалов, что позволяет плотно облегать плечи и следовать форме тела человека (рис. 4, 1а). Такой ворот мог достигать почти до локтя. Во втором случае он представляет собой как бы плотный каркас и четко выделяется на фоне других элементов костюма (рис. 4, 1б). Длина в данном случае была не-



Рис. 3. Изображения “пальто” (а), накидки (б), плаща (в), пояса (г).

значительной. Ворот, как правило, покрывал только плечи. По степени декорирования можно выделить четыре типа. Первый – простой гофрированный ворот, без особых изысков, мог сопровождаться незначительной витой тонкой вышивкой по горловине (рис. 4, IIIа). Второй отличается крупным декором по кромке изделия, которая могла занимать до 1/4 площади всего воротника (рис. 4, IIIб). Для третьего типа характерно наличие в центре большого растительного рисунка, который занимает основную часть ворота (рис. 4, IIIв). Четвертый тип

полностью декорирован плотной геометрической вышивкой (рис. 4, IIIг). Следует отметить, что независимо от типа поверх такого ворота могли одеваться украшения. Но, как можно проследить по терракоте, такая практика была не столь распространенной. Подобные воротники могли позволить себе достаточно обеспеченные люди: сановники, воины (командный состав), правители. Вполне возможно, что наличие гофрированного ворота – своеобразная мода на ношение столь необычного вида украшения.



**Рис. 4.** Способы крепления перьев панциря (I), типы гофрированных воротников по краю (II), типы воротников по способу декорирования (III). I: а – первый способ; б – второй способ; II: а – “облегающий”; б – “каркас”.

Следующий элемент мужского костюма майя – сандалии, *шанаб* (Кнорозов, 1963. С. 241) или *шанабкейели* (Хаген, 2004. С. 159). Определить степень их использования достаточно проблематично, так как количество изображений мужчин в сандалиях незначительно (рис. 2, I). Основная масса майя представлена босыми. Тем не менее можно говорить, что существовали разные модели такой обуви. В первом случае – это простые сандалии

без декора, во втором – ярко и многообразно украшенная обувь. Для этого использовали различные ленты, в основном кожаные (Рiña, 1968. Р. 101), вышивку геометрическим и растительным орнаментом, “рифление”. Кроме того, применялись разные способы привязывания сандалий к ступне: крестнакрест или напрямую. При этом оставались большие банты. Размеры узла могли быть как небольшими, так и занимавшими 1/3 часть завязки.

## III



Рис. 4. (Окончание). III: а – первый тип; б – второй тип; в – третий тип; г – четвертый тип.

Изготавливались сандалии из кожи оленя и тростника (Ланда, 2000. С. 290), применялась также и кожа тапира. Более состоятельные люди могли себе позволить носить обувь из шкуры ягуара (Corpus of Maya..., 1977. Lintel 24).

Толщина подошвы, судя по всему, была различной. Простое население, а также воины использовали сандалии на плотной и толстой подошве, что было обусловлено особенностью эксплуатации обуви и степенью ее изнашиваемости. Сановники и правители майя предпочитали обувь на более тонкой подошве. Их ярко декорированные сандалии

являлись важным показателем их высокого положения в обществе.

Завершающим элементом костюма майя был головной убор, один из самых распространенных элементов мужского костюма (рис. 2, 1). Мужские головные уборы, представленные на терракоте Классического периода, поражают своим многообразием и искусством выполнения. Ю.В. Кнорозов выделяет три категории головных уборов, отраженных в Дрезденской рукописи. Это повязки трех рядов, головные уборы из перьев и в виде “голов чудовищ”. “Иногда головной убор заменяется атри-

бутом божества” (Кнорозов, 1963. С. 241). Показательно, что головные уборы терракотовых статуэток Классического периода входят в рамки данной типологии. Кроме того, в качестве покрытия головы использовались различного рода шляпы: конические, с широкими полями, “шлемы” и тюрбаны (Pina, 1968. P. 108).

Тюрбаны различались между собой по размерам. Некоторые лишь частично покрывали голову, некоторые представляли собой монументальное сооружение, возвышающееся над головой еще на размер больше самой головы. Тюрбан мог быть украшен перьями или “бусинами”. По форме они были круглыми или слегка приплюснутыми (рис. 5, *Ia*). В отличие от тюрбана повязка трех рядов была более сложной конструкцией. Нижняя ее часть плотной широкой полосой покрывала голову, центральная представлена замысловатым широким узлом или гофрированной лентой. Завершают композицию вытянутые вверх длинные кисти ткани, иногда они свешивались набок. В некоторых случаях повязка завершалась лентой в форме шляпы. Украшались повязки кистями, бахромой, цветами (рис. 5, *Iб*).

Шляпы также были разнообразны. Некоторые напоминали облегающие шапочки, некоторые представляли собой классические конические шляпы с широкими полями (рис. 5, *Iв*). Популярны модели из перьев. В терракоте представлены два основных варианта головных уборов из перьев: овальные (рис. 5, *IIa*) и многоярусные (рис. 5, *IIб*). Для первого характерно использование в конструкции равного размера перьев, представляющих собой ровный круг или овал вокруг головы (Willey, 1972. P. 26). Для второго использовалась многоярусная конструкция из материала, в которую крепились перья. Они могли быть разной длины и ширины, при этом иногда делились на три группы: одна сверху, другие симметрично по бокам. Встречается головной убор, изготовленный в виде плотного перьевого “шлема” из мелкого пера, по бокам к которому крепились длинные перья, свисающие вниз. Представлен головной убор, где перья свисают на спину субъекта в виде длинных кистей, напоминающих хвост птицы. Крепились они также к “шлему”.

Особое место в ряду головных уборов занимают головные уборы в виде животных и чудовищ. Они могли состоять как из изображения одного животного, так и нескольких. Одно из самых распространенных – использование “головы оленя” в качестве завершающегося элемента шляпы (рис. 5, *IIв*). Встречаются головные уборы в виде ягуара, тапира, змеи (Willey, 1972. P. 39), иногда неопределенного фантастического животного. Данная конструкция была достаточно сложной и многоярусной,

иногда богато декорировалась перьями и вышивкой. Сложные перьевые, многоярусные головные уборы могли позволить себе только сановники, жрецы и правители – высшие социальные слои майя. Простое население, как правило, использовало повязку трех рядов и различные варианты шляп.

Мужской костюм майя Классического периода поражает своим многообразием и красотой, являясь при этом не только сугубо утилитарным предметом повседневного обихода, но и важнейшим показателем социального статуса человека.

В обществе майя можно выделить три категории населения. К первой относятся правители, светская знать, жрецы. Вторую категорию представляют ремесленники: каменотесы, гончары, ткачи, резчики, дубильщики, художники, барабанщики, танцовщики, сюда же, условно, можно отнести и игроков в мяч. Третью составляют простые общинники: земледельцы, рыбаки, охотники (рис. 6, *I*). По внешнему виду изображаемого субъекта можно практически точно определить его принадлежность к одной из трех социальных групп.

Значительно труднее выделить статус человека внутри представленных категорий. Так, например, исключительно по костюму трудно провести границу между правителем майя и представителями светской знати. В данном случае большую роль играют атрибутивные предметы. Так, довольно часто правители изображались сидящими на троне (рис. 4, *IIб*). Правитель сидит в богатом многоярусном головном уборе из перьев. Лицо закрывает маска животного с открытой пастью. Из одежды присутствует гофрированный воротник, который по крою относится к типу “каркаса”, а по степени декорирования – к полностью украшенному воротнику четвертого типа. Особенность данного воротника – наличие прикрепленного к нему длинного “шарфа”, декорированного вышивкой и кистями. В центре присутствует изображение животного. Такая “накидка” практически полностью покрывает туловище правителя. Еще из одежды представлена набедренная повязка, тип которой определить сложно, так как она скрыта под воротником. Выделяют этот костюм и необычные сандалии с загнутыми вверх носами.

Иногда костюм правителя не отличался большим многообразием. Из элементов одежды присутствует лишь набедренная повязка и гофрированный воротник (рис. 4, *IIIб*).

В большинстве случаев костюм представителя светской знати мог включать больше элементов одежды. Это, как правило, многоярусные шляпы или головной убор из перьев разного размера, де-



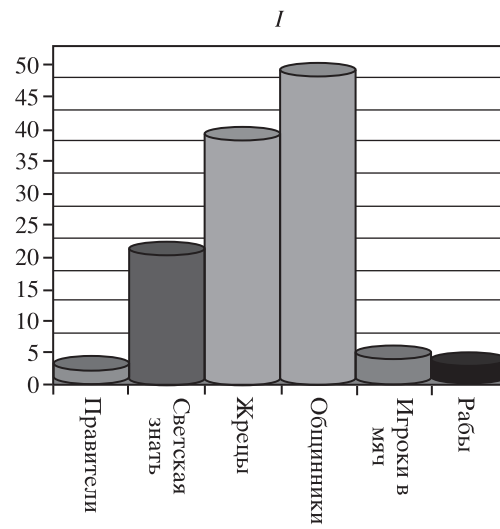


**Рис. 5.** Типы мужских головных уборов (I) и их варианты из перьев и в виде животных (II). I: а – “тюрбан”; б – повязка трех рядов; в – шляпа; II: а – овальный из перьев; б – многоярусный из перьев; в – в виде головы оленя.

корированные рубахи, перекрытые поясом. Неотъемлемым элементом костюма была декорированная набедренная повязка третьего, четвертого типов или юбка. Так, представителя светской знати (рис. 6, IIa) можно видеть в головном уборе, состоящем из нескольких ярусов в комбинации элементов ткани с перьями. Это придает конструкции более объемный и монументальный вид. Из одежды присутствовала накидка и набедренная повязка, тип которых определить достаточно сложно ввиду плохой сохранности статуэтки.

Сложно провести границу между костюмом правящей верхушки и жреческим. Отличительная особенность жреческого костюма – присутствие (практически всегда) пышного перьевого головного убора. Остальные элементы одежды по типологии дублируют костюм правителя или знати. Что касается маркирующей атрибутики, то иногда жрецы изображались с чашами для жертвоприношений.

Отметим, что антропологические характеристики правителей по материалам терракотовых



II



**Рис. 6.** Социальные группы майяского общества Классического периода (I). Изображения некоторых его представителей (II): *a* – представитель светской знати; *б* – игрок в мяч; *в* – барабанщик; *г* – рядовой общинник.

статуэток более однородны, чем у жрецов. Тем не менее богатство украшений, вариативность декорирования одежды, дороговизна использованных для костюма материалов выдает высокое положение, которое занимает субъект в обществе майя, будь то жрец или представитель светской знати.

Более четкое разграничение по группам можно сделать у представителей второй категории населения. Так, особое место занимают игроки в мяч. Количество терракотовых статуэток, изображающих игроков в мяч, небольшое по сравнению с представителями первой категории населения (рис. 6, Л). Тем не менее безошибочно можно говорить о том, что данный субъект является игроком в мяч по наличию у него пояса с прикрепленным на нем хомутом. Такой пояс и хомут делались из плотного материала и туго оборачивались вокруг талии. Иногда хомут изготавливался из дерева и имел внушительные размеры. Встречаются терракотовые статуэтки, где такой хомут представлен в виде туловища и головы змеи. Иногда этот специфический элемент одежды мог не только крепиться на талии, но и захватывать грудь мужчины. Однако чаще представлены хомуты, которые крепятся именно на талии. Так, игрок в мяч (рис. 6, ИБ) одет в набедренную повязку, скорей всего относящуюся к первому типу. Из-под простого тканевого хомута видны края пояса, который в таких случаях одевался не только как самостоятельный элемент одежды. По-видимому, он нес функцию крепления хомута и защиты кожи игрока от повреждений. Кроме того, для защиты ног использованы декорированные наколенники. Голову покрывает головной убор в виде головы оленя. Отметим, что использование подобных головных уборов у игроков в мяч можно тоже считать особенностью их костюма. Иногда встречаются изображения голов птицы, в частности попугая. Таким образом, особыми элементами костюма игрока в мяч служат пояс и хомут, головной убор в виде животного или птицы и элементы защиты колен.

Значительное место в обществе майя занимала музыка, которая напрямую связана с отправлением религиозных обрядов, поэтому на терракотовых статуэтках часто изображаются мужчины с музыкальными инструментами в руках. Это, как правило, трубы и барабаны. Барабаны изготавливались из дерева и обтягивались кожей (Рiña, 1968. Р. 118). По высоте они могли доходить до пояса человека, при условии, что барабан стоит на земле, могли помещаться в руках музыканта. Именно наличие этого музыкального инструмента атрибутирует человека как барабанщика. Выявить отличительные особенности его костюма сложно, так как из одежды

присутствовали в основном набедренная повязка и пояс. Головные уборы представляли собой повязку трех рядов или небольшую шляпу, украшенную перьями. Так, например, барабанщик (рис. 6, ИВ) одет только в простую набедренную повязку и пояс, завязанный большим узлом сзади. Голову покрывает повязка с украшением в виде распустившегося цветка. Под мышкой он держит небольшой барабан. На лбу и щеках видны волнообразные татуировки. Таким образом, можно говорить о том, что костюм населения второй категории не отличался большим разнообразием. В основном использовались набедренные повязки и пояса. Богатыми были головные уборы. Определить занятие человека можно по наличию у него набора атрибутивных предметов.

Самую большую группу населения майя составляли рядовые общинники. Особенность их костюма – его простота и функциональность. Это исключительно набедренная повязка, пояс и головной убор. Головной убор в основном представлен повязкой трех рядов. Присутствуют немногочисленные украшения. Так, на рис. 6, ИГ изображен простой человек. Он сидит, скрестив ноги, на плече держит большую флягу для воды. Такие фляги использовались для переноса и недлительного хранения воды. Кроме того, применялись не только большие керамические сосуды, но и фляги из тыквы (Ball, Wyllys, 1975. Р. 12). Мужчина одет в простую набедренную повязку первого типа. Головной убор составляет частично декорированная повязка трех рядов. По-видимому, такая форма одежды для простого общинника была самой обычной.

Иногда встречаются терракотовые статуэтки, изображающие охотника майя. Это, как правило, мужчина, который держит в руках добычу: зайца или птицу. Из одежды на охотниках присутствуют набедренная повязка, пояс, к которому могла крепиться сумка, и головной убор в виде шляпы или повязки.

Таким образом, одежда рядового общинника носила в основном утилитарную функцию, была удобна в использовании, мало декорировалась. Базовые элементы одежды – набедренная повязка первого и второго типов, пояс, головной убор.

Встречаются терракотовые статуэтки, изображающие рабов, привязанных к столбу (Гуляев, 1984. С. 54). Отметим, что костюм раба практически полностью дублирует элементы одежды простого общинника, что, впрочем, не свидетельствует о его прежнем социальном статусе.

В сравнении с мужским костюмом женский не отличается большим разнообразием модельного ряда. Показательно, что на терракотовых статуэт-



Рис. 7. Элементы женского костюма: а – простая юбка; б – декорированная юбка; в – *уипиль*; г – простая рубашка.

как женщины зачастую изображались частично или полностью обнаженными. Условно в женской одежде можно выделить как исподнее (нижние юбки), так и верхнюю одежду (платье, рубахи, юбки, накидки).

Одним из самых известных элементов женской одежды были юбки – *тик* (Кнорозов, 1975. С. 248). Они использовались не только в качестве “нижнего” белья, но и как основная одежда. Нижняя юбка чаще изготавливалась из более легких материалов, украшалась вышивкой и каймой (Хаген, 2004. С. 159). На терракоте нижняя юбка обычно была декорирована незначительно. По крою юбка представляла простое изделие, выглядывающее из-под основной одежды. Иногда юбка изготавливалась в

виде широкой ленты, которая обертывалась вокруг талии, запахивая одну часть на другую.

Верхняя юбка также выглядела достаточно просто, без излишнего декора. Часто женщины изображались только в них и с обнаженной грудью (рис. 7, а). Пояс изделия мог крепиться под грудью или на талии. Длина, как правило, доходила до пяток. Встречаются и декорированные юбки (рис. 7, б). Отметим, что в большинстве случаев юбка могла быть не видна под платьем или длинными рубахами. Именно поэтому более распространены изображения женщин в рубахах – *уипиль* (Искусство древней Мексики, 2005. С. 13). На примере терракоты можно выделить два вида одного и того же изделия. Первый вариант руба-

хи достаточно прост, практически без декора. Вырез ворота довольно глубокий, иногда захватывает плечи женщины. Встречаются модели, где частично видна грудь. Длина рукавов доходит до локтя. Сама *утиль* была как короткой – ниже пояса, так и длинной – до пяток. Более богато выглядит второй вид данной модели. Рубаха имеет квадратный или трапециевидный вырез, отличающийся достаточной строгостью. Принципиальным отличием является богатый декор изделия. *Утиль* могла быть полностью или частично украшена вышивкой. Как правило, использовались различные геометрические узоры, излюбленной была вышивка ромбом по всей поверхности изделия. По контуру пускались линейные, прямоугольные или листовидные узоры в виде полосок. Много моделей, где декорированы только горловина, плечи и контуры рубахи. Это в основном широкие полоски в виде мелких ромбов и крестовидных фигур. Особенность таких рубах – передний подол мог быть значительно короче спинки. Спереди изделие могло завершаться чуть ниже талии, а сзади доходить до пят. Рукава могли быть как короткими, так и длинными. Под такую рубаху часто одевали украшенную юбку (рис. 7, в). Р. Пинья отмечает, что некоторые варианты рубах могли использоваться для сна (Piña, 1968. P. 108).

Более известным вариантом рубах были *энагуа* (Ланда, 2000. С. 291). Она была более короткой, нежели *утиль*, и практически не украшалась. Вырез изделия мог быть как небольшим, так и значительно более глубоким. В такой одежде часто изображались женщины за ткацким станком. Вероятно, для такой работы рубаха была более удобна (рис. 7, з).

Менее распространены статуэтки, изображавшие женщин в платьях (рис. 2, 2), которые были, как правило, простого кроя. Низ у платья мог как расширяться, так и срезаться по косой. Края часто декорировались. Из-под такого платья были видны другие элементы женской одежды. Возможно, это связано с тем, что женщина была достаточно обеспеченной и могла позволить себе носить разные варианты вышитой одежды и, что вполне естественно, демонстрировала это. Ворот у платья был кубическим или овальным. Иногда изделие подвязывалось поясом, который часто украшался кистями. Для украшения пояса нередко использовались подвески (Кнорозов, 1963. С. 241).

В некоторых случаях женщины носили накидку – палантин или *бооч* (Хаген, 2004. С. 159). Она представляла собой длинный кусок неширокой ткани. Ее женщины могли не просто накидывать на плечи, свешивая концы изделия (The Maya Vase Book..., 1989–2000. P. 754), но и перекидывать края внахлест, прикрывая при этом грудь (Willey, 1972.

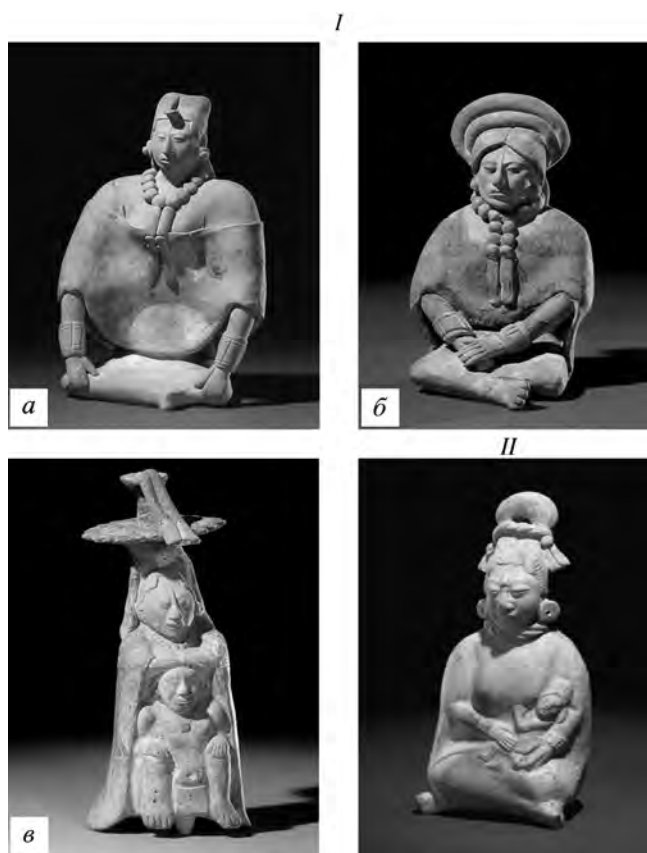
Р. 43). По краю накидка расшивалась геометрически узорами.

В качестве обуви использовались сандалии (Кнорозов, 1963. С. 241), но на терракоте они встречаются крайне редко.

Особое место в женском костюме занимают головной убор и прически. Вариативность головных уборов несколько отличается от мужских. Можно выделить три базовые группы. Один из самых популярных – строгий прямоугольный головной убор (рис. 8, 1а). Он практически полностью покрывает голову женщины, лишь изредка открывая волосы. Такая “шапочка” редко декорировалась. Ее особенность – ступенчатые края, обрамляющие лицо субъекта. На лбу встречается украшение – подвеска в виде капли или прямоугольника. Иногда такой головной убор имеет плавный волновой изгиб верхней части, что как бы делит его на две равные половины.

Иногда женщины использовали небольшие тюрбаны, состоящие из неширокой ткани, которой они оборачивали голову 2-3 раза, образуя при этом коронобразный головной убор, который иногда украшали перьями и цветами, что придавало ему особую красоту и изысканность (рис. 8, 1б).

Особое место в ряду женских головных уборов занимали сложносоставные шляпы (рис. 8, 1в). Они могли быть конусообразными и цилиндрическими. Встречаются шляпы с изображениями фантастических животных. Такие головные уборы были достаточно высокими и имели сложную конструкцию. Шляпа могла состоять из нескольких разнообразных ярусов. Базовая часть головного убора, которая непосредственно покрывала голову, имела овальную или круглую форму, чтобы достаточно плотно держаться на голове. Второй центральный ярус был самым широким, крепился строго параллельно на первом или под углом от него. Иногда шляпа завершалась двумя частями, вторая из которых декорировалась перьями и цветами. Встречаются головные уборы, состоящие из трех частей. Третья, завершающая часть представляла собой витые переплетенные полосы или кисти, свешивающиеся вниз. Отметим, что в большей степени головные уборы, отраженные в терракоте, дополняли прически. В большинстве случаев из-под шляп видны волосы женщины. Прически могли быть как простыми, так и отличаться высокой сложностью исполнения. Волосы причесывались на прямой, косой проборы или вообще зачесывались назад, чаще делались высокие прически. При этом часть волос зачесывалась наверх, перетягивалась лентами с кистями, а оставшийся хвост перекручивался и образовывал высокий овал. Не задействованные



**Рис. 8.** Варианты женского головного убора (I) и изображение женщины с ребенком на руках (II). I: а – строгий прямоугольный головной убор; б – тюрбан; в – сложносоставная шляпа.

в создании прически волосы оставались распущенными. Такая прическа придавала женщине строгую элегантность. Часто в волосы вплетались цветы и украшения в виде лент и завитков.

Встречаются терракотовые статуэтки, где женщины держат детей на руках (рис. 8, II). Детский костюм не отличался разнообразием. Как правило, дети изображались обнаженными или одевались по минимуму (Кинжалов, 1968. С. 118). Из одежды присутствовали набедренная повязка и свободного кроя рубаха. Голова оставалась непокрытой или использовался небольшой “чепчик”. Отметим, что в большинстве случаев изображались маленькие дети, что и обусловило немногочисленность элементов их одежды.

По степени декорирования и разнообразия элементов женского костюма можно практически точно определить, что женщина относится к привилегированным слоям общества. Так, знатная дама майя (рис. 7, в) одета в *утиль* с подпрямоугольным воротом. Рубаха фрагментарно расшита геометри-

ческими крестообразными и линейными узорами. Из-под *утиль* видна декорированная юбка. Сложный головной убор, украшенные волосы, частично татуированное лицо свидетельствуют о высоком положении, которое занимает эта женщина.

Женщины, социальный статус которых был невысок: ткачихи и другие представительницы общины – ограничивались в своем костюме *энагуа*, простой рубахой, а иногда и только юбкой. Так, на упоминавшемся выше изображении ткачихи майя (рис. 7, з) из одежды представлены удобная для работы рубаха свободного кроя, строгий прямоугольный головной убор.

Женские терракотовые статуэтки можно разделить на три основные группы: изображения знатных дам, ткачих, рядовых женщин общины. По костюму можно четко выделить знатных дам. В костюме часто присутствуют все элементы женской одежды. Она декорирована сложной вышивкой, кистями, бахромой, раковинами. Как правило, присутствует сложносоставной головной убор: многоярусные шляпы, тюрбаны, украшенные перьями и кистями ткани. На женщине надеты дорогие украшения.

Костюм же ткачих и женщин общины был прост, строг и немногобразен. Это юбки, рубахи и простые головные уборы. Категорию ткачих можно выделить по наличию изображения ткацкого станка, за которым работает женщина. Однако по материалам терракотовых статуэток специфические элементы костюма ткачих не выделяются.

В целом, говоря об особенностях костюма майя Классического периода, можно сделать ряд выводов.

Мужской костюм майя значительно разнообразнее женского. Это во многом связано с большей социальной и профессиональной значимостью мужчины в майяском обществе. Мужчины в своем костюме использовали значительно больше элементов одежды, больше комбинировали их друг с другом. По внешнему облику изображаемого субъекта можно достаточно точно определить, к какой социальной категории населения он относится.

Принципиальные различия между костюмами правителя, жреца и знати практически отсутствуют. Правители часто изображались сидящими на троне. Элементы их одежды могут быть немногочисленными, но неизменно дорогими. Жрецы, как правило, изображались в роскошном многоярусном перьевом головном уборе. Знатные представители майя комбинируют в своем костюме много различных элементов. Все эти высшие категории населения носили богато декорированную и дорогую одежду.

Костюм мужчин, занимавшихся профессионально какой-либо деятельностью, имеет ряд отличительных особенностей. Так, игроки в мяч носили пояс с прикрепленным хомутом. Воины изображались в хлопковой или перьевой броне и с другими элементами комплекса защитного вооружения.

Одежда рядовых представителей общины не отличалась разнообразием. В основном использовались набедренные повязки и пояса. Определению статуса и рода занятий этой категории населения помогают атрибутивные предметы.

Костюм определяет и социальное положение женщины в майяском обществе Классического периода. Одежда знатной дамы разнообразна и богато декорирована. Головные уборы сложносоставные и разновариантные. Костюм же ткачих и простых женщин общины достаточно однороден. Он отличается своей функциональностью, удобством в использовании, скромностью, а в некоторых случаях даже строгостью.

Модельный ряд мужского и женского костюма в ряде случаев сходен. В одежде обоих полов встречаются различные юбки и рубахи. Для изготовления любого костюма использовался почти одинаковый набор материалов: хлопок, кожа, перья. Материал декорирования также включает перья и кожу. Элементы декора представлены многообразием вышитых геометрических рисунков, замысловатыми украшениями из перьев, кистями и бахромой. Особое место занимают головные уборы и прически.

В целом, терракотовые статуэтки Классического периода – один из наиболее информативных источников при изучении майяского костюма, что способствует расширению представлений о цивилизации майя, ее бытовом и культурном наследии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуляев В.И.* Города-государства майя. Структура и функции города в раннеклассовом обществе. М., 1979.
- Гуляев В.И.* Забытые города майя. Проблема искусства и архитектуры. М., 1984.
- Искусство древней Мексики. Музейный центр РГГУ. Каталог. М., 2005.
- Кинжалов Р.В.* Искусство древних майя. Л., 1968.
- Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
- Ланда Диего де.* Сообщение о делах в Юкатане // Священные письма майя. СПб., 2000.
- Хаген Виктор фон.* Ацтеки, майя, инки. М., 2004.
- Ball J., Wyllys A.* The polychrome pottery of Dzibilchaltun, Yucatan, Mexico: typology and archaeological context // Archaeological investigations on the Yucatan Peninsula. New Orleans, 1975.
- Corpus of Maya hieroglyphic inscriptions. Yaxchilan. V. 3. P. 1. Cambridge, Mass., 1977.
- Corpus of Maya hieroglyphic inscriptions. Naranjo. V. 2. P. 1. Cambridge, Mass., 1979.
- Piña R.C. Jaina.* La casa en el agua. México, 1968.
- Rands R., Rands B.* Pottery figurines of Maya Lowlands // Archaeology of Southern Mesoamerica. V. 1. P. 2. Austin, 1965.
- The Maya Vase Book: A Corpus of Rollout Photos of Maya Vases. V. 1–6. N.Y., 1989–2000.
- Triadan D.* Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala // Latin American Antiquity. 2007. V. 18. № 3.
- Willey G.R.* The artifacts of Altar de Sacrificios. V. 64. № 1. Cambridge, Mass., 1972.
- Willey G., Leventhal R., Demarest A., Fash W.* Ceramics and artifacts from excavation in the Copan Residential Zone. V. 80. Cambridge, Mass., 1994.



---

## АРХЕОЛОГИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

---

В трудах современных западных историков культуры можно найти постоянные указания на некоторые детали византийского происхождения, якобы тщательно и сознательно сохраняющиеся русскими мастерами до конца средневековья и даже до Нового времени, такие, например, как крохотные скупфы, перекрывающие завершения шатровых храмов XVI в. Этим стремятся подчеркнуть особую связь русской культуры с христианской культурой Восточного Средиземноморья, ее “византийскость”, ее зависимость от раз и навсегда усвоенных, заученных форм или их восприятие как символически важных. Трудно отрицать, что такая зависимость существовала на начальном этапе, по крайней мере – в отношении религиозной архитектуры, иконописи и книжности. Но довольно рано она преобразовалась в традиционную связанность общностью веры, церковной иерархии, богослужебного обряда. Технологическая же, конструктивная и даже образная составляющие, особенно в сфере архитектуры и прикладного искусства, претерпели мощные трансформации под воздействием более динамично развивающихся культур Запада и Востока.

Мы обнаруживаем все больше свидетельств того, что движение древнерусской культуры стимулировалось не только византийским наследием, но и импульсами из иных культурных кругов – христианско-европейского (Северная, Центральная и Западная Европа) и исламского (азиатско-североафриканского). Чтобы верно оценить место каждого из них в нашем наследии и через это лучше понять сам византийский вклад, следует как можно глубже и конкретнее изучить не только синхронную Древней Руси средневизантийскую культуру, не только ее истоки в доиконоборческий период, но также сопредельные, хотя и внешние по отношению к ней, культурные области.

Делать это лучше всего на собственном и, по возможности, свежем, недавно полученном материале. Нельзя забывать, что в течение многих десятилетий изучение таких важных частей “византийского содружества”, какими являлись Древняя Русь и государства Северного Причерноморья (включая Кавказское побережье), осуществлялось в обстановке некоторой оторванности от развития мировой византистики. В то время мы сравнительно редко использовали даже сам термин “византийская археология”, который в прошлом, как и “русско-византийская археология”, был одним из ключевых и явственно обозначал вектор интересов исследователей.

Нам кажется, что сегодня пора возобновить традицию четко маркировать русско-византийскую

археологию как особую область, в то же время подчеркивая ее связанность, с одной стороны, со всем раннехристианским миром Средиземноморья и синхронным ему миром иудаизма (находившемся на этапе завершения формирования как конфессия), а с другой – с зарождающейся культурной общностью новой восточной религии, ислама. Тем паче, что за рубежом “художественная археология” (как сказали бы в XIX веке) Византии развивается стремительно благодаря новым международным проектам. Достаточно напомнить о выставках византийских древностей, которые проходят по всему миру и которые можно смело назвать пропедевтическими; об открытиях в ходе многолетней реставрации Айя-Софии (и об открытии мира русских граффити в ней же); о широких исследованиях ключевых, системообразующих комплексов (их как-то и памятниками не назовешь – затонувшие корабли, портовые кварталы Константинополя); об осознании особой роли в развитии византийской культуры таких областей, как коптский Египет и христианская Палестина.

В этом номере представлен ряд новых российских работ в области археологии Византийской империи и связанных или пограничных с нею областей, общность которых можно, расширительно применив термин Дмитрия Оболенского, назвать византийским содружеством. Эти проекты осуществляет или курирует в основном Институт археологии РАН. Каждый из них, несомненно, интересен сам по себе, но все вместе они пунктирно очерчивают культурно-хронологическое пространство, объединенное вокруг такого исключительно сложного по происхождению организма, каким была Византия. В нем отражено явно обозначившееся в последние десятилетия движение на юг, на Кавказ и далее – в Анатолию и Сиро-Палестинский регион. Но не забыто и традиционное направление, занятое русско-византийскими древностями от Киева до Ярославля и Новгорода.

Нам важно осознавать, что на пути активизации работ в области византийской археологии мы далеко не одиноки: активно работают с византийскими коллекциями коллеги в Государственном Эрмитаже; российские ученые по-прежнему вносят вклад в изучение Херсона и других византийских памятников Крыма. Большое внимание вопросам археологии традиционно уделяет старейшее византиноведческое издание России – ежегодник “Византийский временник”, который в 2011 г. отмечает 70-летие своей новой, возобновленной в 1947 г. серии. Пользуемся случаем поздравить коллег-византинистов с этим юбилеем.

## ПРОЕКТ “ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН”: РАБОТЫ 2010 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2011 г. Л.А. Беляев

*Институт археологии РАН, Москва  
(labeliaev@mtu-net.ru)*

**Ключевые слова:** *Византия, Палестина, Иерихон, русские участки, археология, нумизматика, мозаики, музейное строительство.*

The article presents the results of the excavations carried out by Joint Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences with the participation of the Department of Antiquities and Cultural Heritage of the Ministry of Tourism and Antiquities (PNA) at the land plot of Russian Federation at Tell Has-san (central part of Jericho). The excavation in Jericho is the first fieldwork of the Russian archaeologists in Palestine for the past century. And this is an evident historical injustice, because it was the Russian science that broke the way here in the 1880-s. During three months of work, the Expedition cleared out the history of the land lot and amassed a collection of ancient items of museum importance (over 300). The exploitation of the land lot goes back to Roman times (the most ancient coins found are dated 1<sup>st</sup> c. BC). In the Byzantine epoch (late 5<sup>th</sup>–early 7<sup>th</sup> c. AD) the whole land lot was occupied by the buildings. They are built of big blocks of cut stone on bouldery foundations; capitals and bases are extremely schematic; the columns are hewn from local limestone. However, the interiors are comfortable and richly decorated. All of them are equipped by reservoirs where water canals go to, floors are carpeted by mosaic of small white or colored stone cubes. The most important find is a big (3.6 × 3.6 m) polychrome mosaic of 150 thousand cubes. Its composition is formed by complex braided circles and vegetation motives that are associated in the religious symbolic with wishes of well-being. Many finds point to the Christian character of the complex: bronze thurible with chains and cross; ceremonial bronze lamp; ceramic lamps with the Greek inscriptions. These things and mosaic relate to the period from late 5<sup>th</sup> to the first half of 7<sup>th</sup> c. The second polychrome mosaic is found in premises hardly touched by excavations.

Летом 2010 г. Институт археологии РАН по заданию Управления делами Президента РФ и договору с фирмой “ХАРВИНТЕР” провел археологические исследования на участке Музейно-паркового комплекса правительства РФ в г. Иерихон (Палестинская национальная администрация (ПНА) – Израиль) (рис. 1). Это первые российские полевые исследования археологических памятников на землях Русской Палестины с 1891 г., т.е. более чем за столетие (см.: Беляев и др., 2008. С. 46–57). Работы были организованы в связи со строительством на участке, возвращенном ПНА России в 1995 г. С 1880-х годов так называемый Иоасафовский участок находился во владении Императорского православного палестинского общества (ИППО) (Бутова, Лисовой, 2009. С. 153–161), здесь были обнаружены археологические памятники, а в 1891 г. Я.И. Смирновым (экспедиция ИППО под руководством Н.П. Кондакова) проведены раскопки (Смирнов, 1904. С. 137–142) (рис. 2).

Работы 2010 г. носили охранно-разведочный характер, но их можно рассматривать как первый этап

научного проекта, цель которого – восстановить археологическое присутствие России в Палестине, особенно на участках, принадлежащих православной Церкви и Правительству РФ.

Культурно-хронологические рамки проекта не случайно ограничены византийским периодом. Древности Византии – тема, традиционно важная для российской науки. В Палестине они исключительно многочисленны и сохранились гораздо лучше, чем во многих других местах (см., например: Parker, 1999. P. 134–189). Но проект актуален не только по этой причине. Сиро-Палестинский регион – арена активной работы ученых всего мира, занятых историей трех монотеистических религий Средиземноморья в эпоху их окончательного оформления. Древности Святой земли как магнит притягивают археологов, историков религии и культуры, и за этой тягой стоят как научные, так и геополитические вопросы, ждущие решения уже не одно столетие, и сегодня не менее острые.

Истолкование материалов I тыс. н.э. в Сиро-Палестинском регионе вызывает серьезные научные



**Рис. 1.** Памятники византийского периода в окрестностях Иерихона. *I* – размещение памятников в городе (по Августинovicу и Багатти, на основе современной карты): 1 – Тель эс-Султан; 2 – мозаики в греческом монастыре Абуна Антимос; 3 – “базилика 1934 г.” (“собор”; ц. Богородицы?); 4 – храм на антониновском участке; 5 – храм (Св. Андрея?) на участке коптского монастыря Абуна Филипп; 6 – участки современных христианских кладбищ, церквей и монастырей (францисканских, коптских, греческих); 7 – участок коптской церкви; 8 – синагога “Мир Израилю”; 9 – Хирбет Матлаб (Галгала ?); 10 – Российский Музейно-парковый комплекс. *II* – план Музейно-паркового комплекса: *A* – здание музея; *B* – снесенные постройки 1880-х годов; *B* – раскоп 1, 2010 г.; *Г* – раскоп 2, 2010 г. (1880–1891 гг.); *Д* – раскоп 4, 2010 г.



**Рис. 2.** Раскопки на Иоасафовском участке 1880–1890-х годов: 1 – общий вид с юго-востока; 2 – вид раскопа с северо-востока; 3 – вещи из металла; 4 – вещи из камня и глины. Фотографии ИППО, 1880–1890-е годы.

дискуссии. Для участия в них необходимо вести собственные исследования и формировать научные коллективы, знакомые с источниками не по зарубежным публикациям, а на собственном опыте, которые были бы способны работать рядом с коллегами как в Израиле и Палестинской автономии, так и в Европе и США. У нас есть для этого особые перспективы, ведь Россия с XIX в. владеет участками земли на территориях Израиля (включая ПНА), приобретенных в свое время в том числе и из-за того, что на них были обнаружены древние памятники.

Начатая задолго до раскопок подготовительная стадия проекта позволила сформулировать общую задачу (Беляев, 2003. С. 9–20; 2007. С. 43–55) и собрать материалы по зарубежной византийской археологии, затронув отчасти археологию периода Римской империи, Византии и раннего Халифата в Палестине (Беляев, 2004. С. 232–252; Беляев, Мерперт, 2007; Беляев, Масиель Санчес, 2009. С. 306–311). В 2008 г. удалось провести внешнее обследование участков в Иерихоне (Беляев, 2009. С. 118–121) и опубликовать обзор их истории в XIX – начале

XX в. (Бутова, Лисовой, 2009. С. 153–161; см. также: Дмитриевский, 2006. С. 7–12 и др.).

Так, в рамках работ по возвращению российской археологии в Палестину возник инициативный проект Института археологии РАН “Византийский Иерихон”, получивший стремительное развитие с началом работ по строительству Музейно-паркового комплекса. Идею организовать археологические работы на участке, которые стали, таким образом, логическим завершением многолетней подготовки проекта, поддержало сначала ИППО, а затем Управление делами Президента РФ. Работы велись с разрешения местных органов охраны памятников, для их осуществления Институт археологии РАН и Департамент древностей и культурного наследия Министерства туризма и древностей ПНА подписали договор о научном сотрудничестве и создании Совместной Иерихонской российско-палестинской археологической экспедиции<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> В ее состав были включены: как соруководитель – зам. министра д-р Хамдан Таха; как инспектор на участке – Суфиан Эдеисс (сотрудник Департамента); группа местных рабочих.



Исследования охватили значительную площадь (более 2000 м<sup>2</sup>) и велись с соблюдением принятой методики полевых работ, хотя на разных раскопах и зонах сопровождения возможности для систематических работ были различны. Основных раскопов было три (рис. 3; 4).

Раскоп 1 (6 × 8 м) был заложен на месте помещения с полом из белой мозаики, обнаруженном при надзоре за строительством главного здания Музея палестинской службой охраны памятников. С прибытием московской группы раскоп был доведен до уровня пола по всей ширине и углублен в незастроенных местах до материка, расчищенные кладки были обмерены, произведена их фотофиксация, керамический материал обработан, находки объединены в один список. Позже остатки сооружений были законсервированы из-за близости к фундаменту музея (укрыты в два слоя строительной тканью; на 40 см засыпаны прокаленным песком; произведена обратная засыпка грунтом).

Работы на раскопе 2 (10 × 12 м) включили очистку от мусора и слоя, скопившегося в выработке 1883–1891 гг. за многие десятилетия, доработку углов и узкую прирезку с юга. Слой пройден до уровня, позволявшего сохранить кладки *in situ* (разборка кладок верхних уровней допускалась в тех случаях, когда явно поздние кладки “повисали” на засыпках, закрывая сохраненные конструкции). В раскопе открыто не менее трех уровней мозаики, из них по меньшей мере две – цветные.

Раскоп 4 (10 × 16 м) включили в состав работ только в августе, в связи с решением построить резервуар для воды. Его удалось пройти до уровня кладок и мощения, ниже слой изучен только шурфами и удален строительной компанией, согласовавшей этот шаг с Департаментом древностей и культурного наследия ПНА. Каменные конструкции были промаркированы и демонтированы, а затем собраны на уровне парка как инсталляция.

Все иные земляные работы на участке проводились при участии сотрудников экспедиции: сооружение трансформаторной подстанции и очистных колодцев на периферии, замена ограды, садово-парковые и благоустроительные работы, проклад-

ка коммуникаций. Несмотря на ряд ограничений в возможностях исследования сама площадь вскрытий и объем просмотренного грунта позволили прийти к целому ряду заключений и представить общую картину застройки участка, стратиграфию, хронологию, тип сооружений.

Открытые в раскопах 1 и 2 помещения можно рассматривать как части одного архитектурного комплекса. Он неоднократно перестраивался, но сохранял главные элементы и ориентацию основных стен, в целом точно привязанных к сторонам света. Комната в раскопе 1 приближалась по площади к 30 м<sup>2</sup> (5 × 6 м), в раскопе 2 она достигала 40 м<sup>2</sup> (5.8 × 7 м). Фундаменты стен были сложены из валунов, имели ширину до 1.5 м; кладка стен колебалась от 65 до 100 см. Такая значительная разница стены и фундамента объяснима утратой облицовки из тесаных блоков. В верхних уровнях фундаментов встречаются также сырец и глинистые прокладки. Выложенные из белых тесер полы обоих помещений не раз перекладывались, причем в раскопе 2, где этих перекладок отмечено не менее трех, центр помещения занимает квадрат 3.6 × 3.6 м из цветной мозаики. На север от помещения в раскопе 2 уходит еще одна комната с белым мозаичным покрытием, под которым ясно читается более ранняя капитальная стена с иной ориентировкой; на юг также уходит комната, в которой открыт бордюр второго цветного “коврика”, – это угловатая плетенка, имеющая бесчисленные аналогии в V–VII вв. Вместе помещения в раскопе 2 образуют род анфилады из трех комнат с внутренней шириной около 6 м, вытянутых в линию с севера на юг.

Под полами и стенами этих комнат, а также снаружи вдоль стен проложены водоводные каналы. Один из них заканчивается небольшим резервуаром, вписанным в северо-восточный угол помещения; в него выходит керамическая труба, проложенная от канала под стеной. Второй акведук идет вдоль восточной стены снаружи и поворачивает под прямым углом на восток, выходя за край раскопа. Его уклон – в восточном направлении, где можно ожидать нового резервуара или цистерны. Кроме того, в западную стену на уровне фундамента вмонтирован керамический открытый сосуд для воды – в него сверху входили трубы (см.: Смирнов, 1904. С. 139), до наших дней не дошедшие.

В раскопе 4 ситуация иная. Это зона большого двора с площадками, замощенными сырцом и камнем, – местами хозяйственной и ремесленной деятельности. По участку проходит длинный (более 16 м) извилистый фундамент каменной ограды, в который встроен перекрытый камнем канал, внутри которого установлен отлично вытесанный

Научный костяк составили сотрудники ИА РАН из отделов теории и методики (канд. ист. наук Т.Ю. Шведчикова, зам. руководителя экспедиции), античной археологии (канд. ист. наук Л.А. Голофаст, канд. ист. наук А.Н. Ворошилов, А.А. Супренков, канд. ист. наук А.В. Ковальчук и др.), охранных раскопок (В.В. Зайцев, А.М. Куликов), каменного века (канд. ист. наук Д.В. Ожерельев), сектора археологии Москвы (О.А. Тихова) и других под общим руководством автора статьи как начальника экспедиции. Крайне существенной была поддержка директора ИА РАН, член-корр. РАН Н.А. Макарова, неоднократно выезжавшего в Иерихон на ключевых этапах исследований.

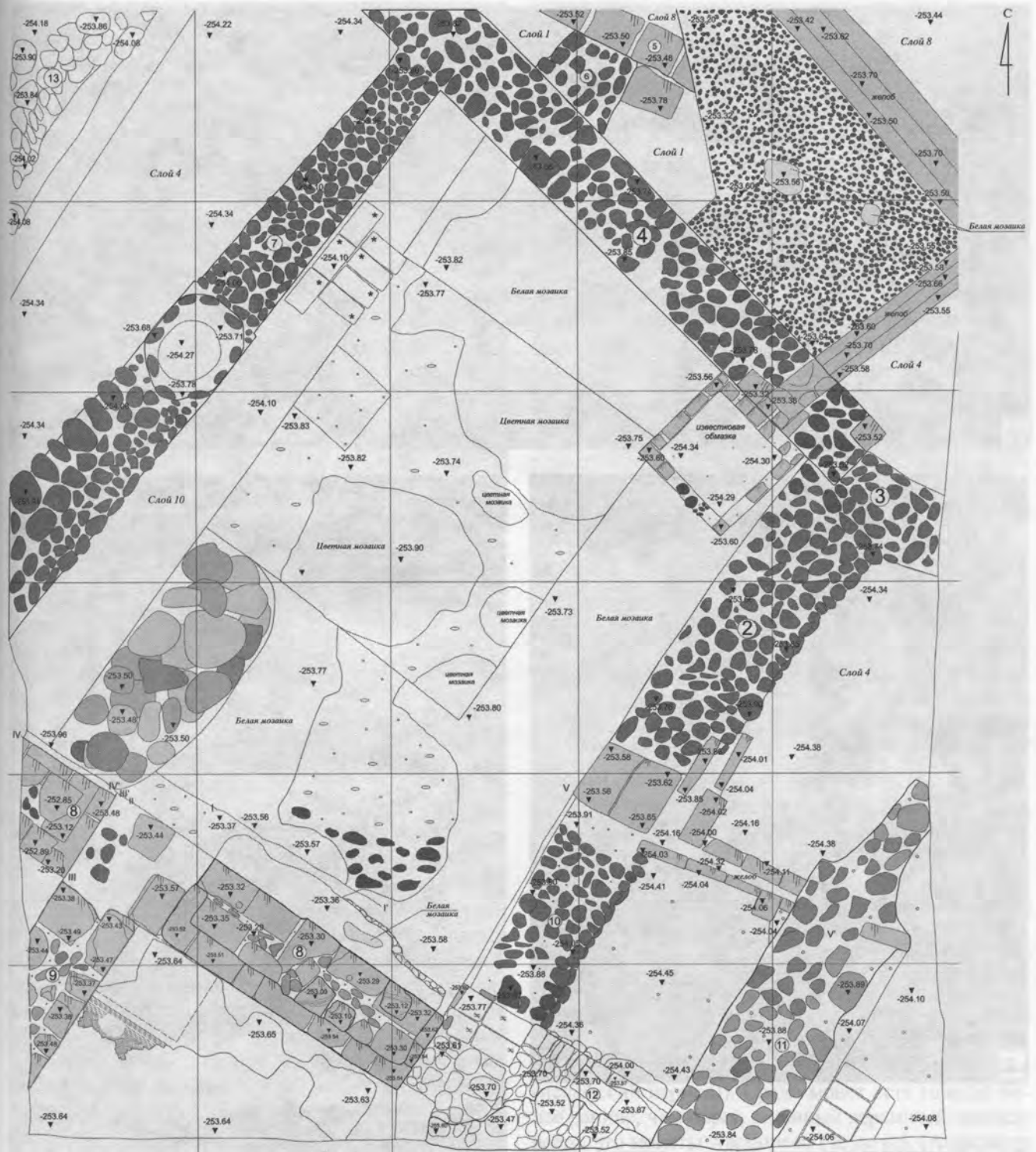


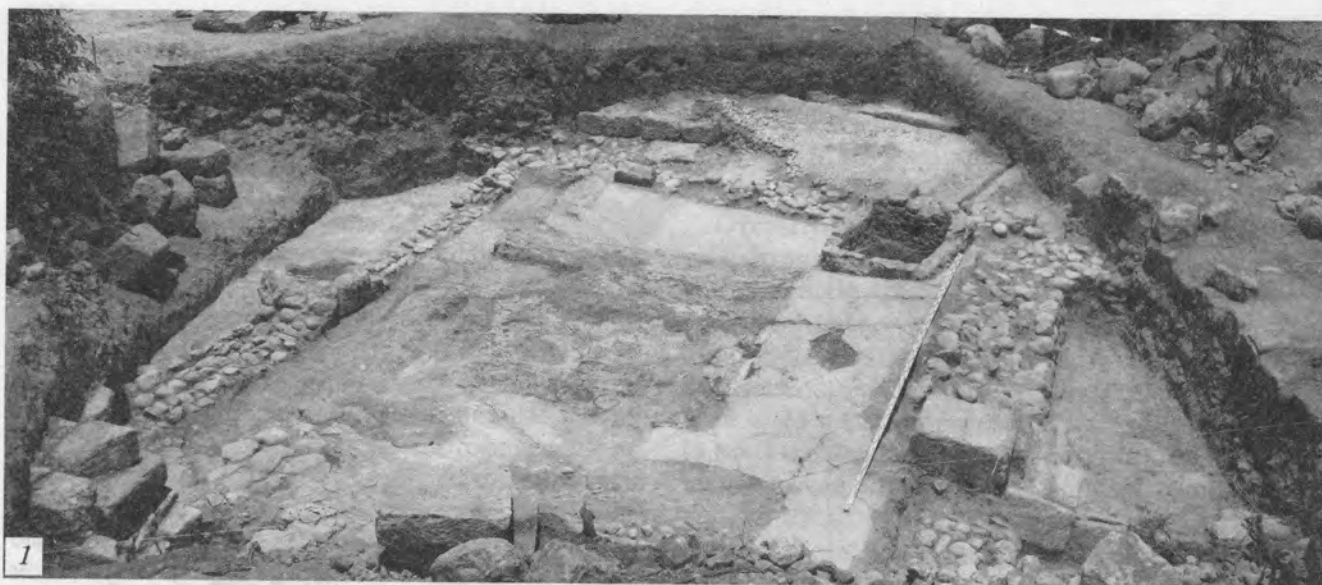
Рис. 3. Общий план конструкций в раскопе I.

каменный фильтр с отверстиями. Слой на этом участке насыщен бытовой керамикой и монетами.

Хронология участка устанавливается на основе сборов керамики и монет, к счастью, очень многочисленных. Керамика позволяет выделить как

главный период функционирования комплекса византийское и, отчасти, раннеарабское время. Этот вывод основан на изучении более 5500 фрагментов и ряда целых форм (определения керамики – Л.А. Голофаст). Статистика довольно убедительна,





**Рис. 4.** Конструкции в раскопах 2010 г.: 1 – раскоп 2, общий вид с юга до прирезки; 2 – раскоп 1, вид с севера вдоль кладки восточной стены; 3 – раскоп 2, резервуар для воды в северо-восточном углу помещения с цветной мозаикой.

хотя переходный период от христианства к исламу в Палестине еще не имеет окончательно разработанной хронологии. Значительную (до 30%) часть комплекса – неорнаментированные стенки простой гончарной посуды – трудно уверенно соотнести с

определенной эпохой. Остающийся материал распределен крайне неравномерно: менее 1% составляет позднееримская керамика; столько же – раннее Новое время; немногим более (до 5%) – айюбидский и мамлюкский периоды. Подавляющее боль-





Рис. 4. (Окончание). 4 – раскоп 2, керамический резервуар для воды в кладке западного фундамента, вид с юга; 5 – раскоп 4, часть акведука со встроенным фильтром, вид с запада.



шинство фрагментов (64%) относится к византийскому и раннеарабскому времени, от V–VI до VIII вв. Эта большая группа гомогенна, поскольку простейшие типы посуды переживают культурно-исторический рубеж первой половины VII в. (рубеж арабского завоевания), статистически разделить эти эпохи сложно. Раннеарабская эпоха наследует формы византийской – особенно некоторые виды кухонных горшков, блюд, кувшинов. А именно эти формы, наряду с так называемыми мешковидными амфорами для воды или вина (“тарные кувшины”), преобладают в наших сборах. Общим для участка является отсутствие или малочисленность самых обычных для Палестины групп – например, позднеримских амфор (в том числе типа Газа), краснолаковой финикийской и африканской парадной керамики.

Дифференцировать периоды жизни на участке помогают типы посуды, характерные только для определенной культурно-исторической общности. Тунисская краснолаковая парадная посуда (конец IV – конец VI в.) совсем немногочисленна, но все же представлена и включает широко распространенные в Византии сосуды, в том числе блюда со штампованными изображениями: “листья пальм и концентрические окружности” (середина IV – начало V в., стиль *Aii*, формы 67 и 104A); “бык” и “пти-

ца” (530–600 гг., стиль *Eii*, формы 93, 99, 101, 103 и 104 по Дж. Хайсу (Hayes, 1972)). Легко отличимы и арабские типы – лампы с высокой “воронкой” (VII–VIII вв.), ранний сфероконус в форме плода граната (VIII в.), расписные кувшины конца раннеарабского или айюбидо-мамлюкского времени (VIII или XII–XIII вв.) (рис. 5, 1–3; цветная вклейка 1, рис. 5д).

Значительная нумизматическая коллекция (более 200 экз.) подтверждает и уточняет хронологию (определения монет выполнены В.В. Зайцевым (до начала раннеарабского периода) и А.А. Гомзиным (исламский период)). Среди монет есть гораздо более ранние, чем порог, заданный керамикой: прежде всего, это монеты Хасмонеев I в. до н.э. (Александр Яннай; Гиркан II) и Иудеи начала нашей эры (всего 8 экз.) и римских императоров II – конца IV в. (Марк Аврелий, Филипп Аравитянин, Максимиан Геркуллий, Константин I и его семья и др.) (всего 22 экз.). Таким образом, в целом “древний” раздел составляет (без учета византийского клада) не менее 20% всего состава, а если добавить сюда и первые полтора века Византии, т.е. монеты конца IV – конца V в. (4 экз.) – около 23%, т.е. почти четверть.

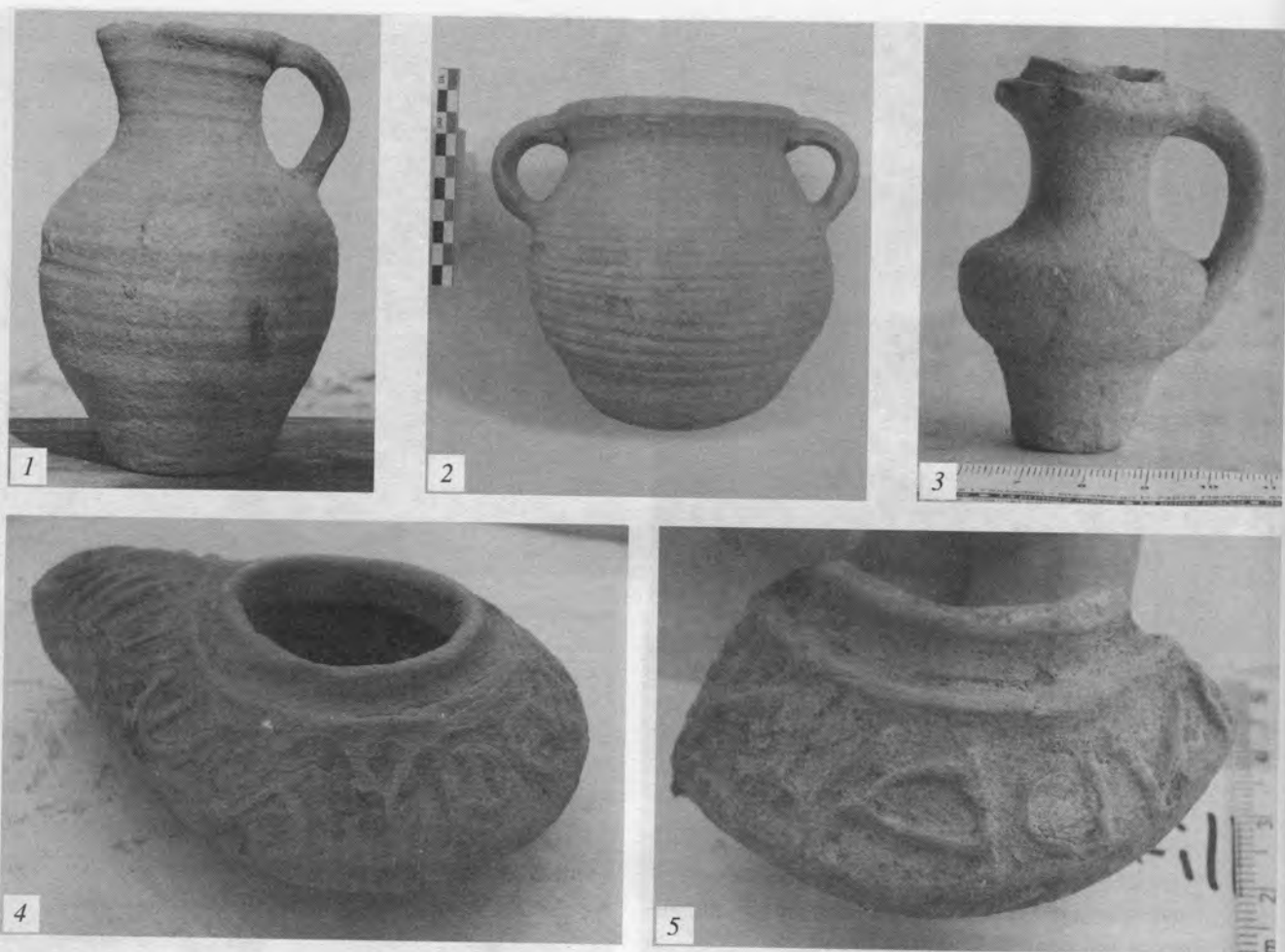


Рис. 5. Керамические изделия: 1 – кувшин-“ойнохойя”, VI–VIII вв.; 2 – горшок кухонный, VI–VIII вв.; 3 – миниатюрный кувшинчик, VI–VIII вв.; 4 – лампа с греческой надписью, VI–VII вв.; 5 – фрагмент лампы с греческой надписью, VI–VII вв.; 6 – плоскодонный сфероконус, VIII в.

После того, как реформа императора Анастасия увеличивает оборот медных монет, общее число их выпадения резко возрастает и фоллисы начала VI – начала VII в. (Юстин II, Фока, Тиберий II Константин и др.) составляют 40% (60 экз.), если не учитывать клад, состоящий целиком из них. Эти 54 экз. – прекрасная подборка фоллисов примерно за сто лет, от Анастасия I до Маврикия Тиберия (Анастасий I, 491–518 гг. – 18 экз.; Юстин I, 518–527 гг. – 16 экз.; Юстиниан I, 527–565 гг. – 9 экз.; Юстин II, 565–578 гг. – 10 экз.; Маврикий Тиберий, 582–602 гг. – 3 экз., в том числе самая младшая монета клада, отчеканенная в 593–594 гг.). Если же взять все 114 монет, то доля последнего столетия византийского правления окажется близкой доле византино-омейядской керамики – около 60%.

Монеты раннеарабской эпохи (21 экз.: VII в. – 13 экз., VIII в. – 9 экз.) численно уступают византийским (в наших вариантах подсчета 5 или 10%).



Следует обратить внимание на некоторое сокращение монет VIII в. в сравнении с VII, на последующий разрыв до XII в. и на очень незначительное включение монет XIII–XIV вв. (эмира Алеппо ал-Азиз Мухаммада, 1216–1236 гг. и др.), после чего вновь наступает молчание, прерванное только в позднеосманскую эпоху.

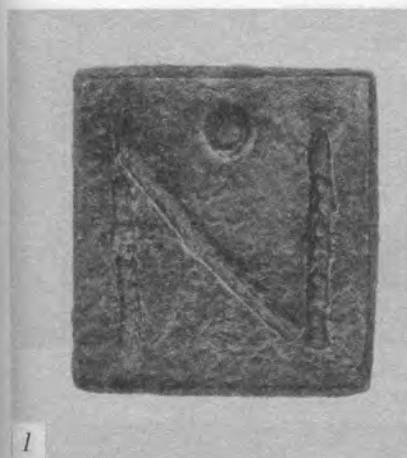


Рис. 6. Изделия конца V – начала VII в. из медных сплавов: 1 – гирька с монограммой (1 солид); 2 – кадилница; 3 – крестик на цепи для кадилницы.



На активность монетного обращения в VI–VII вв. указывает не только распределение монет, но и находка двух бронзовых гирек-эталонов с инкрустированными серебром монограммами. Одна из них весит 13.2 г, т.е. близка к половине унции (13.6 г), что равняется трем золотым монетам – номизмам или солидам (см. цветную вклейку 1, рис. 6а). Она несет монограмму  $\Pi\text{B}$  и надчеканку  $\Gamma$  с утраченной инкрустацией; монограмма вписана в круглый венчик, отлитый вместе с гирькой (очевидна необходимость дальнейшего исследования этого экземпляра гирьки ранневизантийского периода до сих пор собирали, далеко не всегда понимая их соотношение и связь монограммы с весом). Другая гирька в одну номизму (4.55 г) обозначена буквой  $N$  (см. таблицу веса и монограмм: Bendall, 1996. P. 8; за указание на эту работу благодарю П.Г. Гайдукова; ср.: Manns, 1984) (рис. 6, 1).

Керамическая и монетная коллекции позволяют судить о хронологии, но мало добавляют к функциональной интерпретации комплекса. Явное преобладание кухонных форм и тарных сосудов для воды указывает на жилое и хозяйственное использование, также как изобилие на участке каменных приспособлений для размалывания зерна и, воз-

можно, растирания иных растений. Это простые ручные мельницы с двумя жерновами; сложные мельницы римского типа из вулканической породы с приводом для животного (осла); крупные (более полуметра высотой) стационарные ступки, толстые портативные ступки-чаши с треугольными ручками и совсем небольшие ступки для домашних нужд, все – из мрамора или других твердых пород известняка (рис. 7, 1). Ступкам соответствуют маленький,





Рис. 7. Изделия из камня: 1 – мельница из вулканического камня с приводом для домашнего животного; 2 – примитивная ионическая капитель (большая); 3, 4 – примитивная ионическая капитель (два вида); 5 – база сложного профиля; 6 – база упрощенного профиля.

почти круглый пест-курант и Г-образный пест из черного базальта, имеющий рабочую поверхность не только на конце ножки, но и на боку.

Следует отметить, что среди вещей из камня есть фрагменты парадной посуды – например, край невысокого круглого блюда из очень качественного,

почти прозрачного известняка (мрамор или алебастр). К этому же кругу изделий, возможно, относится небольшой таз черного базальта (лутерий?), заполированный по дну, стенкам и срезу венчика, но оставшийся грубо тесаным с изнанки и по внешним стенкам (цветная вклейка 1, рис. 7в). Воз-



Рис. 5д



Рис. 6а



Рис. 6в



Рис. 5е



Рис. 7в





Рис. 8б



Рис. 8в



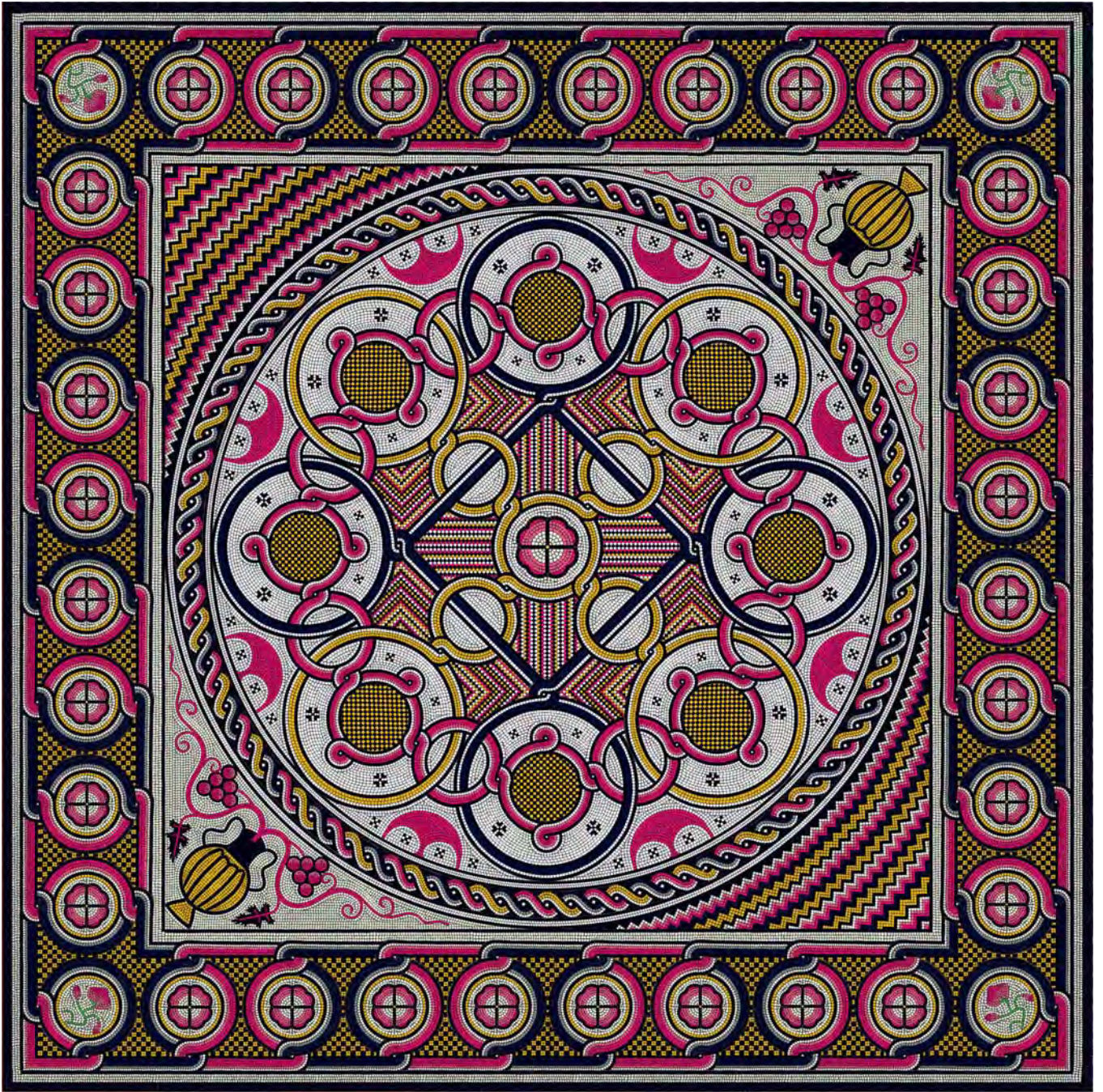


Рис. 8а



Рис. 8г



Рис. 8з



Рис. 8е



можно, он имел подставку из другого материала (металла? дерева?), к которой крепился благодаря небольшим ямкам на боках в районе слива. Слив в виде открытого носика и три ручки размещены снаружи крестообразно на противоположащих концах пересекающихся диаметров.

Кое-что можно извлечь и из наблюдений над постоянно встречающимися архитектурными деталями. Их учтено более 50. Все они переотложены или вторично использованы в более поздних кладках, ни одного места установки пока не обнаружено. Однако это не доказывает их полного отсутствия на участке: подавляющая часть комплекса еще не вскрыта, а Я.И. Смирнов описывал стоящие колонны (1904. С. 140–142).

Детали явно происходят от колоннад зданий или улиц. Найденные стволы принадлежали трем базовым диаметрам: первая группа близка – 0,9–1 м, вторая – 0,6 м, третья включает малые диаметры от 0,3 до 0,37 м (она самая разнообразная). Им отвечают капители нескольких типов и размеров: примитивные ионические трех видов; маленький фрагмент коринфской (и других). Базы не только чисто тесаные, с классическим профилем, но и упрощенные, а больше всего абсолютно примитивных (в расчете на обмазку – в некоторых случаях она сохранилась у колонн) (рис. 7, 2–6).

Среди архитектурных находок интересны фрагмент архитрава портала с мелкими овами; нижний угловой камень портала с сухим дробным профилем (примитивная база фланкирующей полуколонны или филенки); колонна с раннеарабским граффито на срезе барабана. Надпись представляет два арабизованных имени, хотя каких точно – неясно (в первой строке читается “Джабраил” или “Самуил”, во второй, вероятнее всего, “Филипп”) и датируется не ранее VIII в.<sup>2</sup>

В XIX в. на участке было собрано довольно много деталей, в том числе ствол мраморной колонны и две капители – вероятно, те самые, что стоят сейчас на столбах ворот Музейно-паркового комплекса.

Широкое использование колонн и, особенно, цветные мозаики для конца ранневизантийского периода в Палестине указывают на общественный, вполне вероятно, религиозный, характер комплекса (к церковным мозаикам принадлежит более поло-

вины всех известных византийских полов Палестины, в то время как частные дома, бани и гробницы вместе составляют только до 15%). В V–VIII вв. можно говорить об известном сходстве материальных признаков и символики в иудейских, христианских, исламских памятниках, что хорошо показала выставка Музея библейских стран с характерным названием “Three Faces of Monotheism” (2007).

Но жители раскопанного участка были христианами. Это можно было предполагать еще в XIX в., когда в верхних слоях находили бронзовые кресты, часть порфиновой чаши с вырезанным крестом и т.п. (Смирнов, 1904. С. 142). Эти давние находки поддержаны в 2010 г. обнаружением редких образцов церковного литья (небольшой “клад”?) на прирезке к раскопу 2 в слое засыпки, включающем следы пожара. Полусферическая кацея с тремя ножками и тремя цепями, имеющими крестики (с кружками на углах расширенных ветвей) типична для региона (виды кадилниц из бронзы в Палестине: Cradle..., 2000. Р. 101) (рис. 6, 2, 3). Очень большой (на 300 г масла) лампе с ручкой из спиралевидно закрученных побегов (и, видимо, утраченным крестиком) точного аналога пока не найдено, но общее ее соответствие типам церковных ламп на подставках несомненно (ср. набор христианских ламп IV–VI вв. в собрании Эрмитажа (Залеская, 2006. № 212–222) и Музея Израиля (Cradle..., 2000. Р. 107)) (цветная вклейка 1, рис. 6в). Церковной утвари изначально было на участке гораздо больше, так как на фотографии 1888 (?) г. в собрании ИППО (сейчас находится в Музее истории религии, СПб.) среди изделий из металла с Иосафовского участка видны еще одна бронзовая лампа, три подставки-канделябра для таких ламп и кадилница (видимо, большего, чем найденная, размера).

На участке встречены и фрагменты нескольких керамических ламп со штампованными христианскими греческими надписями и крестами, а также два целых светильника этого типа (рис. 5, 5, 6; цветная вклейка 1, рис. 5е). Эти широко распространенные лампы (их называют “лампы-шлепанцы”, “лампы на подставках” и др.) известны также с иудейской и (реже) исламской символикой и/или надписями. Однако в наших сборах есть только христианские лампы (сколько можно судить по второй фотографии из собрания ИППО, также по находкам XIX в.). Эти лампы дополнительно укрепляют датировку: штампы “с крестом и сиянием” встречаются со второй половины IV до середины VI в., а штампы с греческой надписью наследуют им с середины VI до конца VII в. Круговые штампованные надписи хорошо изучены и сейчас всеми воспринимаются как передающие начало вечерней

<sup>2</sup>Благодарю за консультации зарубежных и российских семиологов: главного арабиста отдела семитских языков Гарвардского университета профессора В. Хайнрикса; профессора Оксфордского университета Р. Хойлэнда; профессора университета Мэриленд Р. Фрадкина; профессора Принстонского института передовых научных исследований, ныне покойного, О. Грабара; эпиграфиста и ориенталиста И.В. Зайцева (Институт востоковедения РАН).

молитвы (фразу “Свет Христов просвещает всех”) с необходимыми сокращениями и, частично, искажениями (сводка: Loffreda, 1989; обобщение: Loffreda, 2001; типология ламп как керамических изделий: Magness, 1993). На нашей лампе буквы читаются по кругу слева направо: ΦΩΣΧΥΦΕΝΠΑΣΙΝΕ[ω?][?] и раскрываются как ΦΩΣ ΧΡΙΣΤΟΣΥΙΟΣ ΦΑΙΝΕΙ ΠΑΣΙΝ.

Христианские мотивы пронизывают и цветную мозаику (см. цветные вклейки 2, 3; обмер и реконструкция мозаики выполнены О.А. Тиховой и С.Г. Шуляевым). Правда, ее сложная композиция из изоцирально сплетенных кругов, образующих цепи и охваченных традиционной плетеной “косичкой”, использующая в качестве фона зигзаги разделки “под мрамор”, принципиально не изобразительна. Но в нее включен набор символов, хорошо известный в христианском искусстве: разные формы креста, вплетенные в растительный орнамент; устойчивые евхаристические символы – виноградная лоза с гроздьями, цветок граната. Хронологически мозаика соотнесена с одной из поздних фаз активного обживания участка, поскольку входит в состав предпоследнего “ремонтного” пола, которому предшествуют, по меньшей мере, еще один, а, возможно, и несколько.

Типологически мозаика принадлежит к кругу достаточно дорогих, хотя и далеких от роскоши образцов: использован камень семи-восьми цветов; для выкладки полихромной части потребовалось не менее 150 тыс. тессер небольшого размера (до 1 см; плотность – 110 тессер на дм<sup>2</sup>), уложенных по тщательной подготовке общей толщиной от 20 до 45 см: в глиняную подготовку утоплен слой крупной, плотно подогнанной гальки на ребро, поверху пролитый бетоном с включением толченой керамики, а по бетону – тонкими слоями чистого раствора. Тессеры вставлены в особый верхний слой, напоминающий гипс. Композиция имеет аналоги в полах храмов к западу и востоку от р. Иордан, датированных при открытии периодом от V до VIII в., например, в Мареше (Kloner, 1993. P. 260–264), Герасе (Piccirillo, 1981. Fig. 30 (535 г.), 31), Deir es-Smadiyah (район Пеллы, см.: Piccirillo, 1981. Tav. 7. Fig. 7; Tav. 8), а также в общественных банях в Гада-ре и других местах (Piccirillo, 1981. Fig. 18. Tav. 20–22) и в более ранних памятниках конца IV в.: самарийской синагоге на Хирбет Самара (в Палестине мастера работали для заказчиков вне зависимости от конфессии: Talgam, 2000. P. 93–110) и, особенно, в монастырской церкви в Шилохе. Ее мраморовидные заполнения углов, огромная циркулярная композиция из сцепленных кругов и ромбов, амфоры с побегами лозы, конечно, выполнены гораздо

точнее, искуснее, богаче, но в схеме комбинации очень сходны.

Учитывая все данные, кажется осторожнее для мозаики на Иоасафовском участке предложить дату на основе статистики находок, ограничив ее концом V – первой половиной VII в., и “резервировать” более ранние даты для нижележащих уровней.

Итак, раскопками затронуты части довольно большого сооружения, престижно оформленного с архитектурной точки зрения, комфортабельного и богато украшенного изнутри, состоявшего из многих помещений и существовавшего не менее 150–200 лет. Вполне вероятно, что дальнейшее исследование подтвердит представление о нем как о христианском (на участке не обнаружено признаков исповедания его обитателями Закона Моисея или Ислама) аграрно-религиозном комплексе, возможно, монастыре со странноприимным домом и обширным хозяйством. Сплошная периметральная застройка с внутренним двором и эксцентрично поставленным храмом – распространенный в Палестине тип монастырей и усадеб. “Двухслойная” хронология, включающая последние 200 лет раннехристианского периода (середина V – середина VII в.) и первые века исламского правления (с середины VII до начала IX в.), очень типична для Тель Хасана – других вариантов он, собственно, пока не предлагает (см: Foerster, 1993. P. 696, 697), хотя нужно ожидать, что по крайней мере часть современного Иерихона была хозяйственно освоена уже с конца I тыс. до н.э. и снабжала продуктами земледелия дворцовое хозяйство Хасмонеев и семьи Ирода.

Раскрытый комплекс следует считать значительным, так как скромные монастыри того же периода, хотя и сходны по набору находок и конструктивным приемам, по площади гораздо меньше, не имеют мозаичных полов и дают гораздо меньше находок. Так, полностью раскопанный в 2003–2004 гг. Хирбет-ай-Сийах в иудейской части Шефелы (15 км западнее Иерусалима) занял площадь не более 2000 м<sup>2</sup> (базовый размер – 30 × 60 м) и дал всего 50 монет (Taxel, 2009). Крупные же монастыри были в 3–5 раз больше и отстраивались постепенно, на протяжении одного-двух веков (общая площадь монастыря Мартирия в Маале Адумим, не самого крупного – 10 000 м<sup>2</sup>). Работы на Иоасафовском участке пока затронули только малую часть построек: в стороны от комнат с мозаиками уходят новые помещения, а некоторые траншеи натолкнулись на мозаичные (в том числе бело-черные) покрытия. Его изначальный размер, оценивая зону между раскопами 1 и 2 и учитывая данные наблюдений, предполагается как близкий 5000–6000 м<sup>2</sup>.



В проект 2010 г. вошли не только раскопки, но и организация первой экспозиции музея<sup>3</sup>. Она была составлена менее чем за два месяца и включила находки, сделанные на участке (до 300 экз.); десятки архивных, натуральных, кабинетных (макрофото-съемка мелких объектов) фотопланшетов; близкую к подлинному размеру реконструкцию полихромной мозаики; интерактивную программу для сенсорного экрана и др. Обильное текстовое сопровождение (экспликации, этикетаж, буклет: Беляев, 2010) готовилось на трех рабочих языках экспедиции (русском, арабском и английском). 18 января 2011 г. Музейно-парковый комплекс, включая музеефицированный раскоп и экспозицию, осмотрели Президент РФ Д.А. Медведев и председатель ПНА Махмуд Аббас.

В дальнейшем намечено расширить и углубить раскоп 2, сняв для реставрации полихромную мозаику (ее сохранность менее 50%, и поверхность крайне неровная из-за подстилающих стен). Нужно также определить границы и общую планировку сооружения, найти возможное место церкви, для чего при благоустройстве участка зарезервировано около 500 м<sup>2</sup> площади.

Оценивая перспективы проекта “Византийский Иерихон”, следует сопоставить открытый комплекс с материалами других археологических работ на объектах византийского периода и с корпусом письменных свидетельств об Иерихоне. Однако сделать это без специальных работ нелегко. Первое знакомство с источниками по христианским памятникам Иерихона убеждает в крайне слабой их проработке: нет общего мнения по таким важным вопросам, как существование у города стен в византийский период; можно идентифицировать лишь незначительное число памятников, упомянутых средневековыми хождениями; далеко не все археологические вскрытия (тем более отдельные находки) картографированы, а городская топография просто не существует.

Топографические соотношения пятен разных периодов в иерихонской “археологической агломерации” опирались до сих пор, несмотря на активные исследования Телль Султана и зоны дворцов I в. до н.э. – I в. н.э., в основном на схему “Ономастикона” Евсевия Кесарийского (до 331 г.), который выделял Телль Султан вблизи Источника Елисея (как библейский Иерихон, разрушенный Иисусом Навином); Иерихон эпохи Хасмонеев, разрушен-

ный римлянами, и будущий византийский Иерихон, которым до сих пор считают Телль Хасан, но конкретную топографию которого еще предстоит установить (Onomasticon, 104: 25–31). Иерихон хорошо представлен в источниках второго из этих периодов, поскольку он постоянно упоминается Иосифом Флавием и другими античными авторами как царский город, как административный центр округа и как участок с особенно плодородной землей и удобным для сельского хозяйства климатом, но в собственно византийское время он почти исчезает из источников.

Мозаичная карта из Мадабы (вторая половина VI в.) дает по отдельности Источник Елисея (показан как церковное здание под куполом, от которого текут воды источника) и город Иерихон, изображенный в окружении пальм, в виде стены с высокими прямоугольными башнями, из-за которой видны фронтоны домов и храмов (Alliata, 1999. P. 51–53). Общая ситуация отражена точно: источник, дающий жизнь городу на протяжении многих тысячелетий, по крайней мере в римско-византийский период уже отстоял от города примерно на 1,5 км, и вода шла к Телль эль-Хассану по акведукам (в основном, видимо, подземным – их части встречены в раскопах 2 и 4?). Но насколько можно полагаться на “карту” в деталях, сказать трудно. Ни одного фрагмента стены пока не найдено (топография Антониновского участка, впрочем, заставляет думать, что здесь могла проходить линия городских укреплений и/или дорога через вадю).

Из объектов, известных по средневековым источникам, уверенно локализуется “иерихонская башня”, которую в XVII в. воспринимали как “дом Закхея”: Морони писал, что Иерихон “превратился в беднейшую деревушку, в которой нет ни одного строения, достойного быть упомянутым, кроме дома Закхея, ... имеющего большую башню” (Morone, 1668–1669. P. 318). Ее же видел Николо да Поджибонси, описывая город в 1347 г.: “сейчас это только руины, да дворец, да остатки башни с низенькими домами вокруг” (Poggibonci, 1945. P. 74). На фотографии конца XIX в., фиксирующей только что построенный паломнический приют о. Антонина Капустина, она стоит на первом плане, и хотя сейчас ее следов не осталось, она вряд ли входила в пределы русского участка, как об этом пишут (Bagatti, 2002. P. 100).

Иерихон стал важным пунктом на пути к месту Крещения на р. Иордан уже в IV в. Ранние паломники и агиографическая литература упоминают здесь ряд почитаемых мест, частью с церквями. В 333 г. Пилигрим из Бордо (“Бордосский паломник”) пишет о дереве Закхея (Лк. 1. 10) “справа

<sup>3</sup> Экспозицию удалось осуществить благодаря привлечению к работам дизайнерской студии “Театр архитектурной формы” (ТАФ) в лице ее руководителя профессора кафедры “Дизайн архитектурной среды” Московского архитектурного института А. Ермолаева и художника-дизайнера С. Садовскова.

от холма позади гробницы”; византийские хождения помещают сикамору вблизи города на дороге в Иерусалим и указывают на окружающий ее “ораторий”. Известен приют паломников с часовней Богородицы, построенный на месте “дома Раав” (Евр. 11. 31) и еще ряд таких приютов (основанный св. Саввой; построенный св. Феодосием; принадлежавший монастырю св. Евфимия и др.), а также несколько монастырей (перечень: Augustinovic, 1951).

Прокопий Кесарийский, перечисляя здания Юстиниана (“О постройках”, 5 : IX : 1), назвал странноприимный дом и храм Богородицы в Иерихоне (Прокопий Кесарийский, 1996. С. 274). Считается, что храм уже существовал, а император его расширил и украсил. Во всяком случае Д. Барамки, работавший на средства служб Британского мандата и изучивший в 1934 г. остатки христианского храма в Телль Хасане, датировал его первый мозаичный пол IV–V вв. (рамки жизни здания задали собранные при работах монеты IV–VII вв.) и связал последовавшую перестройку с эпохой Юстиниана (Baramki, Kelso, 1955). Это довольно крупная трехнефная одноапсидная базилика, на плане Б. Багатти обозначенная как “собор”.

К северу от центральной площади города строители коптской церкви собрали многочисленные остатки колонн, капители, части оформления алтаря и надписи на камнях (Bagatti, 2002. P. 97, 98). В этом же районе, но южнее площади, на берегу Вади Кельт лежит Антониновский русский участок с первым изученным в Иерихоне в 1880-х годах мозаичным полом, сохранившим эпитафию 566 г. “благословенного Георгия, служителя и игумена благочестивого оратория”. В километре выше по руслу вади, на той же северной его стороне, Августинович и Багатти наблюдали раскрытие пола древней церкви при строительстве другого коптского храма (Абуна Филипп) с двумя мозаичными надписями: ктиторской от имени воина Магниана, посвятившего храм *ex voto* Св. Андрею, и погребальной “Трифона, слуги Христа” с не совсем ясной датой в пределах второй половины VI – конца VII в. (565, 575, 587, 592, 637 или даже 682 гг.). К западу от Иоасафовского участка, южнее главной дороги между Телль эс-Султан и Телль Хасан (сейчас Айн Султан стрит), при работах в греческом монастыре Абуна Антимос открыли остатки храма с мозаичным полом с изображениями птиц, рыб и лисы (шакала), поедающей виноград, а также эпитафией священнослужителей. Багатти и Антонович считают, что церковь использовали в V–VI вв., о чем говорят и находки церковных предметов (см.: Bagatti, 2002. P. 98, 99. Pl. 25, 26).

Хотя практически во всех случаях отсутствуют обмеры и даже фото раскрытых кладок, очевидно, что центр современного Иерихона в V–VII вв. занимали христианские кварталы с церквями, монастырями и приютами для паломников. К 325 г. в городе существовала христианская община, и ее епископы упоминаются источниками до 800 г. Задача археологии состоит в выявлении общей планировки Иерихона, обнаружении его общественного центра и укреплений византийского времени, почитаемых *loca sancta*, хозяйственных и торговых площадок и т.п. Все еще неясно, к какой точке тяготеет застройка – “собор” Барамки и еще три церкви как бы закрепляют углы большого “квадрата” со стороны от 800 до 1400 м, внутри которого оказывается храм Св. Андрея на коптском участке и (если наша атрибуция верна) церковное место Иоасафовского участка.

Нельзя забывать и о том, что на окраинах города есть еще церкви – восточнее, в 2–3 км вниз по каньону Вади Кельт лежит урочище Хирбет эн-Нитла, где в 1954 г. открыли церковь IV/V–IX вв. и следы других построек (Baramki, Kelso, 1955). Храм пережил за три-четыре века по крайней мере пять капитальных перестроек, причем две последние укладываются в период VIII–IX вв. и свидетельствуют о бедности общины, вынужденной отказываться от мозаичных полов и заменить тесаные квадраты на сырцовый кирпич. В километре к северу от “собора” расположено еще одно скопление руин – Хирбет (Телль) эль-Матлаб. Здесь не раз находили капители с христианской символикой, известен мозаичный пол и вещи византийского времени (Августинович отнес разрушение руин на счет русских строителей XIX в., добывавших здесь камень, и, хотя сами представители России камень только покупали, возможность вторичного использования на наших участках частей других византийских памятников необходимо учитывать). Нитлу и Матлаб отождествляют с урочищем, которое в Средние века называли Галгалой – в память о священном топониме, упомянутом в Ветхом завете (Bagatti, 2002. P. 102, 103).

Итак, византийский Иерихон – широкое поле для археологических исследований, главная часть которых, конечно, впереди и будет включать как раскопки, так и поиск в архивах и музеях материалов XIX – первой половины XX в. Полевые работы 2010 г., по сути дела, только завершают этап, начатый больше столетия назад архимандритом Антонином и Я.И. Смирновым: объекты обмерены, сфотографированы, частью интерпретированы; находки прошли каталогизацию и выставлены в музее; готовится фундаментальная публикация



материалов<sup>4</sup>. Российская археология начала движение в Палестину, на тесной археологической карте которой ей как будто специально оставлено место. Сформировать на основе Иерихонской экспедиции и Музейно-паркового комплекса базу дальнейших исследований – насущная и теперь уже исполнимая задача нашей науки.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А.* “Религиозная археология” в русской и зарубежной исторической науке // ППС. Вып. 100. М., 2003.
- Беляев Л.А.* Византия: византийская археология // ПЭ. Т. VIII. М., 2004.
- Беляев Л.А.* Традиция русских археологических исследований в Святой земле // ППС. Вып. 105. М., 2007.
- Беляев Л.А.* Памятники византийского периода в Иерихоне: перспективы и результаты изучения // РА. 2009. № 3.
- Беляев Л.А.* Византийский Иерихон. Археологические открытия на участке Музейно-паркового комплекса. М., 2010 (также на англ. и араб. яз.).
- Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* Археологические памятники русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов // РА. 2008. № 4.
- Беляев Л.А., Масиель Санчес Л.К.* Иерихон // ПЭ. Т. XXI. М., 2009.
- Беляев Л.А., Мерперт Н.Я.* От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М., 2007.
- Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* К истории русских археологических исследований в Иерихоне // РА. 2009. № 3.
- Дмитриевский С.М.* Русские раскопки на Елеонской горе. М., 2006.
- Залеская В.И.* Памятники византийского искусства IV–VII вв. Каталог коллекции ГЭ. СПб., 2006.
- Прокотий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. М., 1996.
- Смирнов Я.И.* Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского общества, произведенные от 12-го до 21-го ноября 1891 г. // Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
- Alliata E.* The Legends of the Madaba Map // The Madaba Map Centenary. 1897–1997 / Eds M. Piccirillo, E. Alliata. Jerusalem, 1999.
- Augustinovic A.* Gerico e Dintorni. Guida. Gerusalemme, 1951.
- Bagatti B.* Ancient Christian villages of Samaria. Jerusalem, 2002 (SBF CM; № 39).
- Baramki D.C., Kelso J.L.* Excavations at New Testament Jericho and Khirbet en-Nitla: Joint Expedition of the Pittsburgh-Xenia Theological Seminary and the American School of Oriental Research in Jerusalem. New Haven, 1955.
- Bendall S.* Byzantine Weights. An Introduction. L., 1996.
- Cradle of Christianity /* Eds Y. Israeli, D. Mevorah. Jerusalem, 2000.
- Foerster G.* Jericho: Tell el-Hassan // NEAEHL. V. 2. Jerusalem, 1993.
- Hayes J.W.* Late Roman Pottery. L., 1972.
- Kloner A.* A Byzantine Church at Maresha (Beit Govrin) // Ancient Churches Revealed. Jerusalem; Washington, DC, 1993.
- Loffreda S.* Lucerne byzantine in Terra Santa con iscrizioni in greco. Jerusalem, 1989.
- Loffreda S.* Light and Life. Ancient Christian Oil Lamps of the Holy Land. Jerusalem, 2001.
- Magness J.* Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield, 1993.
- Manns F.* Some Weights of the Hellenistic Romans and Byzantine Periods. Jerusalem, 1984.
- Morone da Maleo (Mariano).* Terra Santa. V. I. Piacenza, 1668–1669.
- Parker Th.* The Byzantine Period: An Empire’s New Holy Land // Near Eastern Archaeology. 1999. V. 62. № 3.
- Piccirillo M.* Chiese e mosaici della Giordania settentrionale. Jerusalem, 1981 (SBF CM; № 33).
- Poggibonci Niccolo da.* A Voyage beyond the seas (1346–1350). Jerusalem, 1945 (repr. 1993).
- Talgam R.* Similarities and differences between synagogue and church mosaics in Palestine during the Byzantine and Umayyad periods // From Dura to Sepphoris: Studies in Jewish Art and Society in Late Antiquity / Eds L. Levin, Z. Weiss. Portsmouth RI, 2000 (JRA Suppl. Series; 40).
- Taxel I.* Khirbet Es-Suyyagh. A Byzantine monastery in the Judean Shephelah. Tel Aviv, 2009 (Salvage Excavation Reports; V. 6).
- Three Faces of Monotheism /* Ed. J.G. Westenhold. Jerusalem, 2007.

<sup>4</sup> Считаю приятным долгом поблагодарить коллег, оказавших серьезную помощь экспедиции: сотрудников Института археологии РАН О.В. Зеленцову и С.Б. Григорян, взявших на себя оформление документов экспедиции; известного фотохудожника К. Лейфера, выполнившего значительную часть протокольной фиксации; главного научного сотрудника Института истории РАН Н.Н. Лисового, постоянно консультировавшего нас по истории русского присутствия в Палестине; израильского археолога Я. Чехановец, неоднократно консультировавшую нас по вопросам археологии византийского периода; директора издательства “Индрик” К. Ваха, щедро поделившегося с нами собранными фотоматериалами по теме “Русская Палестина”.

## СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РИМСКОЕ ВРЕМЯ И ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИСТОЧНИКИ, ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ

© 2011 г. О.С. Румянцева

*Институт археологии РАН, Москва*  
(o.roumiantseva@mail.ru)

*Ключевые слова: производство и химический состав стекла, античность, раннее средневековье.*

The article reviews the latest international studies on late classical and early medieval glass-making. They show that during the time in question most of the glass found its way to Europe as a semi-finished product to be later worked into artifacts. During the first half – the middle of the 1<sup>st</sup> millennium AD Europe had three main sources of glass: one possibly in the Syro-Palestinian region, another in Egypt, and the third has not yet been identified. This data amends the systems of interpreting the composition of ancient glass that are often encountered in Russian studies.

Проблемы изучения позднеантичного и ранне-средневекового стеклоделательного производства практически не рассматриваются в последнее время в отечественной литературе. С момента выхода монументального исследования В.А. Галибина (2001), затронувшего ряд важнейших аспектов данной темы, прошло 10 лет. В нем было показано, как много спорных вопросов остается в изучении проблем стеклоделия; автором была дана критическая оценка основных положений методики анализа стекла, разработанной ранее в серии трудов Ю.Л. Щаповой (1983; 1998 и др.) и широко применяющейся в отечественной науке. На сегодняшний день актуальность изучения этой области древнего производства обусловлена стремительным накоплением базы анализов химического состава стекла. Интерпретация их результатов, лежащая в основе заключений о возможных регионах производства, тесно связана с рядом дискуссионных вопросов данной темы.

Одна из основных причин непопулярности и дискуссионности проблем античного стеклоделия – отсутствие доступа к необходимой источниковой базе, в которой важное место занимают археологические данные о древнейших стеклоделательных центрах Ближнего Востока и Северной Африки. Для римского времени эти данные крайне актуальны. Широкое распространение стекольных мастерских в Европе в начале нашей эры происходит после изобретения стеклодувной техники на Ближнем Востоке. Информация о древнейших регионах стеклоделия, в первую очередь сиро-палестинского

побережья и Египта, содержится в письменных источниках римского времени; упоминание знаменитого песка р. Бел в качестве сырья, пригодного для стекловарения, мы находим у Страбона, Плиния, Иосифа Флавия, Тацита (см.: Галибин, 2001. С. 26). Однако возможные механизмы связи европейских мастерских римского времени и древнейших стеклоделательных центров не рассматривались подробно в отечественной литературе.

В последние два десятилетия большинство ключевых проблем производства стекла римского времени и раннего средневековья широко обсуждалось на страницах зарубежных изданий. Эти исследования опираются на качественно иную источниковую базу, существенно пополнившуюся за последнее время. В первую очередь это материалы раскопок стеклоделательных мастерских в Египте и на территории Израиля. Крайне важны результаты комплексного изучения значительно выросшей за последние годы базы анализов химического состава древнего стекла и детальная публикация материалов европейских стекольных мастерских, рассматривающихся в общем контексте развития стеклоделия в интересующую нас эпоху. Особый вид источника – затонувшие корабли, содержащие в качестве груза стекло, стал доступен благодаря достижениям подводных археологов, ведущих исследования в водах Средиземного моря. Большую ценность представляют данные этноархеологии: в некоторых регионах Турции, Индии, Египта и Сирии до наших дней сохранилось кустарное производство стеклянных изделий – от простейших ти-

пов бус до сосудов, изготавливаемых в стеклодувной технике. Мастера в них работают с использованием традиционных печей и приемов обработки стекла. Данные свидетельства дают возможность проверить, насколько вероятны и выполнимы на практике модели, предлагаемые в реконструкциях археологов.

Основная задача данной статьи – краткий обзор наиболее значимых публикаций по данной тематике. Общий объем их таков, что представить их даже в сжатом виде на страницах одной статьи невозможно, поэтому акцент будет сделан как на основные проблемы, так и на представление круга источников, проливающих свет на вопросы организации производства стекла. В работе также будет рассмотрена одна из ведущих и наиболее аргументированных моделей организации стеклоделательного производства в позднеантичное время и в начале эпохи Средневековья, практически не обсуждавшаяся ранее на страницах отечественных изданий.

Прежде всего необходимо остановиться на двух ключевых терминах, связанных со стеклоделательным производством: стекловарение и стеклообработка. Первый подразумевает изготовление собственно стекла из исходного сырья, представленного в интересующую нас эпоху песком и природной содой или золой солончаковых растений. Второй описывает производство готовых изделий из полуфабрикатов – кусков или слитков готового стекла<sup>1</sup> (Stern, 1995. Р. 23, 25). Подобное разделение обусловлено пригодностью данного материала к многократному использованию для производства изделий: при разогреве до необходимой температуры стекло легко переходит в состояние, в котором возможна его обработка (Foу, 2003. Р. 271).

Присутствие печи в сочетании со следами производства еще не подтверждает факт стекловарения. Исследования выявили наличие специализации в мастерских первой половины – второй трети I тыс. н.э. Среди них выделяются первичные или стекловаренные, в которых стекло производилось на основе исходного сырья, и вторичные, или стеклообработывающие, где шла работа с уже готовым, обычно привозным стеклом, из которого получали изделия, включая посуду, изготовленную в стеклодувной технике (см., например: Nenna et al., 1997; Amrein, 2001). Подобное разделение было обусловлено, очевидно, тем, что для варки стекла и изготовления из него готовой продукции требовались разные технические условия, и следовательно, различны были затраты топлива. Существовала, веро-

ятно, и специализация мастеров – стекловаров и тех, кто производил готовые изделия, так как эти виды производства требовали разных навыков. Кроме того, крайне важно было наличие пригодного сырья, отвечающего одновременно целому ряду критериев, – неслучайно его месторождениям уделяется особое внимание в письменных источниках римского времени.

Археологически различия между первичными и вторичными мастерскими состоят в размерах и типах печей, конструкция которых была обусловлена их назначением и предъявляемым к ним техническим требованиям. Обоснованность разделения стекловаренных мастерских на стекловаренные и стеклообработывающие подтверждает также характер найденных в них отходов и производственного брака.

Бесспорные следы первичного производства зафиксированы в Сиро-Палестинском регионе и в Египте: в районе добычи природной соды в Вади Натруне и вблизи оз. Марейотида, недалеко от Александрии.

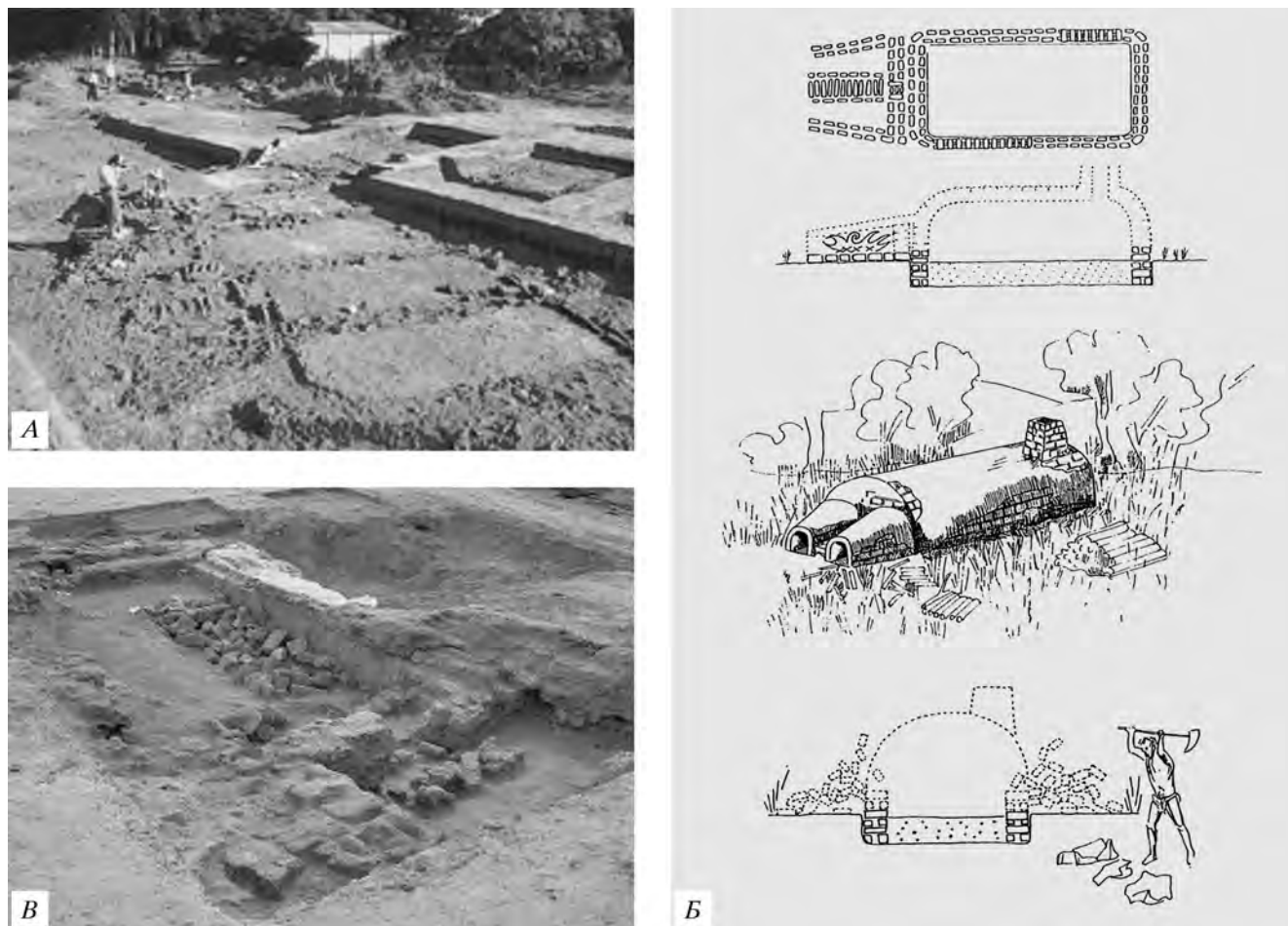
Одним из наиболее ярких открытий, позволяющих получить представление о “первичном” производстве, стали раскопки в Бет Эльезере на территории современного Израиля (Gorin-Rosen, 1995. Р. 42, 43; Freestone et al., 2000). Здесь был исследован комплекс VI–VII – начала VIII в., состоящий из 17 стекловаренных печей и свидетельствующий о наличии здесь крупномасштабного стеклоделательного производства (рис. 1, А). Печи были ориентированы по оси восток–запад и имели прямоугольный варочный бассейн размером 2 × 4 м, а также двойную камеру горения, расположенную с западной стороны; благодаря этому дувшие с моря ветра помогали растопить печь. Основное отделение печи – варочный бассейн – было выкопано в земле и выложено сырцовым кирпичом, изготовленным из местной глины. Из таких же кирпичей строились перекрытия.

Огонь, горевший в топке, обеспечивал необходимую температуру в варочном бассейне, в который помещали шихту<sup>2</sup>. Производственный процесс занимал около двух недель, а температура в печи достигала 1100° С. По окончании процесса варки печь демонтировалась, а полученная стеклянная плита разбивалась на куски, пригодные для транспортировки (рис. 1, Б). После их разборки обожженные кирпичи, возможно, использовались вторично для постройки новых печей (Gorin-Rosen, 1995. Р. 42, 43). Целая стеклянная плита, относящаяся

<sup>1</sup> Речь идет именно о стекле (*raw glass, verre brut*), а не о фритте (*fritte*).

<sup>2</sup> Шихта – смесь сырьевых материалов, подлежащих переработке в печи для получения стекла.





**Рис. 1.** Стекловаренные ванны печи Сиро-Палестинского региона и Египта (А, В) и их реконструкция (Б). А, Б – Бет Эльезер (Израиль), раскопки и реконструкция печи – Я. Горин-Розен, фото – Й. Розен (Nenna, 2001–2002. Р. 314; Foy, Nenna, 2001. Р. 34); В – Бени-Салама (Вади Натрун, Египет) (Nenna, 2007. Р. 128).

скорее всего к раннеисламскому времени и по ряду причин оставшаяся невогребанной, была найдена в Бет Шеариме на территории Израиля. Ее вес составляет 8,8 т (Brill, 1967. Р. 88–95). В Бет Эльезере в каждой печи в один прием могло производиться от 8 до 10 т, а всего в мастерской могли быть изготовлены несколько сотен тонн стекла. По мнению автора раскопок Я. Горин-Розен, производство функционировало здесь короткий промежуток времени, возможно, один сезон, пока горючие материалы в округе не были израсходованы (Gorin-Rosen, 1995. Р. 43).

Находка в Бет Эльезере – не единственное свидетельство производства стекла в Сиро-Палестинском регионе. Серия стекловаренных печей была зафиксирована также в Аполлонии (Арзуф), расположенной на средиземноморском побережье Израиля, в 17 км от Яффы; ее дата – VI–VII вв. (Tal et al., 2004. Р. 51–66). В Сиро-Палестинском регионе из-

вестны и более поздние стекловаренные комплексы (Gorin-Rosen, 2000).

К римскому времени относятся находки ванн печей на территории Египта. Две древнейшие из известных на данный момент печи I–II вв. были раскопаны в Бени Салама, в восточной части р-на Вади Натрун (рис. 1, В). Они имели варочный бассейн огромных размеров:  $2,0 \times 6,1$ –7 м, что позволяло произвести плиту стекла весом около 15–20 т. Работа здесь, вероятно, также была сезонной; не исключено, что она была связана с периодами добычи соды, приходившимися на май – конец июля (Nenna et al., 1997. Р. 84, 85; Nenna, 2007. Р. 127–130).

В современной Индии известны этнографические параллели ванн стекловаренных печей, применение которых зафиксировано еще в середине 1990-х годов (Sode, Kock, 2001). Описание процесса их использования дает важную информацию для понимания того, как функционировали древние производственные комплексы подобного типа.



Рис. 2. Стекловаренная печь в Ялезаре (Индия, 1990-е годы) (Sode, Kock, 2001. P. 158).

Круглая в плане печь, зафиксированная в Ялезаре на севере Индии, высотой около 2 и диаметром около 4,5 м, разделенная на варочный бассейн и камеру горения, была перекрыта кирпичным сводом, снабженным рабочими отверстиями-«окнами». Сверху свод был замазан толстым слоем опесчаненной глины, что позволяло дополнительно укрепить стены (рис. 2). Авторами исследования описан полный цикл производства стекла. Перед изготовлением шихты в печь загружается около 3 т песка, который прокаливается в течение суток; это позволяет удалить из него органические остатки. В качестве щелочного сырья используется сода. Период варки стекла идет непрерывно в течение 30 дней. Семь мастеров работают в три смены, при этом двое из них постоянно топят печь. В качестве топлива используются сушеные стебли горчицы, необходимые в огромных количествах. Каждые три дня в печь загружаются 300 кг шихты вместе с кусками стекла низкого качества, оставшимися от предыдущего цикла стекловарения. Готовое стекло требует более низкой температуры разогрева, облегчая процесс варки. Судя по косвенным признакам, температура в печи Ялезара едва достигала 900 °С. По завершении процесса печь должна остывать около двух недель. После этого рабочие, сделав большую брешь в стене, проникают внутрь и разбивают получившийся блок стекла на куски. Менее половины его пригодно для последующей обработки – часть, прилегающая к полу, плохо проваривается. Она отправляется в стекловаренную печь вторично вместе со следующей партией шихты. Получаемое подобным образом дешевое стекло используется сегодня для глазурования керамической посуды. Для изготовления украшений индийские ремесленники предпочитают продукцию фабричного производства (Sode, Kock, 2001. P. 158–163).

Несмотря на разницу в форме и конструкции, индийские печи, видимо, технически сравнимы с древними. Прямоугольные стекловаренные печи также известны в Индии; они зафиксированы на западе страны (Sode, Kock, 2001. P. 168, 169).

Стекланные блоки первой половины – середины I тыс. (рис. 3) отличаются от современной индийской продукции более высоким качеством: находки из Бет Эльезера прозрачны, содержат мало пузырьков и других дефектов (Gorin-Rosen, 1995. P. 42, 43).

В первичных мастерских, изученных археологически, отсутствуют признаки изготовления готовых изделий – бус, сосудов и пр. Помимо остатков печей находки сводятся к обожженным кирпичам, часть из которых покрыта слоем стекла, и кускам самого стекла, чаще всего не имеющим определенной формы. В Бет Эльезере общий вес собранного на памятнике стекла составил около 25 кг (Gorin-Rosen, 1995. P. 43).

В Египте и Сиро-Палестинском регионе наряду со стекловаренными встречены и стеклообрабатывающие мастерские (рис. 4), что подтверждает разделение всего производственного цикла на два этапа и существование специализации в данной отрасли производства (Excavations at Jalame..., 1988; Nenna et al., 1997; 2000; Gorin-Rosen, 2000). По всей вероятности, ко вторичным относится подавляющее большинство известных европейских мастерских, расположенных на территории римских провинций и в зоне влияния Империи. Найденные в них печи (рис. 5) отличаются от описанных стекловаренных по размерам и конструкции. Они имеют небольшой размер и округлую форму; их внутренний диаметр составляет в среднем от 0,4 до 0,8 м, редко достигая 1–1,18 м (Amrein, 2001; Foy, Nenna, 2001. P. 40–60). Находки прямоугольных печей здесь редки, а их на-



Рис. 3. Блоки необработанного стекла (Foy, Nenna, 2001. P. 108).



**Рис. 4.** Производственные центры Египта и Сиро-Палестинского региона (Foy, Nenna, 2001. P. 34): *a* – первичные мастерские; *b* – вторичные мастерские.

значение еще предстоит уточнить. Возможно, что некоторые из них использовались для отжига уже готовых сосудов (Nenna, 2007. P. 135, 136).

Во вторичных мастерских, как и в первичных, встречаются кусочки необработанного стекла – осколки полуфабрикатов, шедших на изготовление готовой продукции. Кроме того, для них характерны выраженные следы производства изделий: фрагменты бракованных, деформированных сосудов; бесформенные куски оплавленного стекла; стеклянные капли и обрезки нитей, предназначенных для декорирования изделий; технологические отходы – “колпачки” – участки выдутых сосудов, прилежавшие к стеклодувным трубкам и откальвавшиеся по завершении дутья; фрагменты тиглей; в редких случаях – формы и инструменты. На фрагментах конструкции печи здесь также встречаются натски стекла (Amrein, 2001).

Разделение производства на стекловаренное и стеклообрабатывающее известно в этнографической современности. Ученые французской экспедиции в Египет конца XVIII в., описывая ремесла, существующие в Каире, отмечали, что египтяне,

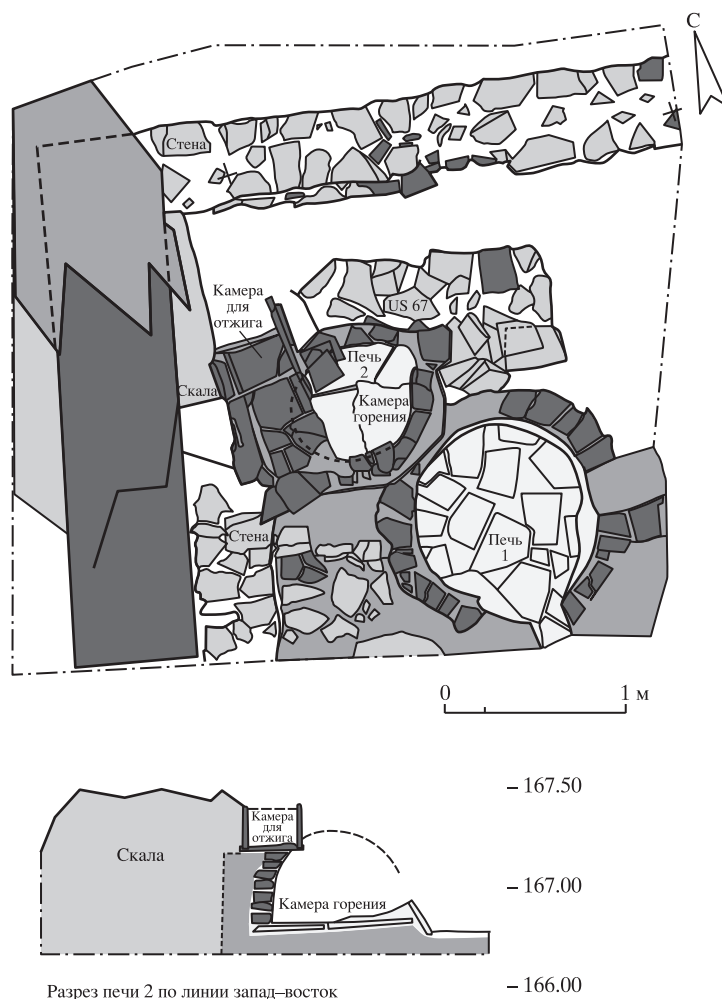
кажется, не производят больше стекло, а только перерабатывают готовое; они используют полуфабрикаты венецианского происхождения (Henein, 1974. P. V). Сетуя на то, что искусство стеклоделия в Египте практически уничтожено, они в то же время отмечали, что нет ничего более экономичного и простого, чем этот тип мастерских, работающих на привозных материалах.

Один из наиболее ярких примеров XX в. – мастерская в Каире, в которой посуда примитивных форм изготавливается выдуванием из стекольного боя (Charleworth, 1967. P. 129–132), использование которого в древнем производстве – тема для отдельной публикации; останавливаться на ней подробно в рамках данной статьи нет возможности.

Современное производство бус в р-не Измира в Турции также основано на обработке готового стекла. Примитивная, на первый взгляд, круглая печь, применяемая ремесленниками, является сложной технологической структурой, позволяющей максимально эффективно использовать тепловую энергию (Sode, 1996. P. 68–71).



Рис. 5. Печь I в. н.э. из вторичной мастерской в Лионе (Foy, Neppa, 2001. P. 48).



Существовала ли связь между первичными сиропалестинскими и североафриканскими центрами и вторичными мастерскими в Европе?

Импорт готового, но необработанного стекла в Европу, как и торговля стеклянными полуфабрикатами на дальние расстояния, в целом подтверждается находками, сделанными в ходе исследования ряда кораблей, затонувших в водах Средиземного моря. Практика торговли стеклом, предназначенным для производства готовых изделий, в виде бесформенных кусков или сформованных слитков-«гладилок» известна с древнейших времен. Она фиксируется задолго до изобретения стеклудувной трубки, повлекшего за собой широкое распространение производства стеклянных изделий. Самый ранний корабль, содержащий подобный груз и обнаруженный в водах Турции (Улу-Бурун), датируется XIV в. до н.э. (Sœur de verre..., 2003. P. 141). На нем были найдены «слитки», представляющие собой формованное стекло, окрашенное в синий кобальтовый, зеленовато-бирюзовый и фиолетовый

цвета. Данное свидетельство уникально для своей эпохи; большинство подобных находок относится к более позднему времени. Судно III в. до н.э., содержащее блоки голубого и синего стекла, размеры которых достигали  $50 \times 30 \times 20$  см, затонуло недалеко от Корсики; со дна было поднято около 550 кг стекла (Alfonsi, Gandolfo, 1997. P. 66–72). Обнаруженный в водах Хорватии корабль содержал более 100 кг голубовато-зеленого стекла (Neppa, 2007. P. 131). Блоки стекла оливкового цвета, перемешанные с глиняной и стеклянной посудой, были найдены также на судне Порт-Вандр I начала V в. в водах Франции (Foy, Jézégou, 1998. P. 123, 124).

Наиболее же показательна находка судна у о. Амбье, недалеко от Тулона (Франция), затонувшего в конце II – начале III в. Его груз состоял по большей части из блоков прозрачного, почти бесцветного стекла неправильной формы с обколотыми краями, которые достигали в среднем 18 см в длину и весили от 350 до 700 г, а также стеклянной посуды – целых сосудов и их фрагментов (Foy,

Jézégou, 1998. P. 121, 122). Из-за большой глубины залегания и тяжелых условий работы груз не удалось поднять со дна целиком; предположительно, общий вес стеклянных блоков, находящихся на дне, составляет порядка 10–15 т. Стекло отличается прозрачностью и прекрасным качеством изготовления. Сосуды и стеклянные блоки имели при этом идентичный химический состав, что позволяет предположить общие источники сырья, использованного для их производства. Точное происхождение и место назначения груза определить невозможно; стекло, вероятно, было сварено в одной из географических зон Восточного Средиземноморья (*Le verre antique...*, 2005). С поднятым со дна моря материалом был проведен эксперимент: современному мастеру-стеклоделу предложили выдуть из него сосуд, повторяющий найденные среди груза корабля. При этом был соблюден температурный режим, доступный в древности: максимальная температура в печи составляла около 1070° С. Сосуд удалось изготовить несмотря на то, что стекло пролежало на дне моря без малого две тысячи лет, что привело к изменениям в составе, затрудняющим его обработку (*Le verre antique...*, 2005).

Находки перечисленных грузов в водах Средиземного моря, список которых в данной публикации неполон (см.: Foy, Nenna, 2001. P. 101–112), являются важным свидетельством торговли стеклом между стекловаренными центрами и мастерскими, занимающимися производством готовых изделий.

Попытка установить связь между восточносредиземноморскими первичными и западными вторичными мастерскими была сделана и на основе результатов анализов химического состава стекла.

Критерии проведенного сравнительного анализа базируются на составе основных компонентов стекла, в первую очередь неокрашенного прозрачного, получившего широкое распространение вместе со стеклодувной техникой, – стеклообразующих и обесцвечивающих; роль последних выполняли сурьма и марганец.

Один из важнейших стеклообразующих элементов в стекле – кремний, его источник – песок или кварциты. Температура плавления этих материалов в чистом виде – около 1700° С – была недостижима средствами древнего производства. Для ее понижения в шихту добавляются щелочные элементы – натрий и калий, источником которых в древнем стекле были природная сода или зола солончаковых растений, произраставших в аридной зоне Востока (Галибин, 2001. С. 25–27). Считается, что стеклоделы Восточного Средиземноморья использовали природную соду из Египта, несмотря на то что ее месторождения существуют и в других регионах,

например в Македонии и Анатолии (Nenna, 2007. P. 126), в античных источниках мы находим сведения как о торговле египетской содой, так и о применении ее в стекловарении. Особое внимание, уделяемое в письменных источниках римского времени месторождениям специального песка, подходящего для изготовления стекла на основе природной соды, неслучайно. Он должен был обладать целым рядом свойств, обусловленных химическим составом, который был неизвестен древним мастерам; по этой причине выбор пригодного для стеклоделия сырья осуществлялся эмпирически. Античные авторы упоминают пески Сиро-Палестинского побережья между Акко и Тиром, где расположено устье легендарной р. Бел, берега р. Волтурно в Кампании (Италия), Галлии и Испании (Галибин, 2001. С. 26). Помимо необходимого кремния песок содержит множество случайных примесей, присутствие которых не могло напрямую контролироваться древними мастерами. Ряд из них негативно отражается на свойствах стекла. Высокие содержания алюминия и титана делают стекло более тугоплавким, а железо придает нежелательный коричневый или зеленый оттенок (Галибин, 2001. С. 28, 48, 49). Эти элементы никогда не вводились в состав стекла намеренно<sup>3</sup>. Состав песка влияет на размер диапазона температур, при которых стекло пригодно для формования. Предметом дискуссии является происхождение в стекле кальция и магния, играющих важную роль стабилизаторов, так как простое смешение природной соды и чистого песка или кварцитов ведет к получению химически неустойчивого соединения (Галибин, 2001. С. 26). Бесспорным их источником в содовом стекле служили обломки раковин, присутствовавшие в песке, используемом стеклоделами.

Ряд исследователей считают, что данные элементы могли не только входить в состав песка в виде раковин, но и добавляться в шихту отдельным компонентом в виде извести, а их источником в этом случае могли служить известняки, доломиты или магнезит (Щапова, 1983. С. 31, 46). Однако факт сознательного использования извести при изготовлении стекла фиксируется письменными источниками лишь со второй половины XVII в. Плиний Старший, говоря о составляющих шихты, упоминает среди прочих ингредиентов “песок реки Бел” или “раковины и песок”, ничего не говоря о введении в шихту “извести” в каких-либо других формах (Н.Н., XXXVI. 65, 66). Известь не упоминается ни

<sup>3</sup>Исключением может быть оксид железа, который мог применяться для окрашивания стекла в зеленый или коричневый цвета; однако если речь идет о неокрашенных стеклах, то железо можно уверенно рассматривать как случайную примесь.

в одном из средневековых трактатов по искусству стеклоделия, несмотря на то, что многие из них уделяют достаточно внимания подготовке сырья, ни в других средневековых документах, в которых перечисляются материалы, необходимые для изготовления стекла. Первое известное нам свидетельство сознательного использования извести принадлежит Кункелю, который лишь во втором издании “*Ars Vitrarya Experimentalis*” 1689 г. упоминает ее среди составляющих, служащих для изготовления стекла, а абсолютно очевидной роль извести как стабилизатора стекла стала лишь со второй половины XVIII в. (Turner, 1956a. P. 46T; 1956b. P. 292T; Foy, Picon, Vichy, 2000. P. 424). Таким образом, вопрос ее сознательного применения в античное время весьма спорен.

Большинством исследователей признается, однако, тот факт, что песок р. Бел содержал в себе достаточное количество обломков раковин, позволяющих получить качественное стекло; при его использовании добавление дополнительного кальция и/или магния в других формах не требуется (Щапова, 1983. С. 44, 45; Brill, 1988). Факторы, вызывающие сложности у древних ремесленников, дают дополнительные возможности современным исследователям – именно геохимические характеристики песка, отражающиеся на составе готового материала, позволяют выявлять стекло, изготовленное на основе сырья, происходящего из одних месторождений.

Стекло, обнаруженное на европейской территории в римское время, отличается поразительно высокой степенью однородности химического состава. Ранее эта особенность объяснялась ограниченным числом используемых источников сырья и простотой “рецепта” их смешивания (Freestone et al., 2000. P. 64, 65). Его наиболее характерный отличительный признак – низкое (обычно менее 1%), содержание калия и магния, свидетельствующее о том, что оно сварено на природной соде (таблица). Анализ значительной серии, происходящей с территории Западной Европы, преимущественно Франции и Италии, основу которой составляли куски необработанного стекла, прежде всего из мастерских и затонувших кораблей, а также отходы производства мастерских и посуда с кораблей, содержащих полуфабрикаты, позволили выявить три большие серии стекла, характерные для первой половины I тыс. н.э. (Nenna et al., 1997. P. 82–84; Foy, Vichy, Picon, 2000. P. 51–57). Среди них наиболее представительна однородная по составу серия, получившая широкое распространение в Европе в конце I – VII в.; близкое ей стекло фиксируется в мастерских Сиро-Палестинского региона в IV–VII вв., в част-

ности, во вторичной мастерской IV в. в Джаламе, на территории современного Израиля (Nenna et al., 1997; Freestone et al., 2002. P. 167–174; Picon, Vichy, 2003. P. 18. Fig. 1). Материалы Джалама изучались Р. Бриллом, который, проанализировав песок из устья Бел и соду Вади Натруна, показал, что именно это сырье могло быть использовано для изготовления обнаруженной там продукции (Brill, 1988).

Схожесть состава стекол зафиксирована на уровне сразу нескольких элементов: это оксиды кремния ( $\text{SiO}_2$ ), натрия ( $\text{Na}_2\text{O}$ ), магния ( $\text{MgO}$ ), кальция ( $\text{CaO}$ ), алюминия ( $\text{Al}_2\text{O}_3$ ), железа ( $\text{Fe}_2\text{O}_3$ ), титана ( $\text{TiO}_2$ ) и марганца ( $\text{MnO}$ ). Серия стекла из Европы и Джалама обнаруживает, таким образом, достаточно высокую степень близости как основного сырья – песка и природной соды, так и обесцвечивателя – марганца, при этом данные вещества были смешаны в сходных пропорциях (Picon, Vichy, 2003). Может ли в данном случае идти речь о едином источнике сырья или о том, что его источники были разными, но очень близкими по характеристикам? Сходство на уровне целого ряда неконтролируемых элементов-примесей песка, о присутствии которых не могли знать древние стеклоделы, свидетельствует скорее в пользу общего источника, находящегося в Сиро-Палестинском регионе. Получается, что едва ли не большая часть стекла, находимого в интересующий нас период на территории Европы, в первую очередь средиземноморской, изготовлена на основе песка, близкого песку р. Бел и египетской природной соды. Что же могло быть в этом случае предметом импорта в Европу – готовое стекло или сырье для него? Если торговля египетской содой, подтверждающаяся данными письменных источников, сомнения не вызывает (ее использовали не только стеклоделы, но и ремесленники других специальностей), то проблема импорта песка представляется более сложной.

Полностью исключить возможность импорта сырья на территорию Европы невозможно, однако импорт полуфабрикатов в виде стеклянных блоков выглядит правдоподобнее и подтверждается данными археологии – находками подобных блоков и их фрагментов во вторичных мастерских и на затонувших кораблях.

Если говорить о двух других группах стекла, распространенного в начале и середине I тыс. н.э. в Европе, то, как и “левантийские”<sup>4</sup>, они сварены

<sup>4</sup> В настоящее время исследователям известны две группы левантийского стекла, выделяемые на основе находок из первичных мастерских Сиро-Палестинского региона: к “левантийской I” относится, в частности, стекло Джалама; в VII – начале VIII в. эту группу сменяет “левантийская II”, ярким примером которой является продукция центра в Бет Эльезере (Freestone et al., 2000).



Химический состав образцов стекла из первичных мастерских Египта (Вади Натруна и Мареотиды) и “римского” стекла (Западная Европа (без выделения серий), Джалам) (по: Nenna et al., 2000. P. 105)

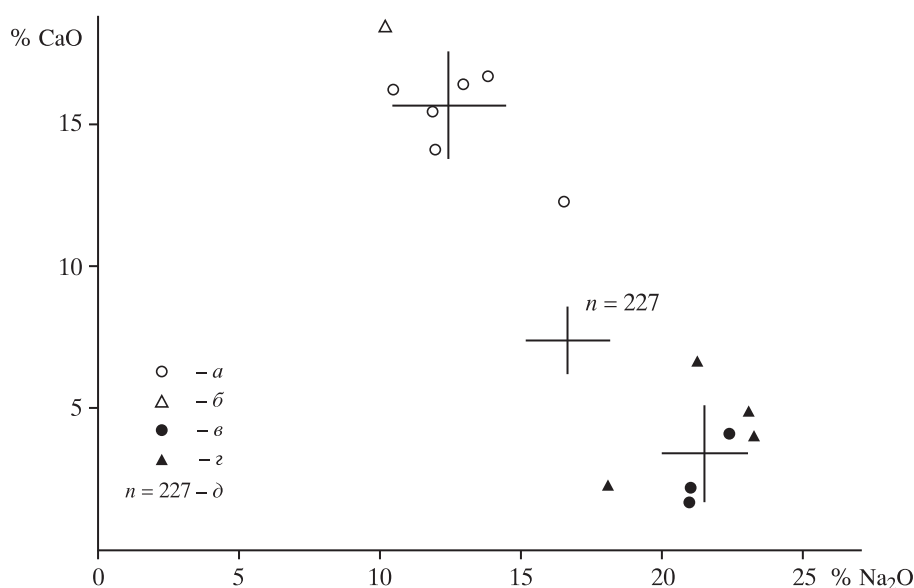
Мастерские, регионы	Среднее значение (m), стандартное отклонение $\sigma$	Na <sub>2</sub> O	K <sub>2</sub> O	CaO	MgO	Fe <sub>2</sub> O <sub>3</sub>	Al <sub>2</sub> O <sub>3</sub>	P <sub>2</sub> O <sub>5</sub>	MnO	TiO <sub>2</sub>	SiO <sub>2</sub>
Вади Натрун (7 образцов)	m	21.4	0.34	3.7	0.9	1.1	2.7	0.02	0.006	0.27	66.5
	$\sigma$	1.6	0.09	1.6	0.3	0.6	0.7	0.02	0.009	0.11	2.6
	$\sigma\%$	8	28	44	36	48	24	73	158	41	4
Мареотида (7 образцов)	m	12.5	0.75	15.8	1.9	1.7	4.4	0.13	0.038	0.32	61.0
	$\sigma$	2.0	0.23	1.9	0.2	0.2	0.6	0.04	0.014	0.05	2.3
	$\sigma\%$	16	31	12	12	12	13	32	36	17	4
Западная Европа и Джалам (227 образцов)	m	16.6	0.75	7.5	0.6	0.6	2.6	0.12	0.726	0.13	69.6
	$\sigma$	1.5	0.24	1.2	0.3	0.5	0.4	0.05	0.736	0.14	2.5
	$\sigma\%$	9	32	16	49	78	15	40	101	108	4

на основе природной соды. Одна из них получает широкое распространение во II–III вв. н.э.; в целом довольно близкие “левантийским” эти стекла характеризуются более низкой концентрацией оксида кальция, титана и железа, свидетельствующей об использовании другого источника песка. Главное же отличие – применение в качестве обесцвечивателя сурьмы, в то время как “левантийское” стекло обесцвечено марганцем (Foy, Vichy, Picon, 2000; Freestone et al., 2002). Стекло именно этого химического типа и изделия из него были обнаружены на судне, затонувшем недалеко от Амбье; место его производства не установлено (Le verre antique..., 2005). Это же стекло использовалось для производства посуды в мастерских Кельна (Foy, Vichy, Picon, 2000. P. 426, 427). Не исключено, что оно также имеет ближневосточное происхождение. Другая группа обозначается в литературе аббревиатурой “НИМТ” (High Iron, Manganese, Titanium) и содержит в высоких концентрациях оксиды железа, титана и марганца. Широко известные в Западном Средиземноморье находки подобных стекол происходят также из Карфагена и с Синая. Данное стекло получило распространение в Европе с IV в. (Freestone et al., 2002. P. 167–174). Высказывались предположения о его египетском происхождении, возможно, оно производилось в р-не Синая (Foy et al., 2003; Nenna, 2007).

Что касается стекла, обнаруженного при раскопках первичных печей римского времени на терри-

тории Египта, то на данный момент выявить аналогии ему на территории римской Европы не удастся; исследователями высказано предположение о том, что продукция данных стеколделательных центров могла использоваться локально. Интересны данные сравнительного анализа стекла, происходящего из Северного Египта (р-он оз. Мареотида, недалеко от Александрии) и из Вади Натруна (Nenna et al., 1997; 2000). По химическому составу их продукция различается между собой сильнее, чем стекло каждого из этих центров с “левантийским”, произведенным, предположительно, из песка р. Бел и египетской соды (таблица; рис. 6). При этом содержание кальция и натрия в стекле египетских центров обратно пропорционально: концентрация легкоплавких фракций в шихте на основе песка, от природы более бедного известью, была, судя по всему, увеличена за счет природной соды. При этом стеколделам, видимо, не пришлось в голову добавить в нее известь в качестве отдельного компонента, несмотря на то что она в избытке присутствует в округе (Nenna et al., 1997). Всего же в настоящее время выделяется шесть серий стекла разного времени, произведенных в Египте и различающихся по составу (Foy et al., 2003; Nenna, 2007). Важнейшим определяющим фактором, влияющим на конечный химический состав стекла, является, таким образом, состав песка, к которому приходилось адаптироваться древним стеколделам, а не традиционная “рецептурная норма”, задающая пропорции смешивания песка и





**Рис. 6.** Содержание оксидов натрия и кальция в стеклах Египта (Вади Натрун, Марейотида) и “римских” (Западная Европа (без выделения серий), Джалам) (Nenna et al., 2000. P. 111): *a* – Тапосирикс Магна, Марейотида; *b* – Марейотида; *v* – Закик, Вади Натрун; *z* – Бени Салама, Вади Натрун; *d* – 227 образцов “римского” стекла и стекла из Джалама.

легкоплавких фракций (см.: Щапова, 1983; критику см. также: Галибин, 2001. С. 64–66).

Ведущая модель организации производства, существовавшая в античное время и в начале эпохи Средневековья и фиксирующаяся сегодня археологически, представляется как производство, разделенное на два основных “сегмента”: собственно стекловарение, происходившее в нескольких крупных стеклоделательных центрах, ведущее место среди которых занимали, возможно, левантийские, и изготовление посуды и прочих изделий из уже готового стекла, доставлявшегося в стеклообрабатывающие мастерские. Подавляющее большинство мастерских, расположенных на территории Европы, было, вероятно, вторичными; однозначных археологических свидетельств стекловарения здесь найти не удастся. В настоящее время на роль места, где варились стекло, претендуют мастерские в Хамбахе на территории Германии: здесь найдены одновременно прямоугольные печи и стекло, изготовленное, вероятно, на местном песке (Wederpohl, 2000; Sœur du verre..., 2003. P. 35); возможно, к стекловаренным может быть также отнесена небольшая мастерская римского времени в Йорке (Jackson et al., 2003). Однако данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Наличие стекловарения на европейской территории, упоминание которого встречается в письменных источниках, но четко не фиксируется археологически, судя по всему, находит в последнее время подтверждение в данных изотопного анализа, позволяющего определить регион происхождения песка, используемого в качестве

сырья: среди стекла, найденного на территории Европы, фиксируется как сваренное на левантийском, так и, вероятно, на европейском песке (Degryse, Schneider, 2008). Однако масштабы импорта полуфабрикатного стекла в Европу сложно переоценить. Важным аспектом в данной ситуации является вырисовывающаяся зависимость европейских мастерских от поставок полуфабрикатов, осуществляемых из первичных центров в стеклообрабатывающие мастерские, в первую очередь посредством средиземноморской торговли. Ситуация меняется к IX в. н.э., когда ведущее место в Европе занимают мастерские, работающие на местном растительном сырье. Начиная с этого времени основная средневековая модель – это мастерская смешанного типа, в которой производятся и стекло, и готовые изделия (Le verre antique..., 2005). Несмотря на это, судя по данным письменных источников, торговля стеклянными полуфабрикатами в меньших масштабах сохраняется на протяжении всего Средневековья (Foy, Jézégou, 1998).

Значительная, если не большая часть “римского стекла”, таким образом, производилась на территории Восточного Средиземноморья. Важными критериями, помогающими определить его происхождение, являются как стеклообразующие элементы, так и случайные примеси, характеризующие состав песка. Накопленная к настоящему времени база результатов анализов стекла, происходящего из стекловаренных центров Восточного Средиземноморья, в первую очередь левантийских, позволяет в ряде случаев обоснованно определять их продукцию,

получившую широкое распространение за пределами региона производства. Характеристики песка, выраженные в составе песка содержанием оксидов титана, алюминия, железа и, вероятно, кальция и магния, являются, судя по всему, наиболее объективным и ярко выраженным фактором интерпретации и сравнительного анализа состава стекла. “Рецептурная норма”, выражающаяся соотношением легкоплавких фракций в шихте, определялась не длительно существовавшей региональной традицией стекловарения, а особенностями конкретных источников песка, к которым приходилось адаптироваться древним мастерам. Все перечисленные особенности стеклоделательного производства в эпоху поздней античности – раннего средневековья нельзя оставлять без внимания при интерпретации состава древнего стекла.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галибин В.А. Состав стекла как исторический источник. СПб., 2001.
- Щанова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983.
- Щанова Ю.Л. Византийское стекло: Очерки истории. М., 1998.
- Alfonsi H., Gandolfo P. L'épave Sanguinaires A // Cahiers d'archéologie subaquatique. 1997. № XIII.
- Amrein H. L'atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du I<sup>er</sup> siècle après J.-C. // Cahiers d'archéologie romande. 87. Lausanne, 2001.
- Brill R.H. A great glass slab from ancient Galilee // Archaeology. 1967. V. 20. № 2.
- Brill R.H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. G.D. Weinberg. Columbia, 1988.
- Charleworth D. A primitive glass furnace in Cairo // JGS. 1967. V. 9.
- Coeur de verre: Production et diffusion du verre antique. Gollion, 2003.
- Degryse P., Schneider J. Pliny the Elder and Sr-Nd isotopes: tracing the provenance of raw materials for Roman glass production // Jr. Archaeological Science. 2008. № 35.
- Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. G.D. Weinberg. Columbia, 1988.
- Foy D. Recyclage et réemplois dans l'artisanat du verre. Quelques exemples antiques et médiévaux // La ville et ses déchets dans le monde romain: rebuts et recyclages. Montagnac, 2003.
- Foy D., Jézégou M.-P. Commerce et technologie du verre antique: Le témoignage de l'épave Ouest Embiez 1 // Méditerranée antique: Pêche, Navigation, Commerce. Paris, 1998.
- Foy D., Nenna M.-D. Tout feu, tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence, 2001.
- Foy D., Picon M., Vichy M. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Âge // Arts du feu et productions artisanales. XX Rencontres Intern. d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. Antibes, 2000.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale // Échanges et commerce du verre dans le monde antique / Eds D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac, 2003.
- Foy D., Vichy M., Picon M. Lingots de verre en Méditerranée occidentale (III siècle av. J.-C. – VII siècle ap. J.-C.). Approvisionnement et mise en oeuvre. Données archéologiques et données de laboratoire // Annales du 14<sup>e</sup> Rencontres de l'AIHV. Lochem, 2000.
- Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Hughes M.J. Composition of primary glass from Israel // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge / Ed. M.-D. Nenna. Lyon, 2000.
- Freestone I.C., Greenwood R., Gorin-Rosen Y. Byzantine and Early Islamic Glassmaking in the Eastern Mediterranean: Production and Distribution of Primary Glass // Hyalos–Vitrum–Glass. Athens, 2002.
- Gorin-Rosen Y. Hadera, Bet Eli'ezer // Excavations and surveys in Izrael. 1995. V. 13.
- Gorin-Rosen Y. The Ancient Glass Industry in Israel: Summary of the Finds and New Discoveries // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge / Ed. M.-D. Nenna. Lyon, 2000.
- Henein N.H. Le verre soufflé en Égypte. Caire, 1974.
- Jackson K., Joyner L., Booth C.A. et al. Roman glass-making at Coppergate York? Analytical evidence for the nature of production // Archaeometry. 2003. V. 45. Is. 3.
- Le verre antique: La matière et les gestes. 2005 (DVD).
- Nenna M.-D. Verre de l'Antiquité gréco-romaine: cinq ans de publication (1995–1999) // Revue archéologique. 2001–2002. № 32.
- Nenna M.-D. Production et commerce du verre à l'époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques // Facta. 2007. № 1.
- Nenna M.-D., Vichy M., Picon M. L'atelier de Lyon, du I<sup>er</sup> siècle après J.-C., et l'origine des verres “romains” // Revue d'archéométrie. 1997. № 21.
- Nenna M.-D., Vichy M., Picon M. Ateliers primaires et secondaires en Égypte à l'époque gréco-romaine // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge / Ed. M.-D. Nenna. Lyon, 2000.

- Picon M., Vichy M.* D'Orient en Occident: l'origine du verre à l'époque romaine et durant le haut Moyen Âge // *Échanges et commerce du verre dans le monde antique* / Eds D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac, 2003.
- Sode T.* Anatolske Glasperler. København, 1996.
- Sode T., Kock J.* Traditional Raw Glass Production in Northern India: The final stage of an ancient technology // JGS. 2001. 43.
- Stern E.M.* Roman Mold-Blown Glass: The First through Sixth Centuries. Rome, 1995.
- Tal O., Jackson-Tal R.E., Freestone I.C.* New Evidence of the Production of Raw Glass at Late Byzantine Apollonia-Arsuf, Izrael // JGS. 2004. 46.
- Turner W.E.S.* Studies in Ancient Glasses and Glassmaking Processes. P. III. The Chronology of Glassmaking Constituents // JSGT. 1956a. 40.
- Turner W.E.S.* Studies in Ancient Glasses and Glassmaking Processes. P. V. Raw materials and Melting Processes // JSGT. 1956b. 40.
- Wederpohl K.H.* The Use of Marine Molluscan Shells for Roman Glass and Local Raw Glass Production in the Eifel Area (Western Germany) // *Naturwissenschaften*. 2000. 87 (3).

## РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ХРАМ В АПАМЕЕ КИБОТОС (ДИНАРЕ): ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О РАБОТАХ 2009–2010 ГГ.

© 2011 г. Вл. В. Седов

*Институт археологии РАН, Москва  
(sedov1960@mail.ru)*

Ключевые слова: *Византия, Малая Азия, архитектура, император Юстиниан, базилика, купель, эпиграфика.*

The article presents the results of small-scale investigations at the ruins of the well-known Early Byzantine church in the ancient Phrygian (Asia Minor) town of Apsameia Kibotos (near the modern town of Dinar, Turkey). New architectural measurements have been carried out, which allowed determining that the church is a square basilica and dates to the time of the Emperor Justinian (6<sup>th</sup> c.). We have found the baptistery, and inside it a previously unrecorded baptismal font of solid marble. The article publishes a reconstruction of the layout.

Развалины византийского храма расположены неподалеку от современного г. Динар (провинция Афон-Карахиссар, Турция). Динар находится в глубине Малой Азии, в исторической области Фригия у истоков р. Меандр (Мендерес). Современный город стоит на месте древней Апамеи Киботос – греческого, римского и византийского города, в свою очередь поставленного рядом или на месте Келен, древнейшего города Фригии. Примерно в полукилometре на восток от городских кварталов и высокого холма с остатками античного города возвышается гора Калеикиги (1199 м), на которой сохраняются руины христианской церкви (высота уступа – 1050 м) (рис. 1).

Христианский храм в Динаре (Апамее) упоминался в литературе много раз, в основном в исследованиях XIX – начала XX в. В первой трети XIX в. английский исследователь и путешественник Фр. Арунделл отметил “массы камня” в местности над городом. Ученый сначала предпринял попытку восхождения на гору к югу от древнего городища, но после часа подъема повернул вниз и предпочел заняться списыванием надписей с древних камней в самом городе (Arundell, 1828. P. 110, 111). Во время второго путешествия в эти края Арунделл все же поднялся на гору (4 ноября 1826 г.), где рассчитывал, опираясь на сведения местного информатора, найти крепость, но обнаружил древний христианский храм (Arundell, 1834. P. 190, 191). Исследователь дал краткое описание церкви, отметил, что она построена из крупных блоков серого мрамора без использования цемента, упомянул греческие буквы

на блоках и высказал предположение, что это знаки каменщиков, а сами блоки остались от более древнего сооружения, камни которого были включены в христианскую постройку. Кроме того, Арунделл отметил два портика, открытый внешний и внутренний, с тремя входами в храм, полукруглую абсиду с востока, а также кресты на камнях самой постройки и на окружающих ее могилах, которые не описал (Arundell, 1834. P. 217, 218). В этом описании несколько замечаний имеют особый интерес (сообщения о метках на блоках, о могилах вокруг руин): отдельно отметим сообщение об экзонартексе, обозначенном ученым и на приложенном к тексту плане здания в Апамее (рис. 2, А).

Версию Фр. Арунделла о существовании более древнего здания позже поддержал немецкий ученый Г. Хиршфельд, кратко описавший руины церкви и предположивший, что на ее месте был античный храм (Hirschfeld, 1875. S. 24), стоявший посреди цитадели (акрополя) древних Келен. После выхода статьи на всех картах Апамеи/Келен акрополь стали помещать на этом холме. Упомянул церковь в статье о Келенах и Апамее и Д.Г. Хогарт, считавший, что холм вряд ли мог быть укреплен, и городской акрополь находился где-то в другом месте (Hogarth, 1888. P. 349).

Первое подробное и, как увидим ниже, полное описание церкви с приложением плана и зарисовок деталей дал французский ученый Г. Вебер в книге об Апамее (Weber, 1892. P. 34–37) (рис. 2, Б). Приводим это описание полностью, поскольку оно служит важным источником по архитектуре храма.



**Рис. 1.** Виды горы с остатками церкви на окраине Динара (Апамеи Киботос): *A* – общий вид; *B* – вид с северо-востока; *B* – вид с севера на абсиду церкви.

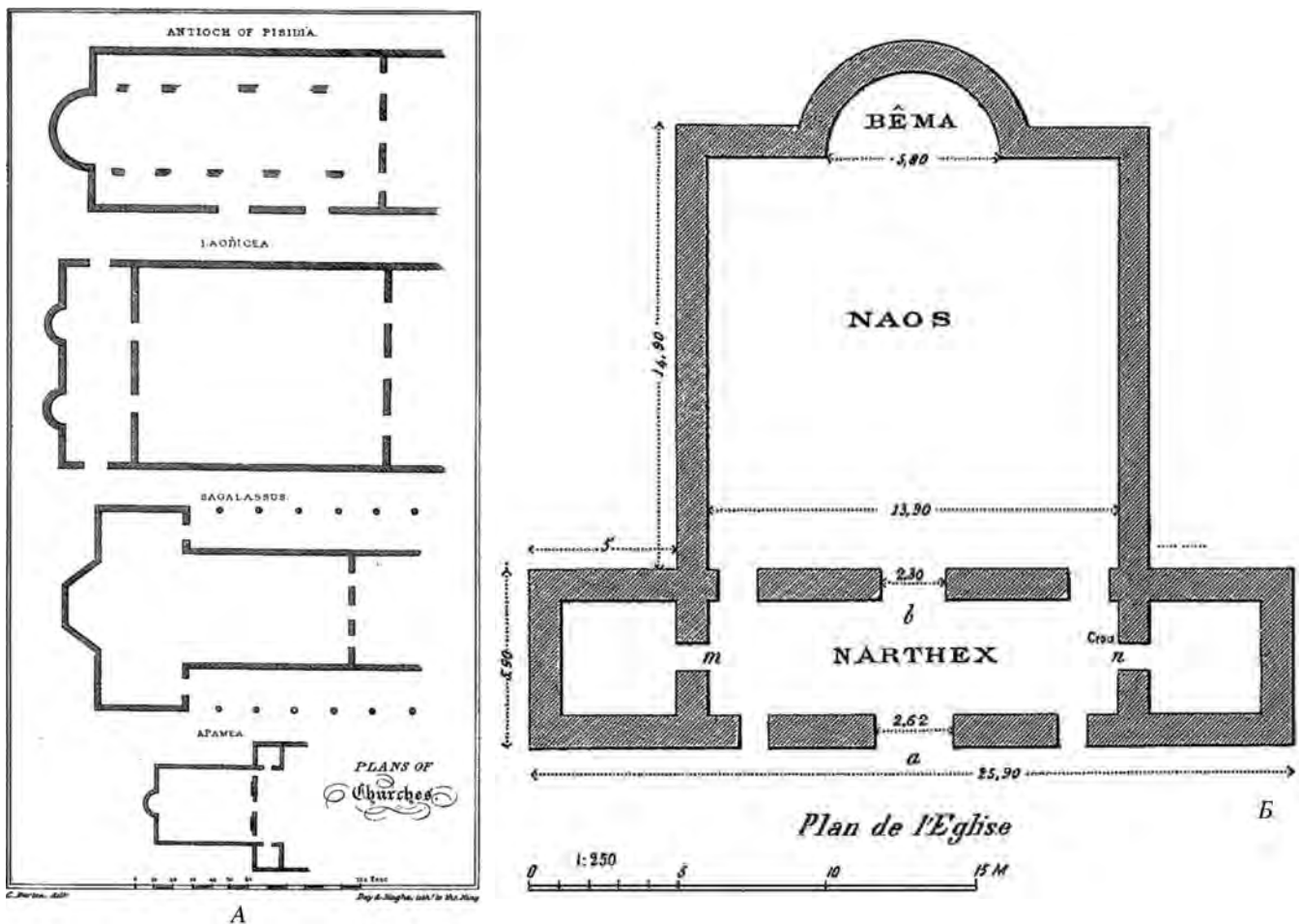


Рис. 2. Старые планы церкви в Апаmee Киботос: А – по В. Арунделлу (первый снизу на таблице планов храмов Малой Азии); Б – по Г. Веберу.

“Единственный памятник, план которого можно описать, это маленькая древняя церковь, расположенная на месте расположения акрополя Келен. По своей архитектуре, по той связи с событиями Ветхого Завета, которую традиция приписывает этому месту, эта церковь заслуживает особого внимания, даже если не считать, что, по всей видимости, это один из самых древних христианских храмов в Малой Азии, части которого сохранились до нашего времени.

Как показывает приложенный план, церковь образует точный квадрат со стороной около 15 м, храм предваряет нартекс, фланкированный с каждой стороны прямоугольным помещением со сторонами 5 и 6 м. Фасад нартекса прорезан тремя входами, из которых средний шире боковых. То же расположение проемов находим и при входе из нартекса в сам храм, но боковые входы здесь находятся не на тех же осях, что двери нартекса. Два других входа, *m* и *n*, на боковых сторонах нартекса, сообщаются с боковыми помещениями. Стены шириной 1 м со-

хранились на высоту до 1 м, они сложены из хорошо обработанных крупных блоков серого известняка без использования раствора; расстояние между камнями внутри кладки заполнено более мелким материалом; через определенное расстояние расположены блоки шириной 1 м, соединяющие оба фасада стены поперечно; это кладка типа эмплектон (бетонная. – Вл.С.) с поперечными элементами для жесткости.

Малые входы не имеют порталов и покрыты крупными блоками; тот, что на плане отмечен буквой *n*, все еще на своем месте. Главные входы, *a* и *b*, наоборот, украшены сложно проработанными порталными украшениями, в *b* они все еще на своих местах, хотя и потревожены землетрясениями. Несколько закругленных блоков, валяющихся на земле, позволяют предположить, что эти входы были завершены полуциркульными арками.

В абсиде или виме, имеющей 5.8 м в диаметре, на высоте 1 м от земли внутри заметен резной орнамент, не продолжающийся на стенах самого храма.



Фр. Арунделл, первым давший краткое описание этого интересного памятника, говорил о большом количестве высеченных крестов и греческих букв на стенах, что позволило ему предположить существование на этом месте более раннего памятника. Это последнее предположение ничто не подтверждает; кроме того, все блоки кажутся одной работы, ни на одном к тому же нет следов предшествующего использования. Кладка столь тщательная, что на первый взгляд кажется относящейся к эллинистическому периоду, в то время как план здания определенно христианский. Греческие буквы, очень красивые, действительно присутствуют, но они объясняются тем, что архитекторы и каменщики древности маркировали с помощью букв строительный материал.

Крестов очень много, как позволил удостовериться наш второй визит к памятнику; они принадлежат самому памятнику, при этом они различной формы. Тот, который находится слева от входа *n*, скопирован точно на рисунке 1, он с узкими рукавами и прорезан глубоко в камне с точной симметрией. Это греческий крест с немного расширяющимися концами, принадлежащий к хорошо известному типу. На закругленном обрамлении внешнего портала, а также на похожем блоке внутри церкви можно видеть более продолговатые кресты, они менее глубокие и заключены в круг с шестью лучами.

С боковых сторон церкви среди выпавших блоков выделяются более длинные (около 2 м), на каждом из них в середине высечен крест; крест на северном блоке заключен в простой круг. Эти блоки, без сомнения, были предназначены для перекрытия оконных проемов, прорезавших боковые стены. Непрерывная стена не позволяет увидеть здесь дверных проемов, а среди развалин есть блок, образующий половину арки окна, которое должно быть шириной 95 см. А длинные блоки служили для разгрузки давления на арки.

Остается еще вопрос о завершении храма: был ли он перекрыт сводами с куполом или имел простое деревянное перекрытие? Квадратная форма нефа дает некоторую поддержку первому предположению. Только раскопки могли бы прояснить этот вопрос”.

Г. Вебер предполагал, что церковь в Апамее была построена в IV в. н.э. при императоре Константине Великом, но в поддержку своей датировки не привел никаких доводов, кроме замечания о том, что кладка храма похожа на эллинистическую, а также сведений об известной в раннехристианское время легенде, связывающей Великий Потоп и Апамею Киботос, где, по некоторым источникам, сохранились остатки Ноева ковчега.

У.М. Рамсей написал всего несколько слов о церкви в своей капитальной монографии о городах и епископствах Фригии (Ramsay, 1897). Он обследовал местность вокруг Апамеи в 1891 г. и предположил, что “раннехристианский храм, руины которого все еще видны на вершине акрополя, возможно, занял место храма Зевса”. Он также опубликовал надпись ΚΥΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ (№ 397; “Господи, помилуй”), высеченную на северной стене церкви, датировав ее “очень ранним временем Византийской эпохи”; исследователь отметил, что это не граффити, а официальная надпись, современная строительству храма, скорее всего, IV в. н.э. (Ramsay, 1897. P. 462, 514. Note 2).

Несколько слов о церкви в Апамее находим в знаменитой книге Й. Стржиговского “Малая Азия. Новая земля истории искусства” (Strzygowski, 1903. S. 55, 56). Ученый упомянул храм в Апамее как аналогию церкви № 2 в Бинбиркилисе, рассматривая первый как промежуточную ступень между церковью Успения в Никее и церквями Исаврии в Бинбиркилисе. При этом он датировал храм в Апамее IV в. – временем императора Константина Великого.

Краткую информацию о церкви находим в книге Г. Ротта (Rott, 1908. S. 3). Позже византийский храм в Апамее Киботос пропал со страниц научной литературы, что, возможно, связано с тем, что центральные районы Анатолии в середине XX в. были мало доступны для изучения. Только в сравнительно недавнем научном справочнике-путеводителе по Фригии находим упоминание памятника без датировки (Belke, Mersich, 1990. S. 188, 189).

В июне и июле 2009 и в июле 2010 гг. предварительные работы по обследованию руин византийской церкви на горе над Апамеей/Динаром были предприняты небольшим отрядом под руководством автора. В них приняли участие искусствовед М.В. Вдовиченко, архитекторы Ю.С. Фомичева и Е.Н. Юдина, а также археолог и нумизмат Е.В. Захаров. Работы проводились в составе франко-германской археологической экспедиции, изучавшей в основном древние Келены и античную Апамею Киботос.

Здание расположено на холме над современным городом, от его западной стены виден расположенный много ниже по уровню акрополь древних Келен и сменившей их Апамеи. От руин открываются виды на юг, запад и север, в этой панораме видны истоки р. Меандр. К востоку от храма гора продолжает повышаться, ее безлесные склоны закрывают вид в эту сторону. Вокруг руин храма на холме нет ни следа фортификаций, к тому же это место, над которым в свою очередь нависает еще большая возвышенность, очень трудно было бы укрепить.

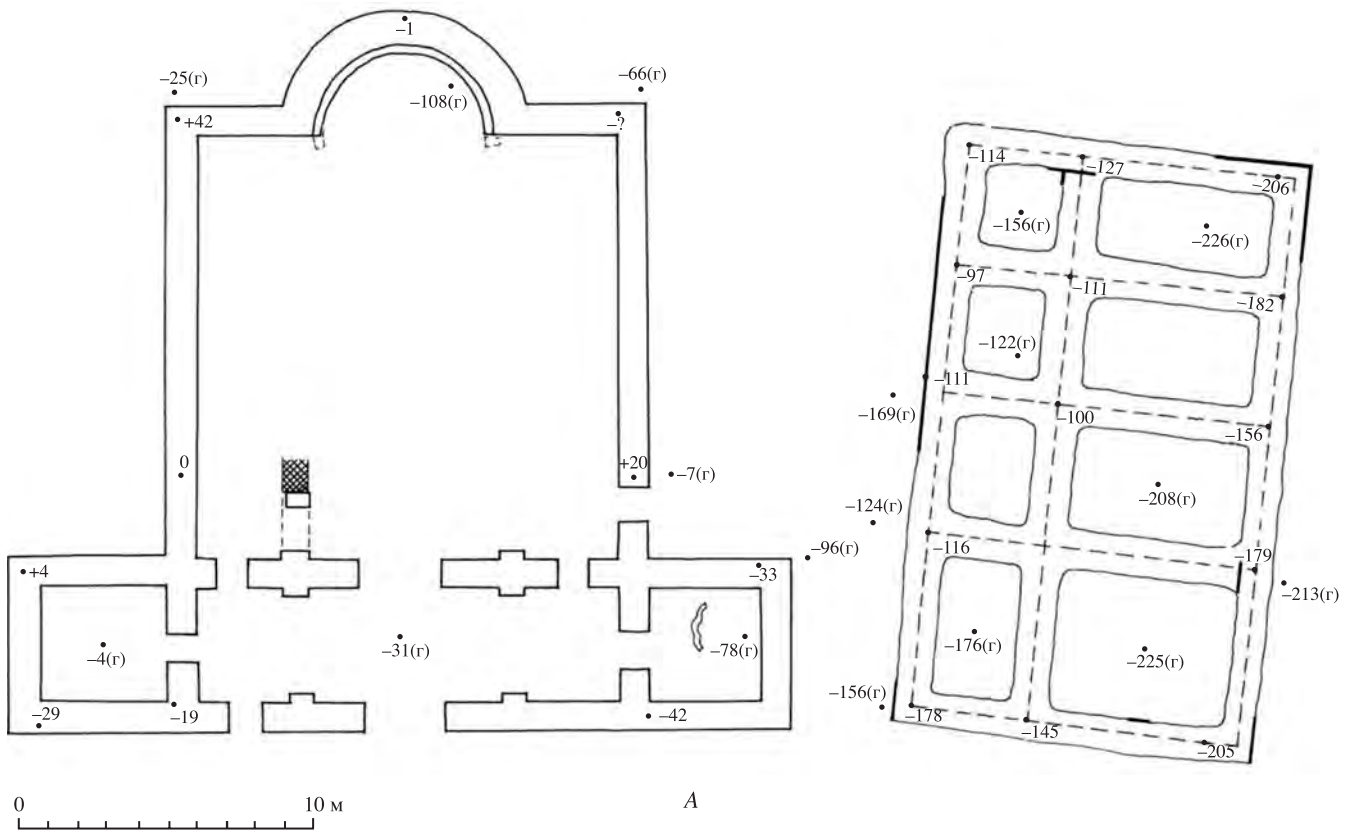


Рис. 3. Планы церкви в Апамее Киботос, снятые в 2010 г.: А – план с корпусом “келей”; Б – план с обозначением блоков; В – реконструкция плана: а – лицевая поверхность, к которой примкнули стены башен.

Руины храма расположены на ступени горы, размер плоской площадки которой приблизительно равен  $150 \times 100$  м, на самом краю западной части площадки, над обрывом. На поверхности площадки и на склоне горы под ней видны развалы плинфы и черепицы красного и желтого цветов, а также куски известняка и целые его блоки, некоторые из которых покрыты резьбой или имеют профилированную поверхность. Сами руины сохранили до трех рядов регулярной каменной кладки. К югу от храма прослеживаются остатки прямоугольного в плане здания, разделенного поперечными стенами на небольшие помещения. Можно предположить, что это келья небольшого монастыря, храмом которого являлась церковь на горе, или гостиница для паломников. Кладка этого здания выполнена из небольших камней с неровными краями, залитых известковым раствором (рис. 3, А). Вокруг руин церкви и жилого здания было собрано большое количество керамики, среди которой преобладают фрагменты ранневизантийского периода, хотя есть и несколько фрагментов эллинистического и римского времен.

Храм выстроен из хорошо обработанных блоков бело-серого плотного известняка (который вслед за некоторыми исследователями XIX в. можно принять за мрамор), уложенных на слабом и сильно выветрившемся известковом растворе серого цвета с примесью песка. Раствор почти не заметен в верхних рядах (почему Г. Вебер, говоря о кладке, его и не упоминал).

До нашего времени дошли очертания всех стен церкви. Исследуя основания храма, мы смогли составить подробный план с нивелировкой, начертить его фасады, а также сделать чертежи основных резных деталей и камней с крестами и надписью. В результате удалось реконструировать план. Церковь представляет собой трехнефную базилику с квадратным ( $16 \times 16$  м) наосом и выступающей с востока полукруглой абсидой; имеет прямоугольный нартекс с западной стороны и две квадратных в плане камеры на северном и южном окончаниях нартекса (рис. 3, Б).

Такие трехнефные базилики с планом, близким квадрату, отличающиеся от стандартных базилик с очень удлиненным наосом, можно назвать “короткими базиликами”, точнее, “базиликами с квадратным наосом” или, еще проще, “квадратными базиликами”: большинство из них имеет план в виде квадрата, и даже при некотором удлинении наоса он ближе к квадрату, чем к традиционной базилике с ее отчетливо протяженным основанием.

Во время исследований внутри южной камеры обнаружена купель, высеченная из единого блока известняка (рис. 4), что позволяет уверенно определить южную камеру храма как баптистерий. Форма

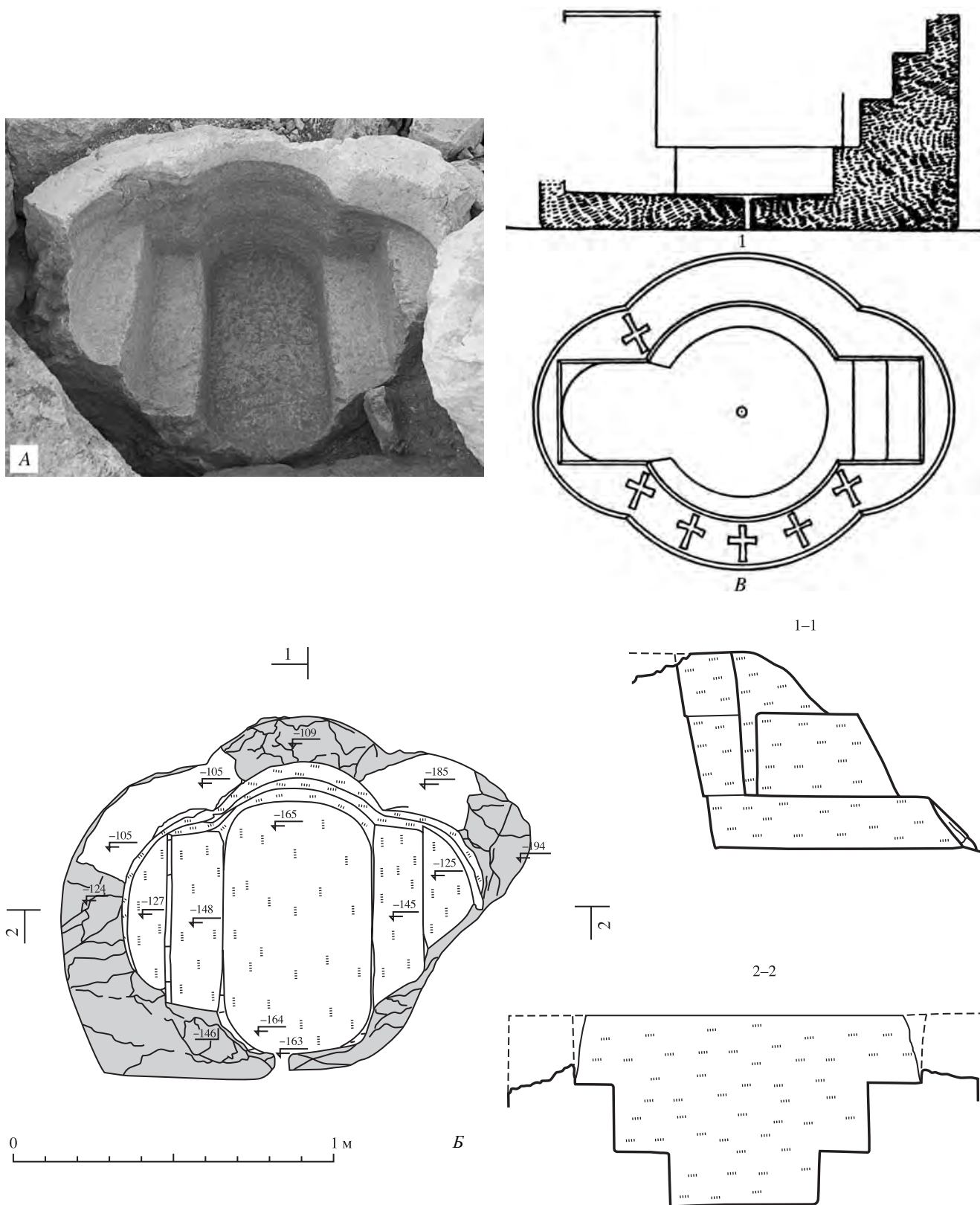
купели – четырехлепестковая удлиненная, от двух более широких лепестков внутрь спускаются ступени. Камень обломан, но сохранившаяся (по всей видимости, на своем месте) основная часть позволяет сделать полную реконструкцию.

Мы все еще мало знаем о ранневизантийских купелях, выполненных из единого камня. Монолитные купели столь же развитой формы, но с лестничным сходом только с одной стороны, известны в Константинополе, где найдены вблизи Софии Константинопольской: одна – в XIX в. (Lethaby, Swainson, 1894. P. 81, 82), другая (размером  $3.32 \times 2.52$  и глубиной 1.16 м) – при завершившейся в 2010 г. реставрации Софии в ее очищенном от наслоений баптистерии (в эпоху Оттоманской империи он использовался как мавзолей “неблагочестивых султанов”). Известны две купели-квадрифолия в Киликии, в “Купольной церкви” в Мериамлыке (тут форма похожа на купель в Апамее Киботос, лестничный сход тоже с одной стороны) и в Гробничной церкви в Корикосе (Hill, 1996. P. 232, 233. Fig. 99; Khatchatrian, 1962. P. 100. Fig. 130). Круглой формы купель зафиксирована в Исаврии, в Бинбиркилисе (Ramsay, Bell, 1909. P. 132, 133). Отметим также круглую снаружи и четырехлепестковую (с равными лепестками) изнутри ранневизантийскую купель в Сон Бу на о. Менорка (Reallexikon..., 1973. S. 190).

В нескольких метрах к северу от северной стены храма на отдельном блоке была обнаружена греческая надпись, которую У.М. Рамсей видел и прочитал в конце XIX в., когда камень находился еще в стене (рис. 5). По палеографическим данным она предварительно может быть датирована не IV, а VI–VII вв. (определение А.И. Иванчика).

Портал центрального входа из нартекса в наос украшен вертикальными профилированными блоками и горизонтальной перемычкой с теми же профилями; перемычка сейчас косо лежит в проеме (рис. 6). Кладка стены с юга от портала поднимается до третьего ряда. Профилировка обрамлений портала напоминает профилировку боковых порталов Софии Константинопольской (Lethaby, Swainson, 1894. P. 265), а также профилировку порталов, украшающих входы в коридор под синтроном церкви Ирины в Константинополе, т.е. принадлежат VI в. и, даже точнее, времени правления императора Юстиниана I Великого (527–565 гг.).

В процессе проведения обмеров храма и частичной расчистки руин от кустарника мы обнаружили много деталей, которые Г. Вебер не нанес на свой план: лопатки в интерьере нартекса (на южной и северной стенах), разделявшие нартекс на три части, и лопатки в интерьере наоса на его западной стене, соответствовавшие делению наоса на три нефа.



**Рис. 4.** Монолитные каменные купели: *A, B* – купель в церкви Апамен Киботос, вид с юга, план и разрезы; *B* – аналогичная купель из Константинополя.

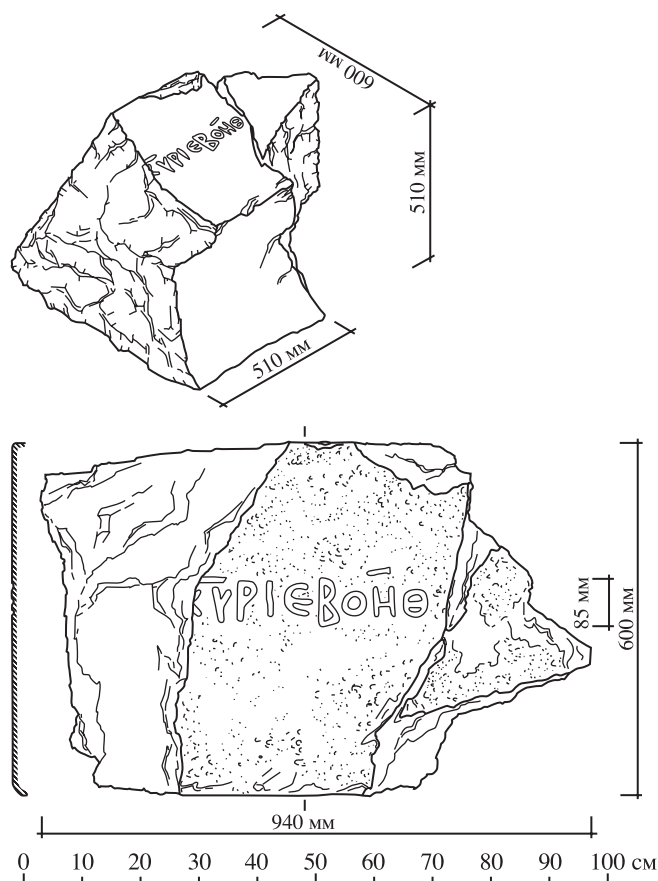


Рис. 5. Блок с греческой надписью.

Кроме того, была исследована профилировка портала средней двери из нартекса в наос, нигде ранее не показанная и не описанная.

В отличие от плана Г. Вебера, на котором показаны три двери из нартекса в наос, мы обнаружили, что входов в нартекс только два – центральный и северный; симметричный последнему южный вход отсутствует, здесь сохранилась нетронутая стена на два-три ряда. Кроме того, в нартекс также вело не три, а два входа: южный, показанный Г. Вебером, также отсутствует. У среднего входа в нартекс обнаружены фрагменты профилированного портала; этот вход имел с внешней стороны фланкирующие пилоны. В южной стене самого наоса обнаружился никем ранее не отмеченный дверной проем, ведущий в сторону уже упоминавшейся кельи рядом с южной камерой; здесь сохранилась и плита перемычки, лежащая у самого входа, блокируя его (рис. 3, Б, В).

Найдено, описано и зачерчено много арочных блоков от окон и аркады, разделявшей нефы, а также блоков с резьбой и с вырезанными крестами. Мы обнаружили, что разные ряды помечались разными буквами греческого алфавита ( $\Sigma$  – для первого ряда

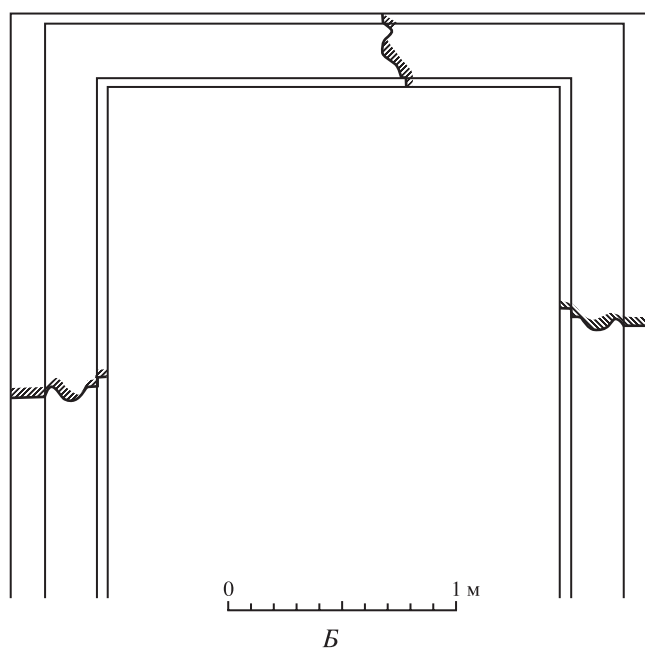


Рис. 6. Портал церкви: А – вид с запада; Б – обмер (фасад и профили).

и  $\pi$  – для второго). Обнаружено также довольно много блоков карнизов простого вогнутого профиля (так называемый египетский карниз). Расчищено несколько блоков с крестами, два блока с крестами принадлежат перемычкам парных окон. Один фрагмент можно предварительно интерпретировать как фрагмент епископского трона, хотя это может быть и часть карниза.

В процессе изучения северной части церкви мы провели расчистку в интерьере наоса, обнаружив блок каменного столба, входившего в ряд опор, отделявших северный боковой неф от среднего (такой же ряд мы можем уверенно предположить в южной части храма). Это прямоугольный блок (вероятно, половинка нижнего уровня столба) нахо-



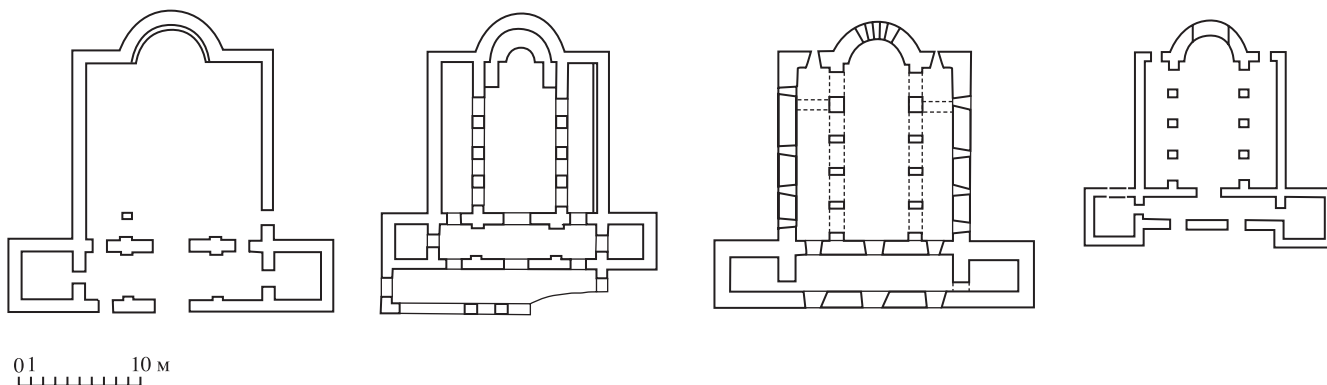


Рис. 7. Планы “квадратных базилик”. Слева направо: Апамея Киботос, Царичин Град, Бинбиркилисе (церковь № 2), Градок (Марковы Кули).

дился практически *in situ*, с небольшим смещением к югу. Под блоком и к востоку от него открыт ряд каменной кладки фундамента из больших плит на известковом растворе. Такие ленточные фундаменты под рядами колонн или столбов характерны для ранневизантийских базилик. Рядом столбов, разделяющих нефы, отвечали пилястры на восточной и западной стенах, частично нами расчищенные.

К северу от фундаментного ряда открыт небольшой участок пола из квадратных плит желтого цвета на известковой основе. Отметим подобные полы в ранневизантийских храмах на Балканах: в Царичине Граде (Юстиниане Приме) (Mano-Zisi, 1959. P. 295–305) и в базилике в Студениште в Македонии (Bitrakova Grozdanova, 1975. P. 69–81. Tabl. V).

Церковь в Динаре (Апамее Киботос) можно предварительно, но довольно уверенно датировать первой половиной – серединой VI в. Схожие по плану храмы обнаруживаются как на Балканах, в Македонии и Мезии, так и в Исавии, на востоке Малой Азии. Все это аналогичные памятники, которые относятся к VI в. (рис. 7). Особенно близкую аналогию с квадратным в плане наосом и нартексом с боковыми камерами находим в Царичине Граде (Юстиниана Прима, Сербия), городе, построенном императором Юстинианом Великим (527–565) на месте поселка, где он родился (Mano-Zisi, 1959. P. 295–305; Stričević, 1960. P. 588, 589. Fig. 41).

Похожую базилику ранневизантийского времени обнаруживаем в Македонии, в местности Градок – Марковы Кули, у д. Чаниште (Chausidis, 1993. С. 223, 224). И, наконец, схожий план видим у церкви № 2 в Бинбиркилисе, опубликованный в книге Й. Стржиговского вместе с храмом в Апамее. Но в этом памятнике, разрушенном еще в начале XX в. и ныне известном только по упомянутой книге, план уже несколько удлинен, видимо, церковь № 2 построена позже, во второй половине VI–VII в.

Тип церкви в Апамее – “квадратная базилика с широким нартексом”, причем широкий нартекс образован, прежде всего, за счет двух квадратных боковых камер, выступающих за линию северной и южной боковых стен (см. также пропорциональный анализ плана). Эти широкие нартексы в средней части обычно представляли собой двухэтажные структуры, но решение боковых камер могло быть разным: в одной помещалась лестница на второй этаж, а в другой мог располагаться баптистерий. В храме в Апамее баптистерий, судя по положению купели, поместили в южной камере, следовательно, северную могла занимать лестница. Отдельную проблему составляет наличие экзонартекса, но проверить ее можно только с помощью обширных раскопок.

Мы полагаем, что боковые помещения по сторонам нартекса (которые предложили называть камерами) не были башнеобразными или подчеркнута вертикальными, как у базилик Сирии того же времени. Предпочтительна реконструкция невысоких помещений над камерами, завершенными односкатными кровлями, как у многих церквей этого же и несколько более позднего времени в Армении, Грузии и Киликии (рис. 8).

Аналогии в характере кладки и иконографии резных блоков и карнизов храма в Апамее следует искать в одновременной архитектуре восточных областей Анатолии, в Памфилии, Киликии, Исавии и даже Сирии. Более всего аналогичных деталей находим в византийском городе, сохранившем только турецкое название Бинбиркилисе, расцвет которого пришелся на VI–VII вв. (Ramsay, Bell, 1909).

Архитектуру церкви в Апамее Киботос, этого необычного ранневизантийского памятника, расположенного вглубине Малой Азии, в южной Фригии, следует понимать как переходную. По особенностям плана и по объемному решению храм может

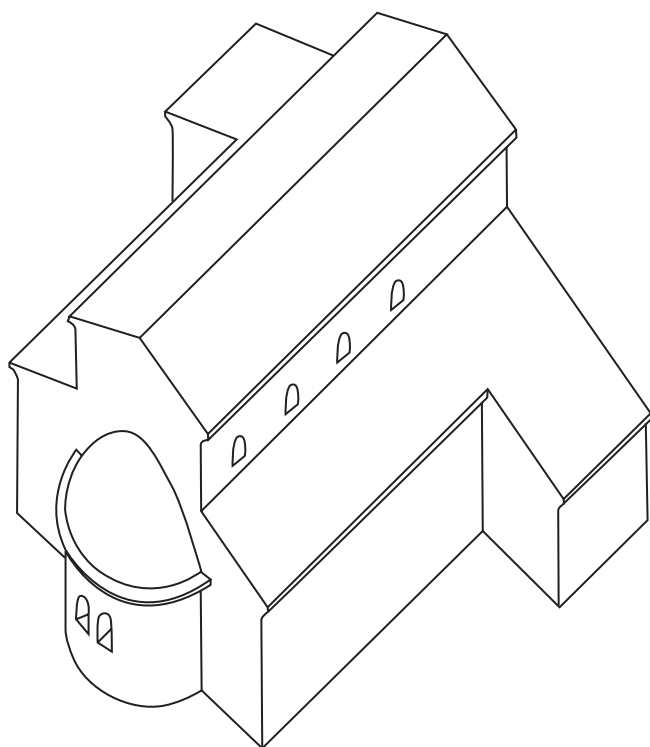


Рис. 8. Предварительная реконструкция церкви в Апамее Киботос.

рассматриваться как результат влияния Константинополя, т.е. как производный от столичной архитектуры. План в виде “квадратной базилики”, нартекс с боковыми камерами, вероятный широкий экзонартекс – эти черты принадлежат константинопольской традиции первой половины VI в., традиции, фиксирующей состояние архитектуры до перехода от базиликального плана к купольной базилике. Не исключено даже, что храм в Апамее был выстроен под императорским патронажем или при помощи высшей администрации империи: это предположение опирается на качество каменной кладки, ясность плана и богатство профилированных деталей. Архитектор (или архитекторы) церкви принадлежал к основной традиции этого времени и прибыл, вероятнее всего, из столицы. Но мастера-каменщики происходили из ближних малоазиатских земель, из Киликии, Памфилии или Исаврии, или принадлежали к местной, но сравнимой, похожей традиции, характеризующейся массивной каменной кладкой стен, грубо орнаментированными деталями и тяжелыми карнизами, а также крайним спиритуализмом архитектурных форм (в данном случае ощущаемым только в деталях). Возведение этого храма в пере-

ходный период ранневизантийской архитектуры на пограничье между ареалом константинопольского влияния и восточными землями со своей культурой и архитектурой объясняет его переходный характер и смешение в нем разнородных идей и форм.

Будущие архитектурные и археологические исследования дадут возможность уточнить наши представления об этом выдающемся памятнике. Но уже сейчас мы можем сказать, что церковь в Динаре (Апамее Киботос) принадлежит к лучшим образцам малоазиатской ветви византийской архитектуры VI в.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Arundell Fr.V.J.* A visit to the Seven Churches of Asia; with an excursion into Pisidia. L., 1828.
- Arundell Fr.V.J.* Discoveries in Asia Minor; including a description of the ruins of several ancient cities and especially Antioch of Pisidia. V. I. L., 1834.
- Belke K., Mersich N.* Phrygien und Pisidien // TIB 7. Wien, 1990.
- Bitrakova Grozdanova V.* Monuments paléochrétiens de la région d’Ohrid. Ohrid, 1975.
- Chausidis N.* Nekolku dotsnoantichki gradishta vo Marovo // Macedoniae Acta Archaeologica. № 13. 1992. Skopje, 1993.
- Hill S.* The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria. Aldershot, 1996.
- Hirschfeld G.* Über Kelainai-Apameia Kibotos. Berlin, 1875.
- Hogarth D.G.* Notes upon a Visit to Celaenae – Apamea // Jr. Hellenic Studies. 1888. V. 9.
- Khatchatrian A.* Les baptistères Paléochrétiens. Paris, 1962.
- Lethaby W.R., Swainson H.* The Church of Sancta Sophia Constantinople. A Study of Byzantine Building. L.; N.Y., 1894.
- Mano-Zisi Dj.* Nova basilica u Caričinom Gradu // Starinar. № IX, X. 1958–1959. Belgrad, 1959.
- Ramsay W.M.* The Cities and Bishoprics of Phrygia. V. I. P. II. Oxford, 1897.
- Ramsay W.M., Bell G.L.* The Thousand and One Churches. N.Y.; L., 1909.
- Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Lief. 19. Stuttgart, 1973.
- Rott H.* Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig, 1908.
- Stričević G.* Byzantine Archaeology in Yugoslavia // Akten des XI Intern. Byzantinistenkongresses. München, 1960.
- Strzygowski J.* Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903.
- Weber G.* Dinair (Gueïkler). Célènes. Apamée Cibotos. Besançon, 1892.

## КТО ЖЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСТРОИЛ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ ЦИМЛЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ?

© 2011 г. Г.Е. Афанасьев

*Институт археологии РАН, Москва  
(gafanasev@mail.ru)*

*Ключевые слова: хазары, каганат, арабы, Саркел, Петрона, византийский форт, римский форт, Омейядский каср, Ансарос, Тамугади.*

The article considers the origins of the architecture at Levoberezhnoye Tsimlyanskoeye, which some scholars believe to be the site of Sarkel. M.I. Artamonov, P.A. Rappoport and S.A. Pletneva have put forth several arguments in favor of the assumption that it were local “Eurasian” and not Byzantine architects who had built Sarkel for the Khazars. The arguments include the following: the walls of the fortress were built without any foundations in the native soil, the bricks are not of Byzantine format, the fortress is not Byzantine in layout. The author believes that the above arguments are unfounded. Calculations show that the ground could hold the weight of the fortress even without underground foundations. The format of the bricks from Levoberezhnoye has many parallels at Byzantine sites. The author is of the opinion that Roman-Byzantine fortification architecture from the 1<sup>st</sup> – 2<sup>nd</sup> cc. to the 9<sup>th</sup> c. offers analogies of the layout at Levoberezhnoye. Hence it is possible to give credence to the Byzantine sources which mention a fortress that Byzantine architects built for the Khazars by order of the Emperor Theophilus.

Почти через 60 лет после того, как памятник оказался на дне Цимлянского водохранилища, этот вопрос все еще продолжает быть актуальным. Охранные археологические исследования здесь проводила Волго-Донская экспедиция. Раскопана большая часть крепости. Опубликованы три тома трудов. В предисловии к одному из них М.И. Артамонов оговаривал, что представленное научное осмысление полученных материалов в будущем должно уточняться и детализироваться (1959. С. 8). Обстоятельства сложились таким образом, что научным осмыслением остатков крепостных сооружений в последующие годы никто не занимался. После археологической характеристики Левобережного Цимлянского городища, сделанной М.И. Артамоновым (1958. С. 7–84), и его архитектурной характеристики, сделанной П.А. Раппортом (1959. С. 9–39), исследователи ограничивались пересказом общей информации о раскопках и утверждением, что это и есть Саркел. Материалы раскопок Левобережного городища были лишь иллюстрацией их представлений о Хазарии, сложившихся на основании знакомства с письменными источниками (Артамонов, 1962. С. 288–323; Новосельцев, 1990. С. 51, 131, 132; Плетнёва, 1967. С. 44–46; 1981. С. 67; 1996. С. 4–158; 2000. С. 85–100).

Принадлежность Левобережного городища хазарам никогда никем не оспаривалась. Проблема заключается в другом: в какой части хазарского домена располагалась эта крепость, действительно ли она стояла на западной окраине каганата и была предназначена для отражения противника с запада (Артамонов, 1962. С. 288–323), или она находилась в центре хазарского домена? От решения этого вопроса зависит и правильное понимание социального предназначения этого памятника и его первоначальных функций. Историки и археологи по-разному локализуют этническую территорию хазар (Афанасьев, 2009. С. 7–17). Большинство историков считают, что хазарский домен и его столица Итиль располагались в низовьях Волги. Однако многочисленные археологические экспедиции так и не смогли найти там никаких хазарских памятников. Естественно, что в среде археологического сообщества возник закономерный вопрос: где же именно располагалась этническая территория хазар. В моем представлении этническая территория хазар – это окружность с радиусом в 175 км с географическим центром в районе пос. Большая Орловка. Она была смоделирована путем анализа плотности распределения в регионе подкурганых погребений хазарского времени (Афанасьев, 2008. С. 409). Эта же

территория сопряжена с наивысшей плотностью эпиграфических памятников, сделанных донским письмом (Кызласов, 1994), с наивысшей плотностью осевших византийских (Круглов, 2002. С. 79–93) и арабских монет (Иванов, 2000), с наивысшей плотностью городищ, построенных из обработанных материалов (Афанасьев, 2001. С. 43–55; Ларенок, Семёнов, 1999) на Нижнем Дону, с наивысшей плотностью находок луков хазарского типа (Савин, Семёнов, 1998), с наивысшей плотностью находок зеркал с боковой ручкой (Иванов, 2000. С. 12). В своих основных границах выделенная география хазарского домена соответствует информации письма Иосифа (Афанасьев, 2009) и представлениям о пространственной организации Хазарского каганата в византийских источниках (Howard-Johnston, 2002. P. 104, 105). Оборонительным центром этой территории был укрепленный район – Цимлянская крепостная агломерация, ядро которой состояло из трех городищ – Правобережного, Камышёвского и Левобережного. Расположение Цимлянской крепостной агломерации в географическом центре хазарского домена заставляет вновь поднять вопрос о функциональном предназначении и архитектурных традициях, воплощенных в Левобережном городище (рис. 1).

Что же мы знаем из письменных источников о Саркеле? Самая полная информация о нем содержится в сочинении “Об управлении империей”, чье авторство приписывается императору Константину VII Багрянородному (908–959 гг.) (Константин Багрянородный, 1989. С. 171–173), и в сочинении Продолжателя Феофана (1992. С. 56, 57). По данным этих источников, посланец императора, Петрона Каматир, выплыл из столицы Пафлагонии, дошел до Херсонеса, а оттуда, пройдя через Меотское море, вошел в устье Танаиса и поднялся вверх по течению до нужного места. Можно выделить следующие природные и конструктивные ориентиры для поиска места, где был построен Саркел: крепость должна располагаться в долине Дона; крепость должна быть построена из обожженного кирпича; в районе расположения крепости должны отсутствовать выходы камня, подходящего для возведения крепости; в районе расположения крепости должны отсутствовать выходы известняка для изготовления известкового раствора.

На Нижнем Дону известны две типологически близкие крепости хазарского времени, построенные из кирпича: Левобережное и Семикаракорское городища. Считалось, что Семикаракорское городище было сооружено из сырцового кирпича,

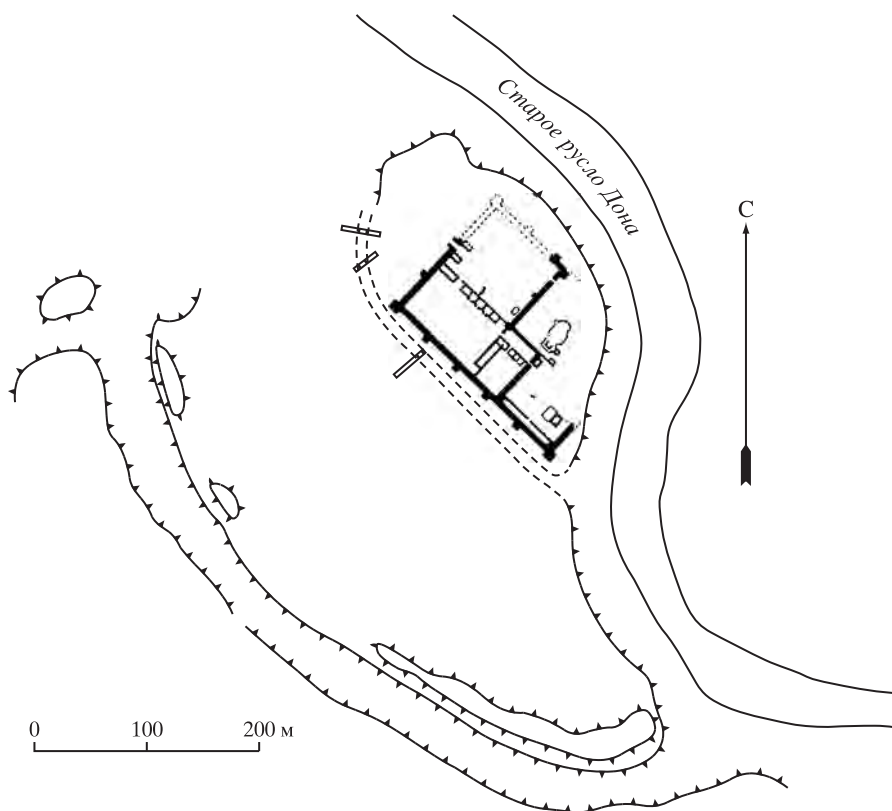


Рис. 1. Схема оборонительных сооружений Левобережного Цимлянского городища.

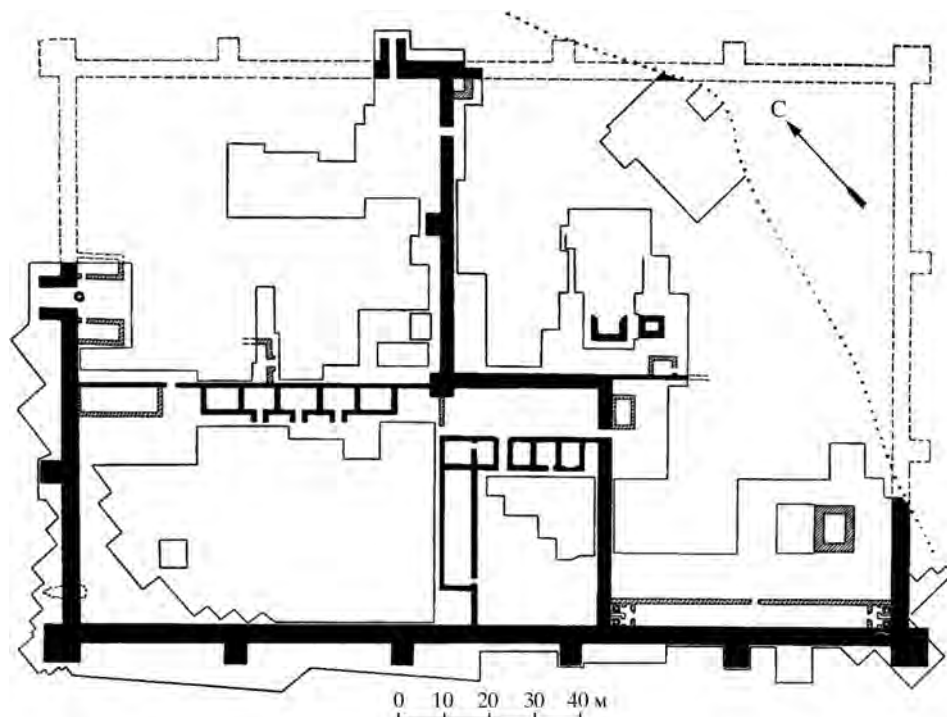


Рис. 2. План крепостных сооружений Левобережного Цимлянского городища.

но раскопки В.С. Флёрова доказали использование там наряду с сырцовым и обожженного кирпича (2001. С. 56–70). В исторической литературе бытует мнение, что Левобережное городище и есть Саркел (Артамонов, 1962. С. 288–323; Новосельцев, 1990. С. 51, 131, 132). В этом не было бы никакого сомнения, если бы не два обстоятельства, вступающие в противоречие с информацией Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана. Во-первых, в районе Левобережного городища есть выходы строительного камня. Из него были возведены Правобережное Цимлянское и Камышёвское городища (Ларенок, Семёнов, 1999. С. 25–33), расположенные у переправы через Дон на расстоянии всего 6 км от Левобережного городища (Попов, 2005. С. 333). Во-вторых, там же имеются и выходы известняка, необходимого для приготовления строительного раствора. Раскопки Левобережного городища (рис. 2) показали, что если это было необходимо архитекторам и строителям, камень все же применялся: воротный проем был вымощен известковыми, а колодец облицован меловыми блоками (Раппопорт, 1959. С. 22–24). Этот факт дает основание полагать, что строительство Левобережного Цимлянского городища из кирпича обуславливалось не отсутствием в ближайшем окружении камня и извести, а какими-то другими причинами, возможно, социально-маркирующего характера. Что же касается Семикаракорского городища, то

здесь действительно нет удобных для строительства крепости выходов камня и необходимого для производства связывающего раствора известняка. Напрашивается вывод о том, что Семикаракорское городище в большей степени соответствует информации византийских источников о расположении Саркела, чем Левобережное, но он требует отдельного глубокого исследования.

Уже в первых сообщениях о раскопках Левобережного городища М.И. Артамонов высказал идею о том, что строительная техника и размеры кирпичей, из которых была возведена эта крепость, не византийские (1940. С. 147). Кирпичи Левобережного городища были связаны раствором толщиной в 3–4 см, тогда как в византийских постройках, по мнению исследователя, он должен быть толще – 5–7 см. Второй аргумент в пользу заключения о не византийском характере памятника исследователь увидел в системе кладки. М.И. Артамонов считал, что для византийской кладки характерно чередование кирпичей и камней, а здесь такая техника в процессе его раскопок не была прослежена. Эта идея была воспринята П.А. Раппопортом, но в отличие от М.И. Артамонова он не стал опираться на соотношение толщины раствора и кирпича или на отсутствие слоистой кладки. Ведь на просторах Византийской империи можно было бы найти большое количество построек, выполненных в технике сплошной кирпичной кладки. П.А. Рап-



попорт не признал византийскими ни планировку крепости, ни формат кирпичей (1959. С. 39). С.А. Плетнёва считала, что роль византийцев в строительстве Левобережного городища заключалась лишь в сооружении обжигательных печей для производства кирпича и в передаче хазарам технологий замеса глины и изготовления извести (1996. С. 20). Какие данные свидетельствуют о такой передаче, осталось неясным.

Если историки единодушны в том, что Саркел был построен византийскими специалистами, и спорят лишь о том, против кого была направлена эта крепость, М.И. Артамонов, П.А. Раппопорт и С.А. Плетнёва выдвинули ряд аргументов в подтверждение версии о не византийских истоках архитектуры раннего Левобережного городища. Эти аргументы сводились к следующему: строительная техника – не византийская (отсутствие углубленного в материк фундамента); размеры кирпича – не византийские; планировочная структура оборонительных сооружений – не византийская. Рассмотрим эти доказательства. Начну с тезиса о том, что возведение сооружений без углубленного в материк фундамента – это якобы проявление степного примитивизма в архитектуре и строительстве. Так ли это на самом деле? История раннесредневековой архитектуры знает большое количество примеров строительства существующих и в настоящее время памятников, которые не имеют углубленных в материк фундаментов. Остановлюсь лишь на беглом перечислении некоторых из них, относящихся к рассматриваемому времени. На востоке – это кхмерские храмы, Кутуб-минар – в Индии, на западе – северная стена Изборска. Есть они и на византийских, и на смежных с ними территориях – крепость Гуаита (Ла Рокка) в Сан-Марино; укрепления Мангупа, укрепления на Медведь-горе, христианский храм на горе Кара-даг в Крыму; стены Хумаринского городища, оборонительная стена в Нижнем Архызе на Северном Кавказе и т.д. Чем же объясняется отсутствие углубленных фундаментов: примитивизмом зодчих или, наоборот, точным расчетом и опытом архитекторов?

Прежде чем составлять план будущей постройки и определяться со строительными материалами, архитектор должен знать, на каком основании будет стоять здание. В первые годы эксплуатации сооружения под действием нагрузок грунты сжимаются, и фундамент опускается на определенную величину. Неравномерные осадки – основная причина появления трещин и разрушения здания. Несущая способность основания определяется величиной нагрузки, при которой не превышает установленная осадка. Для определения ожидаемой просадки

грунта необходимо определить положение грунтовых вод и вид грунта в месте строительства (Долматов, 1989). Причиной вспучивания грунта, которое может привести к деформации фундамента здания, является промерзание находящейся в грунте влаги. Понизить горизонт грунтовых вод сможет только эффективный дренаж. Как решался этот вопрос при строительстве Левобережного городища? Во-первых, два рва перед городищем способствовали отводу воды от крепостных стен – и атмосферной, и грунтовой (кроме оборонительной рвы выполняли и дренажные функции). Во-вторых, хотя в настоящее время глубина промерзания грунта в Ростовской обл. составляет около 1 м, но в условиях аридности климата в I тыс. н.э. в Черноморо-Каспийском междуморье она не превышала 0.5 м. В этом отношении показательно сообщение П.А. Раппопорта о том, что площадка под строительство крепостных стен Левобережного городища была предварительно выровнена на глубину 0.6 м. Строители крепости, вероятно, учли фактор промерзания грунта и его возможное вспучивание.

Физические свойства грунтов находятся в зависимости не только от влажности, но и от их структуры. Площадь основания фундамента выбирается из такого расчета, чтобы на каждый ее квадратный сантиметр приходилась нагрузка, не превышающая критическое значение. Как этот вопрос решался при строительстве Левобережного городища? Один кубический метр кладки из полнотелого кирпича, из которого была построена крепость, весит 1700–2000 кг. Давление на грунт кирпичной кладки высотой 1 м составляет 0.17–0.2 кг/см<sup>2</sup>. Таким образом, грунт возвышенности (пластичная глина средней плотности с критическим значением не менее 1 кг/см<sup>2</sup>), на которой расположилось Левобережное городище, обладает достаточным сопротивлением для постройки на нем кирпичной крепостной стены в высоту до 5–6 м (в реальности она, вероятно, не превышала 4–5 м). Тезис о строительстве крепостных стен без углубленного в материк фундамента как проявление примитивизма зодчих в данном случае должен быть отвергнут.

В процессе раскопок Левобережного городища были найдены кирпичи, которые П.А. Раппопорт условно разделил на две группы, воспринятые С.А. Плетнёвой в качестве законченной типологии. Первая представлена кирпичами, имеющими размеры 24 × 24 × 5, 36 × 24 × 5, 24 × 12 × 5 см. Вторая – кирпичами, имеющими размеры 27 × 27 × 7, 30 × 30 × 7, 34 × 34 × 7 см (Раппопорт, 1959. С. 14–21). Нетрудно заметить, что вариация в размерах кирпичей внутри второго типа значительно больше разницы в размерах между кирпичами первого

типа и нижней границы второго типа. С методической точки зрения, уже сам этот факт полностью отвергает предложенную типологию. Для создания подлинной типологии кирпичей, из которых строилось Левобережное городище, необходимо было исследовать как их количественные признаки, так и частотные, построить вариационный ряд. Можно сожалеть, что коллекционные описи кирпичей отсутствуют (за исключением хранящихся в Эрмитаже кирпичей со знаками; см.: Флёрова, 1997. С. 43–48, 163–169), а сам материал покоится на дне Цимлянского водохранилища. Следует признать очевидный факт: зафиксированные на этом памятнике размеры кирпичей колебались в пределах 24–34 см по сторонам и в пределах 5–7 см по толщине. В среднем этот параметрический размах близок размаху между византийскими спифамой (23.4 см) и футом (31.23 см). Как же соотносятся эти размеры кирпичей с размерами кирпичей из достоверных памятников византийского зодчества на территории империи?

При сравнении кирпичей Левобережного городища с византийскими образцами необходимо учитывать то обстоятельство, что в разных областях империи существовали свои местные линейные меры (римский, греческий, византийский футы и др.), которые были переменными. Существовали местные строительные традиции и представления об оптимальных размерах и пропорциях строительного материала. При осуществлении крупных государственных строительных проектов собирались мастера из самых разных мест Византии, поэтому мы не находим примеров стандартизации размеров использованного кирпича. Можно вспомнить, что при реконструкции акведука в Константинополе в 766–767 гг. были приглашены 500 мастеров-кирпичников из материковой Греции и прилегающих островов и 200 мастеров-кирпичников из Фракии. Наиболее распространенные размеры византийского кирпича, как правило, немного превышали византийский фут (Оустерхаут, 2005. С. 144). Разница в размерах кирпича зависела и от традиционных размеров формочных ящиков, и от состава смеси, влияющих на усадку при сушке и обжиге, которая составляла до 10%. Чаще всего размеры сторон приближались к 32–36 см, но на разных византийских памятниках мы встречаемся с разными вариациями размеров кирпичей. Приведу лишь несколько примеров. При возведении монастыря Пантократора в Константинополе мастера использовали кирпич размерами 24–38 см (Ousterhout et al., 2000. P. 265–270). Строители ипподрома в Константинополе применяли квадратный кирпич со сторонами 30–31 см. В Галлиполийской крепости зафиксирован квадратный кирпич со сторонами от

35 до 40 см (Türker, 2006. P. 174–198), а при ремонтных работах там применялся кирпич со стороной в 24 см. В кладке городских стен Константинополя обнаружены квадратные кирпичи со сторонами 35–38 см (Anunbay, Anunbay, 2000. P. 227–239). На территории портового городка Райал в Египте были найдены кирпичи со сторонами от 22 до 43 см (Kawatoko, 2003). Большое разнообразие размеров византийского кирпича отмечается на Балканах: в византийских постройках Царичино Града зафиксированы кирпичи с размерами сторон от 24 до 43 см (Jeremiћ, 2006. С. 213–238). Не менее переменны размеры кирпичей, из которых возводились византийские храмы и другие объекты на территории Абхазии. Здесь документировано использование в византийских постройках кирпичей с размерами сторон от 20 до 47 см (Сакания, 2008. С. 955). Этот даже краткий перечень примеров не позволяет принять тезис М.И. Артамонова, П.А. Раппопорта и С.А. Плетнёвой о не византийских размерах кирпичей Левобережного городища.

Обратимся теперь к вопросу о линейных мерах, применявшихся в архитектуре Левобережного городища. В поисках зодчих этого памятника предпринимались попытки использовать "сакральные" цифры 7 и 8, которые якобы служили модулями и при изготовлении кирпичей, и в процессе строительства сооружений Левобережного городища (Плетнёва, 1996. С. 16–18). Предполагалось, что эти модули имеют не византийское, а степное происхождение. Отсюда делался вывод, что и зодчие этого памятника не были византийцами. Представляется, что это глубокое заблуждение. Ошибка С.А. Плетнёвой состояла в том, что, выделяя две метрические системы в Левобережном городище, она основывалась на размерах кирпича, выраженных в сантиметрах. Ни у оногуро-булгаро-хазарских племен, ни у алаано-асских, ни у других современных им народов, как известно, не было метрической системы. Следовательно, совершенно невозможно использовать для расчетов размер кирпича, выраженный в 24 или 27 см, и получать "хазарский модуль" 7 или 8. Так, есть ли пути решения вопроса об использованных при возведении хазарских крепостей метрологических системах? Рассмотрим параметрические характеристики Левобережного городища. Решение этой задачи первоначально осложнилось тем обстоятельством, что в публикациях Левобережного городища фигурируют разные его размеры. М.И. Артамонов пишет, что крепость имела размеры 193.5 × 133.5 м (1958. С. 14), не указывая, как проводились замеры. И.И. Ляпушкин говорит о размерах крепости, как о 186 × 125 м (1958. С. 94). В статье П.А. Раппопорта фигурируют 178.65 × 117.83 м (1959. С. 12), но уже с указанием на то, что замеры проводились

внутри крепостных стен. С.А. Плетнёва пишет о наружных размерах как о  $193.5 \times 133.5$  м, и о внутренних – как о  $178.65 \times 117.83$  м (1996. С. 17). Если принять во внимание, что зафиксированная раскопками толщина крепостных стен составляла 3.75 м, и к параметрам крепости, указанным П.А. Раппопортом, прибавить толщину стен с обеих ее сторон, то наружные размеры крепости будут равны  $186.15 \times 125.33$  м. Трансформируя эти данные в византийскую систему измерений, мы получаем следующий результат<sup>1</sup>. Крепость имела наружные размеры ровно  $600 \times 400$  византийских футов. Протяженность куртин была около 100 футов, размеры угловых башен –  $25 \times 25$ , размеры промежуточных –  $15 \times 15$  футов, толщина крепостных стен – 12. Ясно, что при проектировании крепости и выносе ее на местность архитекторами применялась именно византийская система линейных мер, выраженная в футах. Этот вывод перекликается с моими наблюдениями, сделанными при анализе строительных материалов Маяцкого городища. Статистическое изучение размеров 902 блоков из развалов стен Маяцкого городища и сопоставление полученных результатов с параметрическими характеристиками этого памятника привело к выводу о том, что строительство крепости осуществляли специалисты, хорошо знающие византийскую метрологию, византийские архитектурные традиции и применяющие эти знания на практике (Афанасьев, 2010). Можно вспомнить рекомендации Флавия Вегеция Рената, который писал: “Пусть форма лагеря не ставится выше полезности, но все же более красивым считается, если *длина на треть превышает ширину*” (курсив мой. – Г.А.) (1940. С. 264). Именно эта пропорция и была соблюдена проектантом Левобережного городища. Сопоставляя византийские параметры Левобережного городища с наблюдениями П. Андервуда, изучавшего параметрические характеристики построек византийских архитекторов эпохи Юстиниана, мы находим общее: в обоих случаях использовались размеры, кратные 10. Более того, П. Андервуд заметил, что при проектировании сооружений византийские архитекторы очень часто использовали размер в 50 футов (Underwood, 1948. Р. 64–74). Эта величина также кратна и внешним размерам самой крепости, и размерам ее куртин.

Перейдем к вопросу о плановой структуре оборонительных сооружений. Если сравнить ее с оборонительными сооружениями крупных византийских городов – Константинополя, Херсонеса, Зенобии, то станет ясно, что между ними нет ничего общего.

<sup>1</sup> В расчетах использовалась величина византийского фута по Э. Шильбаху, равная 0.3123 м (Schilbach, 1970. S. 13–16).

Но у исследователей архитектуры Левобережного городища остались незамеченными памятники византийского крепостного зодчества в Северной Африке, Сирии и Иордании, на Балканах и в Грузии, архитектуру которых с полным основанием можно рассматривать как прототип Левобережного городища. Приведу только некоторые из многочисленных параллелей.

После того как в 533 г. полководцы Юстиниана отвоевали у вандалов Северную Африку, там возникло множество укрепленных пунктов и крепостей (Diehl, 1896). Они располагались на всех стратегически важных позициях, защищали долины, прикрывали ущелья, обеспечивали источники воды и убежища для жителей незащищенных селений, постоянно рискующих подвергнуться нападению южных кочевников. Исследователь византийской фортификации VI–VIII вв. Д. Прингл, обобщив известный материал, пришел к выводу о том, что со времен правления Юстиниана и вплоть до завоевания арабами Северной Африки там продолжалось строительство самых разных по площади византийских фортов и крепостей (Pringl, 1981. Р. 1–170). Эта уходящая корнями в римское время архитектурная традиция устройства долговременного лагеря – форта, через византийцев была воспринята арабами и нашла отражение в строительстве в конце VIII в. рибата в Суссе (Pringl, 1981. Р. 608) и в других подобных ему памятниках уже византийско-арабского крепостного зодчества.

Одним из прекрасно сохранившихся до настоящего времени византийских фортов в Алжире является Тамугади (Тимгад) (рис. 3). О времени его постройки сообщает Прокопий: это произошло в 13-й год правления Юстиниана (1 апреля 539 г. – 1 апреля 540 г.). Строительство велось под руководством византийского патриция Соломона. Форт представлял собой прямоугольное сооружение размерами  $111.25 \times 67.5$  м, площадью около 0.75 га. Его стены и углы были защищены восемью прямоугольными башнями. Стены толщиной 2.4–2.7 м были облицованы снаружи и изнутри каменными блоками. Забутовка между ними состояла из вторичного строительного материала и щебенки без скрепляющего раствора (Diehl, 1896. Р. 201–205, 243; Pringl, 1981. Р. 232–236). Византийская крепость Тевесте (рис. 4), построенная Соломоном между 536 и 544 гг., была в 10 раз больше Тамугади. Крепостные стены обрамляли прямоугольник размерами  $290 \times 260$  м, площадью около 7.5 га. Они имели толщину 2–2.1 м и поднимались на высоту 9–10 м. Техника строительства типична для этого времени: стены состоят из двух панцирей, сложенных из обработанных блоков, пространство между

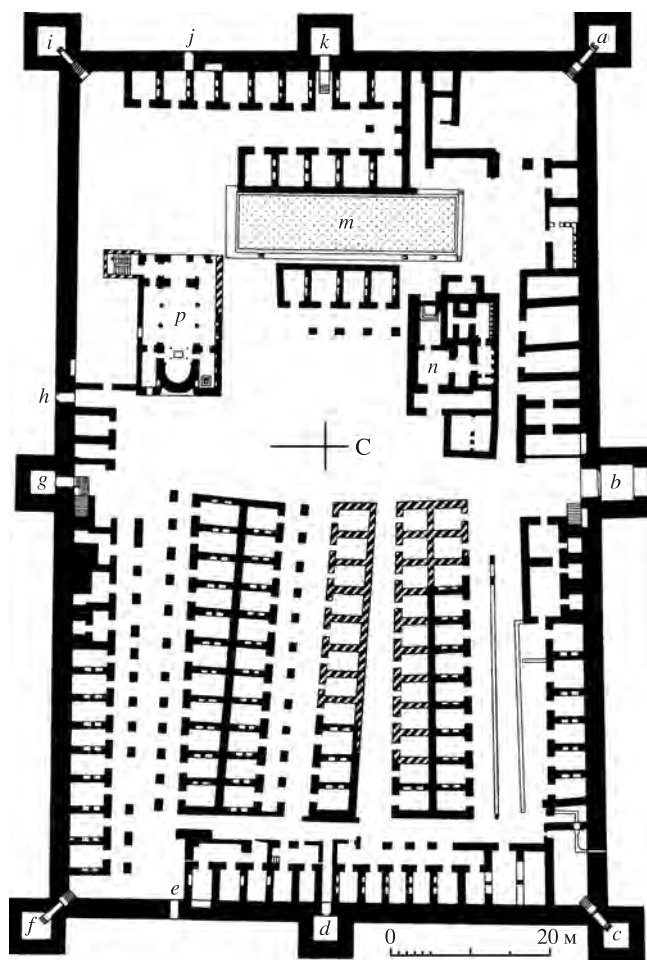


Рис. 3. План византийского форта Тамугади (539/540 гг.).

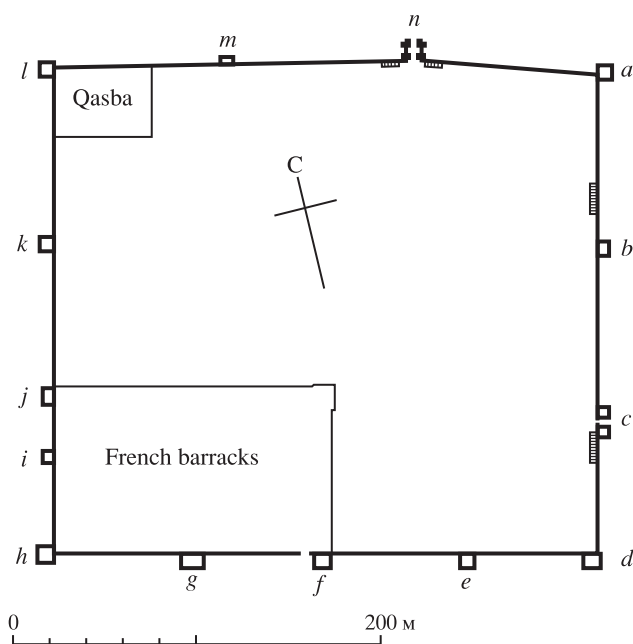
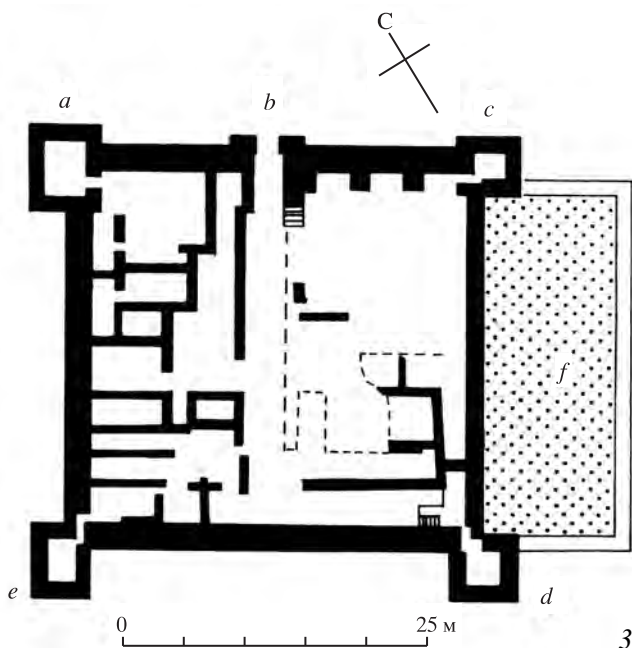
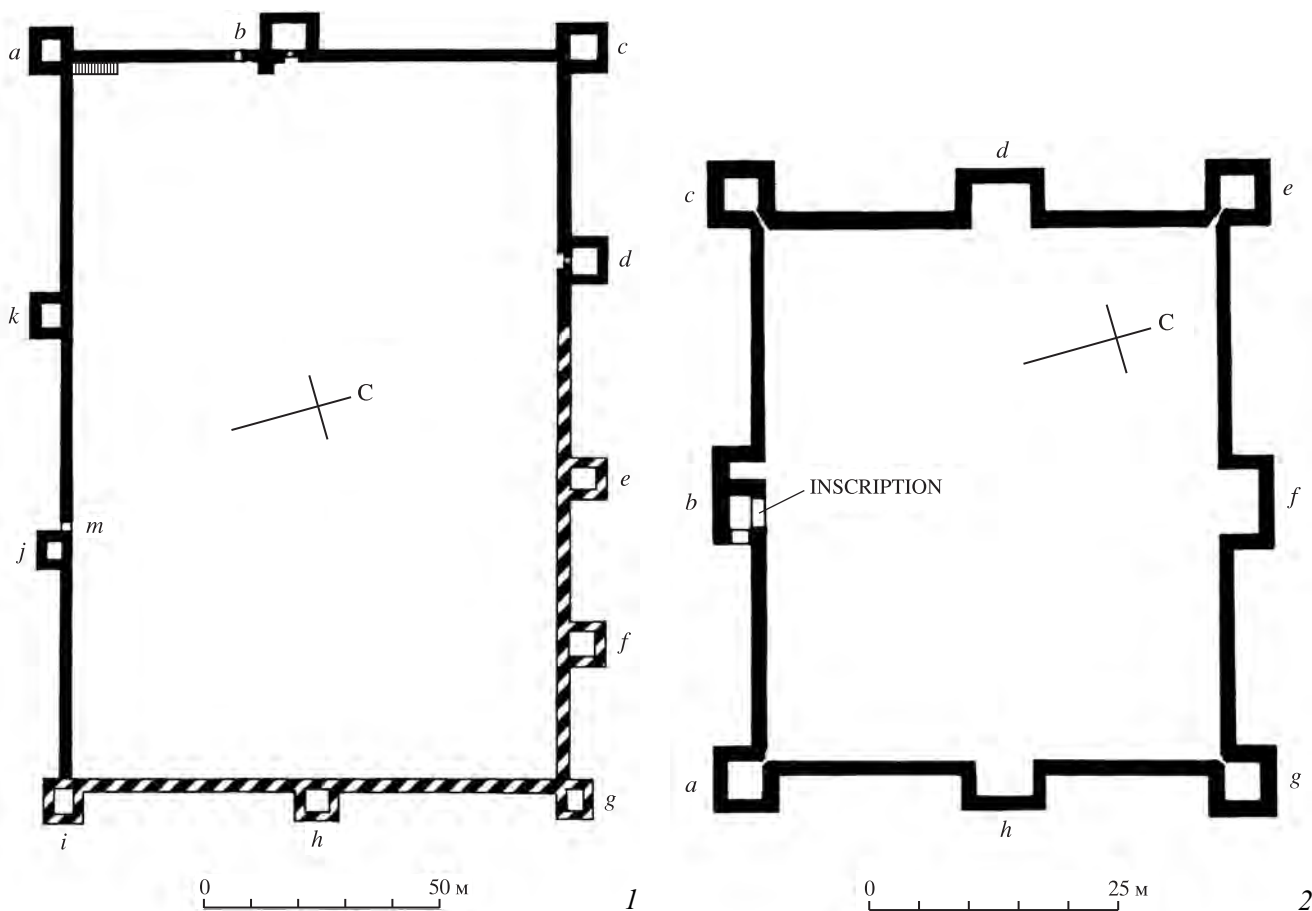


Рис. 4. План византийской крепости Тевесте (536–544 гг.).

которыми заполнено щебнем и залито бетоном. Куртины были усилены 15 башнями, расстояние между которыми не превышало 95 м. В крепость можно было попасть через три воротных прохода, главными из которых были так называемые ворота Соломона (Diehl, 1896. P. 179, 180, 186–190; Pringl, 1981. P. 238–242). Форт Ситифис (рис. 5, 1) был построен в 539–544 гг. и имел в плане прямоугольную форму размерами  $158 \times 107$  м, площадью около 1.69 га. Одиннадцать башен, высота которых достигала 10–13 м, фланкировали куртины стен. В процессе раскопок в 1960 г. в 20 м от западной крепостной стены были обнаружены следы сухого рва шириной 5 и глубиной 2–3 м. Второй отрезок рва, располагающийся уже у северной стены, был обнаружен раскопками 1977 г. (Diehl, 1896. P. 285; Pringl, 1981. P. 227–229). Форт Анастасиана (рис. 5, 2) возведен во времена правления Тиберия II Константина (578–582 гг.). Это было прямоугольное в плане фортификационное сооружение размерами  $53 \times 45$  м, площадью около 0.24 га. Стены толщиной 1.4 м сложены в типично византийской технике. Первоначально укладывались два параллельных ряда из каменных блоков, пространство между которыми забутовывалось щебнем на растворе. Куртины стены фланкировали восемь башен: по одной на каждом углу и по одной в срединной части каждой стороны (Diehl, 1896. P. 283; Pringl, 1981. P. 181–183). Византийский форт Лимиса (рис. 5, 3) в Тунисе сооружен во времена правления Маврикия (582–602 гг.). Форт располагался на склоне возвышенности в 0.5 км от руин римского города. Он был построен рядом со старой римской, но все еще действующей цистерной для сбора воды размерами  $28.4 \times 11.25$  при глубине 1.35–1.45 м. Вода стекала в цистерну по каменным трубам из родников. Размеры форта небольшие – всего  $31.15 \times 28.85$  м, площадь – около 0.1 га. Стены толщиной 2.2–2.25 м (юго-западная стена имела толщину 1.3 м) и высотой 7 м были построены в типично византийской технике: две параллельные стены из каменных блоков, пространство между которыми заполнено щебенчатым раствором. Четыре угловые башни высотой 12 м усиливали форт (Diehl, 1896. P. 205–210; Pringl, 1981. P. 212–214).

Последовательная эволюция римского форта и его превращение в византийский прослеживаются на восточных границах Византийской империи. После того как римляне захватили Nabateyское государство, они построили так называемую *Via Nova Traiana*, протянувшуюся от современной южной Сирии до Красного моря на 430 км. В последующие годы здесь шло усиленное строительство фортов и наблюдательных башен, особенно усилившееся во времена правления Диоклетиана. Наглядным



**Рис. 5.** Планы византийских фортов: 1 – Ситифис (539–544 гг.); 2 – Анастасиана (578–582 гг.); 3 – Лимиса (582–602 гг.).

примером позднееримского крепостного зодчества в этом регионе является форт ел-Леджун (Parker, 2006. P.111–121). Он был построен около 300 г., разрушен землетрясением в 363 г., отстроен заново, активно использовался византийцами, вновь разрушен землетрясением в 505 г., опять восстановлен и вновь разрушен землетрясением в 551 г. Форт имел прямоугольную форму площадью 4,6 га. Углы фланкировались башнями, кроме того, вдоль стен располагались еще 20 башен. В середине каждой крепостной стены находились ворота (рис. 6). После того как в 636 г. Византия навсегда потеряла ближневосточные провинции, покинутые ею крепости стали образцом для подражания при возведении омейядских (660–750 гг.) “пустынных” дворцов и крепостей на территории современных Ливана, Иордании, Сирии, Ирака (рис. 7). В ряде случаев они документируют применение при сооружении крепостных стен тех форматов кирпича, которые традиционно считаются византийскими –  $27 \times 27$ ,  $31 \times 31$ ,  $32 \times 32$ ,  $34 \times 34$  см (Bell, 1914. P. 40–42. Pl. 46), и находят параллели в Левобережном городище.



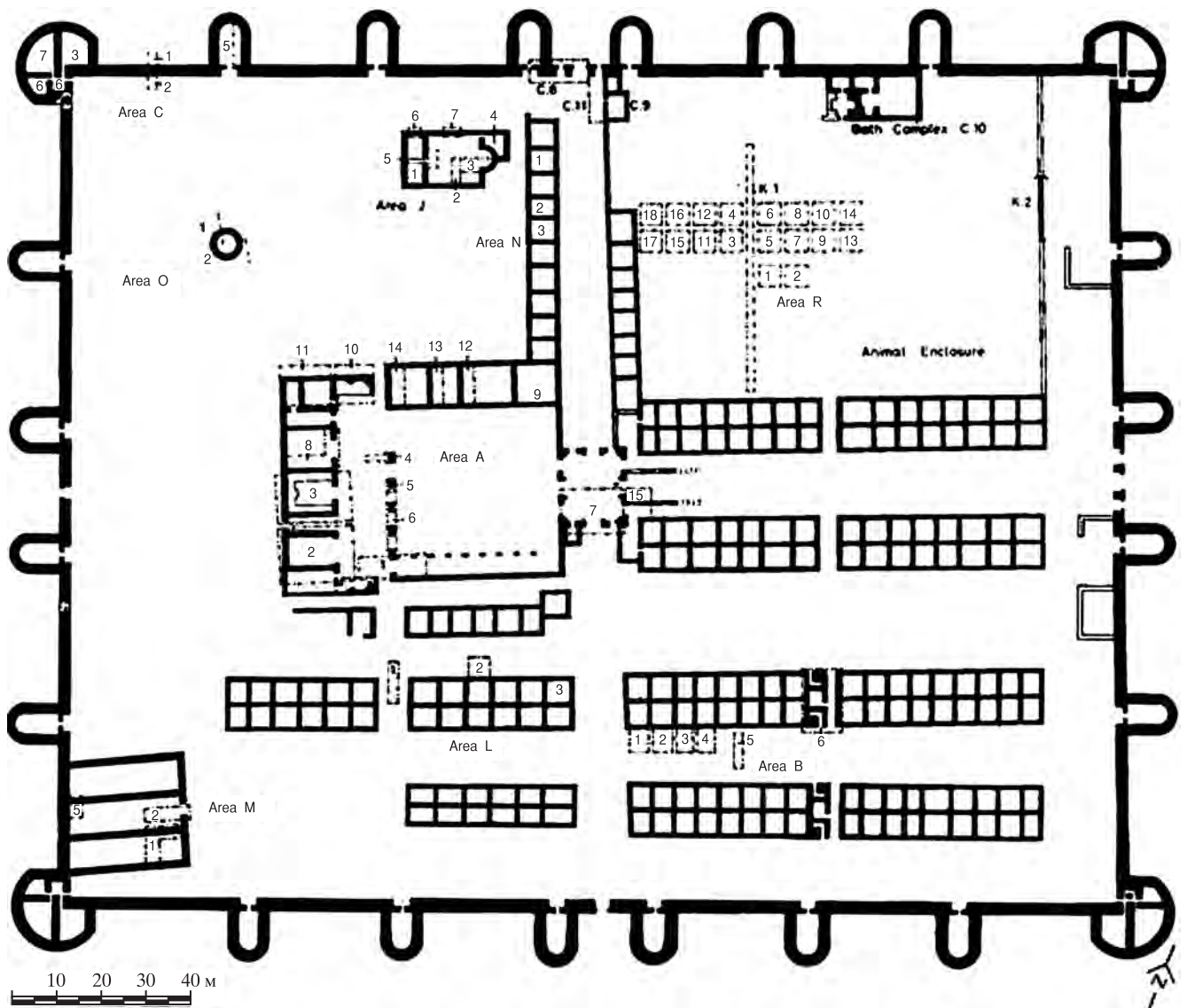


Рис. 6. План римско-византийского форта ел-Леджун (300–551 гг.).

Если же от южных и восточных границ Византийской империи перенестись к ее северным границам, то типологически близкий форт мы найдем на юго-восточном побережье Черного моря в 15 км от Батуми близ с. Гонио (рис. 8). Это крепость Апсарос, расположенная в 650 км к югу от Левобережного городища (Леквинадзе, 1961). Строительство укреплений как место дислокации римского легиона здесь началось еще в I–II вв. Что же сближает Левобережное городище и крепость Апсарос? В обоих случаях мы видим план прямоугольника, как и требовали римские инструкции по организации лагеря легионеров. Соотношение длины и ширины стен у Левобережного городища составляет 1 : 1.45, а у крепости Апсарос – 1 : 1.26. Площадь сравниваемых памятников – 2.6 и 4.8 га. Соответ-

ственно различаются и размеры сторон. В первом случае это 600 × 400 византийских футов, во втором – 830 × 650 римских футов. Сопоставима и толщина стен этих памятников: 3.75 м (12 византийских футов) – на Левобережном городище, 3.1 м (около 10 римских футов) – на крепости Апсарос. В обоих случаях главные ворота располагались в середине узкой стены крепости и были ориентированы в сторону, откуда с большей вероятностью можно ожидать подхода противника. Как и Левобережное городище, крепость Апсарос имела действующие дополнительные ворота, расположенные в середине длинной стены (третьи дополнительные ворота были заложены). И в том, и в другом случаях действующие дополнительные ворота были устроены в левой от главного входа стене. Сопос-

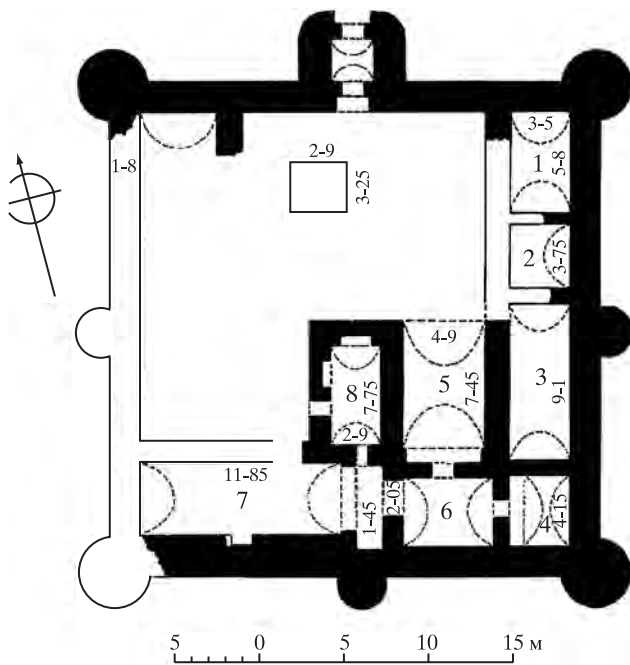


Рис. 7. План омейядского касра Аштан (первая половина VIII в.).

тавляемые памятники сближают расположение и численность башен и куртин. Кроме четырех башен по углам у них отмечено равное количество башен между углами вдоль стен, где не было ворот: по четыре – вдоль длинных стен и по две – вдоль коротких. Крепость Апсарос отличается от Левобережного городища строительным материалом. Она была построена в римское время из каменных блоков и обновлена в византийское также каменными блоками. Разнообразие в использовании строительных материалов при возведении римских и византийских фортов и лагерей становится понятным, если вспомнить рекомендации Витрувия, чей трактат был очень популярен у архитекторов и строителей Византии в IX–XI вв. как сборник технических рецептов: “Но надо пользоваться либо тесаным камнем, либо базальтом, либо бутом, или же либо обожженным, либо сырым кирпичом, – где что найдется” (2006. С. 29).

Как видим, в основе архитектурных истоков Левобережного городища лежат те же принципы построения римского лагеря, которые были подробно описаны в античных письменных источниках (Ле Бозк, 2001), сохранены в византийских фортах и знакомы нам по хорошо изученным археологическим памятникам (Petković et al., 2005. Р. 13–21). Представленный материал позволяет наметить последователь-

ную хронологическую цепочку развития оборонительных сооружений римско-византийского форта с I–II до IX в. н.э. Выявленные черты сходства Левобережного городища и функционировавшей в IX в. крепости Апсарос, расположенной на южном берегу Черного моря, откуда со своей миссией выплыл Петрона Каматир для строительства Саркела, позволяют полагать, что, возможно, плановая структура оборонительных сооружений именно этой крепости была взята византийскими архитекторами за основу при строительстве для хазар крепости, которую мы сейчас называем Левобережным Цимлянским городищем.

Таким образом, в пользу гипотезы о византийских архитектурных истоках этого памятника свидетельствуют, кроме письменных источников, и строительный материал, и метрологическая система, и архитектурный облик этого форта. Строительством Саркела и образованием Херсонской фемы совместные оборонительные мероприятия Византии и Хазарии не ограничились. Британский историк Д. Оболенский считал, что за созданием политической оси Херсон – Саркел скрывается строительство *цепи крепостей вверх по Дону* (Obolensky, 1971. Р. 176). Есть веские основания полагать, что звеньями этой цепи были Маяцкое, Верхнеольшанское, Мухоудеровское, Колтуновское, Алексеевское и Красное городища, выстроенные в долине Тихой Сосны на протяжении более 100 км для защиты от нападения со стороны славянского мира (Афанасьев, 1987. С. 88–142; 1993. С. 123–150; Седов, 1999.



Рис. 8. Римско-византийский форт Апсарос (снимок из космоса).

С. 70–72). Более того, С.Н. Малахов предлагает рассматривать миссию Петроны Каматира в Танаисе в контексте общей политики Византии после 806 г. по укреплению обороноспособности Хазарии и на западных рубежах – в Причерноморье, и на южных – на Северном Кавказе. В последнем регионе, по его мнению, Византия участвует в строительстве не только Хумаринского городища, но и ряда других укреплений. С.Н. Малахов считает, что участником этих событий мог быть и протоспафарий Иван, направленный императором по просьбе кагана для строительства укреплений на алаано-абхазской границе в период обострения арабо-хазарских отношений в 30–50-е годы IX в. (Малахов, 2004). Имя его сохранилось на именной шелковой ленте, найденной Е.И. Савченко в могильнике Мощевая Балка и опубликованной А.А. Иерусалимской (Jerusalimskaja, 1996. S. 251, 252. Abb. 213). Все это говорит о том, что появление византийской крепостной архитектуры в землях, находящихся под контролем Хазарского каганата, тесно сопряжено с общей политической ситуацией, сложившейся в 30–50-х годах IX в. между Хазарским каганатом, Византией, Русью и Арабским халифатом.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // СА. 1940. № 6.
- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // Тр. Волго-Донской археолог. экспедиции. Т. I. М.; Л., 1958 (МИА; № 62).
- Артамонов М.И.* От редактора // Тр. Волго-Донской археолог. экспедиции. Т. II. М.; Л., 1959 (МИА; № 75).
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. Социальные структуры алаано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Афанасьев Г.Е.* К проблеме исторической интерпретации археологических памятников (по поводу книги А.А. Тортики “Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы”) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
- Афанасьев Г.Е.* К проблеме локализации Хазарии и Фургт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум “Идель–Алтай”. Казань, 2009.
- Афанасьев Г.Е.* О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхнедонской сб. Вып. V. Липецк, 2010.
- Витрувий.* Десять книг об архитектуре. М., 2006.
- Долматов Б.И.* Механика грунтов, основания и фундаменты. М., 1989.
- Иванов А.А.* Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Ларенок П.А., Семёнов А.И.* Саркел, Саркел, еще Саркел... // ДА. 1999. № 3, 4.
- Ле Бож Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001.
- Леквинадзе В.А.* Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости // ВВ. 1961. Т. 20.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // Тр. Волго-Донской археолог. экспедиции. Т. I. М.; Л., 1958 (МИА; № 62).
- Малахов С.Н.* Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Тез. докл. XVII Всерос. науч. сессии византинистов. М., 2004.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнёва С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
- Плетнёва С.А.* Саркел и “Шелковый путь”. Воронеж, 1996.
- Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.
- Попов Х.И.* Где находилась хазарская крепость Саркел // Археологические записки. Вып. 4. Ростов н/Д., 2005.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. М., 1992.
- Ратнопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // Тр. Волго-Донской археолог. экспедиции. Т. II. М.; Л., 1959 (МИА; № 75).
- Савин А.М., Семёнов А.И.* О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Ору-

- жие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.
- Сакания С.М.* Строительная керамика в Абхазии в IV–IX вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М., 2008.
- Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999.
- Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1.
- Флёров В.С.* “Семикаракоры” – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2.
- Флёрова В.Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.
- Јеремий М.* Опеке Царичиног града // Зборник Радова. Ниш и Византија. IV. Ниш, 2006.
- Anunbay Z., Anunbay M.* Recent Work on the Land Walls of Istanbul: Tower 2 to Tower 5 // *Dumbarton Oaks Papers*. 2000. V. 54.
- Bell G.L.* Palace and Mosque at Ukhaidir. Oxford, 1914.
- Diehl Ch.* L’Afrique Byzantine. Histoire de la Domination Byzantine en Afrique (533–709). Paris, 1896.
- Howard-Johnston J.* The spatial organization of the Khazar khaganate: the evidence of the Byzantine sources // Хазары. Второй Междунар. коллоквиум. М., 2002.
- Ierusalimskaja A.A.* Die graber der Moščevaja Balka. München, 1996.
- Kawatoko M.* Archaeological Survey of the Rāya/al-Ṭūr Area in 2003 // [http://nippon.zaidan.info/seikabutsu/2003/01254/contents/0007\\_001.htm](http://nippon.zaidan.info/seikabutsu/2003/01254/contents/0007_001.htm)
- Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. L., 1971.
- Ousterhout R., Anunbay Z., Anunbay M.* Study and Restoration of the Zeyrek Camii in Istanbul: First Report, 1997–1998 // *Dumbarton Oaks Papers*. 2000. V. 54.
- Parker S.T.* The Legionary Fortress of el-Lejjun // The Roman Frontier in Central Jordan. Washington, D.C., 2006. (Dumbarton Oaks).
- Petković S., Ružić M., Jovanović S. et al.* Roman and Medieval Necropolis in Ravna near Knjaževac. Belgrade, 2005.
- Pringle D.* The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries). Oxford, 1981 (BAR; Intern. Ser. 99 (i)).
- Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970.
- Türker A.* The Gallipoli Castel in the Byzantine Period // Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 2006. Cilt 23. Sayı 2.
- Underwood P.A.* Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian // *Cahiers Archéologiques*. 1948. III.

## “НОВАЯ ДАТИРОВКА” СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ: КРИТИКА ГИПОТЕЗЫ

© 2011 г. Е.И. Архипова\*, А.П. Толочко\*\*

\*Институт археологии НАН Украины, Киев  
(lizarhip@gmail.com)

\*\*Институт истории Украины НАН Украины, Киев  
(tolochko@potmail.com)

Ключевые слова: *Древняя Русь, Софийский собор, Киев, Ярослав Мудрый, Владимир Святославич, дата основания, княжеский портрет.*

The article covers the key assumptions of N.N. Nikitenko's hypothesis that St. Sophia cathedral in Kiev was founded on November 4, 1011. The hypothesis was not accepted by the scientific community and had no influence on the reconstruction of cultural and historical processes of the first half of the 11<sup>th</sup> c. However, now that the millenary celebrations are scheduled to take place in 2011 and N.N. Nikitenko's concept becomes more widely known to the general public, there is need for a critical overview of the conclusions reached by the scholar and of her method in general.

Президентом Украины В.Ф. Януковичем подписан указ “О праздновании 1000-летия основания Софийского собора”. Объявляя празднование в 2011 г., составители документа основывались на идеях сотрудницы Национального заповедника “София Киевская” Надежды Николаевны Никитенко, многие годы отстаивающей мнение, согласно которому Софийский собор был основан 4 ноября 1011 г. Несмотря на большое количество работ, изданных ею в доказательство своей гипотезы, последняя не встретила ни отклика, ни обстоятельной критики специалистов за пределами украинского научного сообщества (Заснування..., 2010). Как “курьезную” или “произвольную” ее лишь упоминают в общих работах по истории архитектуры и искусства Древней Руси, изданных в последнее время в Украине и России (Подскальски, 1996. С. 39. Прим. 5; История..., 2007. С. 147, 230; История..., 2010. С. 470, 578). Цель настоящей статьи – представить основные положения гипотезы Никитенко и возможные ей возражения.

Софийский собор в Киеве – памятник древнерусской архитектуры XI в., один из немногих, уцелевших до наших дней. Несмотря на то что он постоянно находился в поле зрения летописцев, церковных деятелей и путешественников, точной даты его возведения источники не дают. Летопись содержит две даты основания собора. “Повесть временных лет” (ПВЛ) сообщает об этом в статье 6545 г. в контексте строительства Ярославом Владимировичем нового города. Новгородская первая летопись (НПЛ) упоминает о постройке Софии дважды: под 6545

(т.е. согласно с ПВЛ) и под 6525 г. Наличие двух летописных дат, “ранней” (1017 г.) и “поздней” (1037 г.), породило в науке дискуссию, длящуюся по сегодняшний день. Каждая из позиций имеет устоявшийся круг аргументов. Сторонники “поздней” даты апеллируют к очевидному авторитету “Повести временных лет”, а также к текстуальному сбою в Новгородской первой летописи: удвоение дат – это, как правило, следствие какой-либо ошибки. Дополнительное основание “поздняя” дата находит и в “Слове о законе и благодати” митрополита Илариона, восхваляющего Ярослава за строительство Софийского собора: при том что “Слово...” датируют по-разному, его обоснованные датировки укладываются в пределы последнего десятилетия правления князя.

Наиболее веский аргумент сторонников основания Софии в 1017 г. – удивительное и многим представляющееся неслучайным совпадение даты НПЛ с известиями хроники Титмара Мерзебургского. Описывая под 1018 г. въезд в Киев польского короля Болеслава, Титмар отмечает, что того встречал архиепископ “в монастыре Святой Софии, который в предыдущем году случайно сгорел”. Еще один аргумент – опубликованные С.А. Высоцким граффити на стенах собора, предположительно содержащие даты 1030 и 1032 г. (Высоцкий, 1975. С. 179, 180). Впрочем, такое чтение надписей – неоднозначно и вызывает возражения (Поппе, 1968. С. 94–97). Но даже окажись эти даты достоверными, они только еще раз подтвердили бы, что статья 1037 г. ПВЛ представляет собой, по сути, пане-





Рис. 1. Рисунок А. ван Вестерфельда 1651 г. по копии XVIII в.

гирик князю Ярославу, суммарно перечисляя его главнейшие строительные проекты, не обязательно начатые или завершённые к этому году.

К сожалению, мало способствует решению спора и единственное твердое свидетельство об освящении Софийского собора 4 ноября митрополитом Ефремом (конец 1050 – начало 1060-х годов) в месяцеслове Мстиславова Евангелия. Поскольку собор уже существовал к рубежу 1040–1050-х годов, это освящение иногда считают повторным, отдавая предпочтение менее определенному и более позднему указанию месяцеслова так называемого Псковского Апостола 1307 г., а также ряда прологов на освящение 11 мая. По косвенным признакам это (предположительно, первое) освящение датируют 1046 г.

Существует несколько способов примирить “раннюю” и “позднюю” даты постройки собора, наиболее популярный из которых состоит в признании упомянутого Титмаром “монастыря Софии” иной постройкой (деревянной или каменной), уничтоженной пожаром в 1017 г.

При любом решении спора у исследователей не возникало сомнений в том, что Софийский собор был заложен и в основном завершён Ярославом, скорее всего, во второй половине его княжения (1030–1040 гг.).

В таком состоянии дискуссия находилась до конца 1980-х годов, когда Н.Н. Никитенко была выдвинута идея о еще более ранней дате основания собора. Причем не Ярославом, а Владимиром Святославичем. В первых публикациях (Никитенко, 1987. С. 237–244) автор считала, что собор был заложен в 1007 г. и завершён в 1017. Со временем дату основания она сдвинула на 4 ноября 1011 г., а завершения – на 11 мая 1018 г. (Никитенко, 1999. С. 45, 46; 2008а. С. 15; 2008б. С. 145; 2009. С. 63–69). Необходимость датировать основание собора временем Владимира возникла из нового прочтения, а точнее, новой реконструкции группового княжеского портрета, являющегося, по мнению исследо-

вательницы, наиболее верным источником определения его датировки (Никитенко, 1987. С. 237–244; 1992. С. 3–7). Портрет известен по рисунку 1651 г. голландского художника А. ван Вестерфельда, скопированного в XVIII в., а позже опубликованного И.Я. Смирновым (рис. 1). Рискованно утверждать, что рисунок 1651 г. достоверно отражает состояние “ктиторской фрески” древнерусского времени, тем более что фреска на нем изображена уже после ее частичного разрушения и поновления в XVII в. Тем не менее, именно *гипотетическое* содержание *несохранившейся* части княжеского портрета на западной стене собора привело Н.Н. Никитенко к новому прочтению всей программы росписей собора и пересмотру в их свете данных письменных источников, якобы подтверждающих эту гипотезу. Ее обоснованию посвящены практически все работы автора.

Поскольку именно новое понимание княжеского портрета стало ядром “новой концепции”, от которого зависят и в свете которого интерпретируются все остальные элементы конструкции, остановимся на этой части гипотезы подробнее. Выводы Никитенко основаны на системе взаимно поддерживающих друг друга допущений. В главных моментах они сводятся к следующему. На западной стене был изображен не ктиторский портрет, а реальная церемония освящения Софийского собора, символизировавшая победу христианства на Руси. Поскольку крестил Русь Владимир, изображена должна быть семья не Ярослава, а Владимира. На фреске якобы некогда была и надпись, прославляющая Владимира, будто бы и побудившая Петра Могила, реставрировавшего фреску в 1630-х годах, внести его изображение в композицию, зарисованную затем Вестерфельдом. На Владимира, по мнению Никитенко, указывает также отсутствие сходства в изображении храма в руках князя с реальными формами Св. Софии. В соответствии с новым толкованием Н.Н. Никитенко предлагает рассматривать изображенный храм как “дароносный сосуд-иерусалим” в виде модели Десятинной церкви, символизировав-

ший крещеную Русь – “новый Иерусалим”. В нем якобы находились мощи, переносимые в освящаемый храм из соседней церкви. Отрицая сходство модели в руках князя с Софийским собором, автор утверждает, что та, напротив, точно передает формы Десятинной церкви. Увы, это предположение находится за пределами верификации: достоверные данные об облике Десятинной церкви отсутствуют, что, как известно, стало источником многочисленных (более десяти) вариантов ее реконструкции (Ёлшин, Ивакин, 2010. С. 74). К тому же модели церквей в руках донаторов имели символический характер, их формы полностью не соответствуют ни реальным храмам, ни даже их архитектурным типам (Казарян, 2003. С. 108–110).

Определяя женскую фигуру во главе процессии княжон как жену Владимира Анну, умершую в 1011 г., Никитенко приходит к выводу, что собор должен был существовать до ее смерти. В “первом издании” этих идей заложенный в 1007 г. собор был освящен еще при жизни Анны 4 ноября 1011 г. Некоторое время, до окончательной осадки и просушки стен, он стоял нерасписанным, но поспешить с освящением Владимира заставила болезнь жены (Никитенко, 1987. С. 241; 1999. С. 49, 50). При Владимире были почти завершены мозаичные работы и выполнена большая часть фресковых росписей. Только центр храма, занятый лесами, и участки, прилегающие к северному portalу (через который подносили строительные материалы), остались не расписанными и были закончены уже при Ярославе (Никитенко, 1987. С. 241; 1999. С. 49, 50; 2008а. С. 15, 16).

“Опознать” в изображении именно Анну, как, впрочем, и других членов княжеской семьи, – задача практически невыполнимая: ее древних изображений не существует. Сохранность же фрески такова, что любые идентификации всегда будут произвольными. Уже этих возражений достаточно, чтобы не придавать доказательной силы наблюдениям Никитенко: определить содержание “ктиторской фрески” без предварительного знания об эпохе сооружения собора и его заказчике, по существу, невозможно. Но в данном случае интересна логика и метод исследовательницы. Выдвинутое Н.Н. Никитенко предположение рискованно и по другим причинам: изменив датировки “во втором издании” своих идей и настаивая теперь на основании собора 4 ноября 1011 г., автор, тем не менее, не отказалась от идеи его завершения при жизни Анны (т.е. буквально за два, либо за четыре месяца). Впрочем, в одной из последних работ Н.Н. Никитенко заметила оплошность и заявила, что фреска изображает “заложение Софии, имевшее место не позже этого

года” (2009. С. 70, 71). Это, однако, входит в противоречие с принципиальным для всего построения более ранним (и повторенным в той же статье!) выводом о том, что фреска изображает освящение заверченного храма (“торжественный церемониальный выход в храм семьи киевского князя”) (Никитенко, 2009. С. 63).

В конструкции Никитенко персональному составу фрески придается едва ли не решающее значение для датировки собора. Казалось бы, как исходный пункт и, так сказать, фундамент, на котором покоится вся конструкция, он должен быть твердо и нерушимо установлен. Вопреки этому изображение княжеской семьи оказывается “движущейся мишенью”. Н.Н. Никитенко не раз меняла идентификации персонажей: в работе 1987 г. (с. 242) утверждалось, будто среди изображенных находится первая жена Ярослава, в работе 1999 г. эта же фигура определялась как жена Бориса (с. 53), а ныне – как одна из дочерей Владимира. Фигура, идентифицируемая как жена Бориса, ранее отождествлялась с древлянским князем Святославом Владимировичем (Никитенко, 1999. С. 53), которому теперь вовсе не нашлось места. Если критерии идентификаций так произвольны, какова вероятность того, что хоть одна из них верна?<sup>1</sup>

Следуя своему методу реалистического толкования фрески, Никитенко считает, что ее реализм доходил до того, что изображенным оказалось “поле вне града”, на котором, согласно летописи, была основана София. По ее словам, поскольку «на рисунке Вестерфельда персонажи фрески шествуют по холмистой местности, покрытой полевой растительностью, а фигура Владимира отбрасывает тень на северо-запад, значит, иллюстрируемая церемония происходит летним утром на “поле вне града”» (Никитенко Н.Н., Никитенко М.М., 1998. С. 469). Как справедливо заметил А.И. Комеч, “подобные изображения поэма с цветами восходят еще к мозаикам Рима и Равенны, в них можно усматривать райские луга с пасущимися душами (в апсидных композициях), они же часто являются нижней зоной множества иных композиций” (История..., 2007. С. 147).

Отрицая ктиторский характер фрески, Никитенко отрицает и вероятность размещения по ее центру фигуры Христа (рис. 2), утверждая, что его изображение не могло находиться позади стоящих лицом к алтарю верующих и под ногами князя,

<sup>1</sup> Впрочем, в одном случае Никитенко раскрыла свой метод. Оказывается, Владимира она идентифицировала, сравнивая рисунок Вестерфельда с изображениями князя на его монетах: “...они обнаруживают один общий для них тип Владимира, отражающий подлинный образ князя” (Никитенко, 2008б. С. 153).

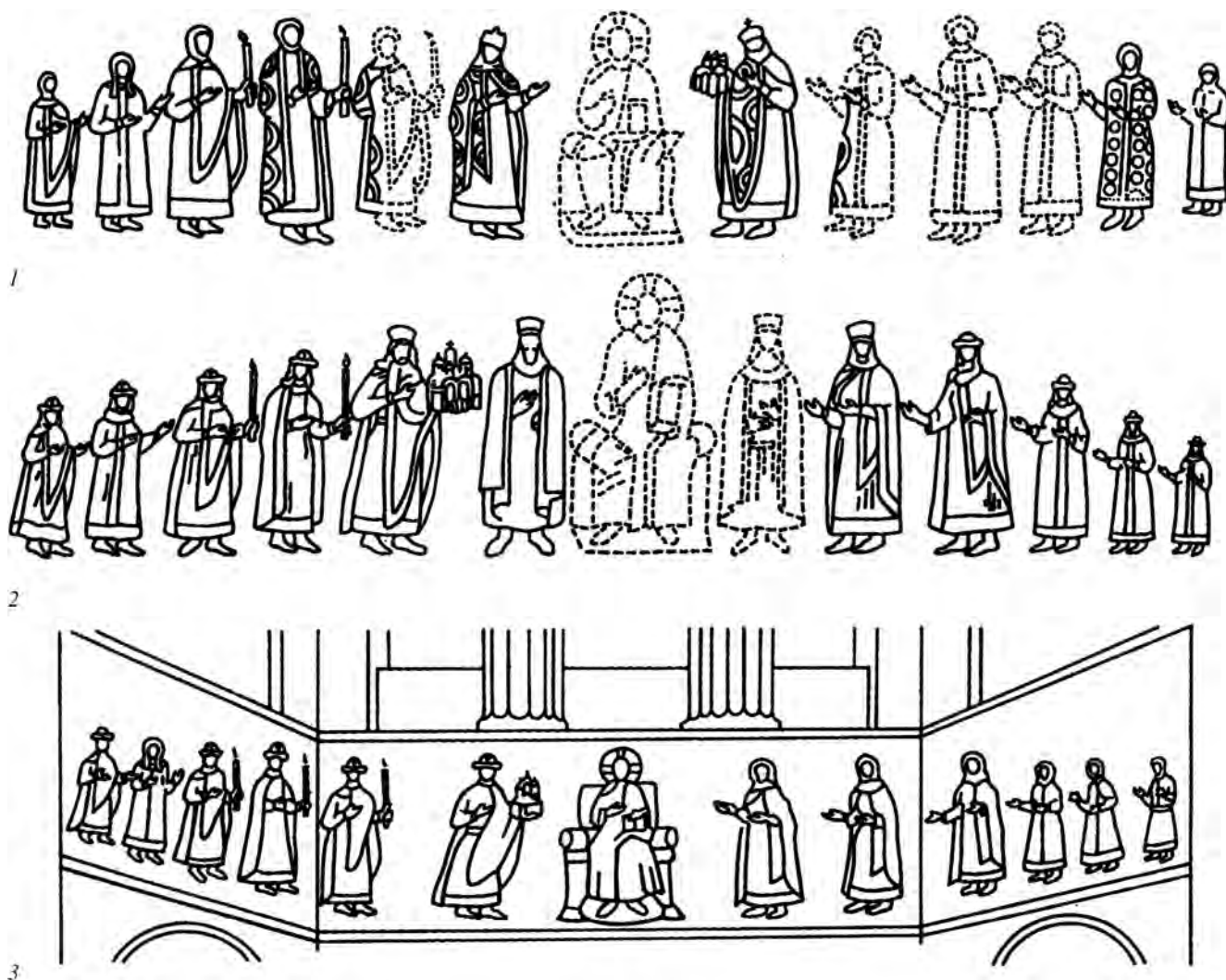
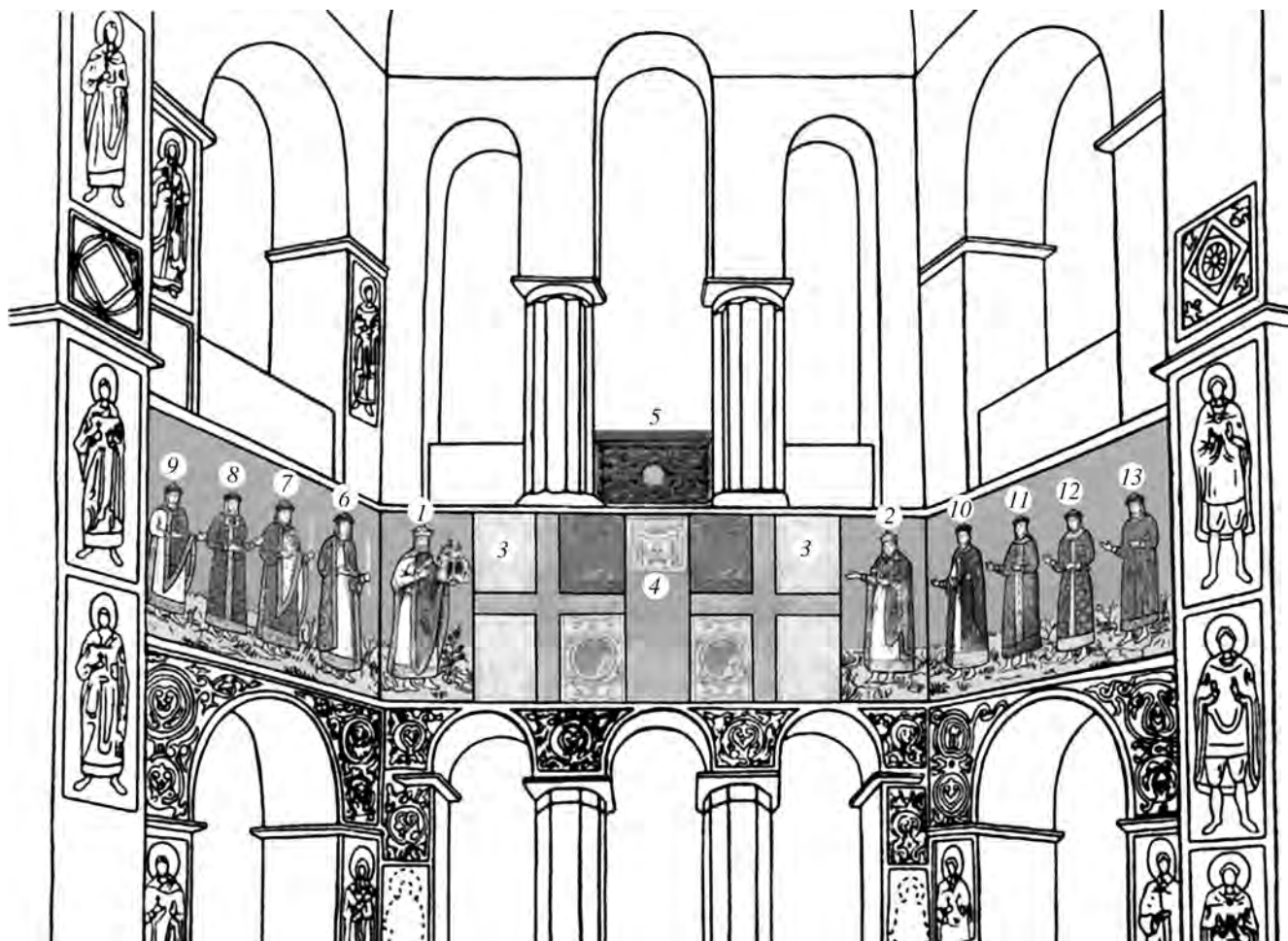


Рис. 2. Княжеский портрет. Реконструкции: 1 – В.Н. Лазарева; 2 – С.А. Высоцкого; 3 – А.В. Поппэ.

находящегося на хорах. Сначала предлагалось разместить в центре композиции фигуру митрополита и сопровождающих его священников (Никитенко, 1987. С. 238, 239), а позже – декоративное мраморное панно с символом алтаря (рис. 3), аналогiu которому автор видит в современной декорации западной стены Софии Константинопольской (Никитенко, 1999. С. 45, 46; 2008б. С. 143; 2009. С. 63–69). При этом почему-то игнорируются свидетельства русских паломников XII–XIV вв., видевших над западными дверями Св. Софии икону Спаса, появление которой относят к IX–X вв. (Архипова, 2010. С. 27–32).

В то же время, эта “зарисовка с натуры” наделяется символическим содержанием: фреска якобы провозглашает идеи престолонаследия. При этом как наследники Владимира указаны два его сына одновременно: Ярослав – на основании династи-

ческого старшинства и Борис (сын Анны) – как рожденный от “цесарской крови” (Никитенко, 2009. С. 72, 74). Противоречивость собственных рассуждений в этом, как и во многих других случаях, приписывается предмету исследования: так, якобы, отразилась смена заказчиков, в результате чего “явное новшество, внесенное при Ярославе, идет вразрез с возникшим при Владимире первоначальным замыслом” (Никитенко, 2009. С. 74). Владимир предназначал в наследники Бориса, Ярослав позже поправил отца. Наследственные права Бориса фреска якобы отмечает “признаком царской власти” – плащом (Никитенко, 2009. С. 72). Права же Ярослава символизируются тем, что он изображен первым в “мужской” половине фрески. Итак, следуя этой логике, фигура Ярослава появилась только в “переделках” Ярослава. В “первоначальном” варианте фрески ее не было (коль скоро именно первое место в процессии символизировало наследственные



**Рис. 3.** Княжеский портрет. Реконструкция Н.Н. Никитенко: 1 – князь Владимир с моделью Десятинной церкви; 2 – княгиня Анна; 3 – мраморная панель (по аналогии с Софией Константинопольской); 4 – символ престола на мраморной панели; 5 – шиферная плита с яшмой; 6 – Ярослав; 7 – Борис; 8 – жена Бориса; 9 – Глеб; 10 – Феофана – старшая дочь Владимира и Анны; 11–13 – дочери Владимира и Анны.

права). Получается, что при Ярославе была переписана вся “мужская” часть процессии, но почему-то не были устранены символы наследования в изображении Бориса и усиливающее (как думает Никитенко) эту символику “царского титула” Бориса изображение его “супруги/невесты” (*sic*), якобы “имевшей по законам того времени статус жены наследника престола” (Никитенко, 2009. С. 75).

Итак, кто же был “автором” фрески – Владимир или Ярослав? Что именно изображено на ней – “заложение Софии” или ее освящение? Когда состоялось “заложение” – в 1007 или в 1011 г.? И когда состоялось освящение – в 1011 или в 1018 г.? В трудах Н.Н. Никитенко представлены все перечисленные возможности.

Интерпретация “ктиторской фрески” как изображения семейства Владимира и гипотеза о создании Софии в его время поставила перед Никитен-

ко проблему письменных источников, единодушно противоречащих подобным выводам. Легче всего оказалось расправиться с летописными свидетельствами. Летопись, по мнению автора, была сфальсифицирована в угоду Ярославу, приписав ему достижения отца (Никитенко, 1999. С. 247, 248). Вся остальная история летописания – тиражирование древней подделки. Это заявление, разумеется, идеологическое, а не текстологическое. Летописные известия могут, теоретически, быть и недостоверными, но поскольку иной версии событий источники не донесли, судить об этом нет никакой возможности.

Кроме летописей существует свидетельство “Слова о законе и благодати” Илариона, современное или близкое к моменту постройки Софии. Традиционно “Слово...” датируют рубежом 1040–1050-х годов, что, разумеется, безнадежно поздно

для “новой хронологии” Никитенко. Выходом стала решительная передатировка “Слова...” таким образом, чтобы дата его создания стояла максимально близко к предполагаемому моменту завершения храма.

Повод к этому Никитенко нашла в идее Д.В. Айналова, буквально толковавшего обращенный к Владимиру риторический оборот Илариона “Иже недоконьчаная твоя законьча, акы Соломонъ Давыдова, иже дом Божии великийи святыйи его Премудрости създа на святость и освящение граду твоему” (Акентьев, 2005. С. 148). Удивительно, но прямое толкование этой фразы Илариона вело бы к прямо противоположному выводу: Господь запретил Давиду строить храм, так как Давид пролил много крови и вел войны (1 Пар. 22: 8; 1 Пар. 28: 3), сказав: “Соломон, сын твой, построит дом Мой и двory Мои” (1 Пар. 28: 6).

Н.Н. Никитенко же усмотрела здесь прямое утверждение Илариона, что будто бы Ярослав всего лишь достроил начатую Владимиром постройку. Коль скоро так, “Слово...” должно было быть произнесено близко к моменту строительства, когда память о Владимире еще не была полностью утрачена.

В свое время Н.Н. Розов предположил, что “Слово...” написано на евангельский текст, читающийся только в первый день Пасхи; другой евангельский текст, тему которого развивает Иларион, относится к Благовещению. Следовательно, “Слово...” могло быть произнесено в день, когда оба праздника либо совпадали (что бывает весьма редко), либо близко соседствовали. Полного совпадения Пасхи и Благовещения между 1037 и 1054 гг. не было, но в 1049 г. Благовещение непосредственно предшествовало Пасхе. Этот год Н.Н. Розов и предложил считать годом произнесения “Слова...” (1963. С. 148). Именно этот метод датировки памятника Н.Н. Никитенко доводит *ad absurdum*, датируя его произнесение годом полного совпадения Пасхи и Благовещения в 1022 г. (1991. С. 51–57).

Метод датировки совпадением подвижных и неподвижных праздников, предложенный Н.Н. Розовым, – однако, не единственный. А.А. Алексеев заметил, что “Слово...” может быть написано и на фрагмент из Послания апостола Павла галатам, читаемый на литургии Рождества Богородицы 8 сентября (1999. С. 289–291). К.К. Акентьев полагает, что тесно связанное с гомилетической традицией праздничных слов “на обновление храма” (2005. С. 120, 121) “Слово...” могло быть произнесено в день освящения Софии 11 мая 1046 г. В этих случаях литургическая приуроченность провозглашения “Слова...” не дает оснований для его датировки.

По версии А. Поппэ, оно могло быть произнесено 15 июля (1050 г.) в день памяти Владимира (Poppe, 2007. P. 41, 42).

Наиболее непротиворечивыми и достоверными, таким образом, оказываются попытки установить *terminus post quem* “Слова...” на основании названных в его тексте реалий. Это, прежде всего, упоминание Иларионом “внуков и правнуков” Владимира, т.е. сыновей и внуков Ярослава. Первый из внуков Ярослава (Ростислав Владимирович) родился не ранее рубежа 1030–1040-х годов. Поскольку внуков должно быть не меньше двух, нужно принять во внимание и сыновей Изяслава – Ярополка и Глеба, родившихся в конце 1040 – начале 1050-х годов. В 1022 г. правнуки Владимира еще не родились, а из внуков был только Владимир Ярославич, которому исполнялось лишь два года (родился в 1020 г.).

Критика этой части построений Никитенко (Вилкул, 1997. С. 120; Толочко О., 1999. С. 141, 142; Шевченко, 1999. С. 690, 691; Толочко П.П., 2008. С. 140–147 и др.) вынудила ее к дальнейшему усложнению конструкции. Она постулировала “двухсоставность” “Слова...”; основная его часть (но с похвалой Владимиру и Ярославу) была произнесена в 1022 г., “неудобные” же реалии появились в тексте при произнесении расширенного варианта в разное время и в разных местах: в Десятиной церкви в день памяти Владимира, в надвратной Благовещенской церкви по поводу завершения возведения “города Ярослава” или при поставлении Илариона в митрополиты в 1051 г. в Софийском соборе (Никитенко, 2003. С. 6–10).

Данные месяцеслова Мстиславового Евангелия об освящении Софии митрополитом Ефремом, как и месяцеслова Псковского Апостола, Никитенко специально не обсуждает, отмечая несколько раз, что источники сохранили только календарные даты освящений без указания на год. Это не так: в Псковском Апостоле выставлен год (6460), а запись Мстиславового Евангелия, хоть и без года, позволяет приурочить освящение к конкретному периоду. Тем не менее именно указания этих месяцесловов дали Никитенко даты закладки (4 ноября) и освящения (11 мая) храма. Поскольку освящение, как полагают, должно происходить в воскресенье, подбором года, когда 4 ноября и 11 мая приходились бы на воскресенье, она определила, что в 1011 г. воскресеньем было 4 ноября, а в 1018 – 11 мая. Запись же месяцеслова в Мстиславовом Евангелии звучит следующим образом: “въ тѣхъ дньхъ сщзнихъ стзья софїа. иже рсть въ кїевѣ гра<sup>д</sup> сщзна Ефремѣмъ митрополитѣмъ” (Апракос Мстислава). Только незнанием текста можно объяснить то



обстоятельство, что в интерпретации Никитенко 4 ноября оказывается днем основания собора и притом в 1011 г. – за 40 лет до митрополита Ефрема. Закладку церкви 4 ноября трудно представить еще и потому, что в домонгольский период, как и много позже, церкви не закладывались на зиму, когда строительство крайне затруднено, если вообще возможно.

Недостаток доказательных возможностей интерпретации письменных источников Никитенко восполняет аргументами археологического и историко-архитектурного порядка. Принципиальным для нее здесь оказывается утверждение, что Софийский собор возводили те же “мастера из грек”, которые в 996 г. построили Десятинную церковь. Об этом якобы свидетельствует целый ряд совпадений между двумя храмами: особенности архитектуры и технологических приемов; сортамент и технология изготовления плинфы; идентичность строительного раствора, фресковой штукатурки и поливных плиток пола; стилистическое сходство росписи Софийского собора с фресками Десятинной церкви и византийскими памятниками X – начала XI в.; выполнение резьбы шиферных парапетов на хорах собора и гробницы Десятинной церкви одними и теми же мастерами; использование в декорации собора мраморных деталей, привезенных Владимиром как трофеи из корсунского похода, и другие наблюдения. Однако при ближайшем рассмотрении размышления на эти темы оказываются либо результатом поверхностного знания, либо предубежденности.

Архитектура и строительная техника Софийского собора, по мнению всех специалистов, не дают оснований утверждать тождество с Десятинной церковью (Ю.С. Асеев, А.И. Комеч, П.А. Раппопорт, Г.Ю. Ивакин, О.М. Иоаннисян и др.). По словам А.И. Комеча, “наоборот, все его формы органически связаны с архитектурой середины – второй половины XI в.” (История..., 2007. С. 147).

Н.Н. Никитенко обнаруживает свидетельства постулируемой смены заказчиков Софийского собора в некоторых изменениях его первоначального замысла в процессе строительства (устройство усыпальницы в восточной части северной открытой галереи еще до росписи фресками; закладка наружного входа в северную башню и др.). В действительности изменения в ходе строительных работ были обычными для архитектуры средневизантийского периода. Существует немало археологических примеров проектирования византийскими строителями прямо на строительной площадке (Оустерхаут, 2005. С. 99–132).

Умозрительным является и утверждение Никитенко о якобы близости или даже тождестве строительных техник обоих храмов. Историки архитектуры, напротив, отмечают существенные различия сортамента и технологии изготовления плинфы, из которой возведены постройки Владимира и Софийский собор. Замеченное же (Никитенко, 1999. С. 227) совпадение в некоторых случаях одного из параметров (толщины) плинфы не является формообразующим признаком. Не соответствует действительности и утверждение об отсутствии точных размеров софийской плинфы. Формат плинфы Софийского собора был установлен в ходе его архитектурно-археологических исследований: она имеет ровно срезаемые торцы и размер  $36 \times 27 \times 3\text{--}3.5$  см. Близкие размеры имеет плинфа Золотых ворот и каменной стены вокруг собора. Основной же формат плинфы Десятинной церкви и комплекса построек на Старокиевской горе –  $29\text{--}31 \times 29\text{--}31 \times 2.5\text{--}3$  см (Асеев, 1980. С. 136, 141). Плинфа X в. Десятинной церкви производилась в неразъемных рамах со скошенными торцами и отличалась от софийской составом керамического теста (Холостенко, 1965. С. 80; Асеев, 1980. С. 141). Такая технология известна в Киеве только в одном памятнике – Десятинной церкви и близлежащих светских постройках (Елшин, Евдокимова, 2009. С. 205, 206). Отличается и кровля храмов: Десятинная церковь – единственная в Киеве – имела покрытие из черепицы (Асеев, 1980. С. 136), по составу теста и формовке идентичной плинфе церкви (Заснування..., 2010. С. 58). Софийский же собор был покрыт свинцовыми листами.

Что касается технико-технологического и стилистического сходства между фресками двух храмов, то они действительно отмечаются исследователями, но как продолжение в Софии стенописной традиции Десятинной церкви (Логвин, 1995. С. 28, 29; Ганзенко и др., 1996. С. 68–73). До недавних раскопок Десятинной церкви не было известно, к какому строительному периоду относятся сравниваемые фрагменты фресок, ведь церковь неоднократно ремонтировали и перестраивали в XI и XII вв. Есть мнение, что повторное освящение церкви в 1039 г. как раз и было связано с такими работами и ее росписью (Козак, 2002. С. 117, 118). Новые анализы стратифицированных фрагментов фресок показали, что штукатурный раствор фресок Десятинной церкви конца X в. не имеет аналогий в основном массиве штукатурок Св. Софии, и, следовательно, храмы были расписаны разными мастерами (Ивакин и др., 2010. С. 165). В свете идей Никитенко о смене заказа и двухэтапной росписи Софийского собора важен следующий вывод специалистов: “Если в составе строительного раствора в течение строительного периода заметны изменения, то состав фрески

одинаков на всем объеме собора – от центра и до наружных галерей. Следовательно, собор строился на протяжении определенного, довольно длительного периода, а расписывался после завершения всего объема, одновременно” (Заснування..., 2010. С. 54).

Показательно и то, что говоря о стилистическом сходстве резных украшений двух памятников, Никитенко как пример сходства приводит только саркофаг из Десятинной церкви, о котором известно, что он был замурован в гробницу не ранее второй половины XI – начала XII в., но оставляет без внимания тот факт, что среди фрагментов резных шиферных плит из Десятинной церкви нет ни одного, который был бы аналогичен софийским (Архипова, 2005).

Отстаивая свою датировку, Никитенко предлагает и совершенно новый силуэт застройки Киева эпохи начального княжения Ярослава. Именно это время оказывается периодом грандиозного строительства нового города, с новыми оборонительными стенами и Золотыми воротами, построенными якобы до 1016 г. (Никитенко, 1987. С. 241; 1999. С. 249; 2008а. С. 15, 16). Отчасти аргументы автора уже приводились (изображение “поля вне града” на ктиторской фреске). Другой набор доказательств Н.Н. Никитенко черпает в “Пряди об Эймунде”. Можно понять мотивы автора, из всех письменных источников признающей достоверность лишь наиболее позднего (XIII–XIV вв.) и географически наиболее отдаленного текста. Нет, однако, причин разделять данный метод буквального понимания этого в высшей степени литературного рассказа, в самых общих и весьма расплывчатых контурах передающего сюжет династической борьбы сыновей Владимира.

В подтверждение достоверности саги и тенденциозной оценки строительной деятельности Ярослава летописью Никитенко ссылается на данные археологии, свидетельствующие, что территория Софийского собора и “города Ярослава” имела городскую застройку уже в X в. (1987. С. 244; 2008а. С. 15). Ее следы действительно были зафиксированы раскопками разных лет (Толочко П.П., 1972. С. 87). Среди выявленных объектов – усадьбы и производственные мастерские предградья “города Владимира”, расположенные возле многочисленных в этой части города обводненных оврагов и балок. В верховьях оврага к северо-востоку от Св. Софии обнаружены остатки мастерских по производству строительных материалов для ее возведения (Иевлев, Козловский, 2009. С. 138–150). Усадьбы эти были обнесены локальными укреплениями, спланированными в XI в. после возведения укреплений “города Ярослава” (Мовчан и др., 2005.

С. 105–115), необходимость в которых была обусловлена ростом города. Однако данных для датировки этих работ началом XI в. археология не дает (Заснування..., 2010. С. 75).

Новый взгляд на эпоху Ярослава закономерно расширяет дискуссию за счет возражений общеисторического порядка. Из них первым может быть указание на странность ситуации, при которой новая митрополия строится за пределами городских стен, в уязвимом и легко доступном для нападений месте (и летопись, и Титмар согласно отмечают частые нападения на Киев печенегов). Только через 5 лет уже новый князь озаботился возведением оборонительных сооружений.

Но, вероятно, наиболее важным возражением общего порядка должна быть хронология династической борьбы Ярослава и Святополка. Период 1015–1019 гг. сплошь заполнен битвами и походами: Ярослав захватывает Киев, теряет его, вновь захватывает и обороняет. Интересен, однако, лишь отрезок этих войн: от 1017 до 1018 г. Когда именно в 1017 г. Ярослав захватил у Святополка Киев, определенно сказать трудно. Но даже если это произошло в самом начале 6525 г. (в марте), на завершение строительства Софии, оборонительных сооружений “города Ярослава”, а также Золотых ворот у него оставался бы только год. Довольно трудно представить, как подобный объем работ мог быть выполнен в столь краткий период.

К такой “сжатой” хронологии строительства Никитенко понуждает, кроме прочего, и ее решительное отождествление упомянутого Титмаром “монастыря Св. Софии” с ныне стоящим Софийским собором. Но это отождествление – одновременно и одна из трудностей ее конструкции. Титмар утверждает, что в этом храме пребывал “архиепископ”, и, следовательно, до пожара 1017 г. храм действовал, и в нем служил митрополит. Однако, согласно Никитенко, храм еще не был освящен и даже достроен; это произойдет только в 1018 г.

Война со Святополком окончилась в 1019 г., но и позже у Ярослава едва ли была возможность отвлекать ресурсы на дорогостоящее и трудоемкое строительство. Только вторая половина княжения Ярослава, после смерти Мстислава Владимировича в 1036 г., давала возможность для осуществления масштабных строительных проектов.

Вероятно, ощущая исчерпанность и все же недостаточную убедительность аргументации, Никитенко со временем перенесла усилия на поиски менее двусмысленных доказательств. Таковыми она и сотрудник Заповедника В.В. Корниенко сочли настенные надписи в Софийском соборе. И, действительно, чем упорнее искали, тем чаще подоб-

ные надписи с датами ранее 1037 г. “появлялись”. На этом пути исследователей ожидали большие открытия: например, в опубликованной С.А. Высоцким надписи Олисавы ими был опознан автограф матери Святополка Окаянного, а также нескольких неизвестных источникам автографов его сыновей (Нікітенко, Корнієнко, 2009а. С. 426, 427). Также была обнаружена надпись, сделанная во время пасхальной службы 1022 г. одним из слушателей первого исполнения “Слова о законе и благодати” Илариона (Нікітенко, Корнієнко, 2009а. С. 420; 2009б. С. 45–49). К настоящему времени получены надписи с датами 1036, 1033, 1022 гг.; наиболее ранней стала надпись, содержащая дату, якобы нанесенную на стену между 1018 и 1021 гг. (Корнієнко, 2009. С. 445).

К сожалению, авторы приступили к задаче, обходя лишь самым общим представлением об эпиграфике и развивали свои навыки в процессе совершения открытий. Специалисты (Т.В. Рождественская, А.А. Медынцева, С.М. Михеев, А.Ю. Виноградов, Т.А. Бобровский) отмечают как общие методические недостатки новых исследований софийских граффити, так и сомнительность прочтения конкретных надписей (Заснування..., 2010. С. 17–35; Бобровский, 2010. С. 110–130). В данном контексте важно, что вопреки широковежательным заявлениям, опубликованные надписи не содержат недвусмысленных дат. Всякий раз “ранняя дата” оказывается результатом толкования и вне интерпретации не существует. Качество же интерпретации различно: в одних случаях за дату принята часть греческой надписи, в других дата возникает при попеременном чтении различных строк двух соседних граффити как одной надписи или подразумевается в приписываемом граффито содержании и т.д. В ожидании новых и достоверных находок следует согласиться с выводом А.А. Медынцевой: “Все до сегодняшнего дня опубликованные даты Софии Киевской ранее 1052 г. приходятся на плохо сохранившиеся надписи вне контекста и, безусловно, не могут являться палеографической основой для столь решительных выводов о передатировке времени построения Софии Киевской” (Заснування..., 2010. С. 26).

Осталось, в сущности, ответить на последний вопрос: откуда же возник именно 1011 г. как дата основания Св. Софии? Как утверждает Никитенко, эта дата содержалась в надписи, выполненной в честь реставрации собора митрополитом Петром Могилой в 1630-х годах (1999. С. 54), который якобы располагал какими-то древними и аутентичными источниками, позднее утраченными.

Надпись (до ее уничтожения в процессе реставрации собора в 1950-х годах) размещалась на под-

пружных арках центрального купола, начиная с северной. Она известна ныне лишь по фотографиям ее фрагментов и по неоднократным публикациям XIX в. Первым в 1825 г. ее опубликовал митрополит Евгений (Болховитинов). В то время фрагмент надписи (на северной и восточной арках) выглядел следующим образом: “Изволеніємъ Божіємъ нача здатися сей Премудрости Божія храмъ въ лѣто 1037 благочестивымъ княземъ и самодержцемъ всея Россіи Ярославомъ-Георгіємъ Владиміровичемъ. Совершился же въ лѣто 1038 и освященъ Ѳеопемптомъ митрополитомъ Кіевскимъ тойжде святый храмъ” (Евгений (Болховитинов), 1825. С. 34). Идентично воспроизводят надпись И. Фундуклей (1847. С. 102. Прим. 7) и Н. Закревский (1868. С. 784).

Итак, надпись недвусмысленно относилась к постройке Софии ко времени Ярослава и датировала ее основание 1037 г. Однако в процессе реставрации собора в 1843–1853 гг. она оказалась подправленной. По свидетельству члена Комитета по возобновлению собора и деятельного участника реставрации протоиерея Иоанна Скворцова (1854. С. 53, 54), а также наиболее скрупулезно документировавшего процесс реставрации протоиерея Петра Лебединцева (1878. С. 56), именно тогда “по ошибке” 1037 г. заменили 1011.

Источником этой ошибки послужили многочисленные записки об истории Софии, составившиеся в монастыре в XVIII в. по требованию властей и, в отсутствие научных работ о киевских древностях, в начале XIX в. почитавшиеся в церковной среде “официальными” и надежными источниками сведений (Толочко О.П., 2010. С. 7–12). В свою очередь монастырские записки основывались на двух наиболее авторитетных и доступных в XVIII в. руководствах по древнерусской истории: киевском Синописе (1674) и “Хронике” Мацея Стрыйковского (1582). Оба эти памятника, заимствуя хронологию из “Анналов” Я. Длугоша, “сдвинули” начало правления Ярослава на 10 лет, так что окончательно киевским князем он становится не в летописном 1019, а в 1009 г., после чего и основал Софийский собор (Толочко О.П., 2010. С. 13–15).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.А.* О времени произнесения “Слова о законе и благодати” митрополита Илариона // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. 51. СПб., 1999.
- Акентьев К.К.* “Слово о законе и благодати” Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ. Син. 591 // *Byzantinorossica*. 2005. Т. 3.
- Архипова Е.И.* Резной камень в архитектуре древнего Киева (конец X – первая половина XIII в.). Киев, 2005.

- Архипова Є.І.* Натурні дослідження у Софії Київській: декларації та реалії // УІЖ. 2010. № 5.
- Асеев Ю.С.* К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора // СА. 1980. № 3.
- Бобровский Т.* Бреши в корпусе (заметки о монографии В.В. Корниенко “Корпус графіті Софії Київської”) // Ruthenica. 2010. Т. XI.
- Вілкул Т.* Як користувався “Книгою книг” київський митрополит Іларіон? // Духовна спадщина Київської Русі. Вип. 2. Одеса, 1997.
- Висоцький С.О.* Графіті та час побудови Софійського собору в Києві // Стародавній Київ. Київ, 1975.
- Ганзенко Л., Корнюк Ю., Меднікова О.* Нові дослідження археологічних колекцій стінопису Десятинної церкви та прилеглих споруд // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. Київ, 1996.
- Евгений (Болховитинов).* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825.
- Єлишин Д.Д., Евдокимова А.А.* Плинка с греческими клеймами из раскопок Десятинной церкви в Киеве // Archaeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.
- Єлишин Д., Ивакин Г.* Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы (история, археология, изобразительные источники) // Ruthenica. 2010. Т. IX.
- Закревский Н.Н.* Описание Киева. Т. 2. М., 1868.
- Заснування Софії Київської: проблеми нових датувань // Матер. Круглого столу. Київ, 2010.
- История русского искусства в 22 т. Т. 1. М., 2007.
- Ивакин Г., Козюба В., Комар О., Марченко Г.* Десятинна церква – новини сезону 2010 р. // Ruthenica. 2010. Т. IX.
- Ісєвлев М., Козловський А.* Забудова центральної частини “міста Ярослава” поблизу Софійського собору в XI ст. // Ruthenica. 2009. Т. VIII.
- Історія українського мистецтва у 5 т. Т. 2: Історія українського мистецтва середніх віків. Київ, 2010.
- Казарян А.* Реликвии в архитектуре средневековой Армении // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
- Козак Н.* Летописні “мастри із греків” і Десятинна церква у Києві // Вісник Львівського університету. Сер. мистецтво. 2002. Вип. 2.
- Корнієнко В.В.* Найдавніше датоване кириличне графіті Софії Київської: нова знахідка // Софійські читання 2007 р. Київ, 2009.
- Лебединцев П.Г.* О Св. Софии Киевской // Тр. III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878.
- Логвин Г.Н.* Київська мистецька школа X – початку XII ст. (Мій ракурс бачення) // Теорія та історія архітектури. Київ, 1995.
- Мовчан І.І., Козловський А.О., Ісєвлев М.М.* Локальні оборонні споруди Верхнього Києва X–XI ст. // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005.
- Никитенко Н.Н.* Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник: 1986 г. Л., 1987.
- Никитенко Н.Н.* “Слово” Илариона и датировка Софии Киевской // Отечественная философская мысль XI – XVII вв. и греческая культура. Киев, 1991.
- Никитенко Н.Н.* Историческая проблематика в росписи Софии Киевской: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992 (Институт всеобщей истории).
- Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 1999.
- Никитенко Н.Н.* Собор Святой Софии в Киеве. М., 2008а.
- Никитенко Н.Н.* Исторические портреты в светской росписи Софии Киевской // Сугдейский сб. Вип. 3. Киев; Судак, 2008б.
- Никитенко Н.Н.* Семья основателя Софии Киевской на княжеском портрете в его центральной части // Софійські читання 2007 р. Київ, 2009.
- Никитенко Н.Н., Никитенко М.М.* Княжеская усыпальница в Софии Киевской // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник: 1997 г. М., 1998.
- Нікітенко Н.М.* Про час та місце проголошення митрополитом Іларіоном “Слова про закон і Благодать” // Наукові зап. Т. 21: Історичні науки. Київ, 2003.
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Найдавніші графіті Софії Київської та датування собору // Софійські читання 2007 р. Київ, 2009а.
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Есхатологічні дати в графіті на фресках Софії Київської як історичне джерело // Архіви України. № 6 (266). Киев, 2009б.
- Оустерхаут Р.* Византийские строители / С коммент. Л.А. Беляева и Г.Ю. Ивакина. Киев; М., 2005.
- Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.
- Поппе А.* Графіті й дата спорудження Софії Київської // УІЖ. 1968. № 9.
- Розов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavica. 1963. Роѡ. 32. Сеѡ. 2.
- Скворцов И.М.* Описание Киево-Софийского собора по обновлении его в 1843–1853 гг. Киев, 1854.
- Толочко О.* Два світи, два способи дискурсу // Український гуманітарний огляд. 1999. Вип. 1.
- Толочко О.П.* Так званий напис Петра Могилы в Софії Київській та дата заснування собору // УІЖ. 2010. № 5.
- Толочко П.П.* Історина топографія стародавнього Києва. Київ, 1972.
- Толочко П.П.* “Слово” Илариона и время строительной деятельности Ярослава // Київ і Русь. Вибрані твори. 1998–2008 рр. Київ, 2008.
- Фундуклей И.* Обзорение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847.
- Холостенко М.В.* З історії зодчества Древньої Русі // Археологія. 1965. Т. XIX.
- Шевченко Ю.Ю.* Собор и время (По поводу монографии Н.Н. Никитенко “Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской”. Киев, 1999. 291 с.) // Український археографічний щорічник. 1999. Вип. 3, 4.
- Poppe A.* The Emergence of the Veneration of St. Vladimir // Poppe A. Christian Russia in the Making. Aldershot; Burlington, 2007.

## НАДПИСИ И РИСУНКИ НА СТЕНАХ ЛЕСТНИЧНОЙ БАШНИ СОБОРА РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ (НОВГОРОД)

© 2011 г. А.А. Медынцева

*Институт археологии РАН, Москва (medyntc@gmail.com)*

*Ключевые слова: Рождественский собор Антониева монастыря, начало XII в., народный рисунок, мастера-художники, автографы художников.*

The article publishes part of the drawings and inscriptions on the walls of the stair turret in the cathedral of the Nativity of the Blessed Virgin in the monastery of St. Anthony in Novgorod. The drawings and inscriptions were left by the painters who worked in the cathedral in the 12<sup>th</sup> c. Similar drawings and inscriptions are found in other churches in Novgorod: St. Sophia cathedral, the cathedral in St. George monastery (11<sup>th</sup>–12<sup>th</sup> cc.) and the more recent cathedral of the Nativity of the Blessed Virgin in Gorodnya (15<sup>th</sup> c.). Integrated study of the drawings and inscriptions shows that they are not an exception, and their careful restoration helps increase our sources on the everyday culture and the artistic process in the Middle Ages.

В самом начале XII в. на окраине Торговой стороны Новгорода, согласно легенде, богатым купцом – римлянином Антонием был заложен монастырь. Вскоре после его основания в 1117–1118 гг. воздвигли и каменный собор Рождества Богородицы по инициативе игумена Антония: “Того же лета игумен Антоней заложил церковь камню святыя Богородицы монастырь”, через два года строительство было завершено, а в 1125 (6634) г. были закончены работы по росписи храма (Новгородская летопись..., 1950. С. 204, 205). Впоследствии храм неоднократно перестраивался, фрески начала XII в. были заштукатурены и переписаны. К настоящему времени после многократных реставрационных работ этому памятнику архитектуры вернули, насколько это было возможно, первоначальный архитектурный облик. Частично сохранилась и была отреставрирована древняя живопись.

Впервые о ее существовании узнали в конце XVIII в., в течение XX постепенно были расчищены и укреплены сохранившиеся фрески: в 1923–1927 гг. бригадой реставраторов под руководством П.И. Юкина раскрыты фрески в алтарной части собора, в 1930–1935 гг. – живописные фрагменты в жертвеннике, диаконике, на алтарных столбах (реставраторы П.И. Юкин, Н.И. Брягин и др.).

Фресковая живопись понесла значительный урон во время Великой Отечественной войны. Еще до ее окончания, сразу после освобождения Новгорода, уже в апреле 1944 г. под руководством А.В. Виннера

были предприняты меры по сохранению и раскрытию древних фресок. На северной и южной стенах собора были обнаружены новые фрагменты сюжетов “Успения” и “Рождества Христова” и новые изображения святителей на предалтарных столбах. Тогда же были открыты необычные древние рисунки на стенах лестничной башни: мелкомасштабные человеческие фигуры, орнаменты, изображения крестов, выполненные красно-коричневой краской непосредственно по поверхности древней кремово-розовой, “цемяночной” штукатурки (Гордиенко, 1974. С. 197). Реставрационные работы продолжались в 1971 г. под руководством Г.С. Батхеля. Результат этих неоднократных работ – восстановление значительной части древней росписи храма, поражающей своей неординарностью как в расположении сюжетов, так и в их исполнении, изобилии орнаментов. В ее особенностях – тяжелых, массивных фигурках святых, округлых ликах, плотности и густоте мазка, контрастности палитры – искусствоведы видели зарождение самобытной новгородской школы, испытывающей сильное влияние романской живописи (Лазарев, 1954. С. 78–82; Гордиенко, 1974. С. 198–204).

В последнее время предпринимались новые реставрационные исследования храма, которые позволили довершить начатое ранее раскрытие древней живописи, определить сюжеты и систему росписей, атрибутировать отдельные изображения. Итоги многолетних исследований изданы с подробным каталожным описанием, с приложением публика-





1



2

**Рис. 1.** Лестничная башня собора Рождества Богородицы Антониева монастыря. Рисунок женской головы у “процветшего” креста. 1 – роспись; 2 – прорисовка.

ций новооткрытых надписей-граффити, фресковых надписей при сюжетах, рисунков на фресках. Был обоснован и новый взгляд на особенности живописной художественной стилистики, истоки которой теперь видятся не столько в романском искусстве, сколько в провинциально-византийском, усвоенном через посредство Киева (Сарабьянов, 2004).

Вызвавшие в свое время большое внимание рисунки на стенах лестничной башни (Виннер, 1945. С. 22–28; Ильин, 1953. С. 37–39), как и дополнительно открытые В.Д. Сарабьяновым (2002) рисунки из лестничной башни, до сих пор ждут полной публикации.

В свое время высказывалось предположение, что они представляют бытовые сцены, зарисовки с натуры. Среди них – изображение воина в кольчуге, молодого мужчины с пышными кудрявыми волоса-

ми в высокой шапке, рисунок круглолицей женской головы с волосами в виде лепестков цветка (рис. 1). Назначение этих рисунков до сих пор неясно, одни из них могли быть набросками к иконографическим сюжетам, но другие, как упомянутое женское погрудное изображение, явно выбиваются из иконографических схем, приближаясь к бытовым рисункам. Например, изображение женской головы с подобными волосами встречено среди рисунков-граффити Новгородского Софийского собора (рис. 2).

Особое внимание после публикации привлек рисунок человека в коротком подпоясанном кафтани и башмаках с загнутыми носками, с непокрытой головой и волосами, подстриженными скобкой; тщательно прописаны небольшая бородка и усы. Мужчина стоит слегка наклонившись, вытянув вперед правую руку, рядом набросаны уверенной линией профильные рисунки головы юноши с длинными волосами. Над головой главного изображения, слева, процарапанная надпись – *Петръ* (рис. 3). Необычность рисунка человека в светской одежде среднего горожанина позволила высказать догадку, что это портрет известного по летописям новгородского зодчего Петра, строившего Георгиевский собор в Юрьевом монастыре в 1118 г. (Ильин, 1953. С. 37–39). С именем этого зодчего связывали строительство храма на Городище (1103 г.) и храма Николы на Ярославовом дворище, так как общий план композиции и некоторые архитектурные осо-



**Рис. 2.** Новгородский Софийский собор. Рисунок-граффити женской головы.



1



2

**Рис. 3.** Лестничная башня собора Рождества Богородицы Антониева монастыря. Предполагаемое изображение зодчего Петра с подписью. 1 – рисунок (по: Ильин, 1953); 2 – подпись (прорисовка).

бенности напоминают Георгиевский собор Юрьева монастыря, безусловно построенный Петром, о чем сохранилось летописное сообщение (Каргер, 1970. С. 83–85). Обнаружение надписи “Петр” рядом с “портретом” горожанина, общий архитектурный облик этого храма, построенного практически в то же время, дали возможность приписывать этому прославленному зодчему строительство и этого собора, что исследования последних лет не подтвердили. Тем не менее ясно, что в самом начале XII в. архитектор Петр трудился в Новгороде, поэтому и профессионально выполненный набросок храма с подписью *Петръ* из новгородской Софии был предположительно приписан тому же зодчему, так как приблизительно к этому же времени исследователи-реставраторы относят некоторые перестройки и в главном храме Новгорода (Штендер, 1968. С. 211, 212; Медынцева, 1978. С. 59, 60).

Для обоснования этой гипотезы и атрибуции рисунка с автографом на стене башни Рождествен-

ского собора необходимы новые исследования, как минимум, хотя бы исчерпывающие публикации самих рисунков. Тем более что в последние годы были раскрыты новые изображения и на стенах лестничной башни, и на стенах главного помещения храма. Однако до сего времени исчерпывающе изданы только рисунки на открытых участках древней кладки основного помещения собора (Сарабьянов, 2004. С. 779, 780). Они расположены на откосах арки алтаря, на уровне третьего регистра росписи и представляют собой изображения трех человеческих голов. Несмотря на мелкий масштаб и плохую сохранность, можно различить две манеры исполнения: одна – с использованием колерной системы, другая – одной краской, но все отличаются крайним примитивизмом, свидетельствующим о том, что они принадлежат кисти учеников-подмастерьев, а может быть даже строителей-штукатуров, подготовивших грунт для фресок. Поэтому В.Д. Сарабьянов считает, что хотя они являются следами работы



1



2

**Рис. 4.** Лестничная башня собора Рождества Богородицы Антониева монастыря. 1 – “лев с человеческим лицом”, Мантикора; 2 – Китоврас.

мастеров, сами рисунки трех человеческих голов никак нельзя связывать с личностями работавших здесь художников-монументалистов (2004. С. 781).

О других рисунках на лестнице, обнаруженных в свое время А.В. Виннером, говорится только то, что они “довольно хорошо изданы”. О новых раскрытых рисунках В.Д. Сарабьянов любезно сообщил,

что они представляют собой изображения животных (павлина, льва, кентавра, верблюда), сюжетных композиций. Они выборочно изданы и получили объяснение лишь частично. Это такие же контурные рисунки, выполненные красной охрой и, как и открытые ранее, изредка дополненные рефтью или желтой охрой. Сохранность их также плоха, так как башня активно использовалась, а красочный слой, нанесенный непосредственно на древнюю обмазку стен, слишком непрочен. Среди опубликованных сюжетов – “лев с человеческим лицом” и изображение, в котором, предположительно, угадывается Китоврас (рис. 4 и цветная вклейка № 4). Отмечено, что эти рисунки не составляют целостную программу и в апокрифических сюжетах “отразилась личная вера первых насельников монастыря, а возможно, и самого преподобного Антония, который, согласно житию, последние годы жизни провел именно в башне собора, в одной из небольших ниш-келий, устроенных в толще стены”. Объясняются эти изображения как агиографические, призывающие молящихся (монахов, послушников и членов клира) к смирению и покаянию. Упоминается и фреска с изображением монаха-столпника рядом с предполагаемой кельей-нишей преподобного Антония (Сарабьянов, 2002. С. 60–67. Рис. 42–44). Особенный интерес представляет открытая там же, исполненная крупными буквами темно-красной краской надпись *Ульнъ / дѣлкъ / добръи / писалъ*: “Ульян дьяк добрый писал”, которая, по определению А.А. Гиппиуса, палеографически датируется первой половиной XII в. К настоящему времени издано лишь палеографическое ее описание и истолкование как надпись художника-фресчиста (Рождественская, 2008. С. 25, 26). Ранее открытые рисунки тоже требуют исследования и интерпретации, так как уже в 60-е годы прошлого века многие из них лишь угадывались, а сейчас они быстро выцветают, стираются и могут быть полностью утрачены. Часть из них с трудом можно рассмотреть на фото, предоставленных автору в те годы Г.М. Штендером.

В то время среди древнерусских росписей подобные рисунки были исключением. Позднее небольшие рисунки, наброски, потеки краски были обнаружены при исследовании белокаменного храма Рождества Богородицы в с. Городня Конаковского р-на Калининской (современной Тверской) обл. (Галашевич, 1980. С. 263–273; Галашевич, Колпакова, 2005). Аварийное состояние здания потребовало удаления штукатурки и поздней живописи по всей поверхности стен. В результате в разных местах внутреннего помещения храма – в основном на уровне человеческого роста, а иногда выше – были обнаружены рисунки, выполненные краской и в технике граффити прямо по белокаменной кладке.



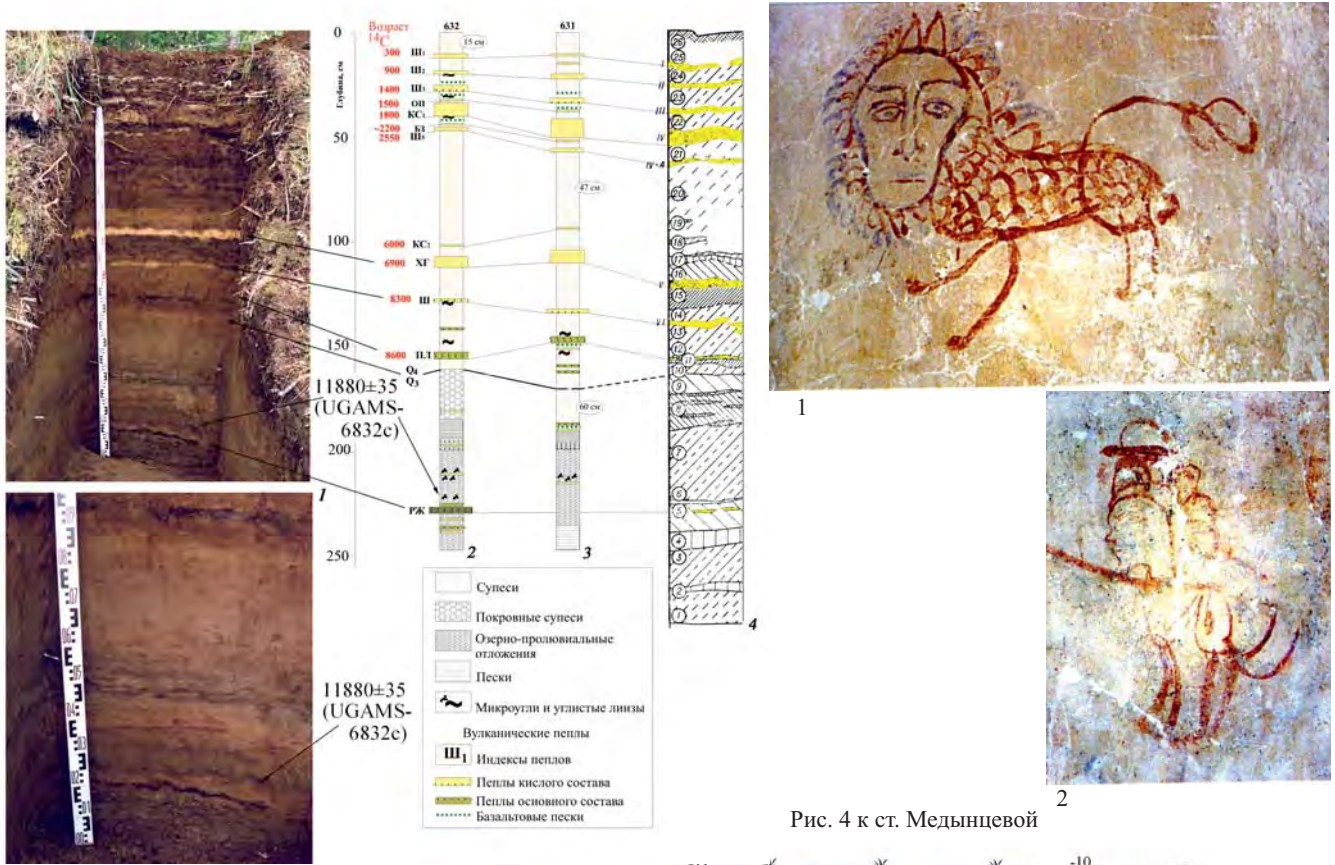


Рис. 4 к ст. Медынцево

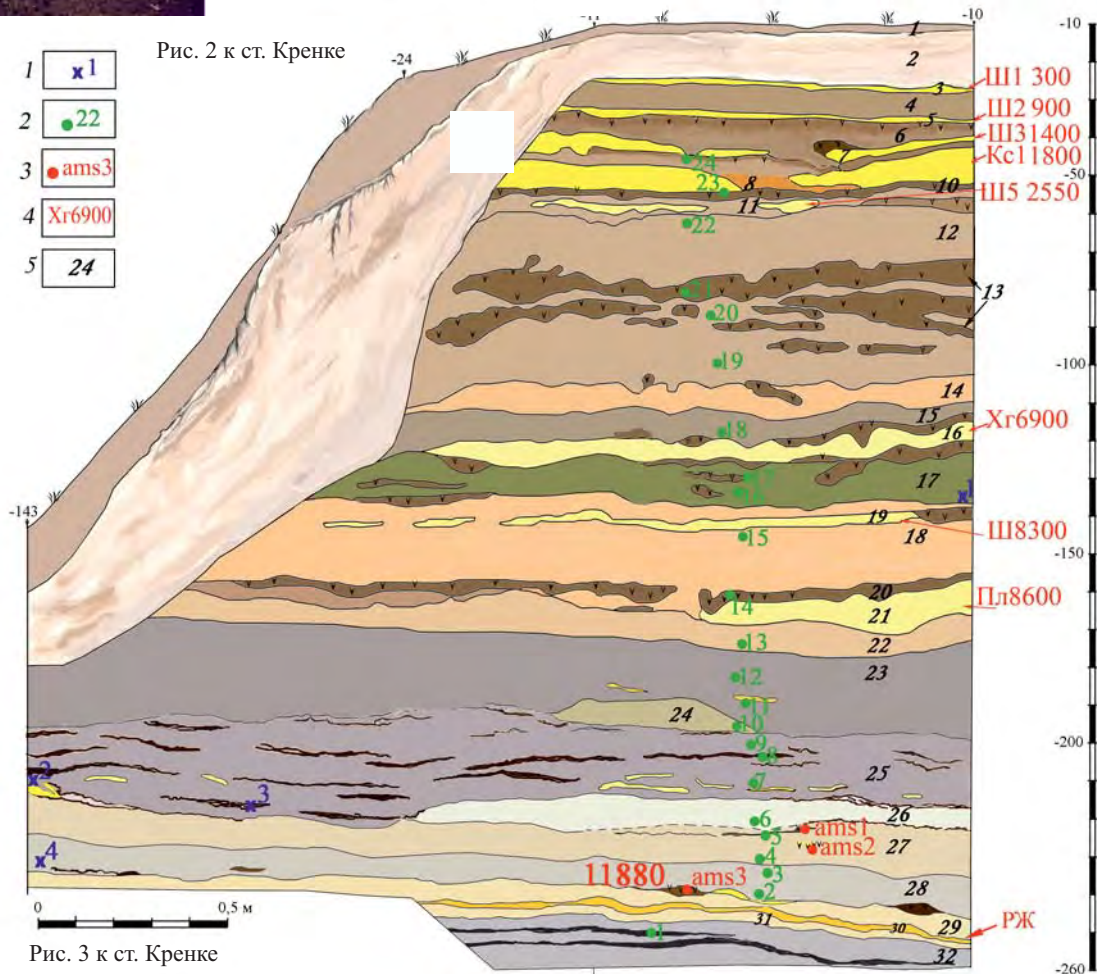


Рис. 3 к ст. Кренке

Среди них – круг, прочерченный циркулем, эскизы орнаментальных “полотенец”, изображений людей, наброски отдельных частей лица, эскизы ликов святых, изображение небесного светила (луны или солнца) с человеческим лицом.

Изучение их показало, что весь комплекс рисунков был сделан в процессе написания фресок в начале XV в. По уровню мастерства они разделяются на две группы: профессионально исполненные рукой, твердо владеющей кистью, и корявые, угловатые, напоминающие рисунки детей. На этом основании А.А. Галашевич сделал вывод, что они нанесены художниками разного профессионального уровня: от умело набросанных отдельных орнаментов, беглых набросков будущих композиций, жестов, ликов (в одном из них – большего размера: в 1.5 человеческого роста – можно предполагать набросок под фреску по основному слою штукатурки) до ученических упражнений, неумело повторяющих рисунок мастера, и даже попыток отразить реальное окружение. При некоторых сохранились надписи *di pinti* (красками). К сожалению, тексты передаются в переводе, без фотовоспроизведения и комментариев, отмечено лишь то, что они исполнены полууставом, типичным для XV в. (Галашевич, 1980. С. 272, 273). Над рисунком всадника, самого “беспомощного по уровню мастерства”, – двустрочная нечитаемая надпись, в конце второй строки читается лишь имя *Авель*. У рисунка мужской головы с окладистой бородой, более умелого и профессионального, разобраны несколько слов, в том числе и непристойных (?). В целом, комплекс рисунков-граффити и дипинти живо отражает процесс работы древнерусских живописцев: здесь присутствуют наброски будущих композиций, поиски и пробы, эскизные зарисовки природы и, кроме того, учебные рисунки и грамматические упражнения подмастерьев.

Хотя рисунки из этих двух храмов (Новгорода и Городни) относятся к разному времени, тем не менее они имеют много общего. Особенно важно, что те и другие демонстрируют гораздо больше свободы и непосредственности, связи с окружающей действительностью, что было невозможно для писавшихся по строгим канонам фресок или икон. В большей степени это присуще комплексу рисунков из ц. Рождества на Городне, так как рисунки и надписи исполнялись непосредственно в процессе фресковой росписи и почти сразу закрывались штукатуркой, предназначенной под фреску. В отличие от них росписи (рисунки и надписи) на стене лестничной башни Рождественского собора Антониева монастыря выполнены по уже завершенной и заглаженной штукатурке (“цемянке”) лестничной

башни, не предназначавшейся для дальнейшей росписи. Тем самым они рассчитаны на обозрение хотя бы при свече, так как башня не имела окон.

Большую аналогию им, и хронологическую, и территориальную, представляют сравнительно недавно открытые фрагменты живописи на стенах Северо-Западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Новгорода – древние фрески, среди которых рисунок креста и надпись, нанесенная красно-коричневой охрой по еще сырой штукатурке: “Иване псал левою рукою” (Рождественская, 1992. С. 69).

Надпись опубликована в прориси. В первоначальной публикации Т.В. Рождественская была склонна датировать ее первой половиной XII – XIII в., основываясь на сокращенных верхах букв и “пси” с загнутыми внутрь чашечки лепестками. В данной работе слова “левою рукою” она склонна объяснять тем, что Иван был левшой. Позднее, в связи с новыми раскрытиями остатков фресковой живописи этот сюжет получал разные интерпретации, но очевидность, что автограф оставлен художником-фресчистом, никто не оспаривал. Основные разногласия вызывает понимание “левой” руки. Открывший надпись Г.С. Батхель, который и дал ей интерпретацию как надписи художника, считал, что “левою” в надписи означает, что Иван расписал левое разделение, т.е. северную часть храма (1992. С. 208, 209). В.Д. Сарабьянов считает надпись Ивана традиционной монашеской покаянной формулой, где “левый” обозначает “грешник”, не отрицая факта, что надпись сделана одним из работавших здесь художников-монахов. Что касается датировки, то он склонен соотносить надпись с росписью храма, считая ее составной частью общего замысла. Поэтому дату создания росписей башни он ограничивает временным отрезком с момента постановления игумена Исая по смерти князя Мстислава, т.е. с 1128 по 1132 г.

Обоснование дат основано на датировке изданной Т.В. Рождественской подписи-граффити о посещении храма князем Мстиславом “на Федоров день”. Исследовательница соотносит ее с князем Мстиславом Великим и считает, что это могло произойти 28 апреля 1128 г., когда князь посетил собор на день своих именин (Рождественская, 1992. С. 58–62). В.Д. Сарабьянов отмечает, что граффити процарапано поверх побелки, т.е. после завершения всех живописных работ в башне. Поэтому он склоняется к более расплывчатой датировке, крайняя граница которой – 1132 г., год смерти Мстислава в Киеве. Нужно иметь в виду, что граффити не имеет прямой даты, а палеографические и графические особенности относят ее, скорее, к концу XII в., чем



к началу. Исследователями отмечается, что сама роспись башни Георгиевского собора стилистически отличается от росписи как основного храма, так и новгородских фресок раннего XII в., являя собой ранее неизвестный Новгороду образец “глубоко аскетичного, сугубо монашеского по духу искусства” (Сарабьянов, 1997. С. 394, 395).

Таким образом, точная датировка росписи в башне довольно проблематична, хотя религиозно-символическое направление с сакральным осмыслением их духовного подвига, монашеской аскезой доказана им достаточно убедительно. Особенно это касается тематического цикла росписи купола башни. Помимо их реконструируется календарный цикл с изображением месяцев. Особенно важны текстовые комментарии, к сожалению, почти нечитаемые. Четко восстанавливается лишь сопроводительный текст, написанный краской в три строки, “лннцл” к несохранившемуся изображению в третьем столбце (Рождественская, 2008. С. 36). К этой надписи можно добавить отчетливо читаемую надпись (восстановлена лишь буква л), следующую за ней (также расположенную в три строки): *нѣ одинъ /ти/ ѿв[л]лѣ* – “не один ты увял”, что подтверждает календарность находящихся напротив изображений и может относиться к одному из осенних месяцев. Текст возле изображения петуха, к сожалению, пока не читается из-за значительных утрат. Палеографические особенности (формы букв н, н, треугольные петли ѿ, в) не противоречат, а скорее подтверждают датировку цикла росписей (XII в.). К сожалению, плохая сохранность подписей не позволяет настаивать на этой дате. Что же касается прочтения и датировки подписи художника Ивана, ее исполнение, расположение (на стене последней ниши) не оставляют сомнений, что это автограф, относящийся к типу неофициальных, типа “имярек писал грешною рукою”. Эпитет “левый” может быть переведен и как “грешный”, и буквально – как подпись левши, так как в однотипных граффити и маргинальных подписях это единственный случай, в то время как обычными являются термины: грешный, недостойный, убогий.

Техника исполнения адресует надпись одному из фресчистов, а формуляр надписи относит ее к личным подписям – автографам. Таким образом, становится известным по имени один из авторов росписи собора, производившейся, возможно, около 1130 г. Невозможно пока определить степень участия Ивана в росписи, как и уровень его мастерства, но само имя и падежная форма (использование звательной вместо номинатива) связывают его с Новгородом. Заметная надпись, исполненная необычным способом, говорит не только о благочестии, но и о наме-

рении обратить на себя внимание, оставить о себе память, отметить свою роль в росписи.

Обзор открытых в последние десятилетия “неофициальных” рисунков и надписей демонстрирует, что подобные рисунки, наброски, упражнения и надписи на стенах храмов древнерусские мастера использовали довольно часто. К перечисленным выше можно добавить молитвенную подпись фресчиста Георгия, сделанную в процессе росписи по сырой штукатурке Михайловского придела Софийского собора в Киеве (Высоцкий, 1974. С. 122–126), и целый комплекс надписей, изображений, набросков, сделанных как в технике граффити, так и красками на стенах центрального помещения, притворов, хор и лестничной башни Софии Новгородской (Медынцева, 1978; Брюсова, 2001).

По сведениям летописей, храм Софии в Новгороде, заверченный к 1050 г., впервые был расписан по инициативе архиепископа Никиты только в 6616/1108 г. (Новгородская летопись..., 1950. С. 19). В.Г. Брюсовой принадлежит гипотеза о том, что работы по росписи храма были начаты сразу после завершения строительства: в это время была выполнена живопись центрального купола и барабана. Работы по росписи были прерваны и возобновлены только весной 1108/1109 г. (обоснование гипотезы и обширную литературу см. в указанном сочинении). Хотя до сих пор эта гипотеза не является общепринятой, приведенные исследовательницей аргументы, в том числе разница грунтов для фресок в центральном помещении, сохранившиеся свидетельства более поздних письменных источников, сходство живописных и стилистических приемов некоторых фресковых сюжетов Новгородского и Киевского храмов Софии, нуждаются в дальнейшем изучении и объяснении.

Вне зависимости от датировки первичного этапа росписей и отдельных сюжетов уже сейчас ясно, что еще до основной росписи собора в храме Софии Новгородской были выполнены некоторые композиции иконного типа на тонком слое известковой подгрунтовки и на цемянке; рисунки и надписи темно-красной охрой непосредственно по “цемяночной штукатурке”; надписи и рисунки в технике граффити, прочерченные в процессе строительства и росписи. Среди последних – молитвенные подписи Стефана с указанием времени “когда расписывали святую Софию”, его же рисунки (изображение льва и креста в сложном орнаментальном плетении); продолжающие молитвенную запись Стефана подписи Микулы и Радко (последняя содержит дату – 1112 г.). Надписи и рисунки охрой по цемяночной штукатурке представлены орнаментальной росписью (“процветший” крест) и подписями Ге-

оргия и Сежира-Иоанна в парусах северо-западного купола (Медынцева, 1978) и росписью в барабанах малых куполов “квадрами” по затертому раствору, имитирующей кирпичную кладку (Штендер, 1974).

Кроме того, сохранилось несколько крупных рисунков, исполненных уверенной рукой профессионала, с подписью “Олисей писал” на хорах. Одна из этих надписей на одной из арок сводов носит следы затирки “по сырому”, а в простенках окна главного купола во время реставрационных работ конца XIX в. обнаружены рисунок креста Олисея, а на другом – подпись-граффити “Сежир Иоанн писал”. Складывается впечатление, что уже в процессе строительства и сразу после него выполнялись некоторые элементы декоративной росписи, требующие присутствия живописцев, оставивших в процессе работ, помимо декоративных росписей в верхних частях собора и иконных изображений в нижних, свои подписи. Некоторые из них, например изображения процветшего креста и декоративные фресковые надписи Георгия и Сежира-Иоанна, хорошо были видны даже с уровня пола и, как иконные композиции, крупные, сложного рисунка, красивые кресты Олисея, составляли элемент первоначального декора.

На стенах лестничной башни, изначально не предназначавшихся для последующей росписи, также сохранилось несколько подписей мастеров. Помимо рисунка льва с подписью Стефана, его же молитвенной записи с указанием “когда расписывали святую Софию” и автографа Радко с датой – 1112 г., имеются другие надписи и рисунки, относящиеся ко времени ее возведения. Они представляют несколько имен, прочерченных крупными буквами (до 10 см высотой), расположенных в непосредственной близости: Крол, Акимя, Нежко. Первое имя начерчено по сырой штукатурке, два других – по уже высохшей. Над ними, несколько выше и правее, находится надпись-граффити о начале работ в день святых Константина и Елены, которую В.Г. Брюсова соотносит с летописным известием о закладке собора, произошедшей в этот же день в 1050 г. Палеографические особенности надписи не содержат безусловных примет середины XI в., хотя и не противоречат такой дате. Но как бы ни датировалась эта надпись, она, несомненно, связана либо с закладкой собора, либо с каким-то этапом строительства; а крупные, глубоко врезанные специальным инструментом имена оставлены ее строителями, хотя и невозможно определить их профессиональный статус. Точную дату комплексу надписей дает автограф Крола, другие могли быть исполнены несколько позже. В непосредственной близости находятся вырезанные в той же технике

декоративные крестообразные рисунки и обведенные фаской в процессе обмазки валуны, один из которых позднее, когда штукатурка уже высохла, превращен в изображение рыбы путем добавления головы, хвоста и плавников; как известно, рыба – раннехристианский символ, заменяющий имя Иисуса Христа (Никитина, 1990. С. 228, 229).

Таким образом, уже в трех древнейших храмах на стенах лестничных башен (в Софии и в других помещениях) обнаружены рисунки и надписи-автографы, сделанные в процессе строительства или росписи. Среди них большинство – не одномоментного назначения, они – одновременно и бессрочная молитва (по содержанию или просто по местонахождению), и подпись, претендующая на внимание современников, и часть технического процесса росписи.

Кому же принадлежат и что представляют собой рисунки и надписи из башни собора Рождества Богородицы Антониева монастыря?

Наиболее тщательно выписан и лучше сохранился уже упомянутый рисунок Петра (рис. 3), изображающий простоволосого мужчину в обычной городской одежде: он стоит слегка нагнувшись, вытянув вперед открытую правую руку, согнутая левая касается широкого кушака. Тщательно выписано профильное изображение лица: с усами и негустой короткой бородой, прямые волосы подстрижены скобой; глаз изображен в фас, корпус – в три четверти, ноги – в профиль. Несмотря на условность, нарушение перспективы и пропорций, характерных для древнерусских бытовых рисунков, его отличает некоторый профессионализм, проявляющийся в живости жеста и позы, в “портретности” лица, в тщательности и точности изображения узких рукавов и широких, расходящихся складок подола приталенного кафтана. Над головой надпись *Петръ / (Ф)*, буква *T* надписи выступает над строкой, конечный *ъ* напоминает *в*. Неизвестно, что должна обозначать буква *ф* под титлом (числовое значение 500). К возможной дате или фрагменту ее она не имеет отношения. Скорее всего, это буква “пси” с сильно закругленной чашей, означающая в сочетании с именем глагол “*ψль*”, – писал. Для палеографических наблюдений данных мало, хотя общий характер почерка может быть отнесен к XII в.; полного совпадения с автографом Петра над рисунком-чертежом храма из Софии Новгородской не наблюдается.

Этот рисунок – самый заверченный. Помимо него рядом (слева) одной линией набросан незаконченный профиль юноши с длинными волосами. Выше по лестнице с трудом различаются несколько поясных набросков человеческих фигур,

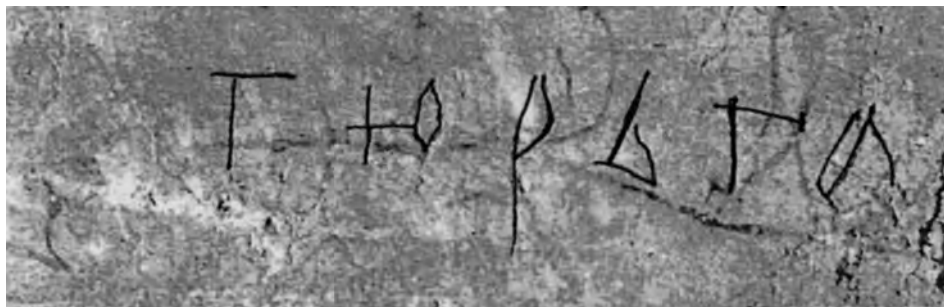


Рис. 5. Лестничная башня собора Рождества Богородицы Антониева монастыря. Подпись Юрия (прорисовка).

составляющих единую композицию, объединенную ясно прочерченной краской горизонтальной линией. Слева изображение мужчины в высокой шапке с опушкой, справа – две фигуры по пояс: мужчины в высоком колпаке с развевающимися волосами (может быть это просто смазана краска), за ним отчетливо виден профиль молодого, простоволосого мужчины с едва намеченной редкой бородой. Все перечисленные фигуры (две группы, обращенные лицом друг к другу) как будто держатся за канат или вожжи, намеченные одной красной линией. По ней, уже по высохшей штукатурке, прочерчено еще одно имя *Гюръга* (переходная форма от имени *Георгий* к древнерусскому *Юрий*). Эта надпись имеет более выраженные палеографические приметы XII в.: широкие буквы, *ь* с треугольной петлей, *ю* с горизонтальной перекладиной (рис. 5).

Все пять изображений выполнены темно-красной охрой одновременно одной и той же рукой: об этом говорит и сама техника, и совпадающие до деталей очерки профилей с выпуклым лбом, характерным носом и выступающим подбородком, миндалевидные глаза, изображенные в фас. Надписи-имена были начерчены позднее. Имя *Петр*, несомненно, относится к изображению в рост, *Гюръга* обозначает одну из фигур поясной композиции.

Эти два комплекса рисунков не связаны непосредственно с тематикой храмовой росписи и не могут являться эскизными набросками к иконографическим сюжетам. Петр изображен в светской одежде, без нимба и обозначения “агиос”, поэтому к нему может быть в известной степени применен термин “портрет”. Поза изображенного более всего напоминает молитвенные, ктиторские, например, изображения княжеской семьи в Софии Киевской или князя Ярослава Всеволодовича на ктиторской фреске из ц. Спас-Нередицы в Новгороде. Но, насколько известно по летописям, непосредственным заказчиком и храма, и росписи был игумен Антоний, а взаимоотношения новгородских бояр и посадни-

ков с великим князем Киевским и новгородскими князьями были в те годы слишком напряженными, чтобы они принимали деятельное участие в устройстве его монастыря. К тому же среди имен и князей, и известных посадников того десятилетия не было ни Петра, ни Юрия (Янин, 1962. С. 54–93), а сам эскизный характер рисунков не позволяет видеть в них официальные ктиторские изображения. Особенно это относится ко второй группе: более всего она напоминает “бытовые” светские сюжеты северо-западной лестничной башни Софии Киевской: например, “борьба ряженных” или “охота на вепря” (Высоцкий, 1989. С. 117, 121, 131, 132 и др.). Композиция из трех человек, держащихся за противоположные концы веревки, напоминает известную до сего дня народную игру “перетягивание каната”.

Создается впечатление, что такой же светский характер имеют и другие изображения на стене лестничной башни: животных, птиц, орнаментальных крестов и женского лица. Особенно близок к “бытовым” народным рисункам набросок женского лица (рис. 1). Хотя он и расположен рядом с профессиональным изображением “процветшего” орнаментального креста, трудно видеть в нем даже набросок к Распятию с предстоящими, настолько далеко стоит изображение круглого, наивного женского лица с волосами-лепестками от иконографических образцов. Скорее всего, оно напоминает детские рисунки. Как говорилось выше, похожий рисунок женской головы можно найти среди слепков с граффити Софийского собора в Новгороде (рис. 2). Но исполненное в “народной” манере примитивного рисунка оно отдаленно напоминает округлые, женственные лики некоторых изображений центрального помещения храма: например, боковые фигуры композиции “Третье обретение головы Иоанна Предтечи”. Поэтому трудно интерпретировать религиозно-символический смысл сюжетов (за исключением изображения Преподобных у кельи Антония), в том числе и изображения “льва с человеческим лицом”, кентавра, только как символов покаяния и усмире-



Рис. 6. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря. Фресковая роспись центрального помещения.

ния страстей (Сарабьянов, 2002. С. 62–64. Рис. 42, 43 на с. 62). Последние из перечисленных хотя и имеют непосредственную связь с апокрифической литературой, скорее напоминают сказочные сюжеты. Уместно заметить, что “лев с человеческим лицом” и рыбьей чешуей (рис. 4, 1) – это изображение Мантикоры (*Mantichora*)<sup>1</sup>, фантастического монстра с телом льва, головой человека и хвостом скорпиона (Фолл, 1996. С. 257, 258). Вероятно, то же существо, только в сидячей позе, изображено и

на рисунке, где, предположительно, представлен Китоврас (рис. 4, 2). Поэтому В.Д. Сарабьянов, вероятно, прав, отмечая и произвольный характер, и отсутствие целостной программы в “росписи” башни. Трудно только их все связать со строгой аскезой монашеского богослужения, о чем недвусмысленно свидетельствуют подписи-граффити и сама молитвенная формула Улана-Ульяна, горделиво называющего себя “добрым” дьяком, вопреки обычному – грешный, недостойный, неумелый и т.д.

Сама техника рисунков заставляет видеть в их авторах художников и, следовательно, в именах-

<sup>1</sup> Аналогия указана А.А. Гиппиусом в устной беседе.

подписях – исполнителей древнейшей росписи. Это подтверждает и подпись Ульяна-дьяка, как и подпись Ивана-левши из Георгиевского собора Юрьева монастыря. Известный профессионализм рисунков это доказывает, хотя нужно отметить, что по стилю и мастерству фресковая роспись Рождественского собора Антониева монастыря оставляет далеко позади скромные “бытовые” наброски лестницы. Однако даже в фресковой росписи центрального помещения собора исследователи отличают, как минимум, два стиля, две руки. Но в некоторых ликах боковых фигур композиций, например в сцене “Поклонение волхвов”, в профильном изображении головы безбородого юноши, можно узнать руку автора лестничных рисунков Петра и других профильных набросков: это явствует из одинакового очерка лиц с выпуклым лбом и выступающим подбородком и, особенно, из характерного рисунка глаз – анфас, с низкой бровью и оттеняющим его треугольником краски под ним (рис. 6). Таким образом, можно говорить, что автор рисунков Петр (?) или Гюрьга (?), как и Ульян-дьяк, принимал участие в росписи храма, хотя степень их участия пока неясна. Вероятно, один из них (Петр?) изобразил себя в молитвенной позе и Гюрьгу в жанровой сцене, а позднее он или кто-то другой подписал изображения уже в технике граффити. Дьяк Ульян сам озабочился оставить свое имя на стене лестничной башни.

Вероятно, практика предварительных эскизных набросков, рисунков и надписей гораздо шире использовалась в процессе фресковых росписей, чем можно представить по известным к настоящему времени. Это же наблюдение относится и к строителям; иногда очень трудно отличить художников от строителей, если отсутствуют дополнительные данные, например техника исполнения или указания в самих надписях. Очевидно, подобные надписи и рисунки могли быть оставлены в любом помещении, но именно стены лестничных башен, не предназначенные под росписи, становились тем местом, где строители и художники охотнее всего размещали светские жанровые зарисовки, наброски, орнаменты и свои автографы.

Таким образом, не только фресковые росписи, но и поверхность древней штукатурки, кладки может сохранять неопределимые данные: драгоценные имена живописцев, строителей, сведения о самом храме, творческом процессе в виде сохранившихся строительных меток, рисунков, набросков, надписей. Перед нами – новый, почти неизвестный ранее тип источников, который наряду с берестяными грамотами и археологическими находками открывает кроме возвышенной религиозно-фи-

лософской системы росписи, давно уже ставшей предметом исследования, мир “бытовой” культуры, “народного” рисунка и жизни, отраженный в живом слове и изображении. Вопреки общепризнанному имперсонализму средневекового искусства оказывается, что довольно рано, уже в XI–XII вв., мастера осознавали и ощущали потребность отметить свой личный вклад в общее дело создания и украшения храма, пусть только как собственное религиозное служение, запечатленное в скупых стандартных формулах личной молитвы, рисунка. Именно от этих непритязательных молитвенных формул, подписей “писал имярек” позднее происходят подробные надписи с указанием не только года, имен ктиторов, князей, но и непосредственных исполнителей, подобные подписи Дионисия с сыновьями в Благовещенском соборе Ферапонтова монастыря. Подобно маргинальным подписям и рисункам на полях средневековых рукописей, они дополняют и уточняют традиционные тексты отражением подлинной, повседневной жизни. Важно не просмотреть их, не пропустить в поспешном ритме современных ремонтно-строительных работ. Опыт бережного раскрытия живописи и кладки упомянутых выше храмов позволяют на это надеяться.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-01-00101а.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батхель Г.С.* Реставрация стенописи XII века в верхней части башни Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // ПКНО. 1990. М., 1992.
- Брюсова В.Г.* София Новгородская. Памятник искусства и истории. М., 2001.
- Виннер А.В.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Архитектура СССР. 1945. Вып. 10.
- Высоцкий С.А.* Автограф художника из Софийского собора в Киеве // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- Высоцкий С.А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989.
- Галашевич А.А.* Рисунки из церкви Рождества Богородицы в Городне на Волге // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980.
- Галашевич А.А., Колпакова Г.* Церковь Рождества Богородицы в Городне. М., 2005.
- Гордиенко Э.А.* Росписи 1125 г. в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975.
- Ильин М.А.* Мастер Петр // Архитектура СССР. 1953. Вып. 2.



- Каргер М.К.* Памятники древнерусского зодчества (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестн. АН СССР. 1970. № 9.
- Лазарев В.Н.* Новгород Великий // История русского искусства. Т. II. М., 1954.
- Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.
- Никитина Ю.И.* Рисунки-граффити из Софии Новгородской // СА. 1990. № 3.
- Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Рождественская Т.В.* Язык и письменность средневекового Новгорода. Богослужбные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб., 2008.
- Сарабьянов В.Д.* Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII в. СПб., 1997.
- Сарабьянов В.Д.* Собор Рождества Богородицы Антониевского монастыря. СПб., 2002.
- Сарабьянов В.Д.* Древние рисунки на фресках собора Рождества Богородицы Антониева монастыря // Лифшиц Л.И., Сарабьянов В.Д., Царевская Т.Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII в. Прилож. 3. СПб., 2004.
- Фолл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996.
- Штендер Г.М.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Древнерусское искусство. М., 1968.
- Штендер Г.М.* К вопросу об архитектуре малых форм Новгородской Софии (По новым материалам исследований) // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

## НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ УСПЕНСКОМ СОБОРЕ В XIII–XVI вв. В РУБЛЕНОМ ГОРОДЕ ЯРОСЛАВЛЯ

© 2011 г. А.В. Энговатова, А.В. Яганов

*Институт археологии РАН, Москва  
(engov@mail.ru)*

*Ключевые слова: Ярославль, Рубленый город, архитектура XIII–XVI вв., историческая топография, строительные материалы.*

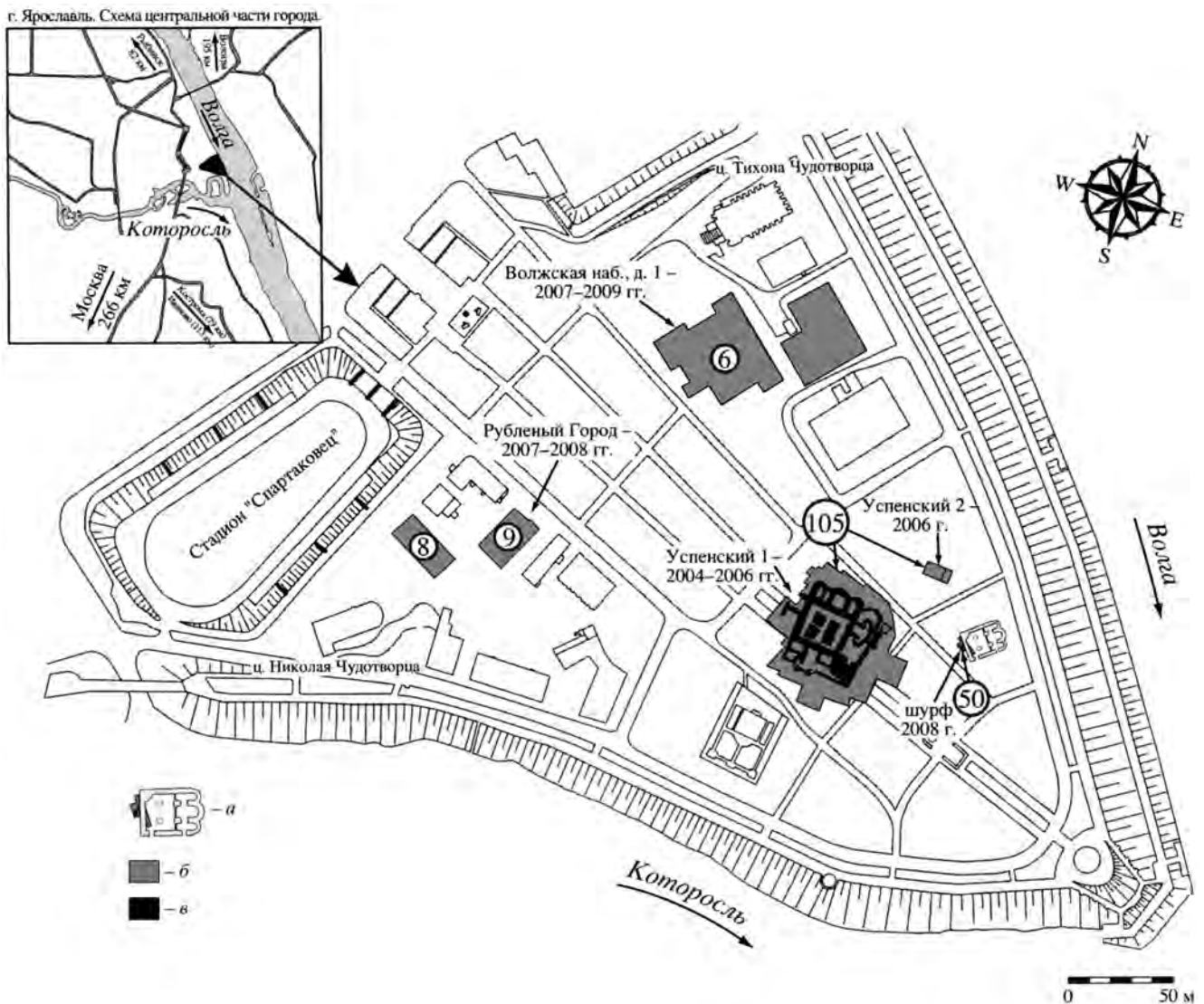
In 2004–2006 and 2008 the Yaroslavl archaeological expedition of the RAS Institute of Archaeology conducted architectural and archaeological investigations on the territory of the Rublenny Gorod in Yaroslavl, where four consecutive stone buildings of the cathedral of the Dormition had existed from the 13<sup>th</sup> to the 17<sup>th</sup> c. None of the buildings are extant, hence the main goal of the excavations was to localize them. As a result, the remains of two of the buildings (early 16<sup>th</sup> and second half of the 17<sup>th</sup> cc.) have been found and investigated. We also identified the location of the oldest church in Yaroslavl: the church of the Dormition which dates back to the early 13<sup>th</sup> c. The investigations of 2004–2008 allowed studying the extant constructions in the ancient buildings, the building materials and the elements of décor from the parts which have not survived. A series of historical and topographic conclusions have been reached. Even though the herein presented new data is far from being final, it changes our notions about the reasons for the relocation of the buildings, and gives certain material for the study of Old Russian architecture.

Один из важнейших вопросов, встающих перед археологами при раскопках на территории Рубленого города (кремля) в Ярославле, – локализация административного центра города начала XIII в. Его древнейшим ядром был двор князя Константина Всеволодовича с Успенским собором 1215 г. – первым каменным зданием Ярославля (Лаврентьевская летопись, 1926. С. 438). При полной неразработанности историко-топографической подосновы Рубленого города поиск этих объектов стал сложной задачей для исследователей. Несмотря на то что история археологического изучения ярославского городища насчитывает уже более 70 лет, проблема, которую пытались разрешить несколько поколений археологов, до недавнего времени оставалась малоизученной.

Начало исследования Рубленого города было положено в 1937 г., когда М.К. Каргер и П.Н. Третьяков провели разведки культурного слоя на участках, выделенных под строительство Дома Советов. К моменту начала работ территория Рубленого города была очищена от остатков зданий, разрушенных при обстреле в июле 1918 г., и представляла собой по большей части пустырь, а сохранившаяся застройка располагалась лишь в западной и северной его оконечностях. Центр городища занимал предназначенный к разборке Успенский собор 1660–1663 гг., камен-

ная сторожка и палаты Архиерейского двора второй половины XVII в. (так называемый Соборный дом).

Одной из важных задач разведок 1937 г. стал поиск следов каменных зданий соборов 1215 г. и начала XVI в. Заложены 14 шурфами и траншеей были исследованы южная и центральная зоны кремля, не затронутыми остались волжский берег, северная и северо-западная оконечности городища. Отчет о разведках не сохранился, имеется только краткое описание результатов шурфовок в статье Н.Н. Воронина (1949. С. 178–182). Остатки собора 1215 г. так и не были выявлены, хотя некоторый архитектурный материал при раскопках все же был получен. Архитектурная часть коллекции 1937 г. хранится в Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (ЯМЗ) и состоит из нескольких обломков белокаменных резных и профилированных деталей, а также большого количества сколов белого камня, образовавшихся при его обработке. Вследствие фрагментарности и малой информативности материала однозначно отнести эти находки к зданию начала XIII в. весьма затруднительно. Они могли принадлежать любому из трех храмов XVI–XVII вв., последовательно сменявших первый собор, или другим каменным зданиям, построенным на этой территории во второй половине XVII в.



**Рис. 1.** Ситуационный план Рубленого города с расположением раскопов и шурфов 2004–2008 гг.: *а* – предполагаемое местоположение собора XVI в.; *б* – раскопы ИА РАН 2004–2009 гг.; *в* – фундаменты собора 1660–1663 гг., исследованные в 2004–2006 гг.; цифрами отмечено количество плинфы в раскопах ИА РАН 2004–2009 гг.

Особняком стоит небольшой фрагмент белокаменной резьбы – довольно плоский скол лицевой поверхности блока с изображением львиной маски, по стилистике относящейся к домонгольскому периоду. Маску традиционно связывают с ярославским Успенским собором 1215 г. (Воронин, 1949. С. 188), но ее происхождение и история появления в Ярославском музее весьма загадочны. По сведениям Н.Н. Воронина, фрагмент был найден на месте бывшей соборной колокольни XVII в., однако эта информация не находит подтверждения в ранних книгах поступлений музея. Известно лишь, что маска уже была в фондах до начала археологических исследований 1937 г. (Яганов, Рузаева, 2007. С. 239).

Раскопки Н.Н. Воронина 1940 г. на участке разобранного в 1937 г. Успенского собора 1660–1663 г. и вблизи него позволили исследователю сделать вывод о том, что храм был “никак не связан ни с собором 1504 г., ни с собором 1215 г.” (1949. С. 187). Хотя среди находок имелись строительные материалы начала XIII в. (фрагменты плинфы, поливные плитки пола), Н.Н. Воронин все же предполагал, что древний собор и двор князя Константина располагались близ “западного вала” городища, т.е. у берега Которосли. Позднее, вопреки результатам своих исследований 1940 г., Н.Н. Воронин рассматривал собор, снесенный в 1937 г., как памятник XVI в., который “сохранял в своей нижней части стены здания 1504 г.” и был возобновлен в 1646 и

1674 г. (1962. С. 61, 62). В дальнейшем попытки выявить место собора начала XIII в. предпринимались О.М. Иоаннисяном в 1980–1990-х годах (Дубов, Иоаннисян, 1980).

Работы Ярославской экспедиции Института археологии РАН на месте воссоздания Успенского собора в 2004–2006 гг. дали значительный материал не только архитектурно-археологического, но и историко-топографического характера (рис. 1). Была исследована площадь Успенского собора 1660–1663 гг. и прилегающая к ней территория (общая площадь раскопа – 2638 м<sup>2</sup>). В пределах раскопа не было выявлено конструкций каменных зданий старше второй половины XVII в. (Осипов, 2005. Л. 51), однако в сохранившихся остатках фундаментов этого времени, в заполнениях фундаментных рвов, а также в перекопах, связанных с разрушением собора 1937 г., были обнаружены материалы, которые могут быть отнесены к зданиям XIII–XVII вв. В юго-восточной части раскопа зафиксирован участок строительной площадки, не имеющей отношения к возведению храма 1660–1663 гг. и, судя по археологическим находкам в слое, относящейся к XVI в. Здесь выявлены спланированные развалы бракованного большемерного кирпича, а также мелких и средних валунов, предназначенных для кладки стен и фундаментов Успенского собора XVI в. (Осипов, 2005. Л. 55, 56; Осипов, Фараджева, 2006. Л. 19, 20).

Кроме локализации строительной площадки XVI в., раскопки позволили обнаружить следы разборки собора 1215 г. На юго-восточных участках раскопа было собрано много плинфы и фрагментов плиток пола, происходящих непосредственно из уничтоженного домонгольского здания. Среди находок – прямоугольное стекло зеленого цвета – элемент витража, возможно, принадлежавшего этому собору (Осипов, 2005. Л. 55; Фараджева, Осипов, 2007. С. 77). Еще два фигурных витражных стекла обнаружены на раскопе Рубленый город в 2008 г. (Энговатова, 2008а). В заложенном восточнее Успенского 1-го Успенском 2-м раскопе в слое начала XIII в. прослежены развалы неиспользованной в кладке бракованной плинфы.

Локализация строительных остатков подтвердила наши предположения о возможном расположении соборов XIII и XVI вв. в юго-восточной оконечности городища, вблизи волжского берега (Энговатова, Яганов, 2008).

Находки строительных остатков, сделанные при раскопках 2004–2006 гг., подтвердили наши предположения о том, что соборы XIII и XVI вв. располагались в юго-восточной части городища.

Исследования продолжились в 2008 г. (руководитель – А.В. Энговатова), когда, в соответствии с

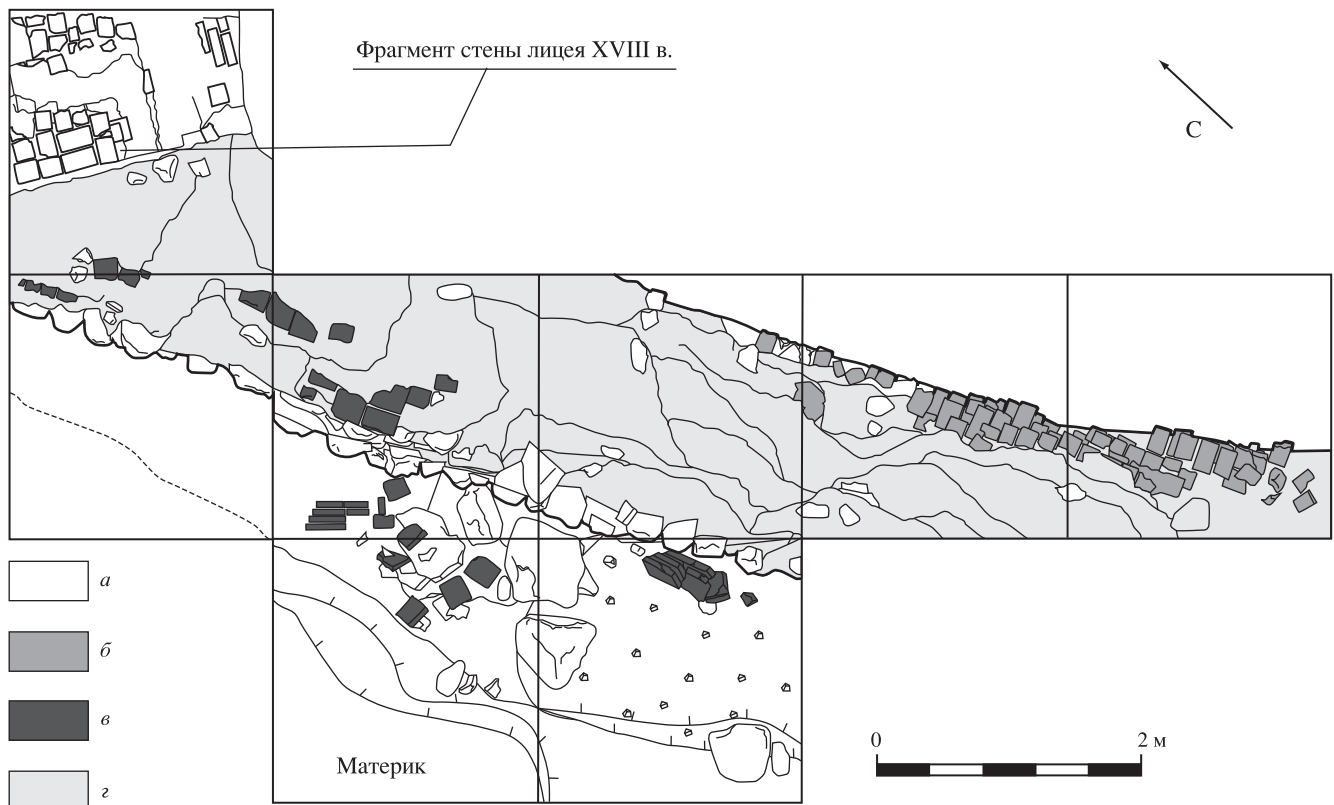
проектом благоустройства территории вокруг строящегося Успенского собора, в юго-восточной части Рубленого города был заложен шурф площадью 32 м<sup>2</sup>. Цель работ – изучение стратиграфической ситуации, выяснение наличия в земле фрагментов древних зданий, которые могли быть повреждены или утрачены при проведении планировочных мероприятий (Энговатова, 2008б).

Согласно письменным источникам, в 1782–1787 гг. здесь был построен каменный корпус Нового Архиерейского дома (Лествицын, 1880. С. 35–48), пересекавший мыс городища с юго-запада на северо-восток. В 1804 г. здание было передано Демидовскому училищу высших наук, последовавшая затем реконструкция завершилась к 1830 г. (Гладков, 1853. С. 12, 13, 29). В июле 1918 г. здание сгорело при артиллерийском обстреле, к 1924 г. руины разобрали и впоследствии на их месте разбили городской парк. Археологическое изучение участка, на котором находилось позднее каменное здание, при разведках 1937 г. было признано малоперспективным, в связи с чем шурфы были заложены к западу и северу. Но постройка 1782–1830 гг. не имела заглубленных подвальных помещений (Лествицын, 1880. С. 49–65), что давало нам возможность найти в границах ленточных фундаментов участки с неповрежденным культурным слоем.

Отметим, что мыс при слиянии Волги и Которосли, несмотря на срезки, связанные со строительной деятельностью, имеет наибольшие высотные отметки по сравнению с другими частями Рубленого города. Со значительной долей вероятности можно было ожидать, что древний собор располагался на самом высоком месте городища.

На отметке менее 1 м от современной дневной поверхности был выявлен участок фундамента западной стены собора начала XVI в. и известный по письменным источникам подвал этого здания, где в первой половине XVII в. хранилась “зеленая казна” (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 10. Ч. 1. Л. 40–42). Стратиграфическую ситуацию в примыкании к внешней плоскости стены частично удалось проследить только в одном квадрате. Остальную площадь шурфа занимали перекопы, связанные с устройством и разборкой фундаментов Демидовского лицея, прокладкой в конце XIX – начале XX в. инженерных сетей, повредивших верхнюю зону фундамента XVI в. в южной части шурфа (рис. 2).

Длина исследованной конструкции составила 10.4 м, ширина, в зависимости от сохранности, – от 1.5 до 1.8 м. Ее кладка велась открытым способом, т.е. в котловане, вырытом под всем зданием с учетом необходимого технологического пространства для работы каменщиков с внешней стороны (шириной 2.7 м). В фундаменте применялись валуны



**Рис. 2.** План фундамента западной стены собора начала XVI в., выявленного в шурфе 2008 г.: *а* – фрагмент стены лица XVIII в.; *б* – кладка из большемерного кирпича XVI в.; *в* – плинфа XIII в.; *г* – фундамент западной стены собора XVI в.

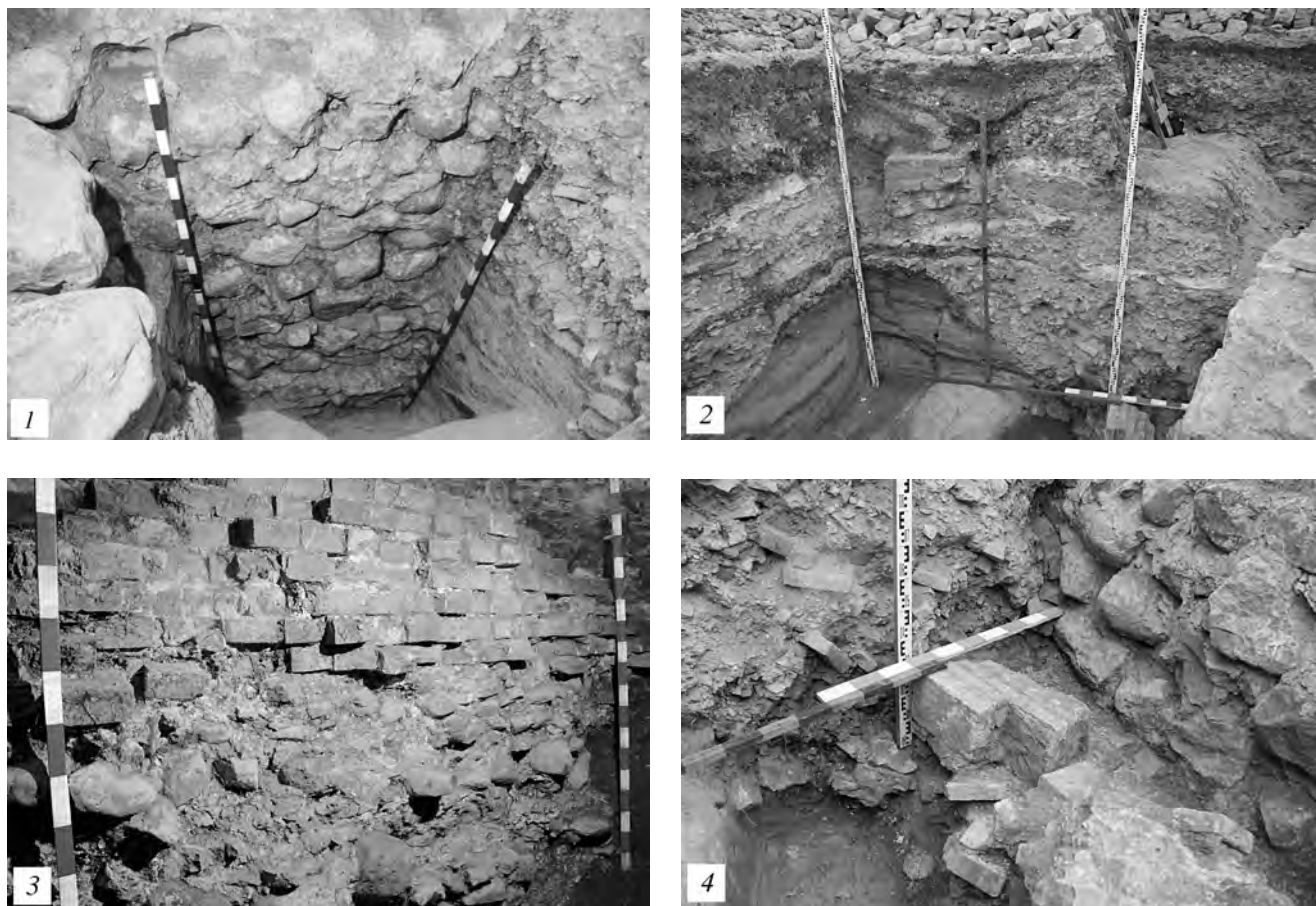
среднего размера (0,2 – 0,3 м в диаметре), укладываемые послойно на прочном растворе из известки с наполнителем из мелкого песка в пропорции 1:2–1:2,5. Сверху ряды валунной кладки выравнивались кирпичным щебнем, причем здесь были встречены и крупные фрагменты вторично использованной плинфы XIII в.

С внешней стороны кладка фундамента имеет небольшое уширение книзу (рис. 3, 1). По характеру исполнения она напоминает стеновую кладку – швы между камнями имеют следы разделки инструментом. По мере возведения рядов выполнялась обратная засыпка технологического пространства с внешней стороны котлована. Характер этой засыпки специфичен. В нижней зоне в ней использован материковый песок, содержащий прослойки супесей, кирпичную и растворную крошки. Кроме того, в заполнении присутствуют крупные фрагменты плинфяной кладки и валуны. Датированными являются фрагменты древнерусской круговой керамики начала XIII – второй половины XIV в. (определение керамики выполнено Е.К. Кадиевой). Выше засыпка состоит исключительно из материалов разборки предшественника выявленного здания – собора на-

чала XIII в. На отметке верхнего обреза фундамента в зоне стыка с утраченной кирпичной кладкой характер заполнения меняется. Эту подсыпку поверх просевшего нижележащего слоя составляют мелкие отески белого камня, куски большемерного кирпича, комья извести и растворная крошка, т.е. отходы, происходящие со строительной площадки XVI в. Границу между двумя этими зонами определяет тонкая прослойка темно-коричневой супеси с включениями золы (рис. 3, 2; 4).

Внутренность подвала после разборки его сводов постепенно засыпалась бытовым мусором, содержащим большое количество керамики, датированной XVII – началом XVIII в. Отделка стены подвала полностью утрачена на глубину до 1 м. В нижней части она состояла из белокаменных блоков размером от 25×25 до 40×30 см с гладкой лицевой поверхностью и несколько стесанными на клин боковыми гранями квадров. Подобные блоки в 2006 г. были обнаружены на Успенском-1 раскопе во вторичном использовании (в засыпке подиума, устроенного вокруг собора 1660–1663 гг.). На боковых поверхностях и на задней поверхности они имели следы кладочного раствора, аналогичного





**Рис. 3.** Материалы фотофиксации: 1 – внешняя поверхность фундамента западной стены Успенского собора начала XVI в.; 2 – северо-западный профиль шурфа; видна послойная засыпка технологической зоны с внешней стороны фундамента строительными остатками XIII–XVI вв.; 3 – внутренняя плоскость западной стены подвала Успенского собора начала XVI в.; 4 – блоки плинфяной кладки начала XIII в. в засыпке технологической зоны с внешней стороны фундамента собора начала XVI в.

использованному в забутовке исследуемой конструкции. По-видимому, кладка из белокаменных блоков возводилась одновременно с рядами валунов фундамента и играла роль опалубки с внутренней стороны помещения. Такая технология устройства подвальных помещений известна на памятниках архитектуры начала XVI в. – в Успенском соборе в Дмитрове 1510-х годов (Яганов, Рузаева, 2003. С. 66); в ц. Варвары на Варварке в Москве 1514 г. (Евдокимов, 2008. С. 233–243); в соборе Успенского монастыря в Старице первой половины XVI в. (Салимов, Салимова, 2008. С. 117–141).

Выше утраченной белокаменной облицовки прослеживается кладка из большемерного кирпича формата 29,5×13–14,5×6–7 см. Аналогичный по формату и выделке кирпич был в значительном количестве встречен на Успенском раскопе 2004–2006 гг. в развалах строительного материала, выбракованного при возведении здания (Яганов, Рузаева, 2007. С. 234, 235).

Хотя в верхней части выявленной конструкции сохранилась лишь кирпичная забутовка, расположение рядов позволяет утверждать, что ее очертания представляют абрис выломанной распалубки свода, перекрывавшего центральный неф подвала (Энговатова, 2008б. С. 24). По характеру использованных материалов и технологическим приемам данная конструкция может относиться к XVI в. (рис. 3, 3).

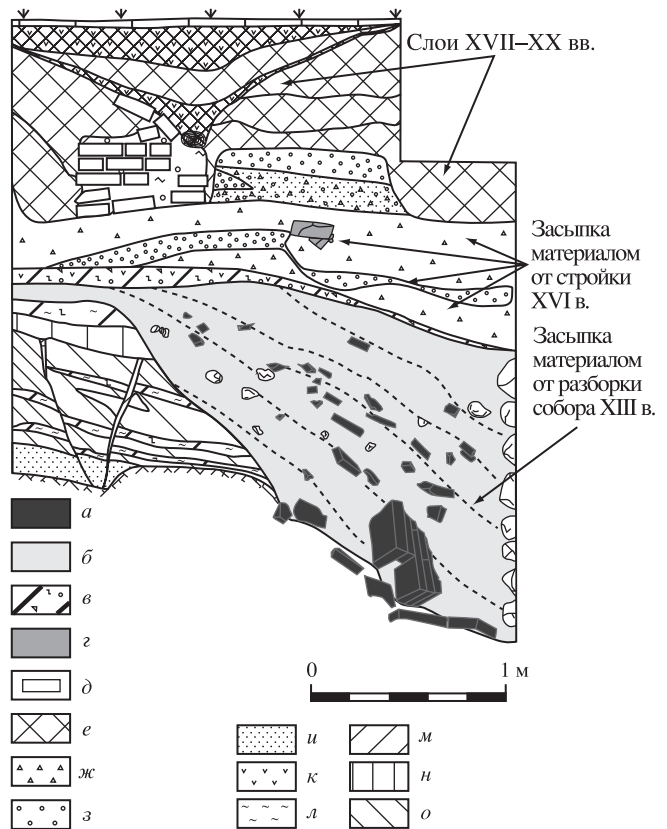
Наибольший интерес представляют фрагменты архитектурных деталей и строительные элементы собора начала XIII в., обнаруженные в засыпке технологического пространства с внешней стороны фундамента. Это условно закрытый комплекс, содержащий плинфу как в виде крупных блоков кладки, так и в виде щебня (Энговатова, 2008б. С. 22). Используемый в плинфяной кладке связующий раствор состоит из извести, известковой крошки и незначительного количества песка. Прослеженная толщина швов в кладке начала XIII в.

составляет 1.3–1.5 см. На небольшом количестве рядовых и лекальных плинф имеются следы отделки – обмазки известковым раствором. Кроме того, в засыпке выявлены осколки белокаменной фасадной резьбы и несколько поливных плиток пола начала XIII в.

Включений более поздних материалов, кроме нескольких крупных валунов, видимо, не использованных в кладке фундамента, в составе комплекса нет, следовательно, щебень, полученный от разборки здания начала XIII в., не смешивался с отходами строительной площадки. Встреченные в засыпке крупные фрагменты плинфяной кладки, состоявшие из десятков кирпичей (рис. 3, 4) скорее всего были не перемещены издалека, а взяты из руин начала XIII в., располагавшихся вблизи или непосредственно на месте стройки XVI в. Для характеристики собора 1215 г. необходимо рассмотреть выявленные при раскопках строительные материалы и архитектурные детали.

Охарактеризуем подробнее собранную плинфу. Размер ее ложка, судя по найденным немногочисленным целым экземплярам, варьируется в пределах 27–29 см; тычки в общей массе представлены размерами от 18 до 19.5 см (редко – от 17 до 21 см). В толщинах кирпичей разброс меньше: от 4 до 5 см (редко – 5.5 см). Выявленные в 2008 г. типы плинфы аналогичны найденным при охранных раскопках Рубленого города в 2004–2010 гг. образцам (плинфа, собранная на Успенском раскопе в 2004–2006 гг., определена и описана А.В. Жервэ).

По технологическим характеристикам плинфу можно подразделить на два типа. Оба отформованы в разъемных рамках, но в одном случае это аккуратно выполненные кирпичи из хорошо промешанного теста, имеющие равномерный обжиг, при котором тесто приобрело красно- или темно-коричневый цвет. Часть экземпляров – со слоистой структурой черепка, иногда – с пятнами недожога внутри изделия. По мнению А.В. Жервэ, “и формовка, и форматы этой плинфы подобны плинфе из Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире (1200–1202)” (2007. С. 267). В другом типе представлен грубо отформованными изделиями с мятыми постелистыми поверхностями, неровными боковыми гранями и неподрезанными закраинами. Наружные плоскости плинф – светло- или красно-коричневого цвета, черепок на изломе плотный, иногда слоистый, хотя и в последнем случае он довольно прочен. Из-за недожога сердцевина – серого цвета, иногда по всей поверхности скола. У некоторых плинф второго типа на одной из граней (обычно на тычке) имеется характерный наплыв – след от сушки на ребре изделий, отформованных из достаточно пластичной глины. Нередко на этой



**Рис. 4.** Северо-западный профиль шурфа: *а* – плинфа; *б* – засыпка материалом из разборки собора XIII в.; *в* – прослойка с включением золы, угля, органики; *г* – большемерный кирпич; *д* – кладка кирпичного столбика лица XVIII–XIX вв.; *е* – слои XVIII–XX вв.; *ж* – кирпичная крошка; *з* – известковая крошка; *и* – песок; *к* – уголь; *л* – зола; *м* – темно-коричневая супесь; *н* – серая супесь; *о* – светло-серая супесь.

грани имеются отпечатки травы или соломы. Статистика кирпичей, происходящих из засыпки, показывает, что фрагменты второго типа составляют около трети от всех найденных. Знаков на плинфах обоих типов нет.

Кроме рядовых, среди экземпляров обоих типов встречены лекальные плинфы: со скругленным тычком или углом, а также изделия трапецевидной формы. Определить полный ассортимент использованных в здании плинф трудно, так как от некоторых явно прямоугольных деталей сохранились небольшие фрагменты, по которым невозможно полностью реконструировать форму (рис. 5, 1).

В засыпке фундамента найдено три фрагмента белокаменной фасадной резьбы; еще один скол с резьбой обнаружен в 2009 г. (Энговатова, 2009. Л. 24) при раскопках в 120 м к северу от шурфа 2008 г. Три из четырех фрагментов – части полуколонн, украшенных растительным орнаментом. Сколы небольшие (16.5×8.5, 9.5×6.0 и 10×5 см – по

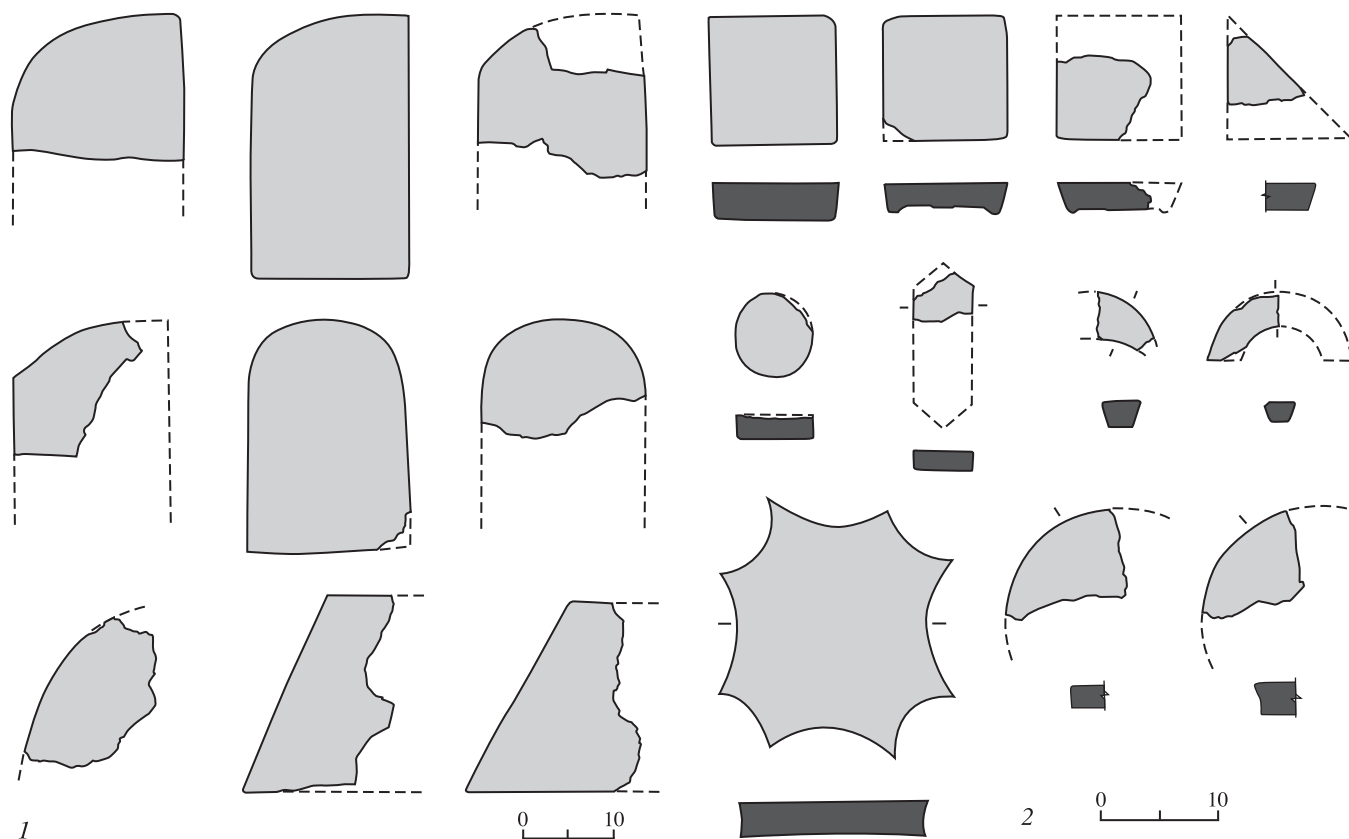


Рис. 5. Сортамент строительной керамики: 1 – лекальная плинфа XIII в.; 2 – плитки пола начала XIII в.

лицевой поверхности; реконструируемый диаметр полуколонки – около 16 см) и представляют собой боковые участки архитектурных деталей с хорошо заметной границей между лицевой поверхностью и заглубленной в кладку хвостовой частью. Белый камень поделочного свойства, без крупных лакун и включений, довольно мягкий.

На фрагментах сохранилась резьба невысокого рельефа (от 4 до 8 мм), представляющая собой переплетенные сдвоенные гурты, заполненные внутри пальметтами. Подобные орнаменты находят аналогии в резьбе собора Рождества Богородицы в Суздале, построенного великим князем Юрием Всеволодовичем в 1222–1225 гг. Здесь они присутствуют на полуколонках аркатурного пояса и порталов (Вагнер, 1975. С. 84, 85). На обнаруженных в шурфе деталях имеются следы покрасок розоватым колером – они прослежены в промежутках между гуртами, во внутреннем заполнении листьев пальметт, а на лицевой поверхности фрагментов имеются следы известковой обмазки. У одного из фрагментов сохранилась часть гладкого торца блока (кладочный раствор на его поверхности утрачен).

Четвертый фрагмент резьбы (по лицевой поверхности – 10,0×8,0 см; высота рельефа – от 0,3 до

0,8 см) был выполнен на прямоугольном блоке, от которого сохранилось только одно – нижнее (?) – ребро с участком гладкотесанной боковой поверхности. В отличие от полуколонки мотив резьбы здесь другой. По-видимому, он представлял собой “сложное сочетание из побегов с пальмовидными и лилиевидными отростками” и был схож с резьбой капителей порталов суздальского собора (Вагнер, 1975. С. 36–42. Ил. 16, 17). Этот характерный для древнерусской орнаментики мотив можно также определить как “чередование двух растительных пальметт – сомкнутой и развернутой” (Лелеков, 1975. С. 75). Найденный фрагмент резьбы мог быть частью декоративной ленты, состоявшей из повторяющихся элементов. Если высоту блока с резьбой можно приблизительно реконструировать, то о протяженности рельефа и точном местоположении его на фасаде на основании имеющихся данных составить окончательное мнение невозможно. На резьбе также есть известковая обмазка и следы покраски розоватого цвета. Детали сохранили минимальные площади поверхностей, находившихся в заделке, поэтому кладочного раствора на них нет (рис. 6).

Возвращаясь к вопросу об атрибуции львиной маски из фондов ЯМЗ, следует отметить иной ха-



Рис. 6. Фрагменты белокаменной резьбы начала XIII в.

рактиктер материала, из которого она изготовлена, — это довольно плотный известняк, отличный по структуре от найденных в шурфе фрагментов. Из-за твердости камня резьба маски выполнена довольно грубо. Следы обмазки и покраски на ней отсутствуют. Если при продолжении исследований на территории Рубленого города будут обнаружены новые домонгольские декоративные детали, сопоставление их стилистических и технических характеристик со спорным фрагментом поможет разрешить эту проблему.

Большой интерес представляют фрагменты двух типов поливных плиток начала XIII в. квадратной формы с размерами сторон — 10.6–10.8 см при толщине — 2.8–3.4 см (рис. 7, 1). Из них составлялся пол церкви начала XIII в.; в нем эти детали укладывались на глиняном растворе (частицы глины сохранились на тыльных сторонах обоих типов).

Первый тип хорошо известен по находкам, сделанным в ходе археологических исследований ИА РАН в различных частях Рубленого города, и по коллекции Н.Н. Воронина 1940 г. Это красноглиняные плитки с пористым тестом, содержащим вкрапления крупного песка, дресвы и со следами темно-коричневой, желтой и зеленой поливы. Черепок на изломе имеет сероватую сердцевину (недожог). Изделия отформованы в разъемной рамке. Боковые грани скошены внутрь, тыльная сторона несколько бугристая (результат сушки или формовки на неровной поверхности). Плитки выхожены от края к середине, полива сохранилась незначительно: в виде небольших пятен и затеков по краям.

Второй тип на раскопках в Ярославле не встречался или был представлен мелкими фрагментами, недостаточными для его определения. Найденны два экземпляра таких плиток: фрагмент (около  $\frac{1}{4}$ , тол-

щина — 2.6 см) и целая форма, составленная из двух кусков (10.8×10.6 см, толщина — до 2.8). Они также изготовлены из красной глины с включениями крупного песка и дресвы; черепок внутри сплошь серый (недожог; только на поверхности боковых граней — тонкий слой красной глины), пористый. Боковые грани заметно скошены внутрь и на тыльной стороне имеют скругленный бортик шириной 0.8–0.10 и высотой 0.2–0.4 см. В центре этого своеобразного “ковчега” — выпуклые гончарные клейма: на одной плитке — Т-образный знак, на другой — примитивное изображение четырехконечного равностороннего креста (рис. 7, 2). Судя по тыльной стороне, плитки были отформованы в неразъемной рамке, вырезанной в толстой доске (на одном из фрагментов есть явные отпечатки следов столярного инструмента). Лицевые поверхности сильно выхожены, но здесь сохранились остатки желтой поливы (на одной плитке затеки на боковых гранях).

Присутствие в материалах собора начала XIII в. двух типов поливных плиток пола вряд ли свидетельствует об их одновременности. Плитки имеют



Рис. 7. Поливные плитки пола начала XIII в.: 1 — тип 1, 2, общий вид; 2 — тип 2, тыльная сторона.

одинаковые габариты по внешней стороне, близкое по составу тесто, а также одинаковую степень выжженности. Последнее обстоятельство не позволяет связать появление второго типа с заменой деталей пола, возможной в течение XIII–XVI вв. Напротив, одновременное использование двух типов плиток говорит о распределении заказа на их изготовление между несколькими группами гончаров или плинфоделов: одни мастера работали с разъемными рамками, другие предпочитали неразъемные и помещали на них обычные для своей продукции гончарные знаки.

Хотя непосредственно в шурфе 2008 г. не обнаружены фигурные плитки пола, об их вероятном использовании в соборе 1215 г. могут свидетельствовать находки некоторого количества фрагментов этих деталей на Успенском 1-м и других раскопах Рубленого города 2004–2010 гг. (рис. 1).

Результаты архитектурно-археологических исследований 2004–2008 гг. в Рубленом городе Ярославля позволили сделать следующие заключения. Сменяющие друг друга с начала XIII до первой половины XVII в. три каменные церкви и летописный двор князя Константина находились не в западной, как предполагал Н.Н. Воронин, а в юго-восточной части городища. Характеристика территории вдоль берега Волги как места расположения наиболее богатой, статусной застройки подтверждается материалами раскопок 2010 г.

Успенская церковь 1215 г., судя по обнаруженному в 2008 г. материалу, находилась в пределах строительной площадки начала XVI в. Не исключено, что большая часть остатков домонгольского храма была уничтожена при разработке котлована под новое здание собора и закладке фундаментов Архиерейского дома в конце XVIII в. Успенский собор 1642–1646 гг. (Ярославские епархиальные ведомости, 1895. С. 451, 452; 1901. С. 55), по-видимому, располагался к северо-востоку от выявленного здания, ближе к Волге. Полученная в процессе археологических исследований информация не противоречит известным на данный момент письменным источникам, в которых речь идет о каменном строительстве на территории Рубленого города.

История сменявших друг друга каменных зданий Успенского собора на ярославском городище довольно необычна для городов средневековой Руси, хотя и не уникальна. Нестандартность ситуации состоит в том, что на протяжении пяти столетий по крайней мере три из четырех известных главных церквей располагались на разных местах, что позволяет несколько по-иному взглянуть на издавна бытовавший постулат в изучении топогра-

фии средневекового города. Примеры такого рода, возможно, были не столь редки, но недостаточная археологическая изученность крупных городских поселений не позволяет охарактеризовать эту традицию статистически. Так, в Нижнем Новгороде городской Спасо-Преображенский собор середины XVII в. не занял место древнего собора, а был построен поблизости. Если для XVI–XVII вв. многочисленные факты смены местоположения каменных зданий можно выявить по источникам или данным археологии, то расположение предшествовавших каменным деревянным храмов по большей части неизвестно.

В литературе традиционно рассматривалась схема, предполагавшая возведение нового храма непосредственно на участке предшествующего. Это объяснялось желанием заказчика сохранить “сакральное пространство” и подчеркнуть преемственность в использовании территории, с древности считавшейся “освященной” постройкой изначальной церкви, местоположением находившихся в ней реликвий (Баталов, 2004. С. 187–190). В Ярославле, судя по результатам археологических изысканий 2004–2008 гг. и проведенному анализу письменных источников, все было не так (Яганов, Рузаева, 2007. С. 226–232).

Как явствует из источников, перемещения разновременных каменных церковных зданий на городище Ярославля были вызваны в большей степени практическими потребностями, нежели точной фиксацией положения изначального храма. Применительно к собору начала XVI в. мы видим четкое деление на церковное (собственно храм) и гражданское (казенный погреб) использование помещений храмового комплекса, которые относились к ведению и духовных, и светских властей, поэтому разделение при строительстве 1642–1646 гг. функций, совмещенных в предшествующем здании, виделось вполне оправданным. Сохранение за собором XVI в. церковной функции после его переделки в двухэтажную палату для казенных нужд (1640-е годы) проявилось в устройстве над ним соборной колокольни (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Д. 38. Л. 220, 220об.). В свою очередь выбор места для собора 1660–1663 гг. после пожара 1658 г. также неслучаен (Яганов, Рузаева, 2007. С. 231, 232). В 1660 г. царем Алексеем Михайловичем задумано строительство в Ярославле каменной крепости, сопоставимой по размерам со смоленской, поэтому закладка новой, значительно большей по размеру церкви в центре кремля вполне соответствовала духу этого амбициозного проекта.



Чтобы получить наиболее полную информацию о церковной топографии Рубленого города Ярославля, необходимо продолжить археологические исследования на локализованном нами в 2008 г. участке.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталов А.Л.* К вопросу о строительстве храмов “по образцу” московского Успенского собора в XVII в. (о датировке Успенского собора в Ярославле) // Искусство христианского мира. Вып. 8. М., 2004.
- Вагнер Г.К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М., 1975.
- Воронин Н.Н.* Раскопки в Ярославле. М.; Л., 1949 (МИА; Т. 1. № 11).
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М., 1962.
- Гладков Н.А.* Обзорение пятидесятилетнего существования Демидовского лицея. Ярославль, 1853.
- Дубов И.В., Иоаннисян О.М.* К топографии древнего Ярославля. (Итоги и задачи изучения) // КСИА. 1980. Вып. 160.
- Евдокимов Г.С.* Храм XVI в. в подклете ц. Варвары на Варварке: предварительные итоги исследований // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008.
- Жервэ А.В.* Южнорусские традиции в зодчестве Северо-Восточной Руси в конце XII – первой четверти XIII в. // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. Чернігів, 2007.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926.
- Лелеков Л.А.* Искусство Древней Руси в его связях с Востоком // ДРИ. Зарубежные связи. М., 1975.
- Лествицын В.И.* Прежние архиерейские дома в Ярославле. Ярославль, 1880.
- Осинов Д.О.* Отчет об охранных архитектурно-археологических исследованиях на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 г. Приложение. Кн. 1 // Архив ИА РАН. № 26946.
- Осинов Д.О., Фараджеева Н.Н.* Отчет об охранных архитектурно-археологических исследованиях на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2006 г. Приложение. Кн. 1 // Архив ИА РАН. № 26954.
- Салимов А.М., Салимова М.А.* Старицкий Успенский монастырь. М., 2008.
- Фараджеева Н.Н., Осинов Д.О.* Археологические исследования в историческом центре г. Ярославля (Успенский раскоп. 2004–2006 гг.) // Археология: история и перспективы. Третья Межрегион. конф.: Сб. статей. Ярославль, 2007.
- Энговатова А.В.* Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльской набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленый Город II, 2008 г.) // Архив ИА РАН. 2008а.
- Энговатова А.В.* Отчет по результатам охранных археологических работ (раскопок) на участке планируемых мероприятий по благоустройству территории Успенского собора в 2008 г. // Архив ИА РАН. 2008б.
- Энговатова А.В.* Отчет об охранных археологических раскопках в Ярославле по адресу Волжская наб., д. 1 в 2009 г. // Архив ИА РАН. Т. 3.
- Энговатова А.В., Яганов А.В.* К топографии Рубленого города Ярославля (по материалам археологических исследований 2007 г.) // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И.* Успенский собор в Дмитрове. М., 2003.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И.* Успенский собор в Ярославле. История и археология. Результаты архитектурно-археологического изучения в 2004–2006 гг. // Археология: история и перспективы. Третья Межрегион. конф.: Сб. статей. Ярославль, 2007.
- Ярославские епархиальные ведомости. № 29. Ч.н. Ярославль, 1895.
- Ярославские епархиальные ведомости. № 4. Ч.н. Ярославль, 1901.

## КАМЕННЫЕ ЧЕЛНОКИ (НЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА)

© 2011 г. Р.В. Смольянинов\*, А.В. Сурков\*\*

\*Липецкий государственный педагогический университет

\*\*Воронежский государственный педагогический университет  
(surkovarh@mail.ru)

Ключевые слова: лесостепной Дон, неолит, каменные изделия с поперечным желобком, челноки, “утюжки”.

The article publishes the 19 currently known shuttles from the Don region. Typologically the items are distinguished according to their shape, the working of the back, and the notches. The authors are of the opinion that the items were used for strictly utilitarian purposes.

Находки шлифованных каменных изделий с поперечным желобком известны на многих памятниках неолитического времени степной и лесостепной зон как в Восточной Европе, так и за ее пределами. В научной литературе за ними закрепилось название челноков (човников) или “утюжков” (Телегин, 1980). В лесостепном Подонье также встречены челноки разнообразных форм и размеров. Публикации этого типа изделий и посвящена данная статья.

На сегодняшний день в обозначенном регионе известно всего 20 предметов, которые могут быть отнесены к челнокам по своему основному признаку – наличию поперечного желобка. Они встречаются на большинстве стационарно исследованных памятников неолита по одному, реже – по 2–3 экземпляра (рис. 1). Выполнены челноки из сланца (или других мягких пород) различных оттенков (зеленый, серый, красно-коричневый), желобок прошлифован. Форму изделиям придавали, по всей видимости, также шлифовкой, исключение составляет несколько челноков, выполненных без дополнительной подработки поверхности (рис. 2, I 3, 4; II 11).

Типология этой категории находок затруднительна, поскольку целые изделия практически отсутствуют. Среди морфологических признаков можно выделить только общую форму, оформление лезвия и обушка, наличие насечек.

По различию в общей форме Д.Я. Телегин предложил выделять среди челноков три типа: овальные, фигурные и псевдочелноки (1980). Применительно к такому типу находок лесостепного Подонья можно несколько видоизменить данную типологию с выделением также трех типов: овальные, в том числе и тупоовальные (рис. 2, I 1–5); подтреугольные (рис. 2, II 8–10), возможно, и некоторые

другие (рис. 2, II 5–7); аморфные (псевдочелноки по Д.Я. Телегину) (рис. 2, II 11). Кроме этого, форму целого ряда предметов невозможно соотнести с каким-либо типом из-за сильной фрагментированности.

Форма лезвия в профиле на тех изделиях, где оно сохранилось, позволяет выделить два типа: клиновидные (рис. 2, II 1–4) и притупленные (рис. 2, I 2–5). Обушок так же двух типов – округлый (рис. 2, I 2, 5; II 9–11) и уплощенный (рис. 2, I 1; 2, II 2, 8).

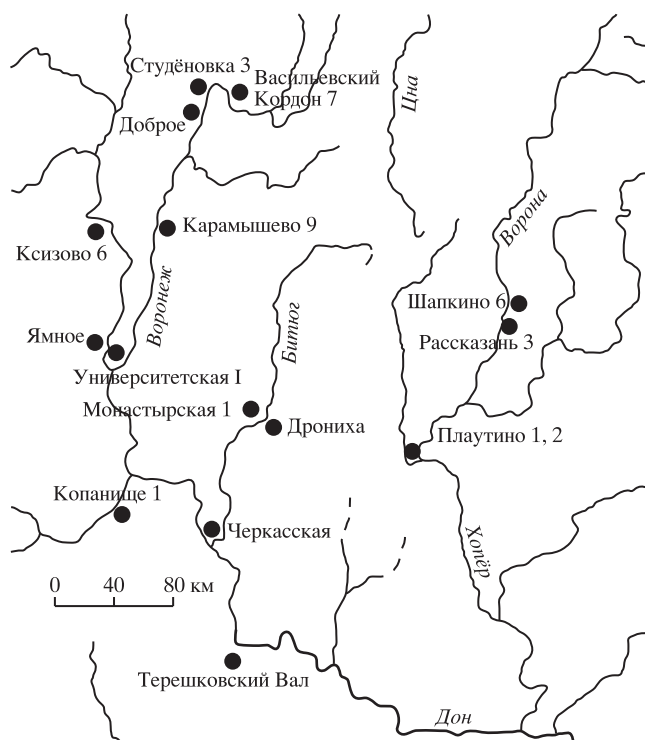
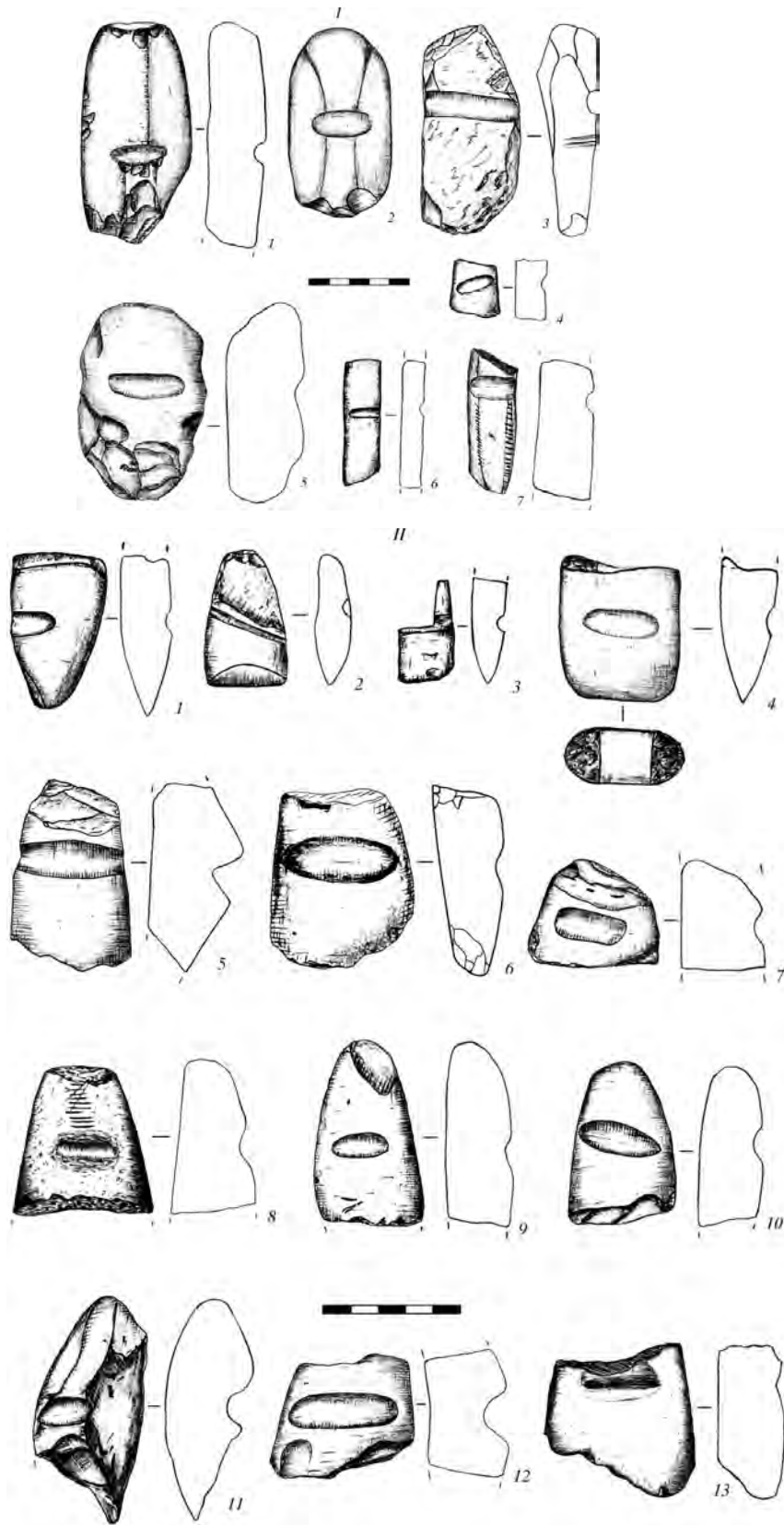


Рис. 1. Карта памятников неолита и энеолита лесостепного Подонья, на которых обнаружены челноки.



**Рис. 2.** Каменные челноки лесостепного Дона. I: 1, 4 – Дроница; 2 – Монастырская 1; 3 – Плаутино 2; 5 – Карамышево 9; 6 – Университетская I; 7 – Черкасская; II: 1 – Копанице 1; 2, 10 – Шапкино 6; 3 – Плаутино 1; 4 – Терешковский Вал; 5 – Рассказань 3; 6 – Васильевский Кордон 7; 7, 12 – Карамышево 9; 8 – Ямное; 9 – Студеновка 3; 11 – Ксизово 6; 13 – Доброе.

Как таковой орнамент на челноках в Подонье не встречен. Насечки имеются всего у трех предметов. На челноке со стоянки Плаутино 2 на торцевой части прошлифованы две параллельные линии (рис. 2, I 3) (Сурков, 2005. Рис. 9, I). У челнока с Черкасской стоянки по боковым граням ниже желобка нанесены небольшие насечки – по 18 с каждой стороны (рис. 2, I 7) (Синюк, 1986. Рис. 44, I 2). Челнок со стоянки Ямное (Акимова и др., 2006. Рис. 1, I) имеет на поверхности ниже обушка 10 параллельных насечек, пересеченных наискосок еще двумя (рис. 2, II 8). На последних двух изделиях насечки выполнены резцом.

Один из утюжков найден на памятнике энеолита–бронзы Терешковский Вал и отличается от находок неолитического времени слабовыраженным поперечным желобком и наличием пришлифованной зоны со стороны обушка, края которого обломаны (рис. 2, II 4). Возможно, это было отверстие для крепления рукояти.

Проблемам, связанным с применением челноков и их типологическим анализом, посвящено немало работ. Мнения исследователей относительно их применения расходятся в двух направлениях. Первое – утилитарное, когда челноки используются для полировки древков стрел, маховичков лучковых сверл, при помощи которых путем сверления добывается огонь, и т.п. Странники данного направления – трасологи и археологи (Семенов, 1957; Даниленко, 1971; Телегин, 1980). Второе – сакральное, когда челнок воспринимается как культовый предмет. Разработчики этой теории – в основном исследователи, не занимавшиеся раскопками неолитических памятников (Викторова, 2002; Пушкарев, 2002; Ковалева, Шилов, 2002; Гавриленко, 2001; Панченко, 2004).

Наиболее объективный анализ имеющихся челноков, по нашему мнению, сделан И.В. Усачевой, справедливо отметившей, что выводы большинства исследователей о назначении челноков сделаны на основе крайне ограниченного круга источников, и создавшей единую базу данных (2007). В ее работе доказывается использование “утюжков” для полировки древков стрел, но при этом отмечается приобретение данным типом изделий на поздних этапах более высокого статуса и иных, не только утилитарных признаков.

Что касается челноков с территории лесостепного Дона, то, скорее всего, они имели сугубо практическое назначение, поскольку либо были сломаны, либо имели забитость обушка или следы использования, вероятно, в качестве тесел, что позволяет соотносить их с рубяще-долбящими изделиями

(трасологический анализ не проводился). При этом целый ряд орудий сближается с теслами, долотами и топорами по общей подтреугольной форме и клиновидному лезвию – особенностям, которые можно выделить в качестве специфических признаков донских изделий. Использование челноков как ударных инструментов косвенно подтверждается сломом именно лезвийной части, тогда как на месте желобка разломы не встречены. Некоторые изделия, судя по сохранившимся кромкам рабочего края, могли быть использованы в качестве лоцил.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова С.В., Скоробогатов А.М., Сурков А.В. Ямное – новый памятник пережиточного неолита на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.
- Викторова В.Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
- Гавриленко И.М. “Човники” доби мезоліту – енеоліту та проблема їхнього призначення // Восточноєвропейський археологічний журнал. 2001. № 5 (12). <http://archaeology/kiev/ua/journal/05092001/gavrilenko.htm>.
- Даниленко В.Н. Сурсько-дніпровська культура // Археологія Української РСР. Т. 1. Київ, 1971.
- Ковалева В.Т., Шилов С.Н. Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.
- Панченко Ю.В. К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Северной Евразии. СПб., 2004.
- Пушкарев В.Е. К проблеме интерпретации “утюжков” // Вестн. Общества открытых исследований древности. Вып. 1. Челябинск, 2002.
- Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л., 1957 (МИА; № 54).
- Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Сурков А.В. Неолитические материалы стоянки Плаутино 2 // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.
- Телегин Д.Я. О так называемых “челноках” или “утюжках” и их распространении в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
- Усачева И.В. “Утюжки” Евразии как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007.

## ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕТОПИСНОГО г. СНЕПОРОД

© 2011 г. Ю.Ю. Моргунов

*Институт археологии РАН, Москва  
(morgunovyu@mail.ru)*

**Ключевые слова:** *городище, Снепород, наземные постройки, котлованы жилищ, глинобитные печи, двухэтажные постройки, открытые очаги, предпечные ямы, полужемлянки, подклет, срубные стены, междуэтажные перекрытия.*

In 1982–1989 we investigated the remains of 20 above-ground dwellings from the end of the 10<sup>th</sup> – middle of the 13<sup>th</sup> cc. on the site of the ancient town of Sneporod on the river Sula. Three of the buildings had open hearths which are characteristic of nomad dwellings. Four one-storey and 13 two-storey buildings belonged to the Russian population. Depending on the location of the stoves, the two-storey buildings can be divided into three types. These are: houses with warm upper rooms over cold first floor (these appeared at Late Roman sites on the Dnieper Left Bank and continued to exist until the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> cc. ), houses with cold upper rooms over warm first floor, and houses with stoves on both floors. On the whole, building at the site was sparse. A street has been found which leads from the unfortified part of the town to the fortress. In the event of siege its circular fortifications and the timber structures inside the walls could shelter the local population, frontier fortresses typically being places of refuge.

Городище летописного г. Снепород, расположенное в 3 км к северу от с. Мацковцы (Лубенский р-н Полтавской обл. Украины), известно с середины XIX в. и неоднократно обследовалось<sup>1</sup>. Памятник, состоящий из округло-грушевидного в плане укрепления площадью 0.8 га и обширного селища-посады (16 га), размещен на высоком (48 м над уровнем поймы) мысу третьей надпойменной террасы, ограниченном крутыми склонами к правобережной долине Сулы и ее правого притока Снепорода (рис. 1).

Площадка укрепления размерами 110 (С–Ю) × 90 м окружена кольцевидным валом высотой от 2 до 4 м и заплывшим рвом шириной до 10 м при средней глубине 1–1.5 м. Въезд размещался с западной напольной стороны. Черноземовидный культурный слой поселения, размещенный поверх плотного материкового суглинка, имел мощность от 0.4 до 1.2 м. Поверхность памятника прежде распаивалась, затем плотно задерновалась, а после проведения глубокой плантажной вспашки была засажена лесом и кустарником. Другое открытое поселение (12 га) раскинулось у подножия мыса на пологом склоне первой надпойменной террасы и распаивается до сих пор.

Стационарные раскопки археологического комплекса проводились под руководством автора в

1982–1989 гг.: на городище и верхнем открытом поселении-посаде было исследовано более 3 тыс. м<sup>2</sup> культурных напластований, на которых изучены остатки множества разнообразных объектов конца X – середины XIII в.

Среди них несомненный интерес представляют следы жилого и хозяйственного строительства. Кроме глубоких плантажных рвов стратиграфические наблюдения затрудняла специфика черноземовидного культурного слоя мощностью до 1.2 м, в котором далеко не всегда прослеживались верхние края котлованов сооружений, углубленных в материк. В свою очередь высокая насыщенность материка “кратовинами” не позволяла достоверно идентифицировать все столбовые ямы. В подобных условиях, приступая к полевому изучению южнорусских поселений, исследователи нередко опасались, что изложение наблюдений о древнем домостроительстве может вылиться в описание исключительно предпечных и подпольных ям. Повод для беспокойства был вполне обоснованным (тому есть много примеров), но в данном случае избежать этого, как правило, помогало применение дополнительных и “плавающих” бровок, а также тонких зачисток.

Всего на городище и посаде были изучены остатки 26 построек, из которых 5 были связаны с одним позднесеверянским и двумя общерусскими открытыми поселениями конца X – середины XI в.,

<sup>1</sup> Сводка основных сведений о памятнике публиковалась (Моргунов, 1996. С. 98–101).



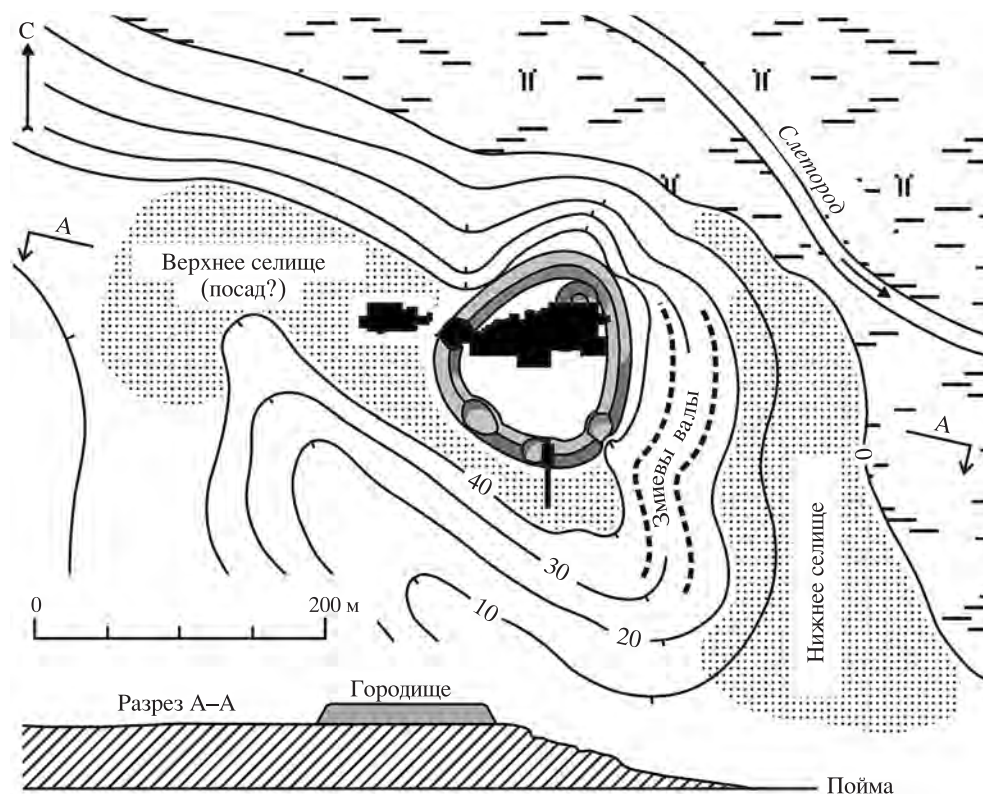


Рис. 1. Расположение археологического памятника летописного г. Снепород. Заливкой даны исследованные площади.

а 21 была синхронна существованию крепости. Все постройки были наземными со слабоуглубленными котлованами. Их возводили обычно на незастроенной дневной поверхности. Зафиксирован лишь один пример частичного наложения новой постройки на углубленную часть жилища предшествующего времени. Многие объекты сопровождалась железными ключами (и их обломками), дверными пробоями для навески замков, обломками дверных петель, гвоздями и крупными скобами плоского сечения с загнутыми внутрь остриями. Существенно, что в период бытования крепости на ее площадке зафиксированы следы равномерной кольцевидной выборки культурного слоя и верхних частей более ранних жилищ для реконструкции защитных стен. Но середину площадки подобные земляные работы не затрагивали, поэтому она оказалась более чем на метр выше, чем у подножия укреплений.

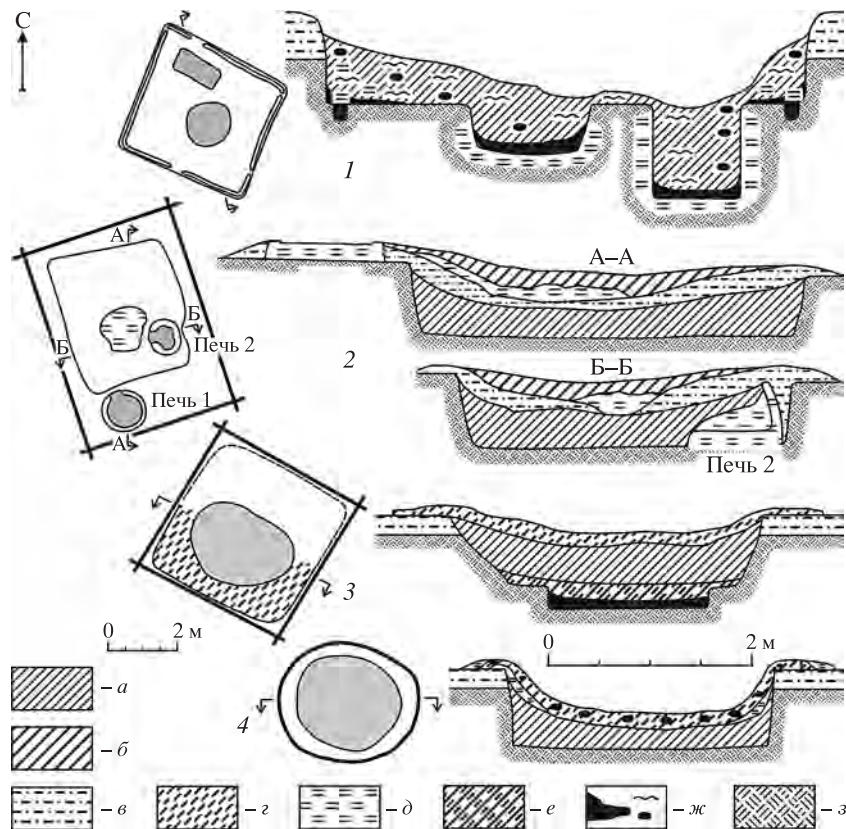
Как это часто бывает, остатки некоторых строений оказались недостаточно информативными: в одних случаях прослеживались лишь их углубленные части, в других удавалось зафиксировать только часть реальных краев наземных конструкций. Контуры углубленной части позднесеверянского дома были установлены только по распространению находок из его заполнения, а от единственного полностью наземного жилого дома и вовсе сохра-

нилась лишь россыпь артефактов, перекрытых обломками печи, рухнувшей со второго этажа. И все же, несмотря на неполноту сведений об этой группе строительных остатков, их материалы оказались полезными, а характер первоначальной конструкции мог быть уточнен на основании дополнительных наблюдений.

Из общего числа строений по отсутствию следов отопительных устройств было выделено шесть построек хозяйственного назначения. Их опущенные в материк детали имели различную ориентацию и размеры от 5.5 до 16.5 м<sup>2</sup> при глубине 0.45–1 м.

Размеры углубленных частей 20 жилых построек колебались между 5.5 и 26.5 м<sup>2</sup>, а глубина – от 0.2 до 1.5 м (точнее, 68% от их общего числа имело глубину от 0.5 до 1 м). Котлованы были вырыты в плотном суглинке, и, вероятно, поэтому, несмотря на многочисленные следы пожаров, следы древесной обшивки их стенок ни разу не были обнаружены. Два углубления содержали входные устройства: в строении Г-3<sup>2</sup> – это пологий пандус шириной около 1 и длиной 0.5 м, а в котловане Г-10 – материковая ступенька высотой 0.5 и размерами 1.2 × 1.2 м. Обиль-

<sup>2</sup> Для удобства фиксации объектов постройки и ямы городища были индексированы буквой Г, а за его пределами они обозначались буквой П (посад).



**Рис. 2.** Разрезы котлованов и реконструкции наземных частей одноэтажных (1, 2) и двухэтажных (3, 4) построек. 1 – П-11; 2 – Г-2; 3 – П-9; 4 – П-5. Здесь и далее на планах утолщенными линиями даны вероятные контуры наземных частей сооружений. Условные обозначения для всех рисунков: *a* – черноземовидное заполнение котлованов; *b* – культурный слой; *v* – диффузионный предматерик; *z* – засыпка междуэтажных перекрытий; *d* – обожженная глина, печина; *e* – коричневый суглинок; *жс* – древесный уголь и тлен; *з* – материк.

ные остатки глиняной обмазки зафиксированы лишь в постройках П-5 и П-11, связанных со степным домостроительством.

В углубленных частях строений не встречены остатки дощатых полов, глиняной подмазки дна или дощатых перекрытий. Отсутствие последних и небольшая глубина котлованов не всегда позволяют отождествлять их с подпольями или погребями: вероятно, это были конструктивные составляющие наземных частей помещений.

В постройках П-1, П-6 и П-11 в котлованах размещались открытые очаги, характерные для населения степей. Древнерусские полусферические глинобитные печи нередко содержали следы ремонта: их поды укрепляли глиняной подмазкой с обломками круговой керамики, приобретающей вторичный обжиг. В постройке Г-1 край печи выступал над предпечной ямой и подпирался примазанной к ее стенке глиняной консолью. В одном случае (Г-1) свод был вылеплен на легком каркасе из ивовых прутьев.

В постройках Г-2 и Г-3 содержалось по две глинобитные печи: поды большего размера разме-

щались на краях котлованов, а меньшие и худшей сохранности (видимо, отопительные печи) – на их дне. Печи в постройках Г-2, Г-3, П-12 и П-13 вплотную примыкали к стенкам котлованов, в постройках Г-1, Г-2, Г-3 и П-4 размещались поверх их краев, а в постройках Г-4 и Г-6 были врезаны в придонную часть стен углублений. Таким образом, все они соответствовали сложившемуся в литературе представлению о существовании более обширных срубных наземных частей построек (Моргунов, 2002. С. 63, 64).

Действительно, на это указывают следы обычных одноэтажных домов, остатки которых представлены лишь углубленными частями (рис. 2, 1, 2). Размер котлованов сооружений П-6, П-11, П-12 и Г-2<sup>3</sup> составляет от 14.6 до 16.4 м<sup>2</sup>, ширина углубленной части постройки П-12 также значительна – 3.9 м. Эти параметры считаются достаточными для

<sup>3</sup> На этом и следующих рисунках с целью лучшей читаемости профили разрезов показаны в увеличенном масштабе. Кроме того, на них указаны лишь напластования, достоверно относящиеся ко времени существования и разрушения строений.

проживания среднестатистической древнерусской семьи. Тем не менее ни в одном из этих примеров не были обнаружены следы несущих бревенчатых стен, а в котлованах П-12 и Г-2 печи вплотную прилегли к их стенкам. Кроме того, сооружения П-6 и П-11 представляли степную домостроительную традицию, для которой характерны наземные надстройки, опирающиеся на дневную поверхность. В частности, турлучная облицовка котлована П-11 не могла удерживать тяжесть перекрытия постройки. Следовательно, несущие стены также должны были размещаться за пределами котлована, но они не сохранились в вышележащем культурном слое.

Любопытный пример представляют остатки постройки Г-2: они были срезаны для засыпки городской крепостной стены. В процессе этих земляных работ часть ее руин и верх вылепленной на дневной поверхности печи 1 сползли в прогиб заполнения котлована, а нижняя часть руин наземной конструкции этой постройки сохранилась *in situ* в виде почти правильного прямоугольника: с трех сторон она выходила за пределы котлована в среднем на 0,4–0,5 м, а на юге перекрывала и наземную печь 1, расположенную на расстоянии 1,7 м от края котлована. Вероятно, это следы обрушения наземной части прямоугольной постройки площадью 27 м<sup>2</sup>.

Остатки этого дома также интересны тем, что они показывают, каким образом руинированные детали конструкции печи оказывались в наиболее низкой точке прогиба заполнения. Так, на разрезе А-А виден шлейф сползания обломков отопительного устройства в углубление, а другим разрезом зафиксирована лишь часть его остатков, скопившаяся только поверх этого прогиба, расположенного в середине котлована.

Сложнее идентифицируются двухэтажные постройки. Их описание требует краткого историографического отступления.

Несмотря на то, что остатки двухэтажных построек на Старокиевской горе обнаруживал еще В.В. Хвойка (1913. С. 69–74; Корзухина, 1956. С. 318–336), до относительно недавнего времени в археологической литературе считалось аксиомой, что углубленные в материк жилые строения южнорусской лесостепи были каркасно-столбовыми полуземлянками, тесными и скупо освещенными. При недостатке на юге лесоматериалов это представлялось единственно возможным решением. Противовесом южных реалий служило обширное срубное жилье Русского Севера с горницами на подклетах: разница между ними объяснялась ис-

торическими традициями патриархального крестьянского уклада.

Со временем в литературе все же накапливалось знание о фактическом несоответствии размеров котлованов у множества наземных южнорусских надстроек. Но из-за отсутствия развернутого объяснения этого несоответствия устоявшиеся взгляды сохранялись многие годы. Так, признавая для XII–XIII вв. широкое распространение на Руси наземного домостроительства, исключительно “полуземляночными” объявлялись строения экономически наиболее развитых регионов Среднего Поднепровья – Киевщины, Переяславщины и Чернигово-Северских земель (Раппопорт, 1975. С. 116; Раппопорт и др., 1985. С. 138–140).

Эта версия была поколеблена Г.В. Борисевичем, показавшим, что котлованы, ранее относимые к полуземлянкам, были углубленной частью наземных срубов – аналогов северных сооружений на подклетах (1978. С. 284, 286). Эта работа, поначалу не вызвавшая в литературе заметного резонанса, во многом привела археологические источники в соответствие с письменными. Лишь со временем исследователями было признано, что и основная масса жилищ Верхнего Киева была наземной и в большинстве случаев двухэтажной (Толочко, 1980. С. 77). В последующие годы остатки одноэтажных срубных построек с неглубокими углублениями и двухэтажного жилья на подклетах были исследованы на обширных территориях лесостепного Поднепровья (Блажевич, 1983. С. 102; Веремейчик, 1996. С. 69; Петрашенко, 1997. С. 126; Шекун, Веремейчик, 1997. С. 71; Козюба, 1998; Григорьев, 2000. С. 90–96).

Посильную лепту в исследование указанной проблематики внес и автор данной работы, используя материалы поселения Сампсониев Остров, где из 20 исследованных объектов 17 с достаточной степенью надежности были охарактеризованы как наземные срубы с котлованами меньшей величины, а 2 из них были двухэтажными. На это указывали как следы нижних венцов срубов, так и особенности размещения отопительных устройств, соприкосновение которых со стенами срубов могло грозить пожаром.

Автор и поныне следует принятому в литературе мнению об отоплении древних домов по-черному, что подразумевает отсутствие в них потолков, а, следовательно, и потолочных засыпок (Спегальский, 1972. С. 37, 69, 72, 78; Раппопорт, 1975. С. 136). Тем не менее на практике часто встречаются остатки рухнувших вниз грунтовых засыпок, перекрывавших котлованы. В случаях удовлет-

ворительной сохранности – это лежащие поверх остатков бревенчатых настилов прогнутые книзу лентообразные суглинистые прослойки толщиной 20–30 см, выходявшие за пределы котлованов. В случаях худшей сохранности от настилов остаются лишь углистые и золистые прослойки: основной лес сгорает до состояния золы, а его угли могут дотлевать даже будучи перекрытыми грунтом, т.е. практически без доступа кислорода.

И поскольку южнорусские соломенные крыши при пожарах должны были сгорать без следа, подобные засыпки логичнее трактовать как междуэтажные перекрытия. В этом убеждают давно известные факты обнаружения поверх этих засыпок развалов печей, упавших с верхних обогреваемых этажей (Рабинович, 1988. С. 15), именуемых “горницами” (Даль, 2000. С. 376). Руины отопительных устройств выглядят как прослойки или монолитные скопления обожженной глины, содержащей различные фрагменты печных подов, порой с обломками вторично обожженной керамики. Во многих случаях на перекрытых подобными лентами краях котлованов содержатся находки, которые указывают на то, что вокруг углубленных частей внутри домов существовали ступеньки шириной в среднем 30–60 см – “лавки”, соответствующие летописным и этнографическим параллелям.

И, наконец, не последнюю роль в подобных интерпретациях играют размеры углублений: трудно представить, чтобы в полуземлянке площадью менее 9 м<sup>2</sup> могла проживать среднестатистическая семья из шести человек (Чижикова, 1988. С. 97; Толочко, 1989. С. 195; Моргунов, 2002; 2003. С. 115–131; Енукова, 2007. С. 25). Идентификация дополнительного жилого пространства “лавок” позволяла вывести наземные постройки с незначительной углубленной частью в категорию жилых домов средних размеров.

В последние годы перечисленные выше взгляды были скрупулезно изучены О.Н. Енуковой (2007) и детально развиты на материалах 78 построек IX–XIII вв. междуречья рек Сейм и Псел. О.Н. Енуковой принадлежит и исчерпывающий анализ историографии по этой тематике, позволивший ограничиться лишь перечислением основных вех изучения проблематики.

Из двухэтажных построек на Снепороде наиболее информативными оказались остатки хозяйственного строения П–9. Его небольшая углубленная часть была перекрыта более обширной, но сохранившейся лишь наполовину засыпкой междуэтажного перекрытия с почти вертикальными краями (рис. 2, 3). Вероятно, при его обрушении беспорядочное рас-

сыпание грунта было остановлено нижним венцом наземного сруба. Под перекрытием остались и артефакты, лежавшие на краю углубленной части подклета. Этот пример указывает на возможность определения размеров наземной части двухэтажных строений по остаткам рухнувших перекрытий. В данном случае наземная часть постройки П–9 имела прямоугольные очертания. Поскольку углубленные части подклетов обычно размещались в середине наземных срубов, форма последнего могла приближаться к квадрату. Если это так, то, исходя из размера сохранившейся юго-западной стороны перекрытия (4.2 м), площадь постройки могла составлять не менее 17 м<sup>2</sup>.

В другом примере разрезами было установлено, что округлый котлован хозяйственной постройки П–5 был перекрыт междуэтажной засыпкой, столь же кругообразно (в среднем на 0.5 м) выходявшей за его пределы. Множество обломков глиняной обмазки с отпечатками прутьев перекрывали края верхней части заполнения котлована, обрамляя внешний периметр остатков перекрытия (рис. 2, 4). В связи с этим конструкция сооружения интерпретируется как двухэтажная столбовая с пролетами из плетня.

По совокупности данных двухэтажные жилые постройки можно разделить на три типа. К первому отнесем сооружения с *обогреваемыми горницами на холодных подклетах* (рис. 3, 1, 2).

При разрушении жилого дома Г–7 часть упавшей вниз печи сохранилась в культурном слое на юго-западном краю углубленной части постройки в виде ровной полосы шириной 0.4 м. На ее юго-восточном краю аналогичной полосой также маркировалась часть прямолинейной кромки руин междуэтажного перекрытия; обе полосы были взаимно перпендикулярны. Это также указывает на наличие более обширного наземного сруба, остановившего дальнейшее рассыпание засыпки междуэтажного перекрытия верхнего этажа. Холодный подклет жилого дома Г–9 был незначительно врезан в диффузионный предматериковый слой: его придонная часть была заполнена руинами междуэтажного перекрытия, ниже размещался углубленный котлован подклета. Благодаря этому был зафиксирован поперечный разрез наземной части сооружения – реальная ширина окаймлявшего подклет сруба равнялась 3 м. На продольном разрезе углубления хорошо прослеживались и остатки печи, рухнувшей с верхнего этажа и скатившейся в середину прогнутых над котлованом остатков засыпки перекрытия. Судя по прямоугольным абрисам руин перекрытий и скоплениям на них печины, подобной конструкцией отличались и дома П–2, П–3 и П–10.



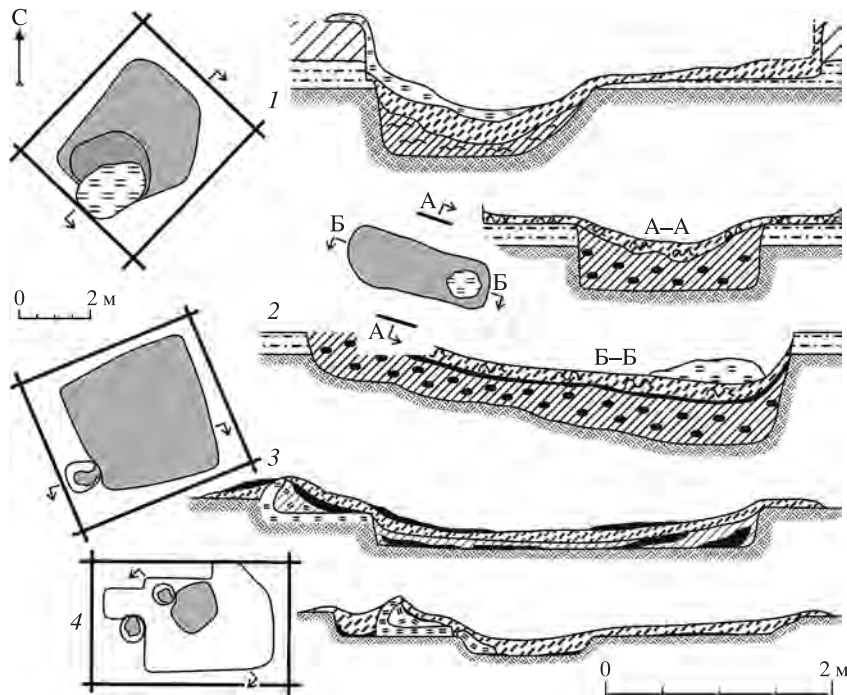


Рис. 3. Жилье с теплыми горницами на холодных подклетах (1, 2) и с холодными горницами на обогреваемых подклетах (3, 4). 1 – Г-7; 2 – Г-9; 3 – Г-4; 4 – Г-3.

На Левобережье Днепра двухэтажные постройки на холодных подклетах встречаются уже на роменских памятниках финальной фазы существования культуры летописных северян (Григорьев, 2000. С. 95, 100), позже они бытовали вплоть до XVII–XVIII вв. (Чижикова, 1988. С. 72, 88).

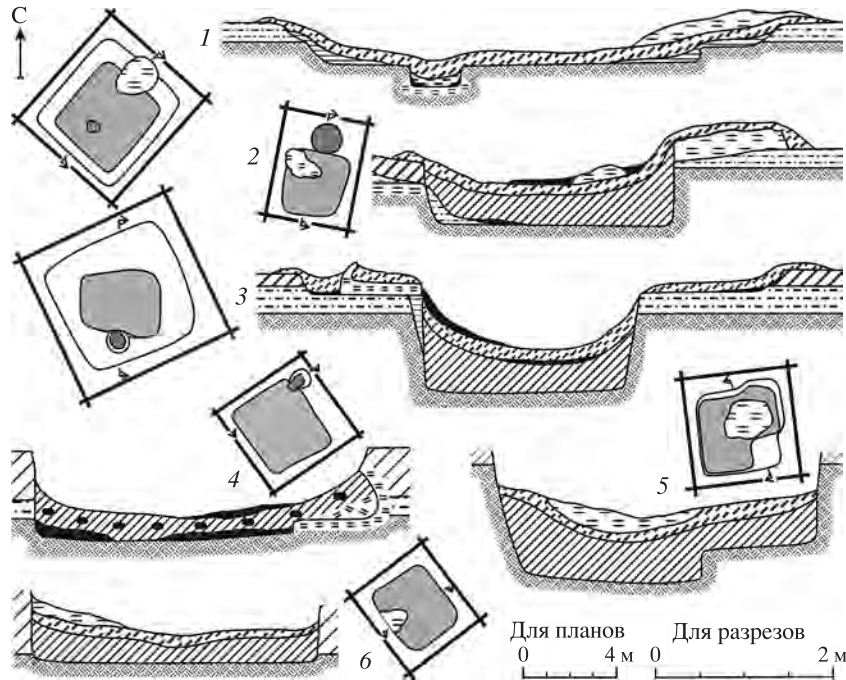
Ко второму типу относятся дома с холодными горницами на обогреваемых подклетах. В постройках Г-3 и Г-4 над обустроенными печами в обширных котлованах были прослежены остатки междуэтажных перекрытий без следов печей (рис. 3, 3, 4). По времени существования (середина – вторая половина XII в.), конструкции и плотному размещению среди сооружений первого и второго типов наиболее близки постройки Г-2, Г-3 и Г-4. Самая ранняя из них (одноэтажное сооружение Г-2) была расселена, а ее остатки вместе с окружающим культурным слоем при реконструкции оборонительной стены были срезаны для засыпки городней. Две другие – двухэтажные, возведенные рядом на месте, расчищенном вплоть до материка. Поэтому не исключено, что перед нами каскад домов, принадлежавших одной семье, возвращавшейся на старое место после вынужденного отселения на время реконструкции городских укреплений.

Третий тип представлен постройками с печами на обоих этажах, разделенных междуэтажными

перекрытиями (рис. 4, 1–3). В строении П-1 нижний ярус дома отапливался открытым очагом, характерным для степного домостроительства. Это единственный пример с сильно наклонными стенками углубленной части и прилегающими к ним краевыми материковыми затеками. Очевидно, ее периметр изначально был закреплен несохранившейся деревянной крепидой, а затеки – это засыпной грунт, ранее заполнявший пазухи – пустоты между крепью котлована и грунтовыми стенками. В жилище П-4 на одновременность существования обоих этажей указывают вторично обожженные обломки посуды из пода нижней печи: некоторые из них склеились с аналогичными фрагментами, лежавшими поверх междуэтажного перекрытия, но лишенными следов вторичного обжига. Руины же верхнего отопительного устройства постройки Г-1 не составляли единого массива: они встречены рассеянными скоплениями-линзами, содержащими остатки печного свода и пода. Не исключено, что это свидетельство значительной высоты нижнего этажа этой наиболее богатой и обширной постройки данного поселения.

Подводя итоги обзора остатков двухэтажных построек, следует вновь подчеркнуть, что в основании развалов междуэтажных перекрытий были обычными древесные угли и зола. В отдельных случаях прослеживались и обугленные остатки рядов одинаково ориентированных плах или нетолстых





**Рис. 4.** Дома с теплыми горницами на обогреваемых подклетах (1–3) и двухэтажные постройки, от которых сохранились лишь котлованы (4–6). 1 – П–1; 2 – П–4; 3 – Г–1; 4 – Г–6; 5 – Г–10; 6 – Г–11.

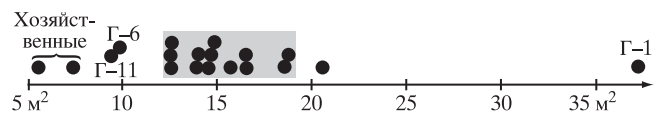
бревен, на которые укладывали грунтовую засыпку. Руины междуэтажных перекрытий были с каждой стороны шире углубленных частей в среднем на 0.3–0.6 м. В случаях размещения печей на краях котлованов полоса их перекрытия расширялась от 1 (Г–4) до 1.7 м (П–4). В постройках Г–1, П–3, П–4 и П–10 остатки перекрытий законсервировали керамику и индивидуальные находки, лежавшие на краях котлованов.

Судя по руинированным остаткам, печи верхних ярусов построек были глинобитными полусферическими, вылепленными непосредственно поверх засыпок. В большинстве случаев они размещались близ середины одной из стен, в одном случае – в углу горницы, а их руины скатывались к середине прогнутых книзу остатков перекрытия.

В подавляющем большинстве прямоугольная или приближавшаяся к квадрату планировка котлованов совпадала с реконструированными абрисами срубных надстроек. Ориентация последних также соответствовала двум традициям: сторонами или углами по сторонам света (отклонения от них принято считать сезонными). Хронологически первой норме подчинялись исследованные сооружения конца X – середины XI в., а на первом этапе существования крепости постройки ориентировали углами по сторонам света. Позже строения возводили более разнообразно и вне зависимости от уличной или крепостной планировки. Следует добавить, что

глубины котлованов не коррелируются с площадями наземных частей сооружений.

Небезынтересным оказалось сравнение гипотетически реконструированных размеров лучше изученных остатков наземных срубов. Оно показывает наличие заметной концентрации сооружений в интервале между 12.6 и 18.7 м<sup>2</sup> (рис. 5). Это близко к размерам въездных башен Снепорода, сопоставимо со средними по величине однокамерными жилищами древнекиевского Верхнего города и срубными клетями Подола (Гупало, 1981. С. 111; Сагайдак, 1991. С. 121). Близкие по размеру постройки были изучены и на сельском поселении Сампсониев Остров (Моргунов, 2002. С. 62). На Снепороде только наиболее поздняя и богатая постройка Г–1 (37.2 м<sup>2</sup>) вышла далеко за пределы этих размеров, что указывает на исключительный социальный статус ее обитателей. В свою очередь городни крепостных стен и их полей внутренних клеток Снепорода по величине сравнимы с



**Рис. 5.** График распределения котлованов Г–6, Г–11 и гипотетически реконструированных размеров наземных частей других построек. Заливкой помечена зона концентрации чаще применявшихся срубов.

синхронными хозяйственными постройками П–8 (5.5 м<sup>2</sup>) и Г–8 (7.4 м<sup>2</sup>), и в этом есть определенная внутренняя логика.

Менее информативны остатки жилья, от которых удалось зафиксировать лишь их углубленные части (рис. 4, 4–6). Из них в котловане Г–6 (9.9 м<sup>2</sup>) не обнаружены достоверные следы междуэтажных перекрытий: заполнение было перекрыто руинами оборонительной стены с характерными для них остатками дерева и обожженного суглинка. Несмотря на относительно небольшие размеры углубленной части, остается предположить, что это остатки более обширной одноэтажной постройки, поскольку печь была врезана подбоем в стенку котлована.

В свою очередь в котлованах сооружений Г–11 (9 м<sup>2</sup>) и Г–10 (12.6 м<sup>2</sup>) содержались и остатки междуэтажных перекрытий с рухнувшими сверху остатками печей. Очевидно, что их наземные надстройки также остались нераспознанными в перекрывающем их черноземе культурного слоя. Площадь первого из них, как и в Г–6, представляет собой нижний допустимый предел размера жилья, а в последнем ступени входа занимают слишком значительную долю внутреннего объема. Это позволяет для установления размеров несущих срубов экспериментально добавить к каждой стороне верхнего периметра котлованов по усредненной полосе “лавок”, равной 0.4 м. Применительно же к котловану Г–6 северо-восточная полоса должна быть раздвинута на 0.6–0.7 м, чтобы включить и остатки печи.

В итоге гипотетическая величина горниц постройки Г–10 достигнет 21.6 м<sup>2</sup>, дома Г–11 – 15 м<sup>2</sup>, а наземная часть одноэтажного (?) сооружения Г–6 – 18 м<sup>2</sup>. Если эти наблюдения небеспопченны, то данные постройки на графике автоматически перемещаются в середину зоны концентрации наземных срубов.

Описанные выше остатки значительной части жилых и хозяйственных построек соответствуют представлению о существовании и на этом памятнике двухэтажной застройки. В первую очередь это касается сооружений Г–4, П–1, П–7 и П–10, где руинами междуэтажных перекрытий были запечатаны углубленные части сооружений с тонким придонным заполнением. Оно могло образоваться вследствие натоптанности, обычно возникавшей из-за длительной эксплуатации помещений.

Вместе с тем, среди построек как Снепорода, так и других синхронных археологических памятников весьма обычны примеры, когда междуэтаж-

ные перекрытия консервировали в котлованах подклетов достаточно мощные грунтовые отложения. На данном памятнике они имеют среднюю толщину 0.3–0.5, а в постройке П–12 – даже 0.8 м. Согласно остроумному устному наблюдению В.Ю. Коваля, такое заполнение не могло возникнуть в процессе эксплуатации дома: неконтролируемое обмельчание котлованов лишало их основной функциональной нагрузки.

Столь обильное заполнение не могло быть и следствием пожара. Даже если очаги возгорания размещались в котлованах, такое заполнение не могло быть осыпью их стенок, как это бывает в условиях песчаных материковых пород, когда котлованы закрепляли каркасно-столбовыми стенками с грунтовой засыпкой пазух. Но на данном поселении стенки оставались вертикальными в подавляющем большинстве примеров. В любом случае в огне пожаров быстрее сгорали лучше вентилируемые верхние части наземных срубов, что вызывало первоочередное обрушение междуэтажных перекрытий, а не заполнение грунтом углубленных частей подклетов.

Застройка Снепорода отличалась от скученной планировки крупных центров, где нехватка земли порой заставляла ставить новые дома рядом с пепелищами или непосредственно на них, что подразумевало намеренное засыпание старых подполий. На Снепороде таких примеров нет. Поэтому трудно представить, чтобы единообразная стратиграфия заполнения углублений была следствием целенаправленной засыпки котлованов. На деле это было бы не искомое выравнивание рельефа, а точное копирование прогибов над котлованами и создание конструктивно аналогичных прослоек с уложенными на них остатками печей, перекрывавших лежавшие по краям углублений артефакты.

Очевидно, как и множество иных вопросов, возникающих в процессе изучения древней жизнедеятельности, причины возникновения мощных придонных заполнений в углубленных частях построек пока остаются неразгаданными.

В целом, древняя застройка памятника оказалась разреженной, включавшей 13 срубных двухэтажных построек различной модификации. На верхнем селище (посаде?) она была уличной: магистраль вела к въезду в крепость. На городище кольцевидная застройка, дополненная внутренними клетями крепостных стен, позволяла в случае осады укрыть большое количество окрестного населения, что типично для пограничных крепостей.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Сведения об исследованных постройках

Постройка	Котлованы		Печи		Наземная часть (м <sup>2</sup> )	Датировка (вв.)	Тип постройки
	размеры (м <sup>2</sup> )	глубина (м)	связанные с котлованом	рухнувшие сверху			
П-13	13.2	0.3	+		–	Конец XI	Жилая одноэтажная
П-5	6.8	0.9	–	–	11	Рубеж X–XI	Хозяйственная двухэтажная
П-7	4	0.8	–	+	–	– " –	Жилая с теплой горницей на холодном подклете
П-2	6.6	0.6	–	+	Длина 5 м Ширина 3 м	Середина XI	– " –
Г-9	5.1	0.3–0.5	–	+		– " –	– " –
Г-5	16.9	0.7	–	–	–	Конец XI – начало XII	Хозяйственная одноэтажная
Г-6	9.9	1.2	+	–	18	– " –	Жилая одноэтажная
Г-8	7.4	0.95	–	–	–	– " –	Хозяйственная одноэтажная
П-6	16.4	0.5	Очаг	–	–	– " –	Жилая одноэтажная
Г-2	14.6	0.7	++	–	27	Середина – вторая половина XII	– " –
Г-3	12.5	0.1–0.3	++	–	18.5	– " –	Жилая с холодной горницей на теплом подклете
Г-4	14	0.4	+	–	24	– " –	– " –
Г-11	9.0	0.7	–	+	≈15	– " –	Жилая с теплой горницей на холодном подклете
Г-12	12.5	0.45	–	–	–	– " –	Хозяйственная одноэтажная
П-1	11.3	0.5	Очаг	+	20.5	– " –	Жилая с теплой горницей на обогреваемом подклете
П-3	6.7	0.8	–	+	12.6	– " –	Жилая с теплой горницей на холодном подклете
П-4	6.8	1	+	+	15.7	– " –	Жилая с теплой горницей на обогреваемом подклете
П-9	6.8	0.8	–	–	≈ 17	– " –	Хозяйственная двухэтажная
П-10	7	0.5	–	+	≈ 14	– " –	Жилая с теплой горницей на холодном подклете
П-12	Ширина 3.9 м	1	+	–	–	– " –	Жилая одноэтажная
Г-1		26.5	0.15	+	+	37.2	Конец XI – середина XIII
Г-7	11.2	0.5	–	+	18.7	– " –	Жилая с теплой горницей на холодном подклете
Г-10	12.6	1.5	–	+	≈ 21.6	– " –	– " –
П-8	5.5	1	–	–	–	– " –	Хозяйственная одноэтажная?
П-11	14.8	0.9	Два очага	–	–	– " –	Жилая одноэтажная

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блажевич Н.В.* Житла давньоруського Чучина // Археологія. 1983. № 44.
- Борисевич Г.В.* Рец. на монографію П.А. Раппопорта “Древнерусское жилище” // СА. 1978. № 4.
- Веремейчик О.М.* Матеріальна культура сільського населення IX – п.п. XIII ст. межиріччя Нижньої Десни та Дніпра // Тез. доповідей української делегації на VI Міжнар. конгресі слав’янської археології. Київ, 1996.
- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
- Гупало К.Н.* Конструктивные типы древнекиевских построек // Толочко П.П., Боровский Я.Е., Вознесенская Г.А. и др. “Новое в археологии Киева”. Киев, 1981.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. Т. 1. М., 2000.
- Енукова О.Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007.
- Козюба В.К.* Південноруське сільське житло (матеріали до реконструкції заглибленого житла XI–XIII ст.) // Археологія. 1998. № 1.
- Корзухина Г.Ф.* Новые данные о раскопках В.В. Хвойки на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. Т. XXV.
- Моргунов Ю.Ю.* Древнерусские памятники поречья Сулы // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 2. Курск, 1996.
- Моргунов Ю.Ю.* О некоторых особенностях домостроительства поселения Сампсониев Остров на средней Суле // РА. 2002. № 2.
- Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев Остров: пограничная крепость на посольской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М., 2003.
- Петрашченко В.О.* Поселения Канівського Подніпров’я // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.
- Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русско-феодалного города. М., 1988.
- Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище. Л., 1975 (САИ; Вып. Е1-32).
- Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В.* Жилище // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985 (Археология СССР).
- Сагайдак М.А.* Давньокиївський Поділ. Київ, 1991.
- Спегальский Ю.П.* Жилище северо-западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.
- Толочко П.П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980.
- Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Хвойка В.В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
- Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX вв.). М., 1988.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М.* Поселения Ліскове у верхів’ях р. Білоус // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Пряхин А.Д. ДОНО-ДОНЕЦКАЯ СТЕПЬ–ЛЕСОСТЕПЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО 90-х ГОДОВ XX в.). Кн. 1. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. 257 с. (I); ДОНО-ДОНЕЦКАЯ СТЕПЬ–ЛЕСОСТЕПЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ (СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП). Кн. 2. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2010. 296 с. (II).**

Издательством Воронежского университета с интервалом в два года были опубликованы две книги известного археолога и историка профессора А.Д. Пряхина. Появление двухтомной монографии – результат его многолетних исследований, связанных с изучением проблем доно-донецких древностей эпохи палеометалла. У автора уже имеется опыт издания монографии в двух книгах. Опубликованный в 1990-е годы двухтомник представляет собой образец всестороннего и детального описания и осмысления такого значимого памятника, как Мосоловское поселение металлургов-литейщиков бронзового века (Пряхин, 1993; 1996). Рецензируемая работа иного плана: она дает развернутую панораму различных проблем предклассовых обществ II тыс. до н.э. одного из важнейших в историческом плане регионов Восточной Европы.

Научно-исследовательская программа раскрывает замысел, в котором отчетливо просматривается концептуально-теоретический каркас исследования. Все это удачно реализуется в структурном построении монографии.

На двух выдвигаемых положениях, которые, на мой взгляд, несут принципиальный характер, следует остановиться особо. Можно присоединиться к обоснованию автором значимости историографического направления в российской археологии, которое “должно дать оценку кочующим из работы в работу штампам и построениям, уже успевшим стать очевидными” (I. С. 7). Наметившийся интерес к истории археологической науки требует от исследователя, как показывает накопленный опыт, высокой эрудиции, гражданской ответственности и профессиональной этики, где оценки должны строиться на анализе фактов, а не на догадках и авторских эмоциях.

Второй важный тезис, который постулирует А.Д. Пряхин, связан с особой значимостью эпохи металла в становлении и развитии этногенетических основ степного и лесостепного населения Северной Евразии. Автор считает, что накопленные материалы, связанные с металлургией и металлопроизводством в эпоху меди и бронзы, способствовали созданию на их базе в отечественной научной литературе разнообразных версий и концепций. Данный процесс свидетельствует о формировании в отечественной археологии специальной отрасли археологического знания, которую он предлагает именовать палеометалловедением (I. С. 7).

В первом томе пять глав. В первой главе осуществлен анализ и осмысление проблем, связанных с формированием и развитием в отечественной археологии взглядов на эпоху бронзы Евразийской степи и лесостепи. Хронологически охвачен период с 50-х годов XIX в. до 90-х годов XX. Его можно рассматривать как некую оценку культурных и исторических процессов эпохи бронзы обширных пространств всего степного и лесостепного пояса Северной Евразии. И это вполне оправдано, так как в настоящее время подобные масштабные оценки встречаются нечасто.

Возвращая читателя к истокам многих идей археологов XIX в., в первую очередь В.А. Городцова и его учеников

разных поколений, А.Д. Пряхин предлагает по-новому оценить их вклад в формирование современной парадигмы эпохи палеометалла. Городцовская модель восприятия ископаемых древностей через такое понятие, как “археологическая культура” оказалась столь прочной, что теория, философия, методология и практика российской археологии (в данном случае в рамках эпохи палеометалла) развивались и продолжают развиваться в этом ключе. Новым шагом в понимании археологической культуры стало, по мнению автора, обоснование и применение на практике других категорий: таких, как культурно-историческая общность (область), а также территориально-культурные явления (макро- и микрорайоны), базовые памятники, комплексы памятников и др. (I. С. 38, 39).

В Главах 2–5 А.Д. Пряхин детально рассматривает историю изучения древностей эпохи палеометалла в Доно-Донецкой степи и лесостепи в рамках четырех этапов: дореволюционного, 20–30-х годов XX в., пред- и послевоенного (до середины 60-х годов), конца 60-х – конца 90-х годов XX в. Материалы, изложенные в этих главах, представляют собой по существу обширный систематизированный банк информации, повествующий о всех наиболее важных стационарных исследованиях. Но они скорее всего являются своего рода систематизированными очерками, раскрывающими мотивы и реализацию замыслов большой группы российских и советских ученых, часть из которых в силу процессов политических изменений оказалась в разных государствах. Автор детально и скрупулезно упоминает и оценивает многочисленные имена профессиональных археологов и краеведов, а также их вклад в изучение древностей палеометаллической эпохи в разные годы и на разных территориях рассматриваемого региона.

Заслуга А.Д. Пряхина состоит не только в том, что он убедительно осветил эти процессы, но и в том, что он внес свой личный вклад в реализацию совместных российско-украинских исследований древностей эпохи палеометалла в постсоветский период. Это один из немногих примеров реальной интеграции ученых вне линии демаркации государственно-административных границ.

Во Введении второго тома А.Д. Пряхин сразу оговаривается, что книга не претендует “на статус последовательного историографического исследования” (с. 5). И далее он разъясняет суть этой мысли. Для оценки современного этапа, по его мнению, возможен подход, имеющий лишь историографическую направленность с позиции преемственности по отношению к тем процессам, которые проявили себя в предшествующее время, и одновременно это оценка новых тенденций, просматривающихся в настоящее время. Автор не ставил задачу изложения возможно полной истории полевых исследований и целостной источниковедческой оценки. Анализ и осмыслению в книге подвергнуты главным образом результаты изучения тех археологических памятников, которые были уже исследованы и введены в научный оборот (II. С. 5).

Вторая книга состоит из Введения, двух глав и Заключения. В первой главе рассматривается эпоха бронзы Доно-Донецкой



лесостепи в исследованиях последнего десятилетия XX в. Логика исследования построена по территориально-ареальному принципу.

Изложение начинается с описания и анализа в хронологическом порядке древностей Верхнего и Среднего Подонья. Во втором параграфе главы даются обобщенные характеристики наиболее значимых памятников, таких как могильники Подклетинский, Селезни 2, Власовский, Филатовский и др., а также Мосоловского поселения. Текст сопровождается фотографиями и рисунками высокого качества. В следующем параграфе подобным образом рассматривается бассейн Северского Донца. Большой интерес представляет анализ многолетней деятельности Украинско-Российской археологической экспедиции. Рассматривая различные концепции ученых Украины и России, А.Д. Пряхин создает яркие образы ведущих исследователей (Д.Я. Телегин, П.Д. Либеров, А.Т. Синюк, С.Н. Братченко, С.С. Березанская, Ю.П. Матвеев, В.Я. Кияшко и др.). В завершающем первую главу параграфе системному анализу подвергнуты итоги изучения древностей Нижнего Подонья и Доно-Волжского междуречья, дана оценка основных положений монографического исследования А.В. Кияшко, посвященного проблемам происхождения катакомбной культуры Нижнего Подонья. Также рассматривается вклад в изучение бронзового века этого региона Э.С. Шарафутдиновой и В.И. Мамонтова. Оценивая достижения в изучении эпохи бронзы доно-донецких пространств в последнее десятилетие XX в., А.Д. Пряхин обращает внимание на следующие аспекты: 1) наличие преемственности в разработке соответствующей проблематики, опирающейся на стремление к сохранению единого научного пространства двух государств и двух археологий – российской и украинской. Закладываются основы выхода на новый уровень осмысления древностей эпохи бронзы (II. С. 140); 2) материалы монографии позволяют согласиться с тезисом о начале пересмотра оценки Донбасского горно-металлургического центра, ставшей особо актуальной в свете исследований Мосоловского поселения и Каргалинского горно-металлургического центра. А.Д. Пряхин отмечает, что достигнут очередной уровень осмысления катакомбной, абашевской и срубной культурно-исторических общностей.

Во второй главе, разделенной на параграфы по схеме предыдущей главы, А.Д. Пряхин рассматривает историю изучения и концептуальные подходы, созданные на материалах исследованных памятников эпохи бронзы доно-донецких пространств в первом десятилетии XXI в. (за сравнительно короткий срок – конец прошлого и первое десятилетие нынешнего века). А.Д. Пряхин разделяет точку зрения А.Л. Нечитайло о функционировании в эпоху средней бронзы Донецкого горно-металлургического центра, который по своей эффективности мало чем уступал кавказской металлообработке этого времени. Месторождения и производственные зоны использовались, по всей видимости, племенами катакомбной, КМК (бабинской), срубной и других культур. В развитие этой версии В.В. Отрощенко включает Донецкий металлургический центр в Днепро-Донецкую металлургическую область, синтезировавшую достижения Европейской и Евразийской металлургических провинций.

В процессе исследований памятников эпохи бронзы степи-лесостепи все большее подтверждение получают теоретические представления о преимущественно пастушеско-скотоводческом характере хозяйства и практически полном отсутствии следов культивирования хозяйственно полезных растений вплоть до постсрубного времени.

А.Д. Пряхин убедительно показывает достижения и успехи в изучении катакомбных, бабинских, доно-волжских абашевских, срубных древностей. Подробно и обстоятельно в его ра-

боте представлены ведущие украинские археологи – В.В. Отрощенко, С.Н. Санжаров, Р.А. Литвиненко, С.И. Берестнев, С.И. Татаринов и др. На основе этого, по мнению Пряхина, возникают реальные возможности для написания обобщающего труда по эпохе бронзы доно-донецких пространств. Вместе с тем он справедливо отмечает одну из существующих в настоящее время проблем, связанных с необходимостью преодоления имеющейся пестроты в датировках. В первую очередь речь идет о соотношении и корректировке традиционных и радиоуглеродных дат (II. С. 277, 278).

В своих книгах автор затрагивает широкий круг вопросов, многие из которых носят принципиальный характер. Перечень и анализ всей суммы накопленных материалов требуют теоретического осмысления, поэтому двухтомная монография А.Д. Пряхина, несомненно, заслуживает внимания и изучения. В рамках данной рецензии невозможно даже в самом общем виде оценить весь масштаб проделанной работы, а он не может не впечатлять. Вместе с тем прочтение монографии вызывает многочисленные ассоциации и размышления, связанные с оценкой истории изучения проблем бронзового века, накопившихся за полтора столетия. Изучить и понять всю значимость монографии можно, лишь вникнув в суть и детали историографического поиска автора, где многие разделы, параграфы, фразы содержат перспективные идеи и мысли. Как и всякие крупные исследования книги содержат немало дискуссионных вопросов, однако существующий в современной науке плюрализм мнений позволяет всякой авторской точке зрения иметь право на существование. В процессе верификации все значимые научные положения покажут свою жизнеспособность.

Следует сказать, что двухтомник А.Д. Пряхина представляет собой новый для российской традиции тип научной монографии с “человеческим лицом”. В ней в единое органическое целое объединены материалы, идеи, люди, благодаря которым были изучены, осмыслены и интерпретированы древности обширного региона эпохи палеометалла. Именно поэтому данный труд по ряду причин представляется мне новаторским.

Монография в виде двух книг – это одновременно своеобразная хроника и справочник процессов и событий, связанных с изучением эпохи бронзы Доно-Донецкой степи и лесостепи. В авторской концепции четко просматривается идея историко-культурного наследия, где прослеживаются преемственность и развитие идей, связанных с комплексом историко-генетических путей развития в динамике исторических процессов. Автор в новом свете и весьма убедительно доказывает, что Доно-Донецкий регион не был реципиентом в потреблении металла из других источников, а сам в ряде случаев выступал в качестве активного центра металлургии и металлообработки в одной из активных историко-культурных областей Восточной Европы.

Не могу не отметить и еще одного, на мой взгляд, важного качества рассматриваемой монографии – наличия современного научного сопровождения (“конвоя”) ее текста. Под конвоем в данном случае подразумевается наличие подробной и детальной библиографии, биографических справок-ремарок, репродукций обложек значимых монографий по проблемам бронзового века Доно-Донецкого региона, хотя включение полной библиографии и именного указателя в конце книги добавило бы удобства читателю. Помимо познавательной значимости материалы монографии имеют большое воспитательное значение: А.Д. Пряхин наглядно демонстрирует надлежащий стиль отношения к своим коллегам по профессии. Автор в очень тактичной форме представляет коллег-ученых – участников коллективного процесса изучения древней истории Евразии. Он, по сути, нигде не навязывает свою собственную точку зрения, как бы давая читателю самому определить степень обоснованности той или иной мысли.

Таким образом, давая общую положительную оценку исследования А.Д. Пряхина, следует отметить, что в создании современной археологической парадигмы дописьменной истории этносов Евразии требуются серьезные усилия для создания современной методологии и теории археологии и определения ее места в историческом познании. Но это, на мой взгляд, должно протекать параллельно с систематизацией и упорядочением накопленных материалов, образцом которых служит монография А.Д. Пряхина.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пряхин А.Д.* Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Кн. I. Воронеж, 1993.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. II. Воронеж, 1996.

*В.С. Горбунов*

## НОВАЯ КНИГА ПО СКИФОЛОГИИ

### Ромашко В.А., Скорый С.А. Блинец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Дніпропетровськ: Пороги, 2009. 251 с.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался резким сокращением полевых археологических исследований Степной Скифии, особенно ее знаменитых аристократических курганов. Поэтому специалистов не могут не радовать последние открытия украинских археологов, зачастую вопреки сложившейся в стране тяжелой экономической ситуации, продолжающих проводить исключительно важные для развития скифологии исследования. Яркое свидетельство тому – новая книга В.А. Ромашко и С.А. Скорого, содержащая публикацию, анализ и историческую интерпретацию результатов раскопок скифского кургана Блинец-2 в Днепровском степном Правобережье. Обращает на себя внимание удивительная даже для нашего времени оперативность изучения и издания археологических материалов: курган был раскопан летом 2007 г. – полевые работы проводились в очень трудных условиях пригорода Днепропетровска, – а через два года уже вышла его полная публикация. Одно это – несомненная заслуга авторов – известного днепропетровского археолога В.А. Ромашко, профессионально осуществившего раскопки этого непростого памятника, и ведущего украинского скифолога С.А. Скорого, внесшего немалый вклад в изучение его материалов и их историко-археологическую интерпретацию.

Судя по опубликованным материалам, высокий социальный статус лица, погребенного в кургане Блинец-2, отнесенного авторами к скифским курганам высшего социального ранга, не вызывает сомнений. По размерам (первоначальная высота насыпи – не менее 8 м), наличию трех сопутствующих конских захоронений, человеческого жертвоприношения и особенно остатков роскошного греческого саркофага можно заключить, что раскопанный курган, бесспорно, был насыпан над погребением представителя высшей скифской знати. Хотелось бы обратить внимание на любопытные детали процесса сооружения кургана, его погребальной обрядности и истории ограбления, которые были выявлены в ходе археологических работ. Так, обнаружение в структуре насыпи дерновых блоков с остатками камыша, по заключению авторов, – еще одно подтверждение мнений тех скифологов, которые допускают, что “строительный” материал для надмогильного сооружения добывался на значительном удалении от самого сооружения, в данном случае – в днепровской пойме, где рос камыш.

Рецензируемая книга содержит не только качественную публикацию, но и высокопрофессиональный типологический и сравнительный анализ материалов из раскопок курга-

на Блинец-2. С одной стороны, В.А. Ромашко и С.А. Скорый правильно отметили его практически полное соответствие элитарной курганной архитектуре Степной Скифии V – начала III в. до н.э. С другой – им удалось выявить некоторые уникальные или редко встречающиеся черты типа погребального сооружения в виде бездромосной однокамерной катакомбы со специальной могильной ямой, устроенной в полу, и специфические особенности погребальной обрядности, включая отдельную яму-погреб с бронзовым котлом и остатками мясной напутственной пищи. Указанные признаки в большей или меньшей степени свойственны погребальному обряду высшей скифской аристократии, каждое из погребений при наличии общих элементов отличалось от других не только наличием каких-то существенных особенностей. Не вызывает возражений предложенная авторами датировка сооружения кургана поздним V в. до н.э.

Несмотря на неоднократные разграбления, исследованный курган содержал весьма выразительный сопровождающий материал как собственно скифского, так и античного производства. Именно он послужил источником для очень интересного раздела, посвященного не только статусу, но и личности погребенного (гл. 3.2–3.3 на с. 87–109). Судя по найденным остаткам вооружения, здесь было совершено мужское захоронение со всеми признаками тяжеловооруженного конного воина, включая и металлический пластинчатый доспех. Помимо очень крупной для V в. до н.э. насыпи и внушительного по размерам погребального сооружения в виде катакомбы с дополнительной могилкой на ее дне, очень высокий социальный статус погребенного подчеркивала пара литых бронзовых котлов (один не сохранился), золотой перстень со сценой “царской” стрельбы и роскошный саркофаг боспорской работы. Саркофаг был декорирован костяными инкрустационными пластинками с высококачественными изображениями, составлявшими сложные сюжетные композиции, включавшие дионисийскую символику. Само по себе захоронение в греческом саркофаге свидетельствует о заметной эллинизации скифской аристократии во второй половине V в. до н.э.

Учитывая время захоронения, находки стали для исследователей своего рода ключом к исторической интерпретации всего комплекса. В.А. Ромашко и С.А. Скорый не без основания увидели в нем погребение одного из представителей скифской правящей династии V в. до н.э., скорее всего Орика – младшего сына царя Ариапифа, упомянутого в извест-

ном рассказе Геродота о судьбе Скила. Он вполне мог быть правителем некой локальной группы скифов, кочевавших в Днепровском Надпорожье, где он и нашел свой последний приют. Местоположение его захоронения в северо-стенном районе, вне нижнеднепровского Герросса, с большой долей вероятности указывает на то, что он, скорее всего, не был верховным царем всех скифов (таковым, по-видимому, оставался его старший брат Октамасад).

Учитывая неполноту археологических данных, можно принимать или не принимать предложенную авторами идентификацию, которая представляется мне весьма обоснованной и правдоподобной. В любом случае – это серьезный вклад исследователей в решение проблемы соотношения элитных скифских курганов с местами захоронения конкретных представителей скифской правящей династии.

Воронежский государственный университет

В заключительной части рецензируемой публикации еще раз проявился высочайший профессиональный уровень В.А. Ромашко и С.А. Скорого, который наряду с опубликованным ярким скифским комплексом позволит ей стать одной из выдающихся работ по современной скифологии. Следует также отметить высокое качество иллюстративного материала публикации, представленного как традиционной археологической графикой, так и хорошими цветными фотографиями. Издание дополняют ценные приложения, содержащие заключения известных специалистов по антропологии, палеозоологии и археологической органике, полученные из кургана Блинец-2. Думаю, что книга В.А. Ромашко и С.А. Скорого станет не только настольной для скифологов, но будет интересна и специалистам по античному искусству.

*А.П. Медведев*

**Robert G. Ousterhout. A BYZANTINE SETTLEMENT IN CAPPADOCIA (Dumbarton Oaks Studies, XLII). Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D.C., 2005. ISBN 0-88402-310-9. 474 p., included bibliographical references, index, 19 color pl., 271 ill. and 6 ap.**

Рецензируемая книга “Византийское поселение в Каппадокии” принадлежит одному из ведущих мировых специалистов по архитектуре средневизантийского периода, профессору истории искусства в Penn University (университет Пенсильвании) Р. Оустерхауту (см.: Ousterhout, 1987; 1999; 2002; Ousterhout, Klein, 2004; Оустерхаут, 2005). Внушительный, хорошо иллюстрированный том описывает результаты первого систематического изучения автором поселения Чанли Килиси (Çanlı Kilise) у горы Хасан Даг в Западной Каппадокии (Турция). За четыре сезона (с 1994 г.) участки поселения были обмерены, описаны и нанесены на топографический план; собран подъемный материал.

Обратить внимание на результат сравнительно скромных по размаху полевых исследований нас заставляет прежде всего их включенность в общий фронт работы по созданию новой версии истории византийской архитектуры, строительства, искусства и, отчасти, археологии, над которой уже несколько десятилетий бьются (иначе не скажешь) автор и ряд его коллег, искусствоведов-византинистов (Р. Нельсон, М. Джексон и др.; см., например, Ousterhout, 1996; Nelson, 1996). Работы Р. Оустерхаута вошли в наш научный оборот, благодаря русским переводам (2005), но исследователь постоянно готовит новые труды по архитектуре Каппадокии и переиздает старые (в их числе классическая “Тысяча и одна церковь” У. Рамсея и Г. Белла: Ramsay, Bell, 2008).

Для нас работа Р. Оустерхаута имеет и узкий практический интерес, ведь изучение скальных (пещерных) поселений и церквей – одно из важных направлений археологии в Крыму, на Дону и в других местах. Столь же важна книга методически для исследования монастырей Руси, особенно ранних, связанных тысячами нитей с византийской традицией (проблема их функционального определения методами археологии стоит остро).

Наконец, книга о Чанли Килиси – важный шаг в критике одной из базовых научных мифологем XVIII–XX вв., на разбор которой Р. Оустерхаут (отличающийся взвешенным, рационально-критическим подходом и к материалу, и к гипотезам) потратил немало усилий. Речь идет о традиционной точке зрения, согласно которой все скальные поселения Каппадокии в прошлом были монастырями (см. ниже).

Обратимся к содержанию труда. Книга состоит из введения, двух основных частей (первая посвящена церкви, вторая – окружающему поселению и проблеме его функций), обширного альбома иллюстраций и шести приложений (представлены: мраморы, дендрохронология, красители, керамика, монеты и отчет о спасательных работах 1994 г.).

Книгу открывает очерк Каппадокии. Эта римская провинция, упомянутая в посланиях апостола Петра, рано узнала христианство. К III в. она стала центром теологии, в IV – дала миру трех отцов Церкви: Григория Назианзинца, Григория Нисского и Василия Великого (один из основателей православного монашества, он принес сюда понятие о нем). В VI–VII вв. в Каппадокию вторглись арабы, и борьба за нее продолжалась в VIII–IX вв. Это совпало с внутренним кризисом Византии, вызванным иконоборчеством. Преодолев его к середине IX в., империя отвоевала Центральную Анатолию. Пришло столетие процветания, когда было построено большинство памятников Каппадокии. Приход турок-сельджуков, разгромивших византийцев при Манцикерте (1071 г.) и захвативших Малую Азию, христианские общины пережили (скальные церкви возникали даже в XIII в.), но приток архитектурных и художественных идей из Константинополя прекратился.

Природные условия Каппадокии позволяли не столько строить здания, сколько высекать их в скалах. Частые извержения вулканов Ерциес Даг и Хасан Даг в третичный период породили здесь “лунные ландшафты” со столбами сложных форм из спрессованного вулканического пепла (“камины фей” в долине Гёреме) и подверженные обвалам и землетрясениям скальные выходы. Сохранялась и римско-византийская архитектурная традиция, изучение которой начали Г. Бэлл и У. Рамсей в местности Бинбиркилиси (“Тысяча и одна церковь”), где, как всюду в Анатолии, церкви были сложены из хорошо отесанного камня.

Скальные храмы обычно имитируют выстроенные, но у первых купол без светового барабана, он ниже и более плоский, поэтому акцент при росписи смещается на апсиды, а их иконография в скальных церквях очень отличается от остальных храмов Византии. Скальная архитектура имеет налет провинциализма, которого обычно нет в других храмах Каппадокии, чью технику отличает высокое качество, необычайная

утонченность проекта и глубокая связь с Константинополем, а в организации пространства и внутреннего оформления – с Кавказом. Правители провинций и крупные военные ежегодно бывали в Константинополе, что обеспечивало культурный обмен с метрополией, и архитектура как бы отразила эти передвижения заказчиков и мастеров.

Огромное скальное поселение Чанли Килиси (“Церковь с колоколом”), врезанное в южный и западные склоны плато, сочетает пещерные комплексы и возведенные постройки. Его размещение логически обосновано с точки зрения историко-географического контекста Западной Каппадокии, системы ее гордов и дорог.

Чанли Килиси открыли в конце XIX – начале XX в. Его храм сразу стал одним из образцов византийской архитектуры: изысканный, столичный облик здания напомнил о Константинополе. Для Каппадокии он был необычен и в глухой, труднодоступной местности поражал исследователя. Й. Стржиговски, по описанию Я.И. Смирнова, отнес церковь к X–XI вв.; Х. Ротг, считавший поселение огромным монастырским комплексом, затерявшимся в горной глуши, акцентировал внимание на первокалассной строительной технике, иконографии росписи и декоративных деталях; он уделил много сил обмеру и фотосъемке. В 1907 г. Г. Бэлл, придя в восторг от церкви, за 3 часа успела описать памятник, снять план (им все еще пользуются) и сделать два десятка фотографий (часть из них Р. Оустерхаут публикует). Она определила кирпичную кладку как “восточную”, поддержав датировку Я.И. Смирнова, а все поселение привычно атрибутировала как монастырь.

Церковь долго была в превосходном состоянии, и византийцы (Р. Краутхаймер и др.) охотно писали о ее константинопольских истоках, но никто не изучал подробно: не была измерена высота (купол еще стоял); не была отмечена уникальная ориентация окон апсиды; в описаниях допускались ошибки. Даже фрески не были полностью зафиксированы. Датировали храм, приблизительно и суммарно, XI в.

Р. Оустерхауту, прежде чем интерпретировать архитектуру и декор храма в контексте поселения, пришлось в Части I заняться восстановлением строительной истории и детальным архитектурно-строительным анализом, приемами которого он владеет как немногие. Познакомимся с ним.

Были выделены основные фазы строительства: на первой возведен *наос*, на второй – двухэтажный *нартекс* с запада, вытянутый к северу; на третьей – *пареклесия* (погребальный притвор) к северу от наоса. Здание строили как самостоятельный объем, а со скалой его позже соединил нартекс (даже после постройки притвора между ним и скалой остался промежуток).

*Наос (фаза I)* отличает сочетание кирпича с камнем (местный вулканический туф) и стройные аркады фасада. План относится к типу вписанного в квадрат креста с четырьмя квадратными опорами (сохранилась одна) и девятью сводчатыми ячейками (длина внутри без апсид – около 9,2 м, внутренний диаметр купола близок 3,95 м; ширина стен – чуть более 1).

Ступенчатый стилобат храма врезан в скальную породу и сложен из тесаного камня. Над ним по фасаду идет аркатура с пилястрами и полуколоннами. Стены из камня и кирпича с забутовкой булыжником на растворе. Камни уложены с подбором (высота ряда 32–40 см), слой белого известкового раствора, по твердости близкого бетону, тонкий. В нижней части фасада два ряда камня чередуются с четырьмя рядами типично византийских кирпичей (сторона – 31–34 см, толщина – 3,5–4,5; четыре ряда кирпича с четырьмя рядами раствора

составляют 36–39 см). Выше кирпич в основном использован как облицовка выступающих частей фасада и множества узких (20–25 см), но высоких окон (иногда их арки вытесаны в камне; в главных окнах апсиды применены оба приема). Три окна центральной апсиды прорезаны радиально и обеспечивают стоящему перед алтарем полный обзор – уникальное для Византии решение. В стенах проложены деревянные (каштан) связи, сохранившиеся до наших дней.

Широкий двухэтажный *нартекс (фаза II)* состоит из двух помещений. Южное имеет аркаду в шесть арок в верхнем уровне, который у северного не сохранился. Дверь в северной стене открывала проход в скальное пространство, где Х. Ротг обнаружил аркосолии. Нартекс построен только из камня, причем камни облицовки пригнаны плотнее, чем в наосе; фасады не имеют аркад и пилястр; все арки – характерной подковообразной формы. От северной части нартекса до высеченного в скале фасада (он предшествовал церкви) менее метра; из нартекса есть доступ в скальный арочный проем, но за ним – ряд помещений, засыпанных землей.

*Пареклесия (придел)*, столб и арка, соединяя северный нартекс со скальным фасадом, образуют *фазу III*. Придел (видимо, построенный для погребений) приложили к северному фасаду наоса, закрыв его окна. Он сложен из тесаного камня с забутовкой, без декора и карнизов; внутренний размер (без апсиды и ниши) – 4 × 8 м; вход с запада. Деревянная связь в своде арки дала *terminus post quem* для строительства: после 1293 г.

Роспись храма датируют между XI и XIII вв. Она заметно выделяется среди фресок Каппадокии, и ее интерпретации и датировки, по мнению Р. Оустерхаута, остаются спорными. Наиболее полно фрески были описаны турецкой исследовательницей Й. Ётюкен (Yıldız Ötügen), выделившей три стадии, но и она приняла ряд старых определений и позднюю дату, с чем Р. Оустерхаут не согласен. Фрески наоса и южной части нартекса Н. Тьерри отнесла ко второй четверти XI в.; северная часть расписана незадолго до конца XI в. другим художником (тогда же начали врезать гробницы в пол нартекса). Пареклесий расписали, одновременно переписав северную стену наоса, в конце XIII – начале XIV в. Тогда или немного позже в наосе построили высокий иконостас, а в пареклесии и северной части нартекса продолжали хоронить.

Р. Оустерхаут убежден, что Чанли Килиси расширяли и украшали на протяжении более трех веков. Строительство могли начать в X в.; фаза I датируется ранним XI в.; фаза II – серединой XI в. Роспись северного нартекса ближе к его концу, а пареклесии – значительно позже. Наос строили на месте раннего скального комплекса (его остатки – часовня к северо-западу и погребения к западу от наоса). Нартекс, соединивший наос со скальным поселением и остатки часовни, стилистически от наоса отличается и выстроен другими мастерами.

Первую фазу росписи Чанли Килиси характеризует утонченный стиль, богатство красок и иконографии. Допускают, что это работа столичных мастеров. Да, обширная трехуровневая программа фресок уникальна для Каппадокии, но ведь и Чанли Килиси превосходит размером большинство скальных церквей – мастера с явным трудом вписали программу в архитектурное пространство. Техника росписи тоже не совсем столичная, и хотя среди святых идентифицированы св. Патриарх Тарасий и св. Евфемия Халкедонская, почитаемые в Константинополе и Никомедии, их образы известны и в Каппадокии. Поздние фазы росписи связаны скорее с памятниками вне Каппадокии (фигуры в северной части нартекса близки таким образцам позднего XI в., как Парижское Евангелие из Национальной библиотеки: cod gr. 74).

В Чанли Килиси нет следов крестов, наносимых красной краской, – предварительной росписи, обычной для тех скальных церквей, которые расписаны не сразу. Но считать, что роспись изначально не планировали, нельзя: в большинстве выстроенных церквей региона ее тоже нет, но следует учитывать возможность полной утраты грунта, слабо скрепленного с гладкой скальной поверхностью.

Несвойственными для Каппадокии чертами в Чанли Килиси считали план типа “крест в квадрате”; чередование рядов камня и кирпича при широких лентах раствора; вертикализм пропорций интерьера; утопленные глухие аркады с полуколоннами; наружный кирпичный декор. Р. Оустерхаут приводит многочисленные примеры, убеждающие в том, что эти особенности имеют не только столичные, но и местные параллели.

Технически церковь близка столичным образцам. Ее план с ячейками пастофориев и вимой, выступающими за квадрат девятидольного наоса, для них обычен (Эски Имарет Джамии / ц. Христа Пантеопта, XI в.). Но компактностью план ближе к скальной Элмали Килиси в долине Гёреме и церкви в Фисандоне.

Особенно важно сопоставление с храмом, имеющим план того же типа, и аркады на фасаде, отражающие конструкцию здания, в самой Каппадокии – Карагедик Килиси (долина р. Ихлар, конец X – начало XI в.). Детали фасада и здесь выложены из кирпича (в Каппадокии это действительно редкость), архивольты подчёркнуты, а слои раствора отбиты шнуром (техническая деталь, известная в Константинополе). Но в Карагедик Килиси много местных черт; ее каменные фасады украшает резьба; стиль грубой, провинциальной росписи не вяжется с изысканной архитектурой. План и аркатура фасадов Карагедик Килиси близки также ц. Св. Григория (Богослова?) в Гюзельюрте. Вообще в Центральной Анатолии укороченный план типа “крест в квадрате” и без нартекса обычен для большинства выстроенных и скальных церквей (Фисандон, Ала Килиси).

Апсиды в форме конских подков распространены в Каппадокии (и в выстроенных, и в скальных церквях), но в Константинополе того же периода они не известны, зато пилястры там почти обязательны.

Обстройка Чанли Килиси тоже обычна в средневизантийской архитектуре. Асимметричный, с широкими нартексами и погребальной часовней план напоминает о монастыре Хора, типичном для Константинополя эпохи Палеологов, но “обрастание” первообъема дополнительными компонентами мы наблюдаем и в скальных церквях Каппадокии. В Карабас Килиси (Soğanlı Dere) – это серия приделов и притворов; в Дирекли Килиси (Belisirma) – продолговатый нартекс и боковой придел; “обрастали” ими и построенные храмы (Сют Килиси).

Самая необычная пристройка Чанли Килиси – двухэтажный нартекс – тоже мог иметь как местные, так и константинопольские истоки. Второй уровень строили (например, в церквях монастыря Пантократора), чтобы выделить ктиторами особое место при богослужении. В Каппадокии это встречается реже (в скале трудно высекать дополнительные помещения), но все же бывает (в скальной Эски Гюмюз; следы второго уровня в выстроенных церквях Ихлара Килиси и Сют Килиси).

Типично для поздней византийской архитектуры и расширение наоса за счет погребальной пристройки с аркосолиями. Нечто похожее можно найти в Константинополе (Хора). В скальных церквях Каппадокии бесчисленны маленькие погребальные часовни, обведенные изнутри нишами-аркосолиями, но часовни есть и в выстроенном варианте (во внутреннем

дворе Дегиле 36 (Değile 36); вблизи Гюзель Юрта и др.). В простораненных здесь двухнефных церквях один неф использовали как главную церковь, а другой (не столь парадный, меньший по размеру) – как погребальную.

Литургические детали плана толковать сложно из-за скудости и непроработанности источников. У большинства скальных храмов увеличенная подковообразная апсида с бемой и темплом, которая в выстроенных церквях не так велика, но за счет дополнительного членения перед апсидой все же значительна (Карагедик Килиси, Св. Георгий в Гюзельюрте).

Строительный камень (туф) встречается в Каппадокии повсеместно. С римского времени им, хорошо отесав, облицовывали бутовую кладку из пролитого раствором булыжника. В средневизантийский период камень стал мельче и швы не так пригнаны, но, по средневековым меркам, строительная техника осталась на высоте и превосходит столичную. Зато кирпич, любимый материал константинопольских и западноанатолийских зодчих, в центральной Анатолии редок, хотя ресурс для его производства есть. Так что в этом Чанли Килиси все же стоит особняком.

В восточной Вифинии известен укороченный план типа “крест в квадрате”; перемежающиеся ленты камня и кирпича на фасадах, оживленных пилястрами и узкими щелевидными окнами; кирпич в качестве наружного облицовочного материала (внутренние поверхности каменные). Но стилистически здания здесь иные. Церковь Учаяк (Üçayak) вблизи Кыршехир (Kırşehir) на границе Каппадокии и Галатии сложена из кирпича и схожа с Чанли Килиси тщательной кладкой с необычно толстыми слоями очень твердого раствора. Эта техника “кладки с утопленным рядом” возникла в Константинополе и на протяжении XI в. распространилась от Киевской Руси до Иерусалима. В Анатолии есть здания, имитирующие ее, – за слоями раствора не прослежено рядов кирпича (ц. Koimesis в Нике).

В Чанли Килиси, Карагедик Килиси и Ала Килиси отверстия строительных лесов оставляли в рядах камня; в Константинополе, наоборот, они всегда в кирпичной кладке. Поздние фазы строительства Чанли Килиси отличает использование камня с забутовкой булыжником на растворе, что нормально для региона.

Аркатура фасада наоса Чанли Килиси со ступенчатыми пилястрами и узкими полуколоннами, сочетаясь с кирпичными деталями, придает церкви столичную элегантность. Декоративная аркатура обычна в средневизантийский период, но у Чанли Килиси она иная, чем в Константинополе. Там более широкая и высокая арка отмечает перекрестие наоса, а к ней примыкают, отвечая его угловым ячейкам, две меньшие. Так устроен Мирелейон и другие церкви Константинополя, а в Каппадокии – церковь в Карагедик Килиси с ее константинопольскими приемами. Такая аркатура артикулирует конструкцию здания, поскольку расстановка пилястр строго соотнесена с несущими элементами. В Чанли Килиси именно так устроен верхний уровень. Но в нижнем уровне аркатура не соотнесена с конструкцией, ее однообразный ритм – лишь декорация (это иногда встречается только в архитектуре поздней Византии: ц. Пантократора в Несебре, XIV в.).

Ступенчатые пилястры распространены в Византии, но этого не скажешь о полуколоннах, иногда попадающихся в Константинополе и на Востоке (Армения, Грузия), где они хорошо известны с начала XI в. (собор в Ани). Вообще типовые каменные конструкции Анатолии обнаруживают больше общего с архитектурой Сирии и Кавказа, чем Константинополя.

Купол плохо изучен. Его пропорции можно сравнить с единственным в Каппадокии сохранившимся куполом ц. Ки-



зил Килиси (но она гораздо древнее и проще, чем Чанли Килиси) и с куполом ц. Св. Амфилохия в Конье, известной по фотографиям, – высоким, многогранным, с чередованием узких окон и глухих арок. В Константинополе купола иные: барабаны часто тоже граненые, но они ниже. Вытянутый барабан Чанли Килиси поднимается высоко над основанием купола и в этом смысле ближе церквям Кавказа. Купол в Чанли Килиси опирается на пандативы, что реже встречается в Константинополе и чаще – в центральной Анатолии.

Отличие Чанли Килиси – подковообразная форма арок и сводов в сочетании с овальной. Но следует учесть, что у большинства средневизантийских церквей уровень свода не сохранился, а в раннехристианской центральной Анатолии подковообразная форма часто сочетается с полукруглой (Фисандон, Карадиг Килиси, Ала Килиси) и даже слабо стрельчатой (Учайк / Üçayak).

Карнизы есть только у основания арок и не формируют единого пояса, но и это – частое явление в местных постройках (Карадиг Килиси, Сют Килиси и церквях в Фисандоне и в Учайке / Üçayak), которое можно объяснить недостатком подходящего камня (мрамор использован только в Üçayak).

Р. Оустерхаут отмечает и форму окон Чанли Килиси, почти всегда узких, с остроконечной арочной перемычкой. Таковы окна церквей центральной Анатолии (Фисандон, Карадиг Килиси, Ала Килиси), но не Константинополя, где добивались большей освещенности, используя мраморные вертикальные опоры, делившие окно на несколько частей. Возможно, впрочем, что крайняя простота окон в Каппадокии также объяснима недостатком стекла и мрамора.

Конструктивные элементы II и III фаз еще проще и остаются в пределах местной архитектурной палитры. Цилиндрические своды есть повсюду, но крестовые у южного нартекса Г. Бэлл сочла единственными в регионе. Аркада верхнего уровня южного нартекса с ее отчетливой профилировкой также выделяется, напоминая более ранние образцы.

В итоге, признав совершенство росписи и конструкций Чанли Килиси, Р. Оустерхаут сумел подчеркнуть дистанцию, разделяющую этот храм и архитектуру Константинополя; связать его с каппадокийским контекстом; привлечь восточные аналогии.

Сопоставляя детали, Р. Оустерхаут находит каждой “константинопольской” черте в Чанли Килиси местную или восточную (население Каппадокии тогда не было однородным и включало выходцев с Кавказа) аналогию. Особенно различаются архитектурный облик и технические детали. Видимо, “константинопольские” черты Чанли Килиси отразили претензии заказчика, связанного (как представитель военной элиты?) со столицей и получившего мастера-строителя из Константинополя. Так, Чанли Килиси стал образцом “статусной” архитектуры в провинциальной глуши. И местные жители, и гости из столицы видели в этом выражение социальной позиции и художественного вкуса заказчика. То, что они очевидны и нам, – плод искусства строителей и художников.

Часть II посвящена исследованию характера поселения Чанли Килиси. Его главная часть в плане вытянута более чем на километр и следует изгибам соседних плато. Для удобства работы территория была разделена на 23 участка, с северо-востока до скального обрыва на северо-западе (с обоих концов отмечены остатки укреплений). Заложенные входы и засыпанные при землетрясении скальные помещения на всех участках доказывают, что в древности застройка была очень плотной.

В организации *oikos*'а чувствуется иерархия: центр образуют общественные здания, в том числе церковные; хозяйствен-

ные помещения (склады, конюшни, голубятни, цистерны) организованы проще и помещены ближе к периферии; за ними идут небольшие, примитивно построенные жилища зависящих людей, а еще дальше начинаются поля и пастбища, составляющие основу экономики *oikos*'а. Наряду со скальными открыты и свободно стоявшие здания с обломками карнизов классических профилей.

Главное поселение Чанли Килиси пережило расцвет в X–XI вв., в ранневизантийское время здесь были единичные постройки. На Северном поселении автор видит иную ситуацию и датирует его VI – началом VII в. Основой служит строительная техника, план церкви (крестообразный), наличие фресок, преобладание красной лошенной и отсутствие глазурированной керамики в подъемном материале. Того же времени скальная “Церковь с четырьмя часовнями” вблизи Восточного поселения, у которой нет таких признаков средневизантийского периода, как темплон с архитравом и роспись. К моменту формирования основного поселения Чанли Килиси (на нем собрано много поливной керамики) Северное было давно заброшено.

Для Каппадокии вопрос жизнедеятельности поселений в период арабского вторжения и иконоборчества – один из самых важных. Арабские хроники (единственный источник по истории региона в начале VIII – середине IX в.) рисуют здесь один из узлов обороны Каппадокии: обстановка очень неспокойна, постоянно упоминаются битвы и попеременные захваты крепости Хис Синан-Акхисар (His Sinan-Akhisar). Жизнь здесь стабилизировалась только во второй половине IX в.

Стилевые различия и качество работы указывают, что Южная и Северная церкви – разновременные, они могут не относиться к эпохе иконоборчества: Северная не имела иконной росписи (ряд крестов по стенам автор датирует IX в.), а в Южной вырезанный в апсиде крест, напротив, заменен образом Богородицы.

Автор пытается определить моменты появления компактных групп на поселении и показать, что оно развивалось нелинейно и непоследовательно; отмечает признаки изменений в помещениях и новые элементы (единые помещения делят внутренними стенами из булыжника – возможно, при разделении семей; повторно используют под склады, хлева, винодельни). Поселение явно нуждалось в защите: всюду строят стены, башни и убежища, закрывающиеся катающимися каменными “пробками”.

Считается, что “Византийская Каппадокия” погибла при нашествии сельджуков (1070-е годы), но христианские церкви XIII в. в долине р. Ихлар (Татларин/Tatlarin, Гюльшехир/Gülşehir, Шахинэфенди/Şahinefendi и др.) это опровергают. Главное поселение Чанли Килиси с приходом сельджуков не прекратило существования, что подтверждает поздневизантийская керамика: для XIII–XIV вв. представлен весь ее ассортимент (в большинстве – тип *сарафито*, XIII в.). Фрагменты раннеосманской керамики (в том числе тип *Изник*) указывают на экономическую активность при османах до XVI в. Поздневизантийская, сельджукская и раннеосманская посуда обильна, но средневизантийской нет. Пять монет, включая кипрскую XVI в., тоже поздние и соотносимы с появлением новой части храма, фресковой росписи, высокого деревянного иконостаса и погребений поствизантийского времени на северном нартексе Чанли Килиси в XIII в.

Данные о спасательных работах, спровоцированных грабительскими раскопками в северном нартексе и проведенных турецким археологом Д. Кара (Demet Kara) в августе 1994 г. под эгидой аксарайского музея, которые со ссылкой на источник приводит Р. Оустерхаут (Приложение 6), особенно интересны. В полу было открыто 16 врезанных в скалу гробниц с

христианской ориентацией, в основном ограбленных. Останки покрывали белые полотняные одежды с вышивкой шелковой и атласной нитью (мотив “дерево жизни”); обнаружены фрагменты головных уборов; кушак, вышитый геометрическим орнаментом; сумка, кошель и ножны из оранжевой и красной кожи. Кроме скелетов найдены естественно-мумифицированные тела.

Среди находок – остатки печатной книги поствизантийского периода и фрагменты десяти рукописей; две монеты XIV–XV вв.; два фрагмента обычных для погребений XI–XII вв. бронзовых крестов-реликвариев; паломническая свинцовая ампула XII–XIV вв. (вероятно, из Иерусалима: на одной стороне – растительный орнамент, на другой – латинский крест с дополнительным перекрестием); вещи из дерева (пряслице алого цвета, гребень, веретено и др.), кости (пряслице), стекла (круглые голубые пуговицы; бусины белого, зеленого, голубого, желтого и темно-синего цветов; темно-синие, зеленые и красные браслеты; кольцо; фрагменты стеклянной масляной лампы; множество осколков оконного стекла). Обнаружена даже маленькая дорожная икона (сохранилась часть размером 13 × 7,5 см) с изображением святого (Григорий Богослов? XI в.?). в поздневизантийский (?) период на ее обороте написали образ св. Константина и Елены у Животворящего креста.

Итак, Р. Оустерхаут видит в агломерации двух десятков отдельных комплексов Чанли Килиси, собранных вокруг врезанной в склон холма замкнутой площади, небольшой город или селение. Такая атрибуция по-новому ставит вопрос о культурном развитии Каппадокии и поселенческом укладе всей Византии X–XI вв.

Поселения Каппадокии вообще мало известны, даже крупные города, Кайсария и Колоней (Аксарай), почти не отражены документально. Главный источник – сами поселения, но использовать его мешала малочисленность натуральных работ и оторванность находок от контекста.

В этом кроется одна из причин того, почему все хорошо спланированные скальные комплексы с церковными сооружениями рассматривали как монастыри, а их окрестности – как монастырские поселения. Византийскую Каппадокию уже с VII в. представляют как покрытую бесчисленными скитами, монастырями и часовнями, “столь же святою, как гора Синай или пустыня Сохар” (Спиро Костоф). Но точка зрения на Каппадокию как на регион исключительно монастырских поселений имеет длинную историю. Важную роль сыграли путешественники-романтики, “населившие” пещерный ландшафт монахами-отшельниками и беглецами, спасающимися от преследования. Уже в XVIII в. высказывались предположения о том, что пещеры служили скитами. Г. де Жерфанион (G. de Jerphanion), начав систематическое изучение региона, сосредоточил внимание на долине Гёреме как на зоне концентрации монастырей. Так что с умножением исследованных поселений мнение ученых об их монастырском характере только крепло.

Пример Чанли Килиси ставит старую точку зрения под сомнение: пещерный город или сельское поселение явно могли вмещать часовни, церкви и кладбища, укрепления и хозяйственные постройки, десятки жилищ с различным социальным статусом.

Сами византийцы отнюдь не считали, что Каппадокию населяют только монахи: не сохранилось ни типиков здешних монастырей, ни житий местных святых, ни сведений о паломничествах к ним. Правда, Лев Диакон (X в.) в часто цитируемом отрывке назвал местных жителей “троглодитами”, т.е. пещерными людьми и отшельниками, поскольку они спасаются под землей в норах, щелях и лабиринтах. Но он обозначил их общим термином *ethnos* (“население”). Арабский географ Ибн

Хаукал пишет, что в регионе господствуют скальные деревни и небольшие городки, чьи дома вырублены в скалах или земле. Но никто не говорит о монастырях: все византийские тексты повествуют о богатых землевладельцах и военных правителях, а не о монахах.

Чтобы доказать монастырский характер поселения, не имея письменных источников, недостаточно знать точные размеры, формы помещений и внутреннюю планировку небольших монастырей. Ведь размер и план поселений и монастырей могли быть одинаковыми; адаптация к скалистому ландшафту могла породить новые версии построек, а последующее использование в сельскохозяйственных целях – исказить их архитектурный облик.

Кроме того, монастыри средневизантийской Каппадокии ближе к жилой архитектуре, чем к монастырям остальной Византийской империи. Правда, С. Мэнго выделил такие их черты, как ограда с проходом; открытый внутренний двор с церковью посередине; кельи; трапезная; кухня; кладовые и подсобные помещения. Но Р. Оустерхаут отказывается считать это типичным: до наших дней дошло слишком мало таких комплексов. Реальные византийские монастыри ясных внешних отличий не имели, поскольку по функциональной организации поселение и монастырь мало отличались друг от друга. В Каппадокии мог даже сложиться смешанный вариант поселений, где монастырский уклад внедрялся в структуру светской общины.

Попытки разработать устойчивую типологию византийских монастырей явно восходят к западноевропейской модели. С IX в. монастырь на Западе имел унифицированный план, что связано с требованиями устава св. Бенедикта. Он включал церковь и прямоугольный (квадратный) двор, замкнутый с четырех сторон арочными галереями и трапезной. Но монашество Византии следовало уставу св. Василия, менее требовательному к организации пространства; здесь монастыри были меньше и не имели устойчивого плана.

В поисках архитектурной модели византийского монастыря исследователи (А. Орландос и др.) обращались к поствизантийским памятникам горы Афон и им подобным, полагая, что они копируют предшественников. Но раскопки на горе Папикон (Pariqion) в Северной Греции и на многочисленных средневековых поселениях Сербии показали отсутствие строгой структуры у восточно-христианского монастыря. Кроме того, византийские типики показывают нам общины самого высокого социального статуса, аристократические и императорские, но не поселения среднего и низшего уровней, какими были скальные монастыри Каппадокии.

Л. Родли попыталась выделить среди каппадокийских монастырей два типа: тщательно спланированные вокруг внутреннего двора, с крытой галерей по главному фасаду (*courtyard monasteries*) и небольшие, произвольно спланированные, но имеющие трапезную с каменным столом и скамьями (*refectory monasteries*). По мнению Р. Оустерхаута, среди поселений с внутренним двором вряд ли много монастырских, и Л. Родли сама отметила, что в их церквях и часовнях не видно почитания святых из местных монахов, а некоторые комплексы и вовсе лишены церквей.

По этому принципу в Чанли Килиси можно выделить монастырь с часовней и трапезной со скальной скамьей и столом только на участке 17. Остальные дворы – это частные дома. Эти поселения следует интерпретировать как процветающий городок или “село” с одним (несколькими?) встроенными в общую структуру монастырями и большими и малыми усадьбами, некоторые из которых имели не только конюшни, амбары, склады, голубятни, убежища, но и собственные часовни и кладбища (как скальные, так и выстроенные).

Вообще планы монастырей в Византии гораздо ближе к жилой архитектуре, чем план западноевропейского монастыря. П. Магдалино отметил сходство организации домашнего хозяйства в поместье знатного человека и в монастыре: всюду мы видим замкнутые, иерархически организованные социальные группы со своими слугами, имуществом, экономическими интересами. В источниках много случаев, когда дворцы и усадьбы превращались в монастыри, практически не меняясь. Так, Мирелейон (X в.) строился как дворец, но вскоре по завершении был обращен в женский монастырь. Превращение личной собственности в монастырскую было важным делом для разных социальных слоев, но цели были схожими: обеспечить монастырский статус для недвижимости и предотвратить ее возможную конфискацию. Немудрено, что Константинопольский собор 861 г. выступил против создания монастырей в частных домах, но без особого успеха, о чем говорит описанная Новеллой (указом) 996 г. императора Василия II ситуация: в деревнях крестьяне строят церкви на своей земле, затем с разрешения жителей селения оставляют ей всю собственность, становятся монахами и проводят там остаток жизни, так что часть дворовых владений Чанли Килиси со временем могла стать монастырями (например, двор участка I часовни не имел, ею стала служить обычная комната, а позже была построена каменная церковь).

То, что при всей влиятельности византийского монашества сложно на основе материальных остатков определить, где монастырь, а где нет, вряд ли удивительно. Даже самая влиятельная и хорошо описанная структура Византии, императорский двор, визуально трудно определима. А ведь придворная жизнь подчас организована строже, чем монастырская, и тоже требует хорошо спланированных зданий с залами для церемоний.

Пусть назначение поселения Чанли Килиси остается до конца невыясненным, в нем явно слишком много обширных, хорошо выстроенных усадеб с парадными помещениями. Это не дома крестьян, их обитатели занимают гораздо более высокое положение на социальной лестнице. Что привело их в Каппадокию?

Вспомним о связи Чанли Килиси и крепости Акхисар – узла в стратегической византийской “системе упреждения” арабских вторжений. Она защищала узкую полосу, ведущую на высокогорье Каппадокии и к соседним поселениям, из которых

Институт археологии РАН, Москва

Чанли Килиси – ближайшее и самое значительное. В крепости стоял гарнизон, а командиры, служа в провинции, обычно брали с собой семьи. Это требовало соответствующих их статусу жилищ. Чанли Килиси и могло служить местом размещения семей военных, охранявших крепость (хотя здесь жили и местные землевладельцы, гражданская администрация, связанные с ними люди невысокого социального статуса). Исследования на поселениях Ачик Сарай (Açik Saray) и Селим (Selime) уже заставили соотнести их с военными квартирами: неподалеку от крепости в Селиме обнаружены скопления хорошо спланированных жилых комплексов.

Полное отсутствие поселенческой археологии в регионе заставляет Р. Оустерхаута видеть в своих выводах рабочие гипотезы. Но материал, предоставленный изученным памятником, выглядит убедительно. Углубленно анализируя полученные на Чанли Килиси данные, Р. Оустерхаут смог не только соотнести архитектуру и фресковую живопись Каппадокии с общевизантийской художественной традицией, но и предложить ответы на ряд старых вопросов социальной и культурной истории средневековой Каппадокии.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ousterhaut P.* Византийские мастера-строители. М.; Киев, 2005.
- Nelson R.S.* Living on the Byzantine Borders of Western Art // *Gesta*. 1996. V. 35 (1).
- Ousterhout R.* The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, D.C., 1987 (Dumbarton Oaks Studies; 25).
- Ousterhout R.* An Apologia for Byzantine Architecture // *Gesta*. 1996. V. 35 (1).
- Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium. Princeton, 1999.
- Ousterhout R.* The Art of the Kariye Camii. L.; Istanbul, 2002.
- Ousterhout R., Klein H.* Restoring Byzantium: The Kariye Camii in Istanbul and the Byzantine Institute Restoration. N.Y., 2004 (Exhibition catalog).
- Ramsay W.M., Bell G.L.* The Thousand and One Church. Philadelphia, 2008.

Л.А. Беляев, С.Б. Григорян

### **Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. РУССКИЙ УДЕЛ ЭПОХИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА. СЕРПУХОВСКОЕ КНЯЖЕНИЕ В СЕРЕДИНЕ XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в. М.: Министерство образования и науки РФ, Министерство образования Московской области, Коломенский государственный педагогический институт, 2008. 276 с.; илл.**

Проблема изучения удельного периода жизни Московского княжества частично разработана в отечественной историографии. Следует отметить обстоятельную работу В.Д. Назарова по Дмитровскому уделу (1975), монографию С.З. Чернова по Волоколамскому уделу (1998), книгу автора отзыва по Звенигородскому уделу (Юшко, 2005). Выход в свет фундаментального издания, посвященного истории одного из самых крупных и древних уделов Московского княжества – Серпуховского, – знаменательное событие. Свой выбор авторы мотивируют тем, что историю удела можно проследить без перерывов на протяжении более 100 лет (1340–1456). Считая Серпуховской удел самым крупным, авторы полагают, что по территории времени

Владимира Андреевича и Василия Ярославича он мог соперничать с полноценными княжествами XIV–XV вв. Достоинство выбранного региона заключается также в том, что по нему сохранился выдающийся комплекс источников – девять междукняжеских договоров и две духовные грамоты.

Рецензируемая работа написана с комплексным использованием источников, что характерно и для первой книги А.Б. Мазурова (2001). Помимо политической истории такой метод позволил коснуться вопросов исторической географии, истории церковной организации и культуры. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, шести приложений, раздела по

генеалогии серпуховских князей и указателей. Во Введении обоснован выбор территории; приведено краткое изложение истории Серпуховского удела и изменений, коснувшихся его статуса; разграничен вклад, внесенный каждым из авторов в проделанное исследование.

Первая глава традиционно посвящена обзору источников и историографии. Их круг весьма широк: это письменные, археологические, эпиграфические, нумизматические, сфрагистические, картографические, изобразительные источники (подобный синтез не часто встречается у историков), но источниковедческие сюжеты (кроме письменных) авторы сочли нужным вынести в приложения. Вряд ли нужно делить главу об источниках на два подраздела: “Летописные статьи о серпуховских князьях, потомках Калиты” и “Сведения о городах и волостях, входивших в состав княжества” (с. 10, 11). Первый подраздел очень краток и в нем почему-то речь идет лишь о Владимире Андреевиче и его внуке Василии Ярославиче (без ссылок на летописи) – проще было бы отослать читателя к приложениям, где есть обстоятельная статья о серпуховской ветви московского княжеского дома с родословной таблицей (с. 258–264).

В подразделе выделены летописные своды, содержащие сведения по истории Серпухова и его округи. Сопоставление авторов к заключению, что в конце XIV в. в Москве был составлен общерусский летописный свод, содержащий основной массив известий о жизни серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго. Позитивные оценки его деятельности сохранил и Свод 1409 г., отраженный в сгоревшей Троицкой летописи, восстановленной на основе Симеоновской летописи, Рогожского летописца и выписок Н.М. Карамзина. В конце подраздела ставится вопрос о существовании семейного летописца князя Владимира Андреевича.

Второй подраздел первой главы содержит изложение историографии. Специальных работ, посвященных истории Серпуховского удела, нет, поскольку, как пишут авторы, “сама проблема так и не была поставлена” (с. 18). А.Б. Мазуровым и А.Ю. Никандровым был проведен обзор сюжетов, связанных с историей Серпуховского удела, в работах таких историков, как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Л.В. Черепнин. В отдельную группу выделены работы краеведческого направления. Дан обзор литературы по истории отдельных городов княжества (Серпухов, Малоярославец, Перемышль).

Вторая глава монографии посвящена вопросам исторической географии Серпуховского удела. Вопросы эти крайне важны для проведения границ отдельных территориальных образований. Глава разбита на четыре подраздела, первый из которых описывает предысторию серпуховских земель XII–XIII вв., остальные три – исторической географии владений князя Андрея Ивановича, Владимира Андреевича и его наследников. На основе проделанных локализаций представлены соответствующие карты.

В начале главы речь идет о распределении государственных границ соседствующих в бассейне Москворечья и левобережья Оки крупных княжеств: Смоленского, Черниговского, Рязанского и новгородских земель. Вопрос этот частично затронут в одной из наших работ (Юшко, 1993. С. 66–73). Однако А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров рассматривают его гораздо обстоятельнее: уточнены пределы владений Рязанского княжества в бассейнах Нары, Протвы и Лужи; в бассейне Протвы прослежены и черниговские владения (Тарусский удел с г. Оболенском, волость Заберег в верховьях Протвы); рассмотрен вопрос о границах между Москвой и Рязанью по Оке.

В этом разделе привлекаются данные по археологии времени, предшествовавшего образованию удела (XI–XIII вв.).

Авторы справедливо отмечают, что плотность населения на территории будущего ядра Серпуховского удела была невелика. Однако это положение желательно подтвердить археологической картой в пределах границ удела, верно о контурного А.Б. Мазуровым и А.Ю. Никандровым на основании локализаций волостей (рис. 2). Карта славянской колонизации этой территории, приведенная на рис. 1, “не работает” – на ней обозначены лишь курганы, а они не дают полной картины, поскольку под каждой насыпью погребен, как правило, лишь один умерший. В качестве источника полной археологической карты можно было бы привлечь один из выпусков свода “Археологическая карта России” (по Серпуховскому р-ну).

Между тем вопрос о заселенности территории в дописьменный период оказывается весьма существенным в связи с тем, что заселенность – это показатель количества налогоплательщиков населения, от нее зависел размер доходов с территории. Это обстоятельство играло немаловажную роль в процессе формирования разных территориальных единиц (уделов, уездов, волостей) и распределения доходов, получаемых с них. Именно в силу этих обстоятельств малонаселенные и неплодородные серпуховские земли оказались во владении самого младшего из сыновей Ивана Калиты князя Андрея. Правда, в качестве компенсации ему выделили ряд сел, находящихся достаточно близко от Москвы (Ясенево, Коломенское, Ногатинское).

Второй раздел Главы посвящен вопросам локализации владений князя Андрея Ивановича (1340–1353). Надо сказать, что вопросы географической номенклатуры духовной Ивана Калиты достаточно разработаны в отечественной историографии. Специально ими занимались В.Н. Дебольский (1901), М.К. Любавский (1929), автор рецензии (Юшко, 2002). Много сюжетов на эту тему имеется в работах С.М. Соловьева, Н.М. Карамзина, В.А. Кучкина, С.З. Чернова и др. Значительно расширяется круг исследований за счет привлечения свежих работ таких авторов, как В.Н. Темушев, Л.В. Митрошенкова, С.В. Шполянский и др.

Однако А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров придали много новых штрихов решению вопроса локализации волостей Андрея Ивановича. Локализованы все 11 волостей князя Андрея. Выборочно отметим то новое, что внесли авторы по волостям: *Лопасня* (проанализирована трансформация от городского центра до возможного центра волости); *Северская* (привлечены топонимические данные, а также проведен анализ географии соседних с Северской волостей); *Сертохов* (проведено размежевание понятий Серпухов-город и Серпухов-волость – до возникновения города была волость Серпохов с центром в с. Серпуховское); *Нивна* (волость впервые локализована по течению р. Нивенка); *Голычичи* (впервые выяснено, что волость располагалась по обеим берегам Нары, а не только по левому, как считалось ранее); *Растовец* (впервые к вопросу о локализации волости привлечен актовый материал). Имеются дополнения и уточнения и по другим волостям.

Строго говоря, удел князя Андрея нельзя отождествить с Серпуховским уделом, сложившимся позже. Во-первых, по размерам он значительно превосходит территорию Серпуховского удела в тех его границах, которые определяются духовной Владимиром Андреевичем. Во-вторых, в духовной Ивана Калиты Серпухов фигурирует, видимо, в качестве рядовой волости, стоящей лишь на четвертом месте в перечне волостей. На первом – Лопасня – самая крупная из волостей, которая, по мнению авторов, во второй половине XIV в. должна была стать удельным центром (с. 30). И в третьих, после смерти князя Андрея в 1353 г. земли его перешли не к прямым наследникам – княгине Марье и малолетним сыновьям, а стали собственностью его дяди – Ивана Ивановича Красного – единственного взрослого представителя рода Калитовичей. В слу-

чае существования самостоятельного Серпуховского удела такой вариант исключался. Думается, что историю Серпуховского удела правильнее было бы начинать с Владимира Андреевича; удел князя Андрея – это лишь территория, оставленная младшему сыну Калиты, в юго-западной части которой позже сложился Серпуховский удел.

Следующий раздел работы посвящен изучению исторической географии удела Владимира Андреевича (1359–1410). Ему предпослан краткий перечень политических событий, предшествовавших его образованию. На наш взгляд, эту преамбулу следовало бы расширить, обозначив круг источников, главный из которых – завещание Владимира Андреевича. Ведь княжеские духовные грамоты прежде всего отражают размеры владений самого завещателя. В монографии же вся номенклатура духовной Владимира Андреевича рассмотрена в следующем разделе, посвященном владениям его наследников. В разделе же о владениях самого Владимира Андреевича, насчитывающих 34 территориальные единицы, из его духовного завещания заимствовано только 6 (Радонеж, Черноголовль, Ярославль, Добрятино, Гоголь, Городец на Волге). Основная часть сведений (18 единиц) извлечена из договорных грамот князей. Хотелось бы видеть анализ набора источников. В точности локализации всех этих владельческих пунктов сомневаться не приходится. По многим из них дана развернутая историческая справка, особенно в отношении городов (Боровск и Лужа, Ярославль, Ржева, Олексин, Городец на Волге), и приведен спектр мнений исследователей.

В итоговой части раздела отмечается разобщенность большинства уделов, не представлявших собой целостных территорий. Ценно наблюдение авторов о том, что среди новых приобретений Владимира Андреевича много слободок (27). Слободы, как известно, были своеобразной формой освоения новых земель, поскольку их владельцы на время освобождались от уплаты налогов. В связи с этим авторы делают справедливое заключение о широкой хозяйственной активности серпуховского князя. Раздел прекрасно иллюстрирован (карта территории Серпуховского удела 1350-х годов, его место на карте Северо-Восточной Руси 1389 г., планы и реконструкции некоторых городов (Дмитров, Радонеж) и др.).

Отдельный раздел вынесены сведения о княжеских селах и деревнях Серпуховского удела (с. 60–64), поскольку, как справедливо отмечают авторы, “в отличие от государственной территории, владение которой носило публично-правовой характер, села и деревни принадлежали князьям на частном (т.е. обычном вотчинном) праве” (с. 60). Сведения о селах Серпуховского удела авторы извлекают из духовных грамот Ивана Калиты (удел князя Андрея), Владимира Андреевича и Елены Ольгердовны. Практически все села князя Андрея духовной Калиты уже локализованы (работы В.Н. Дебольского, М.К. Любавского, автора рецензии). Локализация сел наследников Владимира Андреевича разработана частично (В.Н. Дебольский, С.З. Чернов, К.А. Аверьянов).

Здесь уместно было бы сопоставить перечень сел удела князя Андрея и сел удела Владимира Андреевича. Оказывается, что ряд сел удела князя Андрея в уделе Владимира Андреевича отсутствует (Талежское, Колбасинское, Труфановское). К примеру, авторы, видимо, верно локализируют с. Колбасинское на правом берегу Оки в бассейне Колбасинки. Отсюда следует закономерный вывод о том, что “во времена Ивана Калиты московские князья владели селами за рекой Окой на рязанской стороне” (с. 61). Отсутствие этого пункта в духовной Владимира Андреевича – один из штрихов, характеризующих процесс формирования Серпуховского удела. Подробно изучены села, принадлежавшие Елене Ольгердовне, согласно ее духовного завещания, в котором перечислено 28 сел. Для нагляднос-

ти восприятия хорошо было бы обширные сведения о селах проиллюстрировать таблицей, включающей графы с указанием владельца, источника и его даты. Судьбу некоторых сел удается проследить на протяжении столетий, как, например, с. Ясеневого, последнее упоминание которого содержится в духовной царя Ивана Васильевича IV (1572 г.) (Духовные и договорные..., 1950. С. 434).

Самая объемная третья глава посвящена политической истории Серпуховского удела (с. 65–168). Она так свежо, по-новому освещает судьбу удела и всего Московского княжества удельного периода, что невольно “скатываешься” к пересказу ее содержания. Главу открывает вопрос об образовании Серпуховского удела. Как отмечено выше, его историю авторы начинают с князя Андрея. Но здесь они справедливо сомневаются в таком утверждении и пишут, что термин Серпуховский удел “применительно к середине XIV столетия не вполне правомерен, так как на тот момент города Серпухова еще не было, а была волость, упоминаемая в духовной Ивана Даниловича лишь на четвертом месте. Поэтому правильнее говорить об уделе князя Андрея” (с. 65). Встает закономерный вопрос: не следует ли начинать историю Серпуховского удела с Владимира Андреевича?

Характеризуя удел князя Андрея, авторы отмечают, что городов на его территории не было. Приведены доводы в пользу того, что столицей удела должна была бы стать Лопасня как крупнейшее поселение, но этого не произошло из-за того, что она была захвачена Олегом Рязанским. Завещание князя Андрея не сохранилось. Однако на основе сведений договорной грамоты Калитовичей (1348 г.) авторы прослеживают, что в период его правления ему вместе с братом Иваном отошли четыре села (Духовные и договорные..., 1950. С. 11), а в 1372 г. в состав удела вошел Радонеж.

Князь Андрей умер в 1353 г. С этого момента и до 1359 г. (дата смерти Ивана Ивановича) Серпуховский удел находился под патронатом великого князя, который, по мнению В.А. Кучкина, сажал “в Андреевых волостях своих людей” (с. 70). По духовной Ивана Ивановича (1358 г.), Серпуховский удел достается единственному наследнику – князю Владимиру (в завещании он именуется “братаничем”), которому при вступлении во владельческие права шел всего седьмой год.

Время правления Владимира Андреевича (1359–1410) авторы называют периодом “взлета и резкого укрепления Серпуховского удела” (с. 71). Весь раздел посвящен скрупулезному анализу политической, хозяйственной и военной деятельности нового серпуховского князя, а также выяснению его взаимоотношений с великокняжеской властью.

Изменение статуса Владимира Андреевича как удельного князя А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров прослеживают на основе сличения двух документов – договорной грамоты великого князя Семена с братьями Иваном и Андреем (они датируют ее 1348 г.) и докончальной великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем (1364–1365 гг.). В первом документе провозглашался принцип “тобе знати своя отчина, а мне своя отчина”, т.е. удел серпуховского князя – особая “отчина” в составе Московского княжества. “Удел Владимира Андреевича приобрел определенные черты самостоятельности” заключают авторы (с. 73). Во втором же документе удельный князь провозглашался “братом младшим”, а великий князь – “братом старейшим”. Такое положение, как справедливо полагают авторы, “было актом политическим, закрепляющим его (Владимира Андреевича) неравноправие и пониженный политический статус” (с. 73).

Еще более понизился статус Владимира Андреевича к 1372 г., когда двоюродные братья заключили новый, второй по



счету договор. В нем Владимир Андреевич именуется “братом младшим и сыном”, что снижает позицию серпуховского князя ровно на ранг (с. 79). Скрытый смысл этих договоренностей – в обеспечении наследственных прав сына великого князя, грудного ребенка, и отстранении Владимира Андреевича от притязаний на великое княжение. По второй духовной великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.) Владимир Андреевич вынужден будет признать великого князя “отцом” и полностью лишится притязаний на великое княжение.

Однако после затяжных конфликтов между великокняжеской властью и удельным князем 1389 и 1390 гг. было заключено перемирие, скрепленное в январе 1390 г. заключением договора, согласно которому Владимир Андреевич вновь стал “братом младшим” великого князя, как в 1364–1365 гг. Ему были возвращены все его ранее захваченные владения, а также отошли Волок и Ржева. Оценивая договор 1390 г., авторы пишут, что “новый великий князь согласился с притязаниями своего дяди Владимира Андреевича на положение второго лица в государстве” (с. 107). Он стал обладать более значительными ресурсами, чем второй наследник Дмитрия Донского, князь Юрий Дмитриевич. После заключения договора 1390 г. и вплоть до 1410 г. сведений о Серпуховском уделе крайне мало, но конфликтов между великим князем и Владимиром Андреевичем, видимо, больше не было. Он продолжал оставаться вторым человеком в государстве.

Владимир Андреевич обладал недюжинным полководческим талантом. Впервые на политической арене он выступил в 9-летнем возрасте, когда вместе с Дмитрием Ивановичем и Иваном Ивановичем принял участие в походе против суздальского князя Дмитрия Константиновича, претендовавшего на великокняжеский стол. Его военная деятельность всегда была связана с поддержкой политики московского великокняжеского дома. Так, весной 1368 г. он по приказу великого князя захватил стратегически важный пункт – Ржеву. Зимой 1368–1369 гг. он был уже в Новгороде Великом для оказания помощи псковичам против немцев. А двумя годами позже, когда тверскому князю Михаилу Константиновичу удалось получить ярлык на великое княжение, Владимир Андреевич выступил в поддержку московского князя Дмитрия Ивановича. Особенно проявился полководческий талант Владимира Андреевича во время Куликовской битвы, когда после ранения Дмитрия Ивановича он принял общее командование сражением. Далее Владимир Андреевич участвовал в военных действиях, связанных с отношениями Москвы и Новгорода, помогая предотвратить нашествие Тамерлана на Москву.

Заключительная часть раздела об уделе Владимира Андреевича посвящена анализу нумизматического материала, который авторы превратили в важный источник политической истории. Так, чеканка монет Владимира Андреевича с изображением барса – эмблемы г. Владимира – означает притязание серпуховского князя не только на Великое Московское княжение, но и на Владимирское, хотя никаких законных прав на это у него не было. В этой связи авторы тонко подмечают, что такая символика монет имела целью подчеркнуть старшинство Владимира Андреевича в роду московских князей. Он был единственным потомком Ивана Калиты во втором поколении. Авторы пишут: «Скорее всего, эти ранние монеты с “барсом” говорили именно о родовом старшинстве серпуховского князя, а не о претензиях на общерусское старшинство» (с. 119).

Удачен подбор иллюстраций к этому большому разделу (изображения Владимира Андреевича на миниатюрах Лицевого свода и фресках Архангельского собора; картографические материалы по Серпухову и его окрестностям).

Последние три раздела главы посвящены финальному этапу развития Серпуховского удела (1410–1456 гг.). Он начинается

с детального анализа духовного завещания Владимира Андреевича (ему же посвящена особая источниковедческая статья в составе приложений). Основной смысл завещания заключался в стремлении серпуховского князя обезопасить своих наследников от посягательств со стороны великого князя. Рассматривая вопрос о размерах даней, авторы приходят к заключению, что Серпуховской удел по уровню экономического развития до 1410 г. занимал второе место, уступая лишь Коломенскому (с. 129). Распределение даней, как пишут авторы, “ломает все закономерности”. Вместо старшего сына на первом месте стоит княгиня-мать, доля второго сына меньше всех, а третьего – больше всех братьев. Объяснение этому авторы усматривают в том, что после грабительских походов на Русь Едигея и Свидригайло платежеспособность некоторых районов сильно снизилась, в соответствии с чем Владимир Андреевич вынужден был уменьшить размер даней с этих районов, изменив при этом привычный перечень наследников.

Теперь Серпуховское княжение оказалось разделенным на шесть уделов, что резко снижало его экономическую мощь и силу, а также политическое значение Серпуховского княжеского дома. Скучность летописных данных об уделе этого периода авторы восполняют анализом нумизматического материала. Известны монеты трех наследников: Ивана, Семёна и Ярослава. Все они систематизированы и сведены в таблицу (рис. 40). Так, изображение ордынского элемента на оборотной стороне монет двух типов Ивана Владимировича авторы связывают с повышенным рангом чеканки, поскольку кроме серпуховских монет лишь московские имели ордынский элемент. Авторы пишут, что “ранние монеты Ивана прямо используют штемпеля его отца Владимира Андреевича. Тем самым фиксируется непрерывность монетного дела и переход по наследству старшему сыну монетных штемпелей” (с. 136).

На монетах всех трех наследников имеется изображение голов, соединенное затылками. Этот сюжет авторы трактуют как политическое явление. “Оно символизирует двух великих князей и солидарность князей удельных, выпустивших подобные монеты, с Василием I в том, что великокняжеский титул наследует его сын” (с. 136). Подобных выводов политического характера из анализа монетного дела у нумизматов мы не найдем. Далее авторы, по крупицам собирая сведения источников, прослеживают судьбу наследников Владимира Храброго.

Подводя итоги развития Серпуховского княжества с 1410 по 1427 гг., авторы монографии отмечают, что дробление княжества серьезно ослабило крупный удел. Уместно приводится мнение А.Е. Преснякова о том, что дробление владений “свело князей Владимировичей на положение мелких подручных великого князя” (с. 147). В процесс дробления вмешалась историческая случайность. В связи со смертью всех сыновей Владимира Андреевича к началу 1430-х годов единственным наследником стал его внук Василий Ярославич.

Следующий раздел истории серпуховского княжества приходится на период феодальной войны и годы правления Василия Ярославича. Суть конфликта, лежащего в основе феодальной войны, заключался в борьбе за престолонаследие двух политических порядков: складывавшейся наследственной монархии и представителей удельной системы в лице Юрия Дмитриевича и его сыновей. Переход власти от великого князя к удельному способствовал бы сохранению политической раздробленности.

Сложные перипетии феодальной войны авторы монографии рассматривают, имея в виду судьбу Серпуховского княжества и его правителя Василия Ярославича. Еще в начале войны, в 1428 г., между ним и великим князем был заключен примирительный договор, в котором шла речь о неприкосно-

венности “отчины” Владимира Андреевича. Согласно “Записи о душегубстве” (авторы датируют ее 1428–1431 гг.), Серпухов по особо тяжким преступлениям становится подвластным московскому наместнику, что приносило московской казне немалый доход. На рубеже 1433–1434 гг., за четыре года до смерти, престарелая регентша Серпуховского удела Елена Ольгердовна передала права на его земли внуку Василию Ярославичу в обход завещания Владимира Андреевича.

С этого момента начинается активная деятельность нового правителя. Он присутствует при заключении междукняжеских договоров, участвует в военных действиях на стороне Василия II. Авторы подсчитали, что Василий Ярославич в период феодальной войны был участником семи столкновений (на стороне Василия Темного) и трех – с татарами (с. 164). Его военный отряд насчитывал около 1,5 тыс. человек.

На основании анализа междукняжеских “докончальных” соглашений А.Б. Мазурову и А.Ю. Никандрову удалось проследить изменения статуса Серпуховского удела и его правителя в ходе феодальной войны. Если в начале войны (1433 г.) Василий Ярославич был “братом младшим и сыном” великого князя (Духовные и договорные..., 1950. С. 69), то в договоре 1447 г. он уже именуется “братом старейшим” (Духовные и договорные..., 1950. С. 129). Статус его повысился благодаря активному участию серпуховского князя в военных действиях на стороне великого князя. В третьей договорной грамоте (1454 г.) (Духовные и договорные..., 1950. С. 168) статус серпуховского князя резко снижается. Он опять становится “братом младшим”, который обязан был признать старшинство всех детей Василия Васильевича. Это связано, видимо, с тем, что к концу феодальной войны надобность великого князя в его военной помощи отпала.

Как видим, великие князья, стремясь к созданию централизованного государства, манипулировали судьбами удельных князей в своих интересах. Дело шло к ликвидации удела, чему и посвящен третий раздел Главы III. Авторы справедливо подчеркивают, что присоединение серпуховских земель было не единственным актом 50-х годов. К Москве был присоединен Дмитров, Углич, Галич, Можайский удел. Все это этапы на пути к централизации государства.

3 июля 1456 г. Василий Ярославич был арестован и с тремя сыновьями отправлен в заточение в Углич. Одним из главных побудительных мотивов такого шага А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров считают проявление Василием II заботы о формировании владений для своих сыновей. После присоединения удела центральная власть произвела ревизию земельных владений на его территории. Казалось, что с уделом было покончено, однако в начале 1462 г. была предпринята попытка его реставрации, связанная с сыном Василия Ярославича Иваном. Его поддержал можайский князь Иван Андреевич. Однако заговорщики были разгромлены и подвергнуты мученической смерти, а в первой половине 1483 г. умер в заточении и Василий Ярославич. Он был погребен в Архангельском соборе Кремля на почетном месте – у алтаря собора; погребение было парным относительно захоронения самого Василия Темного. Авторы приводят здесь заключение краеведа Н.Ю. Фроловой о том, что “Василию Ярославичу посмертно воздвигалось должное за его заслуги” и “учитывалось не столько ближайшее родство с великим князем, сколько его мученическая кончина” (с. 183). Заключает главу закономерный вывод авторов о том, что “великий князь мог теперь по своему произволу решать судьбы удельных собратьев” (с. 183).

Блестяще написана заключительная часть монографии, где в четкой и сжатой форме прослежена не только история Сер-

пуховского удела, но и удельной системы в целом, причем не только Московского княжества. Это княжество быстро росло за счет разного рода “примыслов”, в то время как другие развивались в четко очерченных пределах. Из числа этих “примыслов” московские князья выделяли наделы своим удельным собратьям. Авторы подробно рассматривают права и обязанности князей великих, удельных и служебных. Великий князь был главнокомандующим, обладал исключительным правом ведения внешней политики и исключительными финансовыми правами по сбору дани и доставки ее в Орду. Он владел большей, наиболее населенной частью княжества и мог делить землей своих младших сородичей. «К классическому русскому уделу, – пишут авторы, – вполне применимо определение “государство в государстве”» (с. 215). Удельный князь был обычно добровольным союзником великого князя. Ему принадлежало исключительное право на осуществление суда. У него был собственный двор, он чеканил свою монету. Служебные князья имели более ограниченный объем суверенных прав, не чеканили своей монеты, не участвовали в заключении внешнеполитических договоров. Для них великий князь был “господарем”, что означало жесткую и однозначную их зависимость и необходимость нести военную службу по любому распоряжению великого князя (удельные князья выступали в поход лично).

Авторы заключают, что “магистральной путь истории XIV–XV вв. состоял в постепенной эволюции удельного князя в князя служебного” (с. 216), и прослеживают направления, по которым шло наступление на права серпуховского князя. Это было постепенное устранение его от внешнеполитических дел, а также ограничение судебных и финансовых прав. Авторы выделяют два этапа борьбы с удельным строем в Московском княжестве: “На первом этапе главным вопросом стало закрепление львиной доли владений и власти за великим князем и его сыновьями. Московское княжество должно было вначале стать семейной вотчиной великокняжеской семьи. Именно поэтому, несмотря на почти полную ликвидацию уделов к концу жизни и Василия Тёмного, и Ивана III они вновь и вновь выделяли из собранных и объединенных земель уделы своим сыновьям. Вначале из удельной системы были в основном устранены боковые ветви династии, и лишь затем началась борьба с самими принципами выделения уделов” (с. 218).

Отдельного рецензирования требуют разделы, вынесенные в Приложения. Всего их шесть, причем каждый – образец историко-ведческого анализа. В статье А.Б. Мазурова “Об удельном архиве серпуховских князей 1360–1456 гг.” впервые был поднят вопрос о существовании и формировании такого архива, предпринята попытка его реконструкции. Самыми ранними документами этого архива исследователь считает соглашения Владимира Андреевича с великими князьями московскими Дмитрием Донским (1364–1365 гг.) и Василием I, из чего делается заключение, что прецедент создания архива закладывается в середине 60-х годов XIV в. (с. 221). Автор приходит к заключению, что не все соглашения Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича дошли до нашего времени, так что полной картины взаимоотношений великого князя и его серпуховского сородича мы не имеем.

Наиболее важный документ удельного архива – духовная Владимира Андреевича. До нас дошли три ее списка, а подлинник, как доказывает автор, пропал между началом 1460 г. и началом XVI в.; устанавливается последовательность списков. В перечень документов архива серпуховских князей включается докончание великого князя Василия II с Василием Ярославичем (1432–1433 гг.) (в списке XV в.); духовная вдовы Владимира Андреевича Елены Ольгердовны (1433–1434 гг.); докончание можайского князя Ивана Андреевича и серпухов-

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ского Ивана Васильевича (1456–1462). По мнению А.Б. Мазурова, “удельный архив наряду с печатью, чеканкой монет и военным стягом был важнейшим атрибутом владетельного князя”, а “Составление противник докончания от имени удельного державца, а не только великого князя, говорило о том, что удельного князя признают в качестве субъекта государственной политики, что его удел есть самостоятельная вотчина-княжество. А не доля в общеродовой собственности” (с. 225, 226). Последующие три статьи приложений посвящены завещаниям Владимира Андреевича Храброго, Василия I и Елены Ольгердовны.

В заключение хочу сказать, что работа обладает неоспоримыми достоинствами и уже отмечена премией Министерства образования и науки РФ. Необыкновенная внимательность к источникам и широкая научная эрудиция позволили авторам по-новому оценить документы, которыми пользовалось не одно поколение историков, пересмотреть многие датировки (особенно духовных и договорных грамот), разработанные в свое время Л.В. Черепниным. Ведущий автор (А.Б. Мазуров) – ректор Коломенского педагогического института; отродно видеть монографию, написанную им в соавторстве со своим учеником А.Ю. Никандровым. Можно сказать, что в Коломне складывается своя научная школа, которой хочется пожелать дальнейших успехов.

Институт археологии РАН, Москва

- Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты князей XIV–XV вв. как историко-географический источник // ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. I, III. Кн. 5.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.; Л., 1950.
- Любавский М.К.* Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.
- Назаров В.Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975.
- Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV вв. М., 1993.
- Юшко А.А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. М., 2002.
- Юшко А.А.* Звенигород московский и удел звенигородских князей. М., 2005.

А.А. Юшко

**Tingley N. ARTS OF ANCIENT VIET NAM: FROM RIVER PLAIN TO OPEN SEA. With essays by Andreas Reinecke, Pierre-Yves Manguin, Kerry Nguyen-Long, Nguyen Dinh Chien. Houston: Asia Society – The Museum of Fine Arts, 2009. 356 p., ill. (ISBN 978-0-300-14696-7)**

Монография Нэнси Тингли посвящена искусству и археологии Вьетнама. Она представляет собой каталог выставки “Искусство древнего Вьетнама: от речной долины к открытому морю”, которая проводилась с 13 сентября 2009 по 3 января 2010 г. в Музее изящных искусств Хьюстона (Museum of Fine Arts) и со 2 февраля по 2 мая 2010 г. в Музее Азиатского общества, Нью-Йорк. Книга богато иллюстрирована: к девяноста предметам выставки добавляются многочисленные фотографии в сопроводительных очерках. Все они цветные. Каждый предмет представлен кратким, но содержательным описанием вкпе с научным комментарием, всегда имеющим ссылки на предыдущие публикации артефактов. Описания и комментарии принадлежат перу Н. Тингли, равно как и введение (с. 1–19). Однако монография снабжена обобщающими очерками истории и археологии Вьетнама, что делает ее превосходным введением в современную историографию.

Андреас Райнеке характеризует ранние культуры Вьетнама в I тыс. до н.э.: Донгшон, Шахюинь, Донгнай и “До-Фунань” (с. 20–53). донгшонская культура, господствовавшая в северном Вьетнаме, давно известна своими знаменитыми бронзовыми барабанами, которые археологи находят во многих частях Юго-Восточной Азии. Эти барабаны, по-видимому, распространялись благодаря широкой обменной сети. Характерная черта донгшонской культуры – развитая металлургия бронзы. Железные предметы на ее памятниках встречаются редко. Донгшон был связан с культурой Диань китайской провинции Юннань (с. 31).

В центральном Вьетнаме господствовала культура Шахюинь. Ее погребения отличаются явным преобладанием железных артефактов, костяки лежат в скорченном состоянии в кувшинах (в донгшонской культуре – вытянуты на спине и не в кувшинах, а в гробах, порою так называемой лодочной формы). Среди носителей культуры Шахюинь были популярны серьги, часто в виде двуглавых животных. Распространены бусы из полудрагоценных камней (сердолика, агата, горного хрусталя и нефрита), стекла и золота.

Культура Донгнай существовала на юго-востоке современного Вьетнама. Она известна своим бронзовым литьем и своеобразными, не находящими аналогов статуэтками ящеров, одна из которых представлена в каталоге (№ 22). На юго-западе Вьетнама современные археологи обнаружили культуру “До-Фунань” (от названия первого царства Юго-Восточной Азии, засвидетельствованного письменными источниками). Ее носители занимались производством “белого золота” – соли (с. 44, 45).

В каталоге представлены бронзовые предметы: топор, кинжал и барабаны (№ 3, 4), ведро (№ 6), колокольчик, ковшик и другие сосуды, погребальная урна с крышкой (№ 14), нефритовые серьги, сердоликовые и стеклянные бусы и бронзовая статуэтка ящера (№ 22).

Пьер-Ив Мангэн суммирует данные об археологии древней политики Фунани и культуре Окео в низовьях Меконга (с. 100–118). Окео (Oc Eo) – археологический памятник на зем-

ляном холме в провинции Ангианг южного Вьетнама в 25 км от Сиамского залива, раскопавшийся в 1944 г. Луи Малере и в последние годы – совместной французско-вьетнамской экспедицией (Malleret, 1959–1963; Art and Archaeology..., 2003; Manguin, Vo Si Khai, 2000). Название Окео стало эпонимом для археологической культуры первых веков н.э. в этом районе. Этническая принадлежность Фунани неизвестна. Наиболее распространена гипотеза о ее кхмерском происхождении, но есть и сторонники идеи о чамском, шире – австроазиатском языке в Фунани. В настоящее время только три памятника культуры Окео подверглись широкомасштабным раскопкам: собственно Окео, поселение и храм Готяп (Go Thap) во вьетнамской провинции Донгтхап и Ангкор Борей (Angkor Borei) в Камбодже. Остальные материалы получены в результате разведочного изучения низовой Меконга, анализа рынка древностей и музейных коллекций.

Ссылаясь на данные радиоуглеродного анализа из древних каналов, Мангэн отмечает, что возникновение на рассматриваемой территории государственности предшествовало восприятию индийской культуры (индианизации; с. 110). Сеть каналов была построена во II–III в. н.э. Они, по всей вероятности, использовались для осушения заболоченной равнины и предотвращения наводнений Меконга (контроля над водными ресурсами), а также для перевозки грузов. В истории Фунани важную роль играли международная торговля и рисоводство. Заимствование элементов индийской культуры началось в конце IV в. н.э. В этом процессе большую роль играли приверженцы вишнуизма, судя по широкому распространению в V–VI вв. статуей Вишну и вишнуитской терминологии в ранней санскритской надписи Гунавармана из Камбоджи К. 5 (с. 111, 112; Manguin, Dalscheimer, 1998. P. 87–123). Культура Окео неожиданно исчезает в середине VII в. Причины ее упадка остаются предметом спора.

На памятниках культуры Окео вьетнамские археологи обнаружили любопытный тип погребальных сооружений, имеющих сходство со среднеазиатскими памятниками и показывающих вероятное влияние (а возможно, и присутствие) индоиранских традиций: четырехугольная яма глубиной до пяти метров на холмах или склонах кряжей, с краями, усиленными за счет кирпичных или деревянных структур, и ровным дном. В середине расположен маленький кирпич, по форме напоминающий трубу, в которую помещали пепел вместе с бусинами и другими посвяжительными предметами. Его засыпали песком, а всю яму заполняли булыжниками, так что на поверхности виднелась лишь груда камней (с. 113, 114).

В каталоге культура Окео представлена фрагментом кровельной черепицы (№ 25), деревянными и бронзовыми статуями Будды, каменными, бронзовыми и песчаниковыми статуями Вишну, бодхисатвы из песчаника (№ 41), Ганешей из того же материала (№ 42), каменной Дургой (№ 46), бронзовой рукоятью с двумя головами животных (№ 29), каменной лингой Шивы (№ 30), каменными статуями Сурьи и бодхисатвы Локешвары (№ 53, 54), инталиями, подвесками, хрустальными и золотыми бусинами, золотым кольцом и формой для монет и драгоценностей (№ 33). Особое внимание уделено материалам раскопок в Госоай (Go Hoai), провинция Лонган (№ 47–52). Там было найдено много золотых изделий, одно из которых – лист с буддийской надписью VII–VIII вв., содержащей буддийский символ веры (№ 49; с. 166, 167).

Следующая глава, написанная Н. Тингли, посвящена Чапме – стране австронезийских народов, которые говорили на чамском языке и создали несколько царств, могущество которых основывалось на участии в международной торговле (с. 176–197). Чапма располагалась в Центральном и Южном Вьетнаме от провинции Биньтхуан на юге до провинции Ку-

ангнам на севере. Австронезийские племена чамов заселили эти области в I тыс. до н.э. В первых веках н.э. они создали первые политии. Основными источниками по истории Чапмы остаются надписи, данные вьетнамских и китайских летописей, памятники архитектуры и скульптуры. С каждым годом возрастает значение археологических изысканий на уже известных памятниках чамского зодчества и прилегающих к ним территориях.

Н. Тингли описывает наиболее значительные памятники чамского искусства: святилища Мишона, буддийский монастырь Донгдзыонг и слоновые башни Дзыонглонга. Она отмечает связи чамской культуры с Индией, Явой, Камбоджей и Китаем. Одной из особенностей религиозных сооружений чамов являются украшенные резьбой пьедесталы для статуй божеств. Храмы, как правило, ориентированы на восток. Несмотря на заимствования определенных художественных и мировоззренческих элементов из Индии и некоторые параллели с искусством Явы и Камбоджи, чамская культура глубоко своеобразна. В результате раскопок в Гокам (Go Cam), провинция Куангнам, обнаружили связи между культурой Шахюинь (см. выше) и чамскими. Вместе с тем история Чапмы изобилует сменой политических и региональных центров, поэтому говорить о ее непрерывном развитии вряд ли приходится. Последняя чамская надпись относится к XV в., а последний памятник чамского искусства – кирпичная башня Пороме (Po Rome) из провинции Ниньтхуан – был построен в XVII в. Упадок Чапмы вызван многими факторами: и распространением среди чамов ислама, и экспансией Дайвьета на юг, и утратой господства на торговых путях. Тем не менее народность чамов не исчезла: ее предшественники живут во Вьетнаме и по сей день.

Рецензируемый каталог содержит каменные статуи богов и богинь, каменный пьедестал (№ 58), бронзовые статуи Будды, Локешвары, бодхисатвы Майтрейи, каменные образы Шивы (№ 60) и Дхармапалы (№ 63), другие статуи и рельефы. Последний чамский предмет каталога – сидящий Шива из камня (№ 75), датирующийся XV столетием.

Керри Нгуен-Лонг реконструирует торговлю вьетнамского порта Хойан (Hoi An) в XVI–XVIII вв. (с. 242–267). Предмет ее исследования – керамика, представленная в каталоге банками, кувшинами, чашами, чашками, бутылками, тарелками, мисками из глины или камня (№ 76–90). Особое место занимают предметы, связанные с кораблекрушением XV в. около острова Кулаотьям (Cu Lao Cham, № 86a–o): каменный кувшин в форме феникса (№ 86b), каменная подставка для щетки в форме попугая (brushwasher, № 86f) и пипетка в форме лягушки (№ 86g), обе с синей глазурью, каменное большое блюдо с драконом (№ 86j) и другие вещи. Расположенные на глубине семидесяти метров остатки этого кораблекрушения были обнаружены рыбаками в 1993–1994 гг., а в 1997–1999 гг. подверглись целенаправленному изучению. Керамике из кораблекрушений, в том числе Кулаотьям, посвящено приложение Нгуен Динь Чена (с. 314–329), в котором кратко описываются типы найденных сосудов вьетнамской и китайской керамики эпох Мин и Цин.

В целом каталог “Искусство древнего Вьетнама” получился очень содержательным, красочным и фундаментальным. Тем не менее ряд положений монографии (которую есть основания считать коллективной, учитывая объем работы, сделанной коллегами Н. Тингли) вызывает некоторые возражения.

Во-первых, индианизация Фунани, по-видимому, началась раньше конца IV в., вопреки мнению П.-И. Мангэна. Побывавшие в этой политике между 245 и 250 гг. китайские послы Кан Тай и Чжу Ин пишут, что “их буквы для письма похожи на те, которые использует народ ху (обитатели Средней Азии,

заимствовавшие письменность индийского происхождения. – А.3.)” (Pelliot, 1903. P. 254; Wheatley, 1983. P. 121, 148; Hall, 1985. P. 48; Ishizawa, 1995. P. 13–18). Если это сообщение достоверно, то заимствование индийской письменности обитателями Фунани должно было произойти до середины III в.

Во-вторых, роль культа Вишну в процессе индианизации не следует преувеличивать, поскольку есть материалы, которые трудно связать с вишнуизмом. В частности, это надписи Мулавармана с юго-востока Калимантана, где нет никаких следов данного культа (Vogel, 1918. P. 167–232; Chhabra, 1965. P. 85–92). Стела из Вокань, хотя и неполная, едва ли содержит указания на почитание Вишну (Filliozat, 1969. P. 107–116). В любом случае индианизацию не следует рассматривать как единый и единственный процесс. Вероятно, она протекала по-разному в зависимости от места и времени. На Западной Яве в надписях Пурнавармана культ Вишну представлен (Vogel, 1925. P. 15–35; Chhabra, 1965. P. 93–97. Pl. 4–18; Sarkar, 1971. P. 1–12), а на Калимантане – нет.

В-третьих, Чанди Севу на Центральной Яве датируется VIII в., а не X в., как указывается в каталоге Тингли (с. 183, ил. 6) (Dumarçay, 1996. P. 76, 77).

Никакие расхождения автора рецензии с авторами каталога по частным вопросам, однако, не могут повлиять на его высокую оценку. Думается, изданная Н. Тингли монография станет незаменимым источником для всех специалистов по истории и искусству Вьетнама.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Art and Archaeology of Fu Nan, Pre-Khmer Kingdom of the Lower Mekong Delta / Ed. J.C.M. Khoo. Bangkok, 2003.
- Chhabra B.Ch. Expansion of Indo-Aryan Culture During the Palava Rule (as evidenced by inscriptions). Delhi, 1965.
- Dumarçay J. Buddhism and Architectural Change // Indonesian Heritage. V. I. Ancient History / Ed. J. Miksic. Singapore, 2001.
- Filliozat J. L’Inscription dite “de Vo-can” // Bulletin de l’Ecole Française d’Extrême-Orient. 1969. T. 55. Fasc. 1.
- Hall K. Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia. Honolulu, 1985.
- Ishizawa Y. Chinese Chronicles of 1<sup>st</sup>–5<sup>th</sup> Century A.D. Funan, Southern Cambodia // South East Asia and China: Art, Interaction and Commerce: Colloquies on Art and Archaeology in Asia. № 17 / Eds R. Scott, J. Guy. L., 1995.
- Malleret L. L’Archéologie du delta du Mékong. T. I–IV. Paris, 1959–1963.
- Manguin P.-Y., Dalscheimer N. Visnu mitrés et réseaux marchands en Asie du Sud-Est: nouvelles données archéologiques sur le 1<sup>er</sup> millénaire apr. J.-C. // Bulletin de l’Ecole Française d’Extrême-Orient. 1998. T. 85. Fasc. 1.
- Manguin P.-Y., Vo Si Khai. Excavations at the Ba Thê/Oc Eo Complex (Viêt Nam): A Preliminary Report on the 1998 campaign // Southeast Asian Archaeology 1998: Proceedings of the 7<sup>th</sup> Intern. conf. of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, Berlin, 1998 / Ed. W. Lobo. Hull; Berlin, 2000.
- Pelliot P. Le Fou-nan // Bulletin de l’Ecole Française d’Extrême-Orient. 1903. T. 3. Fasc. 1.
- Sarkar H.B. Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (up to 928 A.D.). V. I. Calcutta, 1971.
- Vogel J.Ph. The Yūpa Inscriptions of king Mūlavarman, from Kotei (East Borneo) // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 1918. D. 74.
- Vogel J.Ph. The Earliest Sanskrit Inscriptions of Java // Publicaties van den Oudheidkundigen Dienst in Nederlandsch-Indië. Batavia, 1925.
- Wheatley P. Nāgara and Commandery: Origins of the Southeast Asian Urban Traditions. Chicago, 1983.

Институт востоковедения РАН, Москва

A.O. Захаров



## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ В СКИФО-АНТИЧНОЕ И ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ / Ред. В.П. Копылов. Ростов н/Д., 2009. 316 с.

В мае 2007 г. в Ростове-на-Дону состоялась 12-я конференция, посвященная археологии стран, расположенных в бассейне Черного моря. Это одна из регулярно проводимых конференций, в ее работе считают за честь принять участие исследователи как из Восточной, так и из Западной Европы. И в этот раз в Ростов приехали более 40 ведущих ученых из Швейцарии, Франции, Германии, Чехии, Украины, Молдовы, Грузии. И это не случайно, так как на протяжении многих лет руководство Южного федерального университета с большим вниманием относится к развитию археологической науки. В этом кроется залог успеха как проведенной конференции, так и сборника научных статей, написанных по материалам докладов, прочитанных в Ростове-на-Дону в мае 2007 г.

Материалы сборника охватывают три наиболее важных и интересных направления в современной археологии: скифо-античное время, хазарское время и смежные дисциплины. Поскольку конференция была посвящена международным отношениям, основная масса статей отражала связи внутри населения бассейна Черного моря между собой.

Остановлюсь лишь на одной, наиболее многочисленной группе статей, относящихся к скифо-сарматскому периоду в жизни населения Причерноморья. Они расположены в хронологическом порядке и начинаются с работ, посвященных позднему предскифскому периоду.

Сборник открывает работа С.Л. Дударева, А.А. Сазонова, В.А. Фоменко, работающих в Краснодарском крае, в которой представлен богатый комплекс из воинского погребения, обнаруженного у станицы Багоевской Мостовского р-на Краснодарского края. Авторы справедливо объединяют найденные предметы в комплекс “кинжал–узда–желобчатая застезжка” и убедительно датируют его рубежом VIII–VII – началом VII в. до н.э. Они считают комплекс продуктом местного производства, интенсивно подпитываемого межкультурными контактами по схеме Подунавье – Закавказье – Центральная Азия.

Материальная культура раннескифского времени, в первую очередь керамика, отражена в нескольких статьях. В работе С.А. Задникова представлена самая ранняя античная керамика, обнаруженная в материалах крупнейшего городища левобережной лесостепи – Бельского. Автор отмечает, что впервые античная керамика на Бельском городище появляется в третьей четверти VII в. до н.э. Анализируя керамику, найденную в других центрах лесостепи, он высказывает предположение о том, что античный импорт скорее всего попадал на городища левобережной лесостепи по водным артериям из Истрии и поселения на о. Березань.

Продолжая “керамическую” тему, П. Дюпон, В. Лунгу и С. Соловьев выделяют в материалах поселения на о. Березань группу анатолийской керамики и определяют возможные пути ее проникновения в Северное Причерноморье.

Ниже-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений VII – первой трети III в. до н.э. выделяет В.П. Копылов. В работе анализируются новые материалы, позволяющие судить о динамике международных отношений населения Северо-Восточного Приазовья

начиная с третьей четверти VII в. до н.э. – со времени основания греческой колонии Кремны (Таганрогское поселение) до момента основания боспорской колонии Танаис на месте Недвиговского городища. Большое внимание автором уделено определению статуса Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища, исследованного на площади 8 тыс. м<sup>2</sup>. Он определяет ее как город, в котором могли проживать около 2500 человек. Устанавливая основные направления торговых связей ее жителей, автор сравнивает их со связями жителей скифского городища, существовавшего на этом месте до возникновения Большой греческой колонии. После ее гибели роль основного центра международных отношений в дельте Дона перешла к Танаису.

На большом археологическом и историческом материале рассматривает взаимоотношения полисов Боспора Е.А. Молев. Полные драматизма политические события, развернувшиеся на Боспоре во времена Археанактидов и известные нам по письменным источникам, частично подтверждаются археологическими данными.

Статья М.М. Иевлева возвращает нас в Северное Причерноморье. Автор показывает, какую роль играли торговые пути при выборе мест основания архаических греческих поселений на северном побережье Черного моря. Он отмечает, что наиболее ранние поселения возникли в устье крупнейших рек региона, и устанавливает зависимость периодизации Великой греческой колонизации от климатических изменений в регионе.

Продолжает тему Великой греческой колонизации А. Левинский, прослеживающий особенности заселения греческими колонистами Нижнеднепровской равнины в VI в. до н.э. Рассматривая материалы поселений Калфа, Спя, Чобручи, автор предполагает, что метрополией этих апоийки была Истрия.

Этнокультурная ситуация в глубинных районах Причерноморья рассматривается в работах В.И. Гуляева и Я. Боузека. В статье В.И. Гуляева исследуется этнокультурная ситуация на Среднем Дону в V–IV вв. до н.э. На материалах Донской (ранее – Потуданской) экспедиции Института археологии РАН изучается этнический состав поселенческих памятников и курганных могильников близ с. Терновое, Колбино, Русская Тростянка и др. Делается вывод о том, что в скифское время на Среднем Дону существовал местный вариант скифской культуры, который отличался от вариантов, выделенных в европейской Скифии. Отмечается, что в курганах похоронены люди, родственные степным ираноязычным скотоводам-кочевникам.

Я. Боузек исследует городища лесостепной части Северного Причерноморья и определяет виды греческой керамики, которые проникали сюда в период расцвета скифской культуры.

Интересную группу статей составляют публикации новых материалов. Следует упомянуть работу Е.А. Кудрявцева, опубликовавшего материалы из склеповых погребений Татарского городища из Ставрополя. Анализ материалов показывает, что по сравнению с грунтовыми могилами склеповые захоронения более богаты и содержат большое количество импортной греческой посуды.

Блестящая археологическая эрудиция и безупречное знание меотских материалов делают чрезвычайно интересной статью И.С. Каменецкого, посвященную истории изучения меотов. Автор отказался от привычной историографии, построенной по хронологическому принципу, разделив работы предшественников на “случайные упоминания памятников”, “сознательную фиксацию”, “работы дилетантов”, “профессиональное изучение памятников”.

Статья В.А. Горнчаровского посвящена проблеме изучения Лабриса (Семибратнего городища). Решается вопрос – синдский ли это город или греческий эмпорий? Автор рассматривает его как греко-синдский город.

Характеристике нового эллинистического храма из Вани посвящена публикация Г.Т. Квирквелии. На Ванском городище зафиксирован уникальный для всей Колхиды погребальный культ, связанный с устройством специальных святилищ с ритуальными захоронениями антропоморфных изображений.

Огромную роль при изучении международных отношений играет археологическая нумизматика. О международных отношениях Херсонеса в IV в. до н.э. по нумизматическим данным судит Е.Я. Туровский. Херсонесская нумизматика проливает свет на внешние связи полиса только если рассматривается вместе с данными других источников.

Основные направления торговых связей античной Тире по нумизматическим данным прослеживают Т.Л. Самойлова и П.В. Остапенко. Они отмечают, что связи Тире, например, с Ольвией имели особый статус. Тира торговала также с Боспорским царством, Амисом, Синопой, Фракией, Македонией, Аттикой.

Херсонесскую тематику продолжает статья С.В. Ушакова и Е.В. Струковой о сероглиняной керамике с черным покрытием из раскопок квартала 97 Херсонеса Таврического. Авторы дают классификацию этой керамики и предполагают ее херсонесское (причерноморское?) производство. Ставится вопрос о специфике изготовления сероглиняной керамики с черным покрытием.

Институт археологии НАН Украины, Киев

*Н.А. Гаврилюк*

## МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ЮГО-ВОСТОКА РУСИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА” (Курск, 2009)

22–25 сентября 2009 г. Курским государственным областным музеем археологии была проведена международная научная конференция “Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура”, посвященная 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса.

В работе конференции приняли участие 37 исследователей, среди которых 3 доктора исторических наук, 15 кандидатов исторических наук, аспиранты и музейные сотрудники, представлявшие научно-исследовательские и музейные учреждения России (Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Воронеж, Брянск, Липецк, Елец, Тамбов, Тула, Курск, Тверь, Ростов-на-Дону) и Украины (Харьков, Чугуев (Харьковская обл.), Глухов (Сумская обл.), Путивль (Сумская обл.), Чернигов).

Статистико-комбинаторные методы анализа и классификации колпачковых ножек амфор из материалов Белозерского городища представлены в публикации В.П. Былковой и С.О. Немцева. Получены первые результаты исследования массового материала для типологизации и периодизации хиосских амфор.

Изучению амфорной тары посвящена целая серия работ. С.Ю. Монахов и Е.В. Кузнецов исследуют серию амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. (бывшие “боспорские” или “раннехерсонесские”). К наиболее вероятным местам их изготовления авторы относят Византий или Калхедон.

Распространению амфор в варварской среде в Северо-Западном Причерноморье посвящена работа Н. Матеевич. Определяются основные центры изготовления амфор и рассматриваются особенности их поступления в варварскую среду.

История появления сармат на Дунайской границе Римской империи излагается в военно-историческом очерке А.К. Нефёдкина.

Взаимоотношения населения Тире, Ольвии и варваров в III в. до н.э. представлены в работе В.В. Крапивиной. Исследовательница отмечает четыре параллели в истории Тире и Ольвии.

Ольвийская тема отражена в работе Е.П. Крапивина, представившего уникальный опыт реконструкции кургана над склепом Евресивия и Ареты в Ольвии.

По разнообразию тем, широте охвата проблематики скифо-античного периода в культурах бассейна Черного моря сборник “Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время” представляет значительный вклад в российскую науку. Он прекрасно оформлен, отредактирован. Остается только пожелать авторам и редакционной коллегии энтузиазма и желания проводить конференции, посвященные изучению проблем, связанных с историей международных отношений в бассейне Черного моря, и в будущем.

Было представлено и обсуждено 35 докладов, касающихся различных аспектов истории Курского края и сопредельных регионов России и Украины в конце I тыс. н.э. – середине II тыс. н.э., подведены итоги последнего этапа изучения средневековых городов Юго-Востока Руси, намечены перспективные направления теоретических и практических исследований, в том числе и на межрегиональном уровне.

Доклад *А.В. Капкина* (Институт археологии РАН, Москва) и *Г.Ю. Стародубцева* (Курский государственный областной музей археологии) “Гочевский археологический комплекс на р. Псёл” был посвящен уникальному археологическому комплексу у с. Гочево (Беловский р-н, Курская обл.), состоящему из 32 памятников роменско-древнерусского времени, исследование которого началось 100 лет назад.

*А.Н. Голотвин* (ГУК “Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области”, Липецк) в докладе «“...Ветеран на поприще археологии...”». К оценке историко-археологических работ Д.Я. Самоквасова начала XX в.» проанализировал работы одного из крупнейших археологов и историков дореволюционного времени Д.Я. Самоквасова, в начале XX в. создавшего оригинальную историко-археологическую концепцию развития раннего периода восточнославянского общества, становления древнерусского города и государства. Фундаментом для обобщений Д.Я. Самоквасова стала его классификация древностей, итоговый вариант которой предложен в “Могилах Русской земли”.

*Л.В. Ясновская* (Черниговский государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко) в докладе “К истории изучения роменских древностей Новгород-Северского Подесенья” провела подробный анализ археологического изучения роменских древностей на территории современной Черниговщины, выделив в их исследовании три этапа: 70-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.; 40–60-е годы XX в.; конец 70-х годов XX в. – начало XXI в.

*В.В. Колода* (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды) в докладе “Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца)” рассмотрел процессы градообразования в регионе, бывшем в конце I тыс. н.э. контактной зоной славян (Руси) и Хазарского каганата. На основе периодизации истории северянского племени было выделено два этапа. На первом (середина VII – середина VIII в.) в рамках вольтинцевской культуры можно говорить о формировании государствообразующего микрорегиона с центром на городище Битица-I. На втором (середина VIII – середина X в.) градообразование в среде салтовской и роменской культур идет независимо друг от друга и различными темпами. Преимущество социально-экономического развития Хазарии воплощается на данной территории наличием как минимум 14 микрорегионов, где городища-крепости сопровождаются рядом сельских открытых поселений и ремесленными зонами. Роменские городища Северского Донца и его притоков имеют одно, реже – два поселения, а иногда не имеют вовсе. В силу этнополитической ситуации они не могли стать и не стали городскими центрами. В противоположность им салтовские лесостепные городища развивались в направлении градообразования. Процесс этот был прерван гибелью каганата.

*Г.Е. Свистун* (Художественно-мемориальный музей И.Е. Репина, Чугуев, Харьковская обл.) в докладе “К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата” еще раз обратился к критериям, позволяющим соотнести ряд салтово-маяцких археологических памятников лесостепного региона с упоминающимися в письменных источниках хазарскими городами. По мнению исследователя, единство заложенных в арабских и персидских источниках критериев восточных городов того времени, более высокая степень их изученности при сравнительном анализе могут помочь выделению городских центров из общей среды салтово-маяцких памятников.

*В.В. Приймак* (Историко-культурный заповедник “Бельск”, Полтавская обл.) в докладе “Роменские и предроменские памятники бассейна р. Ворскла” выделил в материалах городища Опошня (раскопки О.В. Сухобокова и С.П. Юренко) предметы, керамику и элементы домостроительства, не типичные для роменской культуры. Исходя из результатов исследований селищ Вовки (раскопки Е.А. Горюнова), Глинское-4, Опошни-5 и Восточного укрепления Бельского городища (раскопки Б.А. Шрамко), исследователь предположил, что в данном микрорегионе проживала пеньковская по происхождению община.

*А.Г. Шпилев* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе «О соотношении “Страны славян” Ибн Русте с Северной землей второй трети IX в.» проанализировал опубликованный Д.А. Хвольсоном отрывок труда персидского географа X в. Ибн Русте. Соотнесение сведений письменных источников с материалами исследований археологических памятников Восточной Европы позволило локализовать большинство упоминаемых Ибн Русте “северных народов” (хазары, волжские болгары, мадьяры, буртасы, славяне) на территории Хазарского каганата и определить дату составления основной части “Описания” второй трети IX в. Анализ элементов погребального обряда обитателей “Страны славян” Ибн Русте позволил соотнести его с обрядом погребения носителей роменской культуры Днепровского Левобережья – летописных “северов”. В соответствии с этим “Страну славян” Ибн Русте следует соотносить с Северной землей второй трети IX в. Сведения Ибн Русте являются уникальными, так как содержат самое раннее подробное описание конкретного восточнославянского союза (“север”, “северян”) в период, предшествующий образованию Древнерусского государства.

*Р.В. Новожеев* (Брянская государственная сельскохозяйственная академия) в докладе “Город – единство непохожих”: социально-политическая активность в древнерусском городе” проанализировал различные стороны духовной и социальной жизни древнерусского горожанина, отраженные в письменных источниках того времени.

*В.В. Енуков* (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси, Курск) в докладе “Начальные этапы истории Курска” отметил, что в связи с практически полным уничтожением на территории исторического ядра города напластований роменского времени, “племенной” этап в развитии Курска можно воссоздать лишь с привлечением косвенных данных и только в общих чертах. Самые ранние древнерусские напластования, обнаруженные в центре города, датируются концом X – началом XI в. Результаты раскопок с учетом летописей и нумизматических находок позволяют предположить, что Курск как форпост власти киевских князей возникает в 80–90-е года X в., возможно, на месте одного из племенных центров северянского Посемья. Начальный этап существования в новом качестве знаменовался активной строительной деятельностью курян, в состав которых вошли как переселенцы из русских земель, так и представители аборигенного населения.

*А.В. Зорин* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе “Оборонительные укрепления средневекового Курска”, опираясь на анализ письменных источников и материалов археологических исследований, предпринял попытку реконструкции контура курских укреплений древнерусского и позднесредневекового периодов, а также предложил вариант локализации роменского городища на территории исторического центра города.

*М.В. Фролов* (ООО “КРОМ”, Москва) в докладе “Стратиграфия и хронология древнего Рыльска” подвел итоги многолетним исследованиям детинца летописного Рыльска – городища “Тора Ивана Рыльского”. Раскопки 1984–1986 гг. и 1989–1994 гг. показали, что оно представляет собой многослойный памятник с чрезвычайно мощным культурным слоем, относящимся к трем историческим периодам: “периоду цитадели” (XI–XVII вв.) с двумя пожарными прослойками, фиксирующими исторические события 1239 и 1606 гг.; “периоду городища” (VI–X вв.) со следами присутствия и смещения разнотипных элементов (северянских, вольтинцевских, салтовских, балтских); “периоду зарождения поселения”, связанному со скифоидной культурой VII–V вв. до н.э. На краю городища зафиксированы самые первые следы обитания, датируемые

рубежом II–I тыс. до н.э. и относящиеся к кратковременной стоянке эпохи поздней бронзы.

*Г.Ю. Стародубцев* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе «Средневековый замок (городище “Царский Дворец”) на Верхнем Псле» подвел предварительные результаты исследований внутренней площадки замка, вероятно, основанного в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после присоединения территории верхнего Псла в 1360-х годах.

*В.Г. Бездудный* (“Донское археологическое общество”, Ростов-на-Дону) и *Г.Ю. Стародубцев* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе “Начало геофизических (магнитометрических) исследований посада Гочевского археологического комплекса” сообщили о результатах работ, проведенных в 2008 г. в северо-восточной части посада древнерусского города с целью получения физических наблюдений величин магнитного поля и распределения аномалий магнитного поля земли, связанных с археологическими объектами.

*О.Н. Енукова* (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси, Курск) в докладе “Благоустройство уличного пространства малого южнорусского города (по материалам Липинского археологического комплекса)” проанализировала обнаруженные во время исследования поселения I следы конструкций мостовых покрытий, ограждений усадеб и въездов на их территорию, являющихся свидетельствами формирующейся в конце XI – начале XII в. усадебно-уличной планировки – одного из важнейших признаков урбанизационных структур Древней Руси. Уникальность представленных материалов заключается в том, что это первый опыт реконструкции межусадебного пространства в условиях южнорусского города.

*Е.Е. Черненко* (Черниговский государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко) в докладе “К вопросу о дорогах древнего Чернигова” сообщила об итогах исследования обнаруженной в 2005 г. на территории летописного “Передгородья” участка дороги конца XII – начала XIII в.

*С.В. Тутик* (Государственный историко-культурный заповедник в г. Путивле) в докладе “К вопросу о музеефикации детинца древнерусского Путивля” рассмотрел комплекс мер, необходимых для сохранения памятника археологии национального значения – детинца древнерусского Путивля (“Городка”).

*Ю.А. Коваленко* (Национальный заповедник “Глухов”, Сумская обл.) в докладе “Историческая топография древнерусского Глухова (по материалам археологических разведок)” подвел итог новейшим археологическим исследованиям на территории Глухова. Был сделан вывод о существовании на месте современного Глухова в период Древней Руси, особенно в XII–XIII вв., крупного городского центра. Его сложная структура и значительные размеры, безусловно, указывают на доминирующую роль среди городищ и поселений, известных на территории современной Глуховщины.

*В.Н. Гурьянов* (Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского) в докладе “Летописная Русь – крепость на черниговско-смоленском пограничье” сообщил об итогах охранного раскопок городища Рассуха 2, соотносимого с упоминаемой под 1160 г. в Ипатьевской летописи Русью. Вещевой и керамический комплексы городища относятся ко второй половине XII в.

*Н.А. Тропин* (Елецкий государственный университет, Липецкая обл.) в докладе “Ранний этап становления Лавского археологического комплекса: структурно-пространственный анализ” проанализировал топографию памятника и его отдельных участков, планиграфию сооружений, “закрытые комплексы”,

данные почвенных анализов. Результатом проделанной работы стала детализация периодизации данного этапа с выделением двух периодов: вторая половина XI в. и первая половина XII в. Исследования подтверждают более ранние выводы об ассимиляции местного славянского населения с традицией изготовления лепной посуды пришлым населением с южнорусских территорий – носителем керамических традиций круговой посуды.

*С.И. Андреев* (Тамбовский государственный университет) посвятил доклад “Никольское городище” итогам исследований археологического комплекса, расположенного на восточной окраине с. Никольское (Тамбовская обл.). Обнаруженный керамический и вещевой комплексы позволяют датировать существование городища первой половиной XIII в. На территории посада были раскопаны остатки наземной жилой постройки с обширным подполом, что типично для рязанского домостроения. Кроме того, непосредственно у стен дома был обнаружен могильник, состоявший из пяти христианских погребений. Почти все покойные умерли насильственной смертью. Все сооружения Никольского городища и его посада уничтожены пожаром. По мнению исследователя, Никольское городище с ближайшей округой – остатки летописной Онузлы, упоминаемой в связи с нашествием Батая.

*А.З. Винников* (Воронежский государственный университет) в докладе “Оборонительные сооружения Животинного городища” подвел итоги археологических исследований первой и второй линии укреплений, а также сооружений на стрелке мыса Животинного городища. Результаты раскопок позволили исследователю сделать вывод о том, что система укреплений городища находится в одном ряду с укреплениями других славянских городищ бассейна Дона. Вместе с тем памятник обладает и определенной спецификой в организации обороны славянского поселения, заключающейся в наличии оборонительной линии со стороны стрелки мыса. По мнению А.З. Винникова, довольно сложная система обороны Животинного городища может свидетельствовать об определенном социальном, а возможно и политическом статусе данного поселения.

*М.В. Цыбин* (Воронежский государственный университет) в докладе “Древнерусское Семилукское городище: вопросы хронологии” проанализировал найденные при исследовании памятника гончарные клейма. Выяснилось, что набор матриц, с которых были получены рассмотренные клейма, использовался в одно время, а постройки, в которых матрицы были найдены, примерно одновременны. Результаты работы еще раз подтвердили предположение о том, что планировочная схема Семилукского городища сложилась в течение короткого промежутка времени, а хронологические рамки памятника, скорее всего, укладываются в первую половину XIII в.

*Н.Е. Персов, В.В. Солдатенкова* (Тверской государственный объединенный музей) посвятили свой доклад “Новые находки на тверском Затьмачье (к вопросу о границах древнейшей Твери)” проблемам возникновения и роста в конце XII – первой трети XIII в. одного из центров Северо-Восточной Руси – г. Твери в свете новых находок на территории бывшего Затьмацкого посада.

*А.Н. Наумов* (Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, Тульская обл.) в докладе “Ремесленные мастерские северной части древнерусского Устьянского археологического комплекса Куликова поля” подвел промежуточные итоги 10-летних археологических исследований одного из волостных центров юго-западного порубежья Рязанского княжества в XII–XIV вв. В ходе многолетних раскопок северной части комплекса – селища Колесовка-1 – на территории более 3,5 тыс. м<sup>2</sup> раскопов обнаружены производственные объекты – гончарные

и металлургические горны, производственные постройки, сырье, отходы производства, полуфабрикаты и заготовки готовых изделий. Раскопки широкой площадью позволили выявить хронологию, планировку производственных мастерских, характер выполняемых на их территории технологических операций, осветить основные производственные характеристики ремесленной деятельности.

*А.В. Григорьев* (Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, Тульская обл.) в докладе “Новые находки лучевых колец начального этапа” ввел в научный оборот ряд найденных в последнее время в бассейне Оки ложнозерненных лучевых колец, проследил их эволюционную связь с украшениями из Подунавья, датировал период бытования IX в. и предположил, что эти кольца – самые архаичные среди лучевых колец Верхней Оки.

*Вяч.С. Кулешов* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) в докладе “Шеховецкий (Усть-Ратский) клад куфических монет: предварительные итоги исследования” ввел в научный оборот хранящиеся в фондах Курского областного краеведческого музея 558 дирхамов 281 г.х. (894/895) – 307 г.х. (919/920) из клада, обнаруженного в 1937 г. у д. Шеховцово (Курская обл.).

*Ю.Н. Сытый, В.Н. Скороход* (Черниговский государственный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко) в докладе “Находки изделий из сланца на территории археологического комплекса в ур. Коровель у с. Шестовица” проанализировали и типологизировали обнаруженные на территории комплекса пряслица и оселки из сланца. Находки на территории посада городища заготовок для изготовления шиферных пряслиц (22 экз.) позволяют поставить вопрос о производстве данного вида изделий в Шестовице.

*А.Г. Шпилев* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе «Украшения круга “скандинавских древностей” из Курской обл.» проанализировал и типологизировал найденные на территории области украшения (10 фибул и 12 подвесок), стилистическое оформление которых имеет аналогии в скандинавской ювелирной традиции. По мнению исследователя, украшения попали на территорию Курского края уже после его окончательного включения в состав Древней Руси в конце X в.

*А.Г. Рагуניתейн* (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси, Курск) в докладе “Нательные кресты Липинского археологического комплекса” проанализировал и типологизировал коллекцию нательных крестов (14 экз.) и круглых прорезных привесок с включенным крестом (2 экз.) из материалов раскопок О.Н. Енуковой. По предположению исследователя, ряд крестов может иметь курское происхождение. В то же время среди вышеозначенных предметов значительное место занимают привозные изделия из Среднего Поднепровья и Новгородских земель, что позволяет говорить о высокой степени религиозной и торговой интеграции населения Среднего Посеймья в древнерусскую общность.

*А.А. Чубур* (Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского) в докладе “Стекланные браслеты и бусы с Соборной горы Трубчевска” ввел в научный оборот фрагменты древнерусских стекланных браслетов, а также несколько стекланных и каменных бус, найденных в 1960–1980-х годах во время хозяйственных земляных работ в г. Трубчевске.

Курский государственный областной музей археологии

*Г.В. Барышев* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе “Находки предметов вооружения и защитного снаряжения на территории Гочевского археологического комплекса” представил обобщающую публикацию найденных в ходе исследований Гочевского археологического комплекса предметов вооружения (топоров, копий, сулиц, кистеней, клинкового оружия и защитного снаряжения) конца X – XIV в. Спецификой раннего комплекса (конец X – начало XII в.) оказалось отсутствие сколько-нибудь заметного влияния североευропейской, прежде всего скандинавской военной традиции и отчетливое влияние салтовского комплекса вооружения. Дальнейшее развитие комплекса доспеха и вооружения в Гочево, вероятно, не отставало от общих древнерусских тенденций.

*В.Н. Шмелев, Г.Ю. Стародубцев, А.В. Шаталов* (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник “Куликово поле”, Тульская обл.; Курский государственный областной музей археологии; Дмитриевский государственный краеведческий музей им. А.Ф. Вангенгейма, Курская обл.) в докладе “Древнерусский меч из фондов Дмитриевского музея: реставрация и атрибуция” ввели в научный оборот обнаруженный в Дмитриевском р-не Курской обл. меч романского типа, датирующийся второй половиной XII – началом XIII в. Были проанализированы выявленные в ходе реставрации надписи и клейма на клинке.

*Р.С. Веретюшкин* (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси, Курск) в докладе “Древнерусский горшок и его использование в быту (по материалам Курской обл.)” на основе сопоставления различных параметров разновременных сосудов проследил общее направление трансформации форм древнерусской керамики на протяжении XI–XIII вв. На основе данных о распределении печной копоти на поверхностях горшков была построена характеристика функциональной принадлежности горшковиной посуды.

*А.А. Иншаков* (Елецкий государственный университет, Липецкая обл.) в докладе “Средневековая керамика XII–XIV вв. из археологических исследований в историческом центре г. Ельца” представил анализ керамического материала из исследования 2003–2008 гг. Хронологически анализируемый материал был разделен на два периода: рубеж XI–XI – начало XIII в. и вторая половина XIII – начало XV в. Описание и статистическая обработка материалов проводились в соответствии с типологией В.Ю. Ковалю.

*В.И. Поветкин* (“Центр музыкальных древностей Велико-го Новгорода”) в докладе “С песнями глиняных птиц из края Курского в землю Новгородскую” проследил эволюцию, типологию и специфику изготовления курских глиняных свистулек XV – начало XX в. Исследователь выделил группу найденных на территории Новгородской земли и Курского края свистулек в виде птичек-хохлаток, сделанных в одной мастерской в первой половине XV в.

По материалам конференции издан сборник научных трудов “Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Матер. междунар. науч. конф., посв. 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса”. Курск: Изд-во АПИИТ “ГИРОМ”.

*А.Г. Шпилёв*



## К ЮБИЛЕЮ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА ШРАМКО

В 2011 г. одному из выдающихся археологов Восточной Европы, патриарху украинской левобережной школы археологии, крупнейшему скифологу современности профессору Борису Андреевичу Шрамко исполнилось 90 лет!

Этот юбилей – знаменательное событие не только для украинских археологов: полевые работы Б.А. Шрамко, осуществленные на ряде эталонных археологических памятников, его многочисленные и разносторонние научные труды, касающиеся широкого культурного и хронологического диапазона древностей, приобрели заслуженную известность и популярность в кругу ученых Восточной Европы и многих стран мира, сделав его, по нашему глубокому убеждению, классиком археологической науки.

О Борисе Андреевиче Шрамко и его научных трудах написано немало, но все же позволим себе кратко остановиться на биографии ученого, основных научных достижениях, сосредоточившись на главном направлении его исследовательской работы, к каковому, на наш взгляд, относятся исследования в области археологии эпохи раннего железа.

Родился Б.А. Шрамко в Белоруссии (Гомель) 17 января 1921 г. Через несколько лет его семья переехала в Харьков, где Борис Шрамко окончил среднюю школу и в 1939 г. стал студентом исторического факультета Харьковского государственного университета (ХГУ). Уже на первом году обучения в вузе, в 18-летнем возрасте, он определился с выбором будущей профессии – археология. Немалую роль в этом сыграл первый научный наставник молодого человека, харьковский исследователь и музейвед И.М. Луцкевич. Именно он привил юноше интерес к изучению археологических древностей Харьковщины (Борис Андреевич Шрамко. *Бібліографічний покажчик (до 40-річчя досліджень ученого на Полтавщині) / Укладач О.В. Тітков, автори передмови Ю.В. Буйнов, О.Б. Супруненко. Розділ “Архівні роботи Б.А. Шрамка” – Ж.О. Кононенко. Полтава, 1995. С. 6; Борис Андреевич Шрамко – професор Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Біобібліографічний покажчик. До 80-річчя з дня народження / Укладач О.В. Тітков, автори передмови Ю.В. Буйнов, В.К. Міхеев, О.Б. Супруненко. Розділ “Архівні роботи Б.А. Шрамка” – Ж.О. Кононенко. Харків, 2001. С. 3).*

Начавшаяся Великая Отечественная война если не разрушила, то отодвинула исполнение планов Б.А. Шрамко. В 1941 г. он эвакуировался в Саратов, где обучался в Саратовском университете; с третьего курса (1942 г.) Б.А. Шрамко ушел на фронт. Был рядовым, телефонистом в составе 58-го гвардейского стрелкового полка, принимал участие в боях на Западном фронте. После окончания Смоленского артиллерийского училища лейтенант Шрамко был назначен командиром гаубичной батареи 830-го артиллерийского полка 305-й стрелковой дивизии. Он участвовал в кровопролитных сражениях Воронежского и Степного фронтов в период Курско-Белгородской битвы. В ожесточенных боях за освобождение родного Харькова, 9 августа 1943 г., Б.А. Шрамко получил тяжелое ранение, оставшееся горькой памятью о минувшей войне. Выписавшись из госпиталя, где лечился более года, Б.А. Шрамко с сентября 1944 г. в составе 2- и 3-го Украинских фронтов освобождал от фашизма Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. Службу в рядах Советской армии окончил в 1946 г. в звании старшего лейтенанта. За проявленные на фронтах Великой Отечественной войны мужество и героизм Б.А. Шрамко награжден двумя орденами “Красной Звезды” и медалью “За боевые заслуги”.



В 1946 г. бывший боевой офицер вернулся в Харьков на родной исторический факультет. Несмотря на пятилетний перерыв в учебе (четыре года пришлось на военное лихолетье), Борис Андреевич настойчиво овладевал знаниями и в 1949 г. с отличием окончил университет.

С этого времени начинается становление Б.А. Шрамко как крупного ученого и преподавателя университета. В 1949 г. он поступил в аспирантуру при кафедре древней истории и археологии ХГУ, утвердив в качестве темы кандидатской диссертации “Древности скифского времени в бассейне Северского Донца”. Руководителем его был назначен видный харьковский ученый профессор С.А. Семенов-Зусер. После его смерти (1951 г.) научным консультантом Б.А. Шрамко стал известный археолог, основатель московской школы скифо- и сарматоведения профессор Б.Н. Граков, с которым Б.А. Шрамко поддерживал теплые дружеские отношения и в дальнейшем. С конца 1940-х годов основным объектом археологических исследований Б.А. Шрамко становятся древности скифской эпохи.

В аспирантские годы Борис Андреевич принимал активное участие в восстановлении разрушенного войной археологического музея университета, проводил первые самостоятельные разведки и раскопки, прежде всего памятников эпохи бронзы и скифской поры на Харьковщине. Некоторые из полученных материалов вошли в кандидатскую диссертацию, которую Б.А. Шрамко успешно защитил в Институте истории матери-

альной культуры (Москва) (в последующем – Институт археологии АН СССР) (Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953).

Остановимся на одном знаковом событии из жизни Б.А. Шрамко, случившемся в 1952 г. (до защиты кандидатской диссертации) на конференции ИИМК АН СССР, где он четко сформулировал свое концептуальное видение истории и культуры населения лесостепного региона Восточной Европы в скифскую эпоху. Наряду с такими учеными, как А.А. Иессен, И.И. Ляпушкин, Б.А. Шрамко поддержал основные положения доклада Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой, в котором разграничивались культуры Степи и Лесостепи Северного Причерноморья скифского времени. (В отличие от исследователей, отмечавших схожие детали вооружения, конского снаряжения, звериного стиля, а соответственно и наличие единой скифской культуры в указанных регионах.) При этом Б.А. Шрамко подчеркивал, что для “выделения культуры нужно брать за основание не отдельные формы инвентаря, а целый комплекс особенностей культуры: обряд погребения, керамику, устройство поселений и жилищ, хозяйственный уклад, особенности культуры и т.п. С этой точки зрения единство культуры на территории Степи и Лесостепи установить нельзя” (Погрелова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 79).

Вывод о своеобразии культуры населения Лесостепи Б.А. Шрамко развивал впоследствии во многих своих работах, подкрепляя его новыми аргументами. К числу наиболее известных относится его основополагающая статья “К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии” (Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА; № 177)), в основу которой лег доклад, прочитанный на 2-й Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в Москве в 1967 г.

Будучи хорошим организатором и великолепным полевым исследователем, Б.А. Шрамко на протяжении трех десятилетий (с 1950-х годов) руководил Северско-Донецкой и Скифо-славянской экспедициями ХГУ. Территориальный охват и хронологический диапазон исследований огромен. Полевыми работами, помимо Харьковской, были охвачены Винницкая, Киевская, Черкасская, Черниговская, Сумская, Полтавская обл. Украины, Белгородская и Курская обл. России. Широкомасштабные работы осуществлялись на памятниках эпохи бронзы, предскифского и скифского времени, раннего средневековья и эпохи Киевской Руси.

Продолжившиеся и после защиты кандидатской диссертации исследования в бассейне Северского Донца в конечном итоге нашли отражение в монографии “Древности Северского Донца” (Харьков, 1962), обобщившей и проанализировавшей сведения обо всех памятниках этого региона – от палеолита до позднего средневековья включительно.

Бесспорно, особое место в полевых изысканиях Б.А. Шрамко занимали поселенческие и погребальные древности скифского времени. Чего стоят раскопки только двух городищ (и близлежащих могильников) – Люботинского (Харьковская обл., площадь более 40 га; работы начаты в 1951–1952 гг., стационарные раскопки – в 1960–1964 гг.) и крупнейшего укрепленного поселения раннего железного века не только в пределах украинской Лесостепи, но и всей Европы – Бельского в бассейне Ворсклы (Полтавская и Сумская обл., площадь более 5 тыс. га)! Люботинское городище стало первым лесостепным укрепленным поселением, раскопанным широкими

площадями (Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998). Что же касается Бельского комплекса памятников, изучение которого осуществляется уже более 100 лет (Бильське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996; Бильське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006), то здесь экспедицией Б.А. Шрамко почти за четыре десятилетия исследований (1958–1995 гг.) открыта площадь до 50 тыс. м<sup>2</sup>. Практически целиком исследовано Восточное укрепление, существенные работы проведены на Западном и Куземинском укреплениях, раскопан ряд курганов, входящих в могильники вблизи Бельского городища, осуществлены разведки в окрестностях городища. В процессе работ Б.А. Шрамко на Бельском комплексе памятников получена колоссальная информация об устройстве оборонительных сооружений городища, планировке укреплений, жилых, хозяйственных, культовых сооружений, а также обширнейшая коллекция вещевого материала, дающая представления о различных сторонах жизни обитателей Бельского городища и его округи. Масштабы памятника, выделение различных по ряду признаков существенных элементов материальной культуры позволили Б.А. Шрамко поддержать и развить идею о соотношении Бельского городища с городом Гелон (о нем сообщает Геродот), в котором исследователь видел политический, экономический и культовый центр двух племенных объединений – будинов и гелонов, расположенный на пересечении важных торговых путей. Бельское городище, благодаря исследованиям Бориса Андреевича, приобрело широкую известность в археологии раннего железного века Европы. Основные итоги работ Б.А. Шрамко были подведены в фундаментальной монографии, посвященной этому памятнику (Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987).

Но Бельск важен и другим. Под руководством Б.А. Шрамко здесь, во время студенческой практики (на протяжении почти 40 лет!) получали навыки археологической работы студенты исторического факультета ХГУ, многие из которых впоследствии стали профессиональными археологами, кандидатами и докторами исторических наук, заложившими основу левобережной археологической школы Б.А. Шрамко (В.П. Андриенко, С.И. Берестнев, Ю.Н. Бойко, Ю.В. Буйнов, А.Г. Дьяченко, В.К. Михеев, А.А. Моруженко, И.Б. Шрамко). Ученики Б.А. Шрамко, работающие ныне в других центрах, пользуются большим авторитетом у своих коллег-археологов (среди них – доктора исторических наук В.Ю. Мурзин, А.Е. Кислый и др.).

Широкомасштабные многолетние работы, осуществленные на памятниках Лесостепи скифской поры, обширные знания в области археологии позволили Б.А. Шрамко подготовить и блестяще защитить фундаментальное докторское исследование “Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы скифской эпохи” (Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1965), которое и по прошествии трех десятилетий не имеет себе равных по широте охвата материала и сделанным выводам. В работе, в частности, основательно рассмотрены такие важнейшие отрасли хозяйства, как земледелие, животноводство, ремесла, домашние промыслы, торгово-экономические связи населения Юга Восточной Европы в скифскую эпоху.

В контексте этой темы Б.А. Шрамко одним из первых в отечественной археологии приступил к исследованию древней металлургии (в частности, металлургии железа и кузнечного дела Скифии) с использованием возможностей естественных наук – металлографического, спектрального, химического и рентгеноструктурного анализов. Ему удалось выявить первые в Восточной Европе изделия из метеоритного железа, чугуна,

железоплавильные горны. Им изучаются вопросы технологии бронзолитейного и ювелирного производств с привлечением данных химического состава изделий из цветных металлов Лесостепной Скифии.

Наряду с этим Б.А. Шрамко в своих трудах рассматривает такие фундаментальные проблемы, как происхождение скифской культуры, этногеография Скифии, идеологические представления лесостепных племен скифского времени, процесс постепенного перерастания значительных межплеменных центров эпохи раннего железа в города-государства с широкой сельскохозяйственной округой, вопросы ранней государственности в скифскую эпоху и др.

Если к сказанному добавить исследование техники древнейшего земледелия в Восточной Европе, погребального обряда и керамического комплекса салтовской культуры, памятников пеньковской культуры и летописного города Донца (а это далеко не весь круг научных интересов ученого), то можно представить масштабы сделанного Борисом Андреевичем в археологической науке. Следует также заметить, что под его руководством подготовлено и защищено семь кандидатских диссертаций по тематике от эпохи бронзы до славянского периода.

Отдельного разговора заслуживает преподавательская деятельность Б.А. Шрамко. В родном университете он прошел славный педагогический путь: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор. Его лекции и семинары охватывают широкий спектр исторических дисциплин: история первобытного общества, археология, история археологии, историография и др. На протяжении одиннадцати лет профессор Б.А. Шрамко возглавлял кафедру истории древнего мира и археологии, затем был профессором данной кафедры. Он – автор ряда учебных пособий по истории первобытного общества, археологии раннего железного века, методических рекомендаций для студентов ХГУ.

За выдающиеся заслуги в научной и педагогической деятельности Б.А. Шрамко в январе 1996 г. было присвоено звание почетного профессора Харьковского государственного университета.

Ученый широчайшей эрудиции, археолог профессор Б.А. Шрамко пользуется заслуженным авторитетом и в Ук-

раине, и за ее пределами. Более двух десятилетий он был членом Полевого комитета, Специализированного ученого Совета по присуждению докторских степеней Института археологии НАН Украины, входил в состав редколлегии журнала “Археология” и других научных изданий, стоял у истоков создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры (Б.А. Шрамко входит в Главный совет этой организации). В 1971 г. он стал членом Советского национального объединения истории, философии, естествознания и техники при АН СССР, членом секции естествознания и техники Украинского национального объединения истории техники. В 1995 г. был избран сопредседателем Украинского центра иранистики. Многие годы профессор Б.А. Шрамко достойно представлял Украину в ЮНЕСКО, состоял членом международных комитетов по изучению древней металлургии железа. Ныне он активно сотрудничает с Международным комитетом по истории земледелия и сельскохозяйственных орудий труда (Дания).

В 2005 г. профессору Б.А. Шрамко было присвоено звание почетного гражданина Харькова. К 85-летию ученого был издан сборник научных трудов “Проблемы археологии Восточной Европы” (Харьков, 2008).

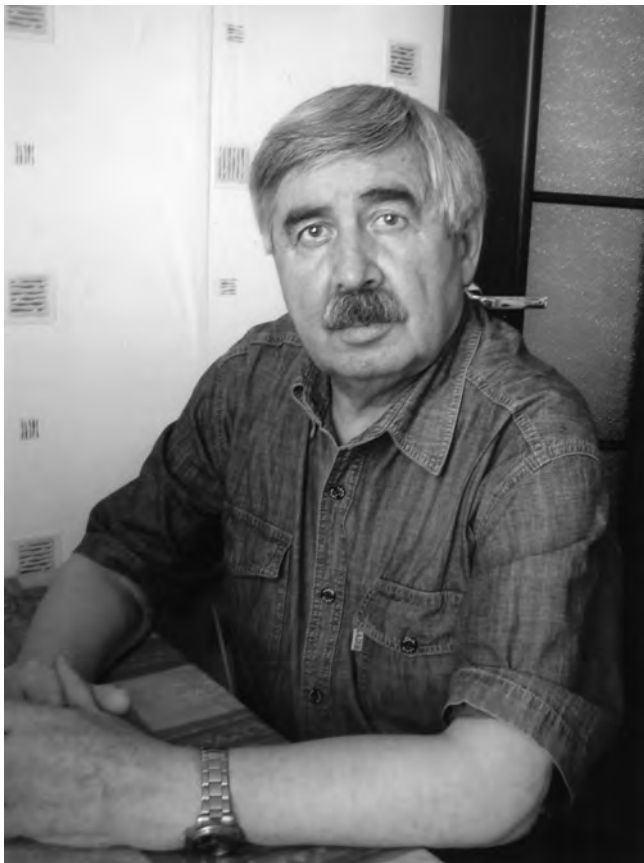
Автор более 200 научных работ, среди которых ряд монографий, участник более 150 научных конференций, в том числе международных, профессор Б.А. Шрамко и ныне ведет активную научную работу. Свидетельства того – вышедшие в последние годы в Украине и России новые статьи ученого, посвященные актуальным вопросам археологии раннего железного века (Шрамко Б.А. Особенности развития техники обработки земли в Восточной Европе в раннем железном веке // Древности. Харьков, 2005; Бельское городище // Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Истоки и вершины восточнославянской цивилизации. Т. IV. М., 2008; Железные наконечники стрел // Эпоха раннего железа: сб. науч. тр. к 60-летию С.А. Скорого. Киев; Полтава, 2009).

Искренне поздравляя выдающегося ученого, археолога, одного из наиболее ярких скифологов современности профессора Бориса Андреевича Шрамко, мы желаем ему доброго здоровья и осуществления всех научных планов!

Институт археологии НАН Украины, Киев  
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург  
Институт археологии РАН, Москва

*С.А. Скорый  
А.Ю. Алексеев  
Л.Т. Яблонский*

## ПУТЬ К ПРИЗВАНИЮ (к юбилею Мусы Багаева)



11 сентября 2011 г. отметит свой 70-летний юбилей профессор Чеченского государственного университета Муса Харонович Багаев – видный кавказовед, последний ученик Евгения Игнатьевича Крупнова, активный член научного содружества археологов Северного Кавказа.

Знакомство с биографией юбиляра невольно наводит на мысль о некоей предопределенности в выборе главной профессии, когда, казалось бы, весь жизненный путь человека противоречил такому выбору.

Муса Харонович родился в 1941 г. в г. Грозный в рабочей семье чеченцев рода Ширдой, основавших с. Герменчук Шалинского р-на. С отцом, ушедшим на войну в июле 1941 г., он впервые встретился в Казахстане только в 1946 г., после его демобилизации. Мать, молодая 24-летняя женщина, умерла от инфаркта в декабре 1942 г., когда малолетнему Мусе было чуть более года, поэтому заботу о нем взяли бабушка и дед. Детство и взросление Мусы проходило в пос. Лубзавод Джамбульской обл. Казахстана, куда были высланы многие семьи чеченцев в 1944 г. Именно здесь он учился в школе, параллельно подрабатывая на конном заводе при основном предприятии поселка, специализировавшемся на производстве пеньки. В школьные годы много читал (в поселке была неплохая библиотека!), но о существовании археологии как профессии просто не знал. Окончив в 1960 г. среднюю школу и предприняв неудачную попытку поступления в нефтяной институт Грозного, Муса Харонович в тот же год поступил на историко-филологический

факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института (ныне Чеченский государственный университет), который и окончил в 1964 г. А потом была достойная военная служба на Черноморском флоте в Севастополе и Керчи, за которую в 1965 г. он был награжден медалью Министерства обороны СССР.

Научное призвание Мусы Хароновича определилось уже на первом курсе института после знакомства с Е.И. Крупновым, руководившим в то время Северо-Кавказской археолого-этнографической экспедицией (СКАЭ) АН СССР, целью которой были не только широкомасштабная разведка и раскопки на территории Северного Кавказа, но и подбор и воспитание молодых перспективных научных кадров для Чечено-Ингушетии, автономия которой была восстановлена в 1957 г. после возвращения на родину высланного населения. Разглядев в живом, энергичном и любознательном студенте будущего археолога, Е.И. Крупнов порекомендовал начальнику Горного отряда В.И. Марковину включить его в работу отряда. И не ошибся. Муса, или как ласково звал его Владимир Иванович, Муссович, буквально “заболел” археологией. За все полевые сезоны экспедиции он успел поработать во всех ее отрядах, постоянно учился, постигая полевые навыки раскопок, много читал. Но, главное, он понял, что археология – это то, чем он хотел и чем будет заниматься всю жизнь. В 1964 г. М.Х. Багаев – сотрудник Отдела археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. В 1967–1970 г. – абитуриент очной аспирантуры при Институте археологии АН СССР под руководством выдающегося кавказоведа Евгения Игнатьевича Крупнова. Но годы в Москве – это и период самого интенсивного наращивания квалификации, время, как вспоминает Муса Харонович, когда наш институт стал для него “родным домом”. Здесь, в силу доброго и отзывчивого характера, он приобрел много друзей, помогавших его профессиональному росту. Большим ударом для М.Х. Багаева стала безвременная и внезапная кончина в 1970 г. его руководителя Е.И. Крупного, бывшего его учителем не только в науке, но и в жизни. Тем не менее, в 1971 г. он достойно завершил учебу в аспирантуре блестящей защитой кандидатской диссертации “Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии (V–XII вв.)”. С 1971 г. и по нынешний день Муса Багаев – один из лучших преподавателей исторического факультета Чеченского (ранее Чечено-Ингушского) государственного университета, где успешно совмещает преподавательскую работу с научной деятельностью. За отличную подготовку специалистов в 1986 г. он был награжден Орденом “Знак Почета” Президиума Верховного Совета СССР. Первые самостоятельные разведки и раскопки, начатые Мусой Хароновичем в 1966 г., пополнились открытиями и исследованными им памятниками на территории Чечни и Ингушетии, относящимися ко II тыс. до н.э. – II тыс. н.э. Это поселения и могильники близ селений Саади-Котар и Дай (эпоха бронзы и средневековье), Элистанжи, Майртуп, Бетти-мохк, Замни-юрт, Галайты, Харачой, Алхазурово и многих других (эпоха раннего железа и средневековье). Наиболее значимы по своей новизне поселения и могильник близ с. Саади-Котар, элементы материальной культуры которых напоминают куро-аракскую культуру, а также могильник Галайты-2 с его антропоморфными стелами скифского периода, повторно использованными

для сооружения более поздних каменных гробниц. Не менее сенсационны материалы из средневекового могильника близ высокогорного с. Дай, где в погребениях были найдены декоративные поясные бляхи, чрезвычайно важные для построения ретроспективной колонки элементов бытовой культуры горцев с VIII в. н.э. до VI–V вв. до н.э.

В Предгорном отряде СКАЭ, где в 1960 г. началась моя работа и которым я руководила с 1963 г., Муса Харонович был, можно сказать, постоянным членом, неизменно находя время, чтобы поучаствовать в нашей деятельности. Более надежного и собранного, приспособленного ко всяческим неожиданностям в горах помощника трудно представить. Особенно запомнилась разведка 1975 г. в верховья Аргунского ущелья по следам экспедиции В.И. Долбежева (1882 г.) в окрестности высокогорного аула Шарой. Помнится, как поразительно быстро Муса Харонович помог организовать привал и подбодрить уставших от подъема участников похода. Эту жизнестойкость характера М.Х. Багаев сохраняет и поныне. На нее не повлияли даже самые драматические события его жизни. Даже “роковые девяностые” в Чечне.

В настоящем Муса Багаев – высококлассный специалист широкого профиля, глубокий знаток древней и средневековой истории и этнографии Северо-Восточного Кавказа. Его полевые и источниковедческие поиски легли в основу более 150 опубликованных научных работ, в том числе и монографического характера. Но особое внимание в этих работах уделено проблемам взаимоотношений коренного горского населения региона с миром кочевников разных хронологических периодов, обитавших в предгорной зоне. Этому аспекту посвящена целая серия статей М.Х. Багаева. Главные из них: “Праваянахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа” (Махачкала, 1988), “К истории взаимоотношений номадов и аборигенов Северо-Восточного Кавказа” (М., 2003), “Место ландшафта в истории автохтонов и номадов” (М., 2004), “У истоков русско-чеченских добрососедских взаимоотношений” (Назрань, 2008) и др. Важное в перечисленных работах – полученное на основе источников доказательство существования в сознании горцев единства гор и прилегающей к ним равнины как зоны их обитания по крайней мере с IV тыс. до н.э. Причем материальная культура населения развивалась в горах и на равнине как единое целое, несмотря на деструктивную роль инокультурных включений, будь то ранние кочевники I тыс. до н.э. или безжалостные орды татаро-монголов времен Тамерлана.

М.Х. Багаев – соавтор около десятка коллективных монографий по Северному Кавказу, таких как “История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.” (Т. 1. М., 1988), “Происхождение вайнахского народа” (Махачкала, 1996), “История Чечни с древнейших времен до наших дней” (Т. 1. Грозный, 2006), “Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев” (М., 2002; 2006) и других, вышедших в 1991, 1994, 2004 гг. Востребованными оказались и книги просветительского характера, опубликованные в эти же годы: “Тайна имен” (Грозный, 1994), “Мифы народов Кавказа” (Махачкала, 1996), “Источники исторического краеведения Чечни” (Грозный, 2006).

Институт археологии РАН, Москва

В трагическое для Чечни военное время – 1994 и последующие годы – Муса Багаев, потеряв дом, от которого остались только стены, лишившись многими годами собранной библиотеки и архива, оставаясь в разрушенном Грозном, не впал в отчаяние. В 1997 и 2007 гг. его на конкурсной основе избрали деканом исторического факультета ЧИГУ, и параллельно с налаживанием учебного процесса он занимался добыванием строительных материалов для заделывания в стенах университета дыр от ракетных ударов. В 2001 г. он оставил должность декана и в качестве соискателя на звание доктора исторических наук направился в Москву в Институт археологии РАН, где благодаря помощи дирекции и лично директора института Р.М. Мунчаева ему удалось восстановить научный архив для работы над диссертацией в отделе скифо-сарматской археологии по теме “Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.)”. На основе успешно защищенной в 2005 г. докторской диссертации на Ученом совете Института археологии РАН в издательстве “Наука” через три года была опубликована фундаментальная монография. Наиболее значимый итог этой книги – доказанная глубокая связь, имеющаяся в материальной культуре, особенно горной зоны, двух соседних областей Северо-Восточного Кавказа Чечни и Дагестана, издревле населенных близкими по многим параметрам происхождения и жизни коренными этническими группами. Реконструкция их древней и средневековой истории на основе археологических источников в свете современного подхода, яркая их ретроспекция на протяжении полутора тысяч лет – важная сторона труда “Культура горной Чечни и Дагестана” (М., 2008).

Заслуженный деятель науки Чеченской республики, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, академик РАЕН Муса Харонович Багаев полон сил и творческих замыслов. Заведая кафедрой истории древнего мира и средних веков в ЧИГУ, являясь членом Диссертационного совета при Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, возглавляя Постоянный оргкомитет по проведению Международной конференции по археологии Северного Кавказа “Крупновские чтения”, он находит время и для широкой просветительской работы, выпуская учебники, учебные пособия и программы по истории Чечни для школ. Оберегая молодое население родного края от фальсификаторов и мифотворцев истории вайнахов, особенно от опасных идей ваххабизма и этноцентризма, ученый ведет принципиальную публицистическую борьбу в СМИ. Популярны его выступления на ГТРК “Вайнах” и “Грозный” с рубрикой “История и мы”, а также беседы на радио “Вайнах”, “Чечня свободная” и “Голос России”.

Муса Багаев – друг нашего института, мудрый человек. Он мудр своей самоотдачей, добротой, отзывчивостью к чужим бедам, доступностью – будь то его молодые слушатели или его семья, воспитавшая трех высокообразованных детей, в которой подрастают любимые внуки. И недаром кроме многих почетных грамот в 2008 г. Общественной организацией “Интеллектуальный центр ЧР” он был награжден дипломом лауреата премии в номинации “Образование 2008” с вручением символа “Серебряная сова”.

От имени всех друзей и коллег желаю Мусе Хароновичу крепкого здоровья и долголетия, новых творческих успехов на пути избранного призвания.

*В.И. Козенкова*

## К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.Н. ВОРОНОВА (1941–1993)



Уже более 15 лет как нет в неутомимо и кропотливо ищущей среде археологов Юрия Николаевича Воронова, выдающегося ученого-кавказоведа, государственного и общественного деятеля, кавалера главного гражданского ордена Республики Абхазия “Ахьдз Апша” I-й степени (посмертно).

Родился Юрий Николаевич 8 мая 1941 г. в горном абхазском с. Цабал (Цебельда) в семье потомственных русских дворян, близко знавших Герцена и Огарева, издателей знаменитого “Колокола” (1857–1865 гг.). Не по доброй воле его предки “свели дворянское гнездо” в горной части Абхазии в знаменитом ныне Кодорском ущелье. Прадед его Николай Ильич Воронов был председателем Кавказского отделения Императорского Русского географического общества, издателем периодических “Известий” этого общества (ИКОИРГО), газеты “Кавказ” и “Сборника сведений о кавказских горцах” (ССКГ). Дед Юрия Николаевича – его тезка – известный ботаник: 38 видов и один род растений носит его имя. В свое время усадьбу Вороновых с грустной историей “Вишневого сада” и романтическим названием “Ясочка” посетила графиня П.С. Уварова – на тот момент председатель Московского археологического общества – и провела рядом с ней раскопки известной в науке “вороновской” церкви, в ходе которых была найдена знаменитая каменная алтарная преграда с рельефными изображениями сюжетов Ветхого и Нового Завета (конец VI – начало VII в.).

Юрий Николаевич унаследовал лучшие традиции своих предков; с детства он приобщился к археологии, когда подносил для зарисовок артефакты из апсильских погребений матери Светлане Васильевне. Учился он в Цабальской (Цебельдинской) школе и в Сухумской школе № 3 (в 1954–1956 гг. в ней находилась восстановленная абхазская школа). Окончил Восточное отделение Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета по специальности “Египтология” (1965 г.). Но зов предков вернул его в Абхазию. Работал инструктором Общества по охране памятников культуры Абхазии (1968 г.), младшим научным сотрудником Сухумского НИИ туризма (1973 г.), старшим научным сотрудником в Институте туризма при ВЦСПС (1974 г.), старшим научным сотрудником Абхазского института ЯЛИ (1981 г.), ведущим научным сотрудником Отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований Академии наук Абхазии (АБИГИ АНА) (1993 г.), депутатом I парламента РА, председателем комиссии Верховного Совета РА по правам человека и межнациональным отношениям (1990–1993 гг.), заместителем председателя Совета министров РА (1993 г.), вице-премьером Кабинета министров РА (1995 г.). Являлся действительным членом Российского географического общества и членом-корреспондентом Славянской академии. 11 сентября 1995 г. Юрий Николаевич в расцвете творческих сил и энергии был злодейски убит у порога своего дома наемными убийцами, врагами Абхазии. Его похоронили рядом с дольменом во дворе Государственного музея РА в центре г. Сухум.

Ю.Н. Воронов достиг всего благодаря неординарному таланту и неимоверному трудолюбию, данным ему от бога. Жизнь и судьба Юрия Николаевича в чем-то перекликаются с прославленным римским историком Плинием Старшим (I в. н.э.). Примечательно, что Институт истории АН СССР поручил для очередного свода “Древнейшие источники по истории народов СССР” именно Юрию Николаевичу комментировать высказывания этого римского историка по древней Колхиде.

Плиний Старший первым сообщил о племенах апсиль, населявших территорию Абхазии, от которых берет свой корень само название абхазов – “апсуа”. Юрий Николаевич с помощью раскопок самого большого в Причерноморье могильника Цибилеум (более 500 захоронений) первым после упоминаний Плиния Старшего углубил наши знания об апсилах на 300 лет, выявив второй ярус этого могильника, относящийся ко II в. до н.э.

Ю.Н. Воронов блестяще защитил в Москве кандидатскую и докторскую диссертации: “История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья” (1971 г.) и “Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.)” (1985 г.).

Юрий Николаевич – автор более 500 научных работ, включая 30 монографий, а 85 тыс. единиц археологических материалов Цебельдинской экспедиции, которую он возглавлял в течение последних 15 лет жизни, и около 2500 машинописных страниц его годовых тем научных исследований сгорели вместе с архивом Абхазского института в безжалостном пожарище войны.

Широкую мировую известность получили его книги: “Тайна Цебельдинской долины” (М., 1975), “В мире архитектурных



памятников Абхазии” (М., 1978), “Древности Сочи и его окрестностей” (Краснодар, 1979), “Диоскуриада – Севастополь – Цхум” (М., 1980), “Колхида на рубеже средневековья” (Сухум, 1998), “Древняя Апсилия” (Сухум, 1998), “Могилы апсильев” (М., 2003) и др. Материалы цебельдинских раскопок недавно изданы на французском языке в Англии (“Tsibidium I”. BAR; Oxford, 2007 (Intern. Ser. 1721)).

Круг научных интересов Ю.Н. Воронова был широк – древняя, начиная с эпохи камня, и средневековая археология и история Кавказа, Причерноморья, Средиземноморья, Поволжья и Малой Азии, политология. В своих исследованиях Юрий Николаевич следовал трем заповедям, которые Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) оставил историкам: воздерживаться от лжи, не утаивать правды, не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии и в предвзятой враждебности. Многие из его научных выводов были сделаны в кавказоведении впервые.

На основе памятников Абхазии Ю.Н. Воронов определил для Восточного Причерноморья и сопредельных территорий грань между бронзовым и железным веками, составил наиболее объективные, в основном пригодные и ныне, хронологические схемы для памятников урартского, скифского, античного (ранняя и поздняя античность), византийского времени, нашел ключ к датировке в пределах VI в. широкого круга раннехристианских церквей и ранневизантийских крепостей Причерноморья типа Цебельдинского археолого-архитектурного комплекса.

Им была открыта и раскопана неолитическая стоянка Лемса (Цебельда), зафиксирован, обмерен и зарисован ряд ранее не известных науке дольменов.

Юрий Николаевич всегда объективно отстаивал автохтонность абхазского народа, история которого начинается по крайней мере с III тыс. до н.э., с эпохи культуры дольменов.

Он не был согласен с тем, что в Восточном Причерноморье в ранней и поздней античности существовали государства в полном смысле этого слова (Колхидское и Лазское царства). Самую раннюю полнокровную государственность в регионе Юрий Николаевич связывал с Абхазским царством (VIII–X вв.).

Он дифференцировал эллинистическую керамику Абхазии на местную, греческую и “местную” греческую, в то время как все исследователи по сей день выделяют только местную и привозную.

Юрий Николаевич проследил на материалах Цибилуемского могильника начало и динамику процесса официальной христианизации древнеабхазского населения. Фактически, как показывают материалы, она произошла с запаздыванием почти на 100–150 лет от официального принятия христианства в регионе в 30–50-е годы VI в. (нечто похожее наблюдалось и в Древней Руси после X в.). Он выделил абхазо-аланскую школу церковной архитектуры в рамках византийского, а не грузинского зодчества периода Абхазского царства. За это ему через специальное постановление тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии М.А. Сулова запретили печататься в московских издательствах.

Он первый обошел, описал и нанес на карту всю Келасурскую (Великую Абхазскую) стену вместе с сотнями башен – всего 160 км.

Абхазский институт гуманитарных исследований  
им. Д.И. Гулиа АНА, Сухум

Его “Археологическая карта Абхазии” по сей день является настольной книгой для любого археолога.

Ю.Н. Воронов идентифицировал три ответвления Великого шелкового пути, проходившие через Абхазию (Абасгию, Апсилию, Мисиминию) в VI–VIII вв.

Им было по-новому в положительном историко-культурном аспекте рассмотрено значение генуэзской колонизации в XIII–XV вв.

Юрий Николаевич участвовал в раскопках урартского города-крепости Тейшебаини (Кармир-блур в Армении) под руководством академика Б.Б. Пиотровского, был руководителем отряда Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ) ИА АН СССР и Цебельдинской археологической экспедиции (Цебельда стала его своеобразной Троей).

С Ю.Н. Вороновым с удовольствием общались и консультировались по археологии Абхазии и Кавказа такие известные ученые, как Б.Б. Пиотровский, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.А. Кузнецов, О.М. Джапаридзе, Я. Боузек, Д. Бранд, Дж. Хьюитт и др.

Ю.Н. Воронов печатался во многих академических изданиях, таких как “Советская археология”, “Краткие сообщения Института археологии”, “Вестник древней истории”, “Византийский временник”, “Вопросы истории”, “Советская этнография”.

Он – один из авторов учебного пособия “История Абхазии”, выдержавшего два издания 1991 и 1993 гг. Будучи первым после войны профессором Абхазского государственного университета (обладатель удостоверения № 1), читал лекции студентам АГУ, Сорбонны (Франция), Кембриджа (Англия), Генуи (Италия).

Выступал с научными докладами на международных (Ереван, Вани, Москва), всесоюзных, республиканских и региональных исторических и археологических конгрессах, сессиях, конференциях. Не раз был официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций.

Во время Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 гг.) через свою “Белую книгу”, опубликованную еще до окончания войны, а также через многочисленные статьи и выступления в СМИ России и других государств, рассказывал об этой жестокой войне. Ю.Н. Воронов участвовал в переговорном процессе, в том числе 3 сентября 1992 г. на самом высоком уровне, в кругу президентов Б.Н. Ельцина, В.Г. Ардзинба, Э.А. Шеварнадзе. Юрием Николаевичем составлены многие принятые затем проекты законов и положений по культуре и науке (например, проект Положения и Устава АНА по поручению первого президента Абхазии В.Г. Ардзинба).

Юрия Николаевича Воронова сегодня нет вместе с нами, но его книги, статьи продолжают выходить в свет в Сухуме, Москве, Лондоне и других городах мира. Большую работу по увековечиванию научного наследия Ю.Н. Воронова – составляет семь томов – проводит его вдова Светлана Владимировна Воронова. Уже опубликованы три тома, четвертый сдан в печать. В 2006 г. в честь 65-летия Юрия Николаевича в г. Сухум была проведена I-я Абхазская Международная археологическая конференция, собравшая до 150 кавказоведов специалистов от палеолита до позднего средневековья. Материалы этой конференции опубликованы во внушительном по размеру сборнике.

О таких, как Юрий Николаевич Воронов можно сказать, что, живя во второй половине XX в., они сумели заглянуть в XXI.

*О.Х. Бгажба*

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. М.	МК РФ	– Министерство культуры Российской Федерации
АС	– Археологический съезд	ПАВ	– Петербургский археологический вестник
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа	ПЭ	– Православная энциклопедия. М.
ВВ	– Византийский временник	ППС	– Православный Палестинский сборник. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.	РА	– Российская археология. М.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры	РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей	СА	– Советская археология. М.
ЗИРАО	– Записки императорского Русского археологического общества. СПб.	САИ	– Свод археологических источников. М.
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества	СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. СПб.	СЭ	– Советская этнография
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры	ТАС	– Тверской археологический сборник
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР / РАН	Тр. АС	– Труды Археологического съезда
ИРАО	– Императорское Русское Археологическое Общество	Тр. ГИМ	– Труды Государственного исторического музея
ИЭ	– Институт этнографии АН СССР	Тр. ИЭ	– Труды Института этнографии
КБН	– Корпус боспорских надписей. М.; Л.	УДЖ	– Український історичний журнал
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.	АА	– Archäologischer Anzeiger. Berlin
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.	АИHV	– Association Internationale pour l'Histoire du Verre
МАК	– Материалы по археологии Северного Кавказа	AJA	– American Journal of Archaeology. N.Y.
МАО	– Императорское Московское археологическое общество	BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.	BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	FHG	– Fragmenta Historicum Graecorum. Ed. C. Müller. Paris, 1841–1870
		JGS	– Journal of Glass Studies
		JSJT	– Journal of the Society of Glass Technology
		NEAENH	– New Encyclopedia of the Archaeological Excavations in the Holy Land. Jerusalem. V. 1–4
		SBF CM	– Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Minor